Бородкин М.

История Финляндии.

1910

NLRK

ИСТОРІЯ ФИНЛЯНДІИ.

М. БОРОДКИНЪ.

ИСТОРІЯ ФИНЛЯНДІИ.

ВРЕМЯ

ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Съ портретами, иллюстраціями и копіей карты 1742 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Государственная Типографія.
1910.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВРЕМЯ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

стр.

Предисловіе . . . .

I. Политическое положеніе передъ войной 1741—1742 г.г.

Періодъ временщиковъ и иноземцевъ. Отношенія Россіи къ Швеціи. Партіи шляпъ и шапокъ. М. Бестужевъ. Риксгдагъ 1738 г. Финляндскія крѣпости. Воинственные планы шведовъ. Кронстедтъ—начальникъ войскъ въ Финляндіи. Убійство маіора М. Синклера.—Э. М. Нолькенъ и Шетарди въ Петербургѣ. Доводы за и противъ войны. Будденброкъ—временный начальникъ шведской арміи. «Комиссія измѣны». Воинственный порывъ шведовъ . . . . 1—40

II. Начало военныхъ дѣйствій.

Объявленіе войны шведами и задержка его распространенія. Шведскія условія мира. Награды членамъ партіи войны. Выступленіе шведскаго флота. Неподготовленность шведской арміи къ войнѣ. Выборгъ—сосредоточеніе русскихъ войскъ. Гр. П. П. Ласси. Русскій флотъ и сухопутныя войска. Движеніе къ границѣ. Сраженіе при Вильманстрандѣ. Причины шведской неудачи и возвращенія русскихъ къ Выборгу. Празднованіе побѣды. Ода М. Ломоносова. Лживыя свѣдѣнія Шетарди. Разореніе Кареліи . . . . 41—68

III. Ноябрьскій переворотъ и безплодные переговоры.

К. Э. Левенгауптъ. Движеніе шведовъ къ Секкіярви. Шведскія воззванія. Восшествіе на престолъ Елизаветы Петровны. Характеристика Императрицы и дѣятелей переворота. Обязательство, данное Елизаветой. Рѣчь Амвросія. Переговоры о перемиріи. Шведы домогаются вознагражденія. Инструкція Нолькену. Возобновленіе военныхъ дѣйствій . . . . 69—93

IV. Оставленіе Фридрихсгама и отступленіе шведовъ.

Численность русскихъ войскъ. Русскій планъ войны 1742 г.—Борьба въ Кареліи. Безпорядки въ русскомъ лагерѣ. Фридрихсгамъ. Смертность въ шведской арміи. Переполохъ среди шведовъ. Война и политика. Шведскіе офицеры ведутъ переговоры съ Россіей. Неповиновеніе далекарлійцевъ. Мендолакское дефиле. Военный совѣтъ шведовъ. Русскіе въ Фридрихсгамѣ. Заботы о русскомъ флотѣ. З. Д. Мишуковъ. Его

стр.

безд́ѣйствіе. Шведскій флотъ и его отступленіе. Отъ Кюменьгорода къ Гельсингфорсу.—Рескриптъ короля Левенгаупту. Борго. Письмо шведа. Позиція у Стафансбю . . . . 95—132

V. Гельсингфорская капитуляція.

Путь отступленія шведамъ отрѣзанъ. Дезорганизація среди шведскихъ офицеровъ. Бездѣйствіе русскаго флота. Переговоры о капитуляціи. Условія сдачи шведской арміи. Финскіе полки присягаютъ Елизаветѣ Петровнѣ. Возвращеніе войскъ въ Стокгольмъ. Русскіе въ Або, Каянѣ и Эстерботніи. Оцѣнка кампаніи. Ошибки Будденброка и Левенгаупта. Судъ надъ ними; казнь генераловъ. Поведеніе финновъ, причины русскихъ успѣховъ . . . . 133—158

VI. Манифестъ 1742 г.

Члены партіи шапокъ спекулируютъ Финляндіей. Недовольство финновъ шведскимъ правительствомъ и причины его. Поведеніе финскихъ полковъ во время войны 1741—1742 г.г. Текстъ манифеста и его печатаніе на шведскомъ, финскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Недовольство шведскаго и французскаго правительства манифестомъ. Его воздѣйствіе на населеніе. Депутаціи отъ разныхъ частей края. Приведеніе къ присягѣ. Воззрѣніе правительства на манифестъ. Съѣздъ въ Вазѣ . . . . 159—181

VII. Русское господство въ Финляндіи.

Мѣстныя власти и чиновничество покинули край. Назначеніе Я. Кейта начальникомъ. Его біографія. Описаніе города Або. И. Б. Кампенгаузенъ—генералъ-губернаторъ Финляндіи. Его біографія и характеристика. Русскіе, временно занимавшіе разныя должности, замѣняются финляндцами и прибалтійцами. Гуманность. Присяга и устройство правленія въ Саволаксѣ. Назначеніе всюду лагмановъ и комиссаровъ. Наблюденіе за подводами. Устройство церковнаго управленія. Возстановленіе «Императорскаго» гофгерихта въ Або. Университетъ. Поведеніе шведскаго войска въ Финляндіи. Доставка сѣна. Постойная и подводная повинность для шведскаго войска. Насильственная вербовка. Поведеніе финскихъ войскъ. Приказы по русскимъ войскамъ графа Ласси. Росказни о русскихъ насиліяхъ. Кейтъ и Киндерманъ—блюстители порядка. Отзывы о поведеніи русскихъ. Контрибуція. Всякіе сборы съ населенія производятся по прежнимъ шведскимъ нормамъ. Совѣщанія съ мѣстными представителями. Разныя облегченія, кои дѣлались населенію при взиманіи оброковъ. Наборъ матросовъ для русскаго флота. Постройка галеръ. Ямская повинность. Плѣнные и эмигранты. Пенсіи чинамъ финскаго войска. Мѣропріятія русскихъ властей противъ своеволія. Заговоръ финляндцевъ. Избраніе наслѣдника шведскаго престола. Заботы риксдага о финляндцахъ . . . . 183—224

VIII. Война и миръ 1843 г.

Мирные переговоры. Представители Россіи и Швеціи на Абоскомъ конгрессѣ. Приготовленіе къ войнѣ. Аландъ. Начало кампаніи. Бой при Корпо. Характеристика адмирала гр. Головина. Пререканія на конгрессѣ о территоріальныхъ уступ-

стр.

кахъ. Условія мира. Торжества въ Або и Петербургѣ по случаю окончанія войны . . . . 225—245

IX. После войны.

Посылка генер. Кейта съ отрядомъ въ Швецію. Русскіе въ Стокгольмѣ и его окрестностяхъ. Отставка Кейта. Политика барона Корфа. Финляндскій генералъ-губернаторъ баронъ Розенъ. Гр. Н. Панинъ. Проекты Фреденшерна. Дѣло Війкмана. Укрѣпленіе Гельсингфорса. Планъ обороны Финляндіи. Эренсвердъ. Постройка крѣпости Свеаборга. Краткій очеркъ царствованія Елизаветы Петровны . . . . 247—278

Приложенія.

Второе воззваніе Левенгаупта. Манифестъ 1742 г. и присяга на шведскомъ языкѣ. Инструкція ландсгевдингамъ (губернаторамъ) 1734 г. О наборѣ матросовъ и ихъ прежнемъ содержаніи. 281—293

Примѣчанія . . . . 294—304

Хронологія . . . . 305—307

Указатель личныхъ именъ. . . . . 308—312

ИЛЛЮСТРАЦІИ.

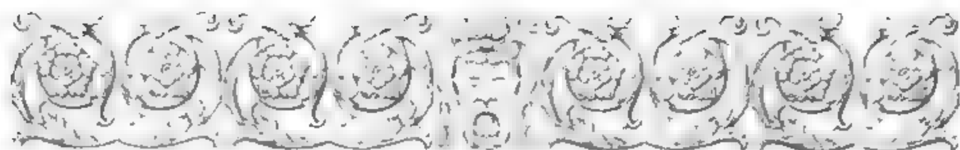
стр.

1. Императрица Елизавета Петровна . . . 1
2. Императрица Анна Іоанновна . . . 3
3. Анна Леопольдовна . . . 5
4. Гр. К. Гюлленборгъ . . . 13
5. Маіоръ М. Синклеръ . . . 21
6. Шведскій король Фридрихъ I . . . 33
7. Заглавный листъ шведскаго манифеста объ объявленіи войны . . . 43
8. Іоаннъ Антоновичъ . . . 49
9. Гр. П. П. Ласси . . . 55
10. Планъ Вильманстранда . . . 59
11. Іоаннъ Антоновичъ—медаль . . . 66
12. Гр. К. Э. Левенгауптъ . . . 71
13. Елизавета Петровна . . . 73
14. Лейбъ-медикъ Лестокъ . . . 77
15. Маркизъ Шетарди . . . 81
16. Медаль на воцареніе Елизаветы Петровны . . . 83
17. Гр. Ал. П. Бестужевъ-Рюминъ . . . 91
18. Планъ Фридрихсгама . . . 103
19. Рядовой русской пѣхоты . . . 106
20. Офицеръ и рядовой русской гвардіи . . . 107
21. Русскій драгунъ . . . 112
22. Русскій артиллеристъ . . . 113
23. Офицеры русской ландмилиціи . . . 119
24. Русское ротное знамя . . . 123
25. Планъ Гельсингфорса . . . 137
26. Планъ Гельсингфорса 1742 г. . . . 141
27. Тавастгусъ . . . 145
28. Гр. П. П. Ласси . . . 149
29. Гр. К. Э. Левенгауптъ . . . 153
30. Генер. Як. Кейтъ . . . 185
31. Каѳедральный соборъ въ Або . . . 189
32. Замокъ г. Або . . . 193
33. Гр. П. П. Ласси . . . 201
34. А. И. Румянцевъ . . . 227
35. Баронъ I. Л. Люберасъ . . . 229
36. Гр. Н. Ѳ. Головинъ . . . 231
37. Видъ Кронштадта . . . 233
38. Седеркрейцъ . . . 239
39. Наслѣдникъ шведскаго престола Адольфъ Фридрихъ . . . 243
40. Ген. Як. Кейтъ . . . 251
41. Баронъ I. А. Корфъ . . . 253

42. Графъ Н. И. Панинъ 257
43. Виды Свеаборга 261
44. Августинъ Эренсвердъ 265
45. Постройка Свеаборгской крѣпости 269
46. Виды Свеаборга 273
47. Заставка (памятникъ) 275
48. Свеаборгъ 1767 г.—рис. Стибольта 289
49. Копія съ шведской карты 1742 г. . . . . —

„Ибо такой войны и поведенія изъ исторей легко изобрѣсть не можно“.

Изъ частнаго шведскаго письма
отъ 27 іюня 1742 г.



Время Императрицы Елизаветы Петровны въ исторіи Финляндіи отмѣчено почти исключительно войной 1741—1743 г.г. Съ оружіемъ въ рукахъ наши воины прошли по Финляндіи вплоть до сѣверныхъ ея предѣловъ. И такъ какъ незадолго передъ тѣмъ по тому-же пути прослѣдовала молодая рать Петра Великаго, то, такимъ образомъ, въ теченіи первой половины XVIII ст. Финляндія была вторично завоевана русскими.

Война со Швеціей 1741—1743 г.г. до сихъ поръ оставалась едва затронутой русскими изслѣдователями, а между тѣмъ въ обширной исторіи народовъ трудно найти другой примѣръ войны столь своеобразной, поучительной и неисчерпаемой по своимъ отрицательнымъ сторонамъ. „Такой войны и поведенія изъ историй легко изобрѣсть не можно", читаемъ въ частномъ письмѣ шведа отъ 27 іюня 1742 г. И онъ правъ. Не собравъ войска, шведы объявили войну, не побѣдивъ непріятеля, они составили требованія, которыя имѣли въ виду предъявить ему при заключеніи мира, не оказавъ никакой помощи Елизаветѣ Петровнѣ по возведенію ея на престолъ, они домогались вознагражденія за свои услуги. Попавъ случайно на русскую территорію и легкомысленно покинувъ ее въ концѣ 1741 г., они тѣмъ не менѣе лелѣяли себя надеждой получить обратно завоеванія Петра Великаго, вмѣстѣ съ Петербургомъ.

Война 1741—1743 г.г., кромѣ того, представляетъ особенно наглядный примѣръ губительности господства политики въ военной средѣ. Въ шведской арміи наблюдалась полная дезорганизація.—Офицеры отъ своего имени вели переговоры съ Русской державой. Въ своемъ главнокомандующемъ Левенгауптѣ они видѣли не полководца, а ландмаршала риксдага. Они дошли до заявленія своему вождю, что не желаютъ

сражаться, такъ какъ заняты обсужденіемъ очередныхъ государственныхъ вопросовъ и озабочены выборами наслѣднаго принца. Изъ осажденнаго гельсингфорскаго лагеря они толпами уѣзжали въ Стокгольмъ, чтобы тамъ принять участіе въ риксдагѣ. Финскіе солдаты бросали оружіе и покидали свои части, недовольные тѣмъ, что ихъ отвлекали далеко отъ родины. Отступая безъ малѣйшей надобности, шведы безъ боя покинули рядъ прекраснѣйшихъ позицій.

Война 1741—1743 г.г.—яркое отраженіе дурного представительнаго и партійнаго образа правленія. Все замутила въ необузданной борьбѣ восторжествовавшая партія и она-же, истинный виновникъ всѣхъ неурядицъ и военныхъ неудачъ, спокойно возвела на эшафотъ и казнила двухъ несчастныхъ генераловъ, стоявшихъ во главѣ арміи. „Вообще вся кампанія представляетъ со стороны шведовъ,—какъ писалъ еще въ 1839 году военный историкъ Зотовъ,—одну безпрерывную цѣпь ошибокъ, слабости и малодушія". Перечислить всѣхъ несообразностей невозможно, такъ какъ это значило бы перенести содержаніе книги въ предисловіе.

У русскихъ также было не мало неурядицъ. Флотъ оказался настолько запущеннымъ, что въ первый годъ войны его не могли вывести въ море. На второй годъ суда, наконецъ, снарядили, но правительство не было въ состояніи добиться того, чтобы его адмиралы, Мишуковъ и гр. Головинъ, исполняли отданныя имъ приказанія. Война велась русскими вообще вяло и не предпріимчиво. Еще плоше шли переговоры въ Або, во время которыхъ болѣе заботились о чужихъ, чѣмъ о собственныхъ интересахъ.

Короче, кампанія 1741—1743 г.г.—классическій примѣръ того, какъ нельзя и какъ не слѣдуетъ вести войну.

Но была и отрадная сторона въ описанномъ періодѣ, это—русское управленіе Финляндіей. Въ виду крайней скудости наличныхъ данныхъ объ этомъ управленіи въ русской исторической литературѣ, мы попытались, поставивъ на второй планъ все спеціально-военное и боевое кампаніи 1741—1743 г.г., выдвинуть и освѣтить политическую и бытовую ея стороны, сдѣлавъ главу „о русскомъ господствѣ въ Финляндіи" центральной въ настоящей книгѣ. Въ выводѣ получилось, что поведеніе русскихъ въ Финляндіи въ 1741—1743 г.г. является образцомъ возможно хорошаго, справедливаго и гу-

маннаго отношенія побѣдителей къ населенію враждебной страны, такъ какъ они ни беззаконіями, ни жестокостями себя не запятнали, проявивъ, напротивъ, рѣдкую заботливость о покоренныхъ.

Изъ сочиненій, которыми мы для этого пользовались, преимущество отдавалось тѣмъ, которыя основаны или на архивныхъ первоисточникахъ,—подобно изслѣдованіямъ профессора Лундскаго университета Н. Тенгберга, извѣстнаго шведскаго историка Мальмстрема, и финна Линдеквиста, проф. Р. Даніельсона и др.,—или принадлежатъ перу очевидцевъ и участниковъ похода, подобно дневникамъ и запискамъ Тибурціуса, гр. Хорда, ген. Як. Кейта, А. И. Бибикова, Манштейна и др. Такое отношеніе къ источникамъ и пособіямъ вытекало изъ нашего естественнаго желанія ближе прикоснуться къ фактамъ прошлаго и лучше прислушаться къ голосамъ современниковъ.

Помимо этого намъ удалось отыскать въ разныхъ русскихъ архивахъ не мало полезныхъ документовъ, давшихъ возможность прочно обосновать нѣкоторыя описанныя событія, а также поддержать память о заслугахъ нашихъ соотечественниковъ, вступивъ въ болѣе близкое духовное общеніе съ ними.

Шведская война 1741—1743 г.г. поучительна еще въ томъ отношеніи, что она громко сказала Швеціи: окраинный вопросъ—большой и серьезный вопросъ для государства. Величіе Швеціи было сокрушено тяжестью ея окраинъ. Двухмилліонное населеніе, не смотря на свою храбрость, не въ состояніи было удержать ихъ за собой.

Наконецъ, въ разсматриваемый періодъ впервые возникла мысль объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи. Возникла она „не въ Москвѣ или Петербургѣ, а въ Стокгольмѣ“ и принадлежитъ преимущественно шведамъ,—какъ писалъ проф. Р. Даніельсонъ въ своемъ изслѣдованіи „Die Nordische Frage in den jahren 1741—1751“. „Но,—справедливо прибавляетъ онъ,—отдѣленіе отъ Швеціи не означало самостоятельности Финляндіи. Въ донесеніи изъ Стокгольма М. Бестужева, который хлопоталъ объ отдѣленіи, ничего не говорилось объ этой самостоятельности“. О ней не думало и русское правительство. Вообще идея самостоятельности Финляндіи въ то время сторонниковъ почти не имѣла. Наглядный тому при-

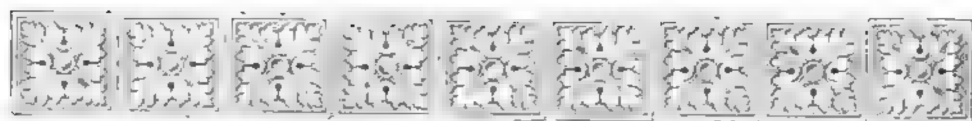
мѣръ представляетъ попытка нѣкоего Тандефельда. Не смотря на то, что онъ повелъ рѣчь о самостоятельности Финляндіи въ дни заговора, зрѣвшаго въ 1743 году противъ русскихъ, его планъ успѣха не имѣлъ.

Выборгской губерніи, за время ея состоянія въ теченіи XVIII с. въ русскомъ владычествѣ, мы предполагаемъ удѣлить особый томъ, въ виду того, что исторія ея, имѣя большое значеніе, остается все еще мало разслѣдованной.

ЕЛИСАВЕТЪ I

Elisabeth I

Russorum Imperatrix



I.

Политическое положеніе передъ войной 1741—1742 г.г.

Послѣ преждевременной кончины великаго Царя Преобразователя, въ Россіи наступилъ одинъ изъ печальнѣйшихъ періодовъ ея исторіи. По волѣ Петра Великаго, закономъ 1721 г., монарху предоставлено было избраніе себѣ наслѣдника; но такъ какъ самъ онъ завѣщанія не оставилъ, а все его мужское потомство ограничивалось однимъ внукомъ (Петромъ Алексѣевичемъ), который умеръ не достигнувъ совершеннолѣтія, то неудивительно, что при дворѣ открылось широкое поле для интригъ и происковъ случайныхъ людей.

Петра не стало.—Государство
Шатнулось, будто подъ грозой,
И усмиренное боярство
Его могущею рукой
Мятежной предалось надеждѣ. (А. С. Пушкинъ).

Замелькали имена фаворитовъ Меншикова, Долгорукихъ, Бирона; въ правительственныя сферы, съ вліятельнымъ голосомъ, проникли иностранцы—Остерманъ, Минихъ, Ласси; въ правленіе Анны Іоанновны важнѣйшіе интересы Россіи довѣрены были дипломатамъ гр. Кейзерлингу, барону Корфу и др., которые совершенно не знали русской исторіи и не понимали потребностей молодой Имперіи. Государство управлялось «силою персонъ», которыя занимались болѣе своими личными дѣлами, чѣмъ нуждами населенія. Власть ихъ вскорѣ возросла настолько, что они стали замѣщать престолъ, согласно своимъ видамъ. Меншиковъ добился того, что цесаревичу Петру дозволено было Екатериною I (царствовавшею 1725—1727) жениться на дочери этого временщика. При Петрѣ II (1727—1730) Долгорукимъ удалось осилить Меншикова, и онъ кончилъ свои дни печальнымъ ссыльнымъ въ далекомъ Березовѣ. Петръ обручился съ княжной Екатериной Алексѣевной Долгорукой, но вскорѣ умеръ, не успѣвъ обвѣнчаться съ ней.

Большое нареканіе вызывало время Петра II. Всѣ жаловались. «Епископы, солдаты, министры... всѣ въ отчаяніи отъ худого управленія,—писалъ Де-Лиріа. Каждый воруетъ, сколько можетъ... Дворъ—это настоящій вавилонъ»... «Никакой опредѣленной системы управленія нѣтъ», сообщалъ англичанинъ Рондо.—«Пусть—сказалъ однажды въ нетрезвомъ видѣ Ягужинскій шведскому посланнику Седеркрейцу,—шведы потерятъ года два—три: тогда они, пожалуй, въ состояніи будутъ снова напасть на Россію; а пока напади они—проиграютъ» [1]). По завѣщанію Екатерины I, престолъ надлежало передать въ семью Анны Петровны; но верховники, захватившіе власть, избрали Анну Іоанновну (1730—1740), вдову герцога Курляндскаго, сдѣлавъ при этомъ весьма вредную попытку къ произвольному ограниченію ея власти.

Ненаціональная политика Анны Іоанновны привела къ полному господству иностранцевъ. Нѣкоторые русскіе вельможи сложили свои головы на плахѣ (напр., Долгорукіе), другіе коротали свои дни въ изгнаніи. Ея фаворитъ—курляндскій камергеръ Биронъ—эксплоатировалъ страну, презирая законы и преслѣдуя все русское. Лифляндскій дворянинъ Левенвольдъ и его помощникъ шотландецъ Кейтъ пытались закрѣпить положеніе государыни созданіемъ новаго гвардейскаго (измайловскаго) полка, состоявшаго первоначально исключительно изъ лифляндцевъ и другихъ нѣмцевъ: нижніе его чины набирались изъ украинцевъ. «Случайность на тронѣ», какою являлась Анна Іоанновна, видимо, нуждалась въ особой охранѣ. При умѣ, тактѣ и набожности, смѣшанной съ вѣрой въ колдовство, въ ея характерѣ замѣтна мстительность и жестокость. «Пышность при дворѣ, великолѣпіе въ строеніяхъ, роскошь въ убранствѣ дворцовъ, щегольство въ экипажахъ и одеждѣ—по словамъ Манштейна несравненно превышали времена ея предшественниковъ».

Что касается герцога Курляндскаго Бирона, то современный намъ изслѣдователь [2]) пытается изобразить его въ иномъ освѣщеніи, чѣмъ мы обыкновенно привыкли представлять себѣ этого дѣятеля. Изъ писемъ временщика онъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что Биронъ, ограничиваясь оберъ-камергерской должностью, не имѣлъ склонности вмѣшиваться во внутреннія государственныя дѣла, что въ немъ не наблюдалось честолюбія Меншикова, что къ русскимъ обычаямъ и православію онъ относился корректно, и что едва-ли императрица Анна безусловно подчинялась его вліянію. Но,—при-

бавляетъ тотъ-же авторъ,—когда государыня находилась внѣ города, доклады по всѣмъ дѣламъ шли обыкновенно черезъ Бирона. Кромѣ того, его вліяніе проявлялось въ содѣйствіи тому или иному государственному дѣятелю. Что касается жестокости Бирона, то намъ теперь говорятъ: современные ему документы не даютъ основанія называть его доносчикомъ. «Биронъ имѣлъ несчастіе быть нѣмцемъ,—какъ выразился А. С. Пушкинъ,—а потому на него свалили весь ужасъ царствованія Анны». Несчастіе Бирона заключалось еще въ томъ, что онъ не умѣлъ различить дурныхъ совѣтовъ отъ хорошихъ, и, подчиняясь вліянію людей, дѣлался иногда орудіемъ такихъ интригановъ, какъ Ал. Бестужевъ-Рюминъ.

ИМПЕРАТРИЦА АННА ІОАННОВНА.

При принцѣ Брауншвейгъ - Люнебургскомъ Іоаннѣ Антоновичѣ (1740), подняли свое значеніе его отецъ Антонъ Ульрихъ и мать Анна Леопольдовна. Къ прежнимъ вліятельнымъ иноземцамъ прибавились фрейлина Менгденъ и ея женихъ, саксонскій посланникъ Линаръ.

Естественно, что при подобныхъ ничтожныхъ правителяхъ значительно ослабѣло то международное положеніе, которое Россія заняла, благодаря Петру Великому. При Аннѣ Іоанновнѣ Россія обязалась поддерживать прагматическую санкцію Карла VI, иначе говоря, содѣйствовать тому, чтобы владѣнія Габсбурговъ достались дочери Маріи Терезіи, а при Аннѣ Леопольдовнѣ Россія вынуждена была оказать ей вооруженную помощь. Эта недальновидная политика поставила Францію—врага Габсбургскаго дома—въ ряды недоброжелателей Россіи. Стараясь отстранить петербургскій дворъ отъ вмѣшательства въ дѣла средней Европы, Франція стала интриговать въ Швеціи противъ Россіи. Ложный страхъ войны со Шве-

ціей побудилъ Россію сблизиться съ Пруссіей, чѣмъ воспользовался Фридрихъ II. объявивъ войну Австріи, желая пріобрѣсти Силезію.

Отношенія Россіи къ Швеціи въ первое время послѣ Петра Великаго были ровныя и спокойныя. Какъ видно изъ офиціальной переписки, мелкія недоразумѣнія, разумѣется, не переводились. Такъ, въ 1736 г. чрезвычайный шведскій посланникъ фонъ Дитмаръ подалъ промеморію, въ которой значилось: ландсгауптманъ въ Эстерботніи сообщилъ о жалобѣ крестьянъ дистрикта Палдамскаго погоста на то, что имъ отъ смежныхъ россійскихъ жителей «разныя насильства чинятся и особливо, что оные ихъ дворныхъ оленей, когда они за границу переходятъ, убиваютъ и на пищу употребляютъ». Происходило это, видимо, отъ того, что «въ тамошнемъ трактѣ ни единаго россійскаго управителя не имѣлось». Въ 1740 г. министръ Нолькенъ подалъ промеморію о нѣкоторыхъ убійствахъ въ Лапоніи, о ловлѣ рыбы и пр. [3]). Но подобныя мелочи общихъ хорошихъ отношеній не нарушали. Швеція и Россія признали новое положеніе, установленное Ништадскимъ миромъ. Но естественно, что шведы не могли забыть своего славнаго прошлаго въ роли великой державы. По мѣрѣ того, какъ время залечивало раны войнъ Карла XII, въ шведскомъ народѣ пробуждалась готовность борьбы съ наслѣдственнымъ врагомъ. Съ другой стороны, Россія, не довольствуясь пріобрѣтеннымъ положеніемъ, стремилась къ рѣшительному вліянію на политическія и даже внутреннія дѣла Швеціи. Нашъ министръ въ Стокгольмѣ гр. Головинъ вліялъ на ходъ дѣла червонцами, высылка коихъ обычно увеличивалась ко времени созыва риксдага. Въ сентябрѣ 1726 г. кн. Вас. Долгорукій, въ качествѣ чрезвычайнаго и полномочнаго посла, заключилъ новый союзный договоръ съ шведскимъ королевствомъ. Въ 1727 г., согласно условіи Ништадскаго мира, Швеціи уплачено было 2 милл. нѣмецкихъ ефимковъ [4]).

Послѣ смерти Августа II на польскій престолъ явилось (въ 1733 г.) два претендента: сынъ Августа—курфирстъ Саксонскій—и Станиславъ Лещинскій. Австрія и Россія приняли сторону Августа, Франція поддерживала Станислава Лещинскаго.—Въ Швеціи мнѣнія раздѣлились. Подъ наружнымъ признаніемъ пользы союза съ Россіей, въ шведскомъ обществѣ замѣтно тлѣло недоброе чувство и роились мысли, которыя постепенно объединились въ потокъ національнаго нерасположенія къ ней. Въ присланной нашимъ посломъ Бестужевымъ секретной депешѣ (1733 г.) откро-

венно высказана точка зрѣнія шведскаго правительства на Россію. «Россія,—говорится въ этомъ документѣ,—похитила у насъ всѣ наши крѣпости и защиты, привела насъ въ нестерпимую зависимость отъ себя и въ такое опасное положеніе, что и сама столица подвержена ея нападеніямъ и угрозамъ. Поэтому справедливо принимать противъ нея всякія мѣры. Но такъ какъ наше оборонительное состояніе слабо и недостаточно, то необходимость требуетъ искать союзниковъ. Для полученія назадъ потерянныхъ провинцій, кромѣ датскаго союза, нужны субсидіи и помощь другихъ націй. Отъ возобновленія союза съ Россіей слѣдуетъ воздержаться. Такъ какъ Россія, никѣмъ не прошенная, въ польскія дѣла вмѣшалась, низвергаетъ королей и ставитъ новыхъ, что подобаетъ одному Всевышнему, стѣснила вольности націи и неслыханныя насилія совершила, то немудрено, что она возбудила противъ себя зависть и ненависть всѣхъ благонамѣренныхъ державъ. Эти чувства, можетъ быть, вскорѣ выйдутъ наружу, и тогда Швеціи надобно имѣть свободныя руки, не связанныя никакимъ договоромъ съ Россіей. Шведскій интересъ требуетъ—защищать короля Станислава и Польшу какъ для общей свободы, такъ и для сохраненія французской дружбы. Французскую довѣренность и дружбу надо всякими мѣрами сохранять и утверждать. Во всей Европѣ Франція для насъ надежнѣйшая и полезнѣйшая держава; она одна

АННА ІОАННОВНА [illegible]

въ состояніи давать намъ достаточныя субсидіи и помощь на морѣ. Отношенія къ Турціи у Швеціи почти одинаковы съ отношеніями къ Франціи. Дружба ея намъ полезна для сокращенія русской безмѣрной силы. Поэтому мы всячески должны сохранять и усиливать дружбу съ Портою, и надо, какъ можно скорѣе, послать туда акредитованнаго министра» [5]).

Осторожный и опытный Арвидъ Горнъ «всей душой ненавидѣлъ Россію, которая была причиной политическаго паденія Швеціи», и понималъ, что дальнѣйшее расширеніе Россіи грозило сѣверу, но, изслѣдовавъ положеніе Франціи, онъ убѣдился, что она, вовлекая Швецію въ войну, преслѣдуетъ исключительно свои цѣли, почему старался поддержать съ русскимъ дворомъ дружескія отношенія и на риксдагѣ (1734 г.) подалъ свой голосъ за отклоненіе союза съ Франціей и возобновилъ (въ 1735 г.) съ Россіей союзный трактатъ 1724 г. — Этотъ трактатъ заключенъ былъ на 12 лѣтъ и, при желаніи его продленія, подлежалъ возобновленію за полгода до истеченія срока. По новой добавочной статьѣ, шведская корона не обязана была принимать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ Россіи. А «сепаратные артикулы» давали Швеціи право покупать въ Россіи безъ пошлины на сто тысячъ хлѣба, льна и пр. и кромѣ того наше правительство обязалось уплатить голландскимъ кредиторамъ Карла XII 750 тыс. гульденовъ [6]). Тѣмъ не менѣе общему настроенію шведовъ Арвидъ Горнъ на этотъ разъ не угодилъ. Они хотѣли возстановленія прежняго положенія своей родины въ роли великой державы и потому горѣли желаніемъ отомстить Россіи. — Враги Арвида Горна воспользовались общимъ настроеніемъ, чтобы представить его политику слабой и непатріотичной. Графъ Гюлленборгъ и его друзья стали ратовать за союзъ съ Франціей, называя себя сторонниками шляпъ (hattar), а своихъ противниковъ высокомѣрно клеймили колпаками (nattmössor) или «шапками». Къ шляпамъ примкнули почти всѣ дворяне, офицеры и часть сенаторовъ [7]).

Вся политическая жизнь Швеціи сосредоточилась внутри двухъ этихъ партій. Съ 1720 по 1736 г. королевствомъ управляли шапки. Но народная масса не понимала ихъ стремленій, да и сами они недостаточно уяснили себѣ главныя цѣли и задачи, хотя считали себя апостолами свободы и насадителями цивилизаціи. Имъ представлялось, что страна устала и ей необходимо отдохнуть.

Но, всегда-ли боецъ видитъ лучшіе сны, засыпая на мягкой постели? Безмятежный покой не могъ тогда еще манить

представителей молодого и дѣятельнаго шведскаго народа. Древній духъ викинговъ былъ болѣе сроденъ имъ и разсказы о славѣ и подвигахъ предковъ волновали имъ кровь. Въ глазахъ населенія шляпы олицетворяли бодрыя стремленія предковъ, потому что они не отрицали прошлаго своей родины, они настаивали на необходимости Швеціи владѣть Балтійскимъ моремъ, чтобы націю не коснулся призракъ политической смерти. На сѣверѣ должна господствовать одна царица Швеція. Владычеству Россіи,—по ихъ мнѣнію,—тамъ не было мѣста. Съ норвежскихъ утесовъ Данія подстерегала слабость Швеціи. Малая географическая связь Помераніи и Финляндіи съ метрополіей вызывали колебанія, грозившія государственному кораблю королевства. Былое величіе родины воспламеняло партію шляпъ. Всѣ почти короли дома Вазы по своимъ воззрѣніямъ примыкали къ этой партіи. Внѣ національнаго духа они политики не понимали. Шляпамъ было ясно, что можно страдать и голодать, но нельзя было жить безъ славы и приключеній [8]).

Стремленія и чувства партіи шляпъ были понятны народу. Шляпы видѣли, что Россія съ быстротою лавины выростала въ колосса. Нужно было противодѣйствовать ея росту, ея владычеству на сѣверѣ. Желательно было помѣряться съ нею въ борьбѣ, предписать ей свою волю, но прежде всего надлежало возвратить королевству провинціи, отнятыя у послѣдняго коронованнаго викинга Карла XII.

Все это понимали и чувствовали шляпы. Но въ жизнь успѣли войти новые факторы, которые затмѣвали политическій горизонтъ и туманили понятія. Среди сыновъ храброй и гордой Свеи, не было болѣе сплоченности, не наблюдалось единодушія, а безъ нихъ нѣтъ побѣдъ, нѣтъ успѣховъ... «Король преклонился передъ совѣтомъ, совѣтъ—передъ государственными чинами, государственные чины раздѣлены были на четыре части и сословія недовѣрчиво и завистливо поглядывали другъ на друга, думая лишь о своихъ интересахъ и о расширеніи своихъ привилегій. Всѣ обязаны были слѣпо преклоняться предъ случайнымъ большинствомъ риксдага. Огромными полномочіями пользовалась ея секретная комиссія, но предъ членами ея обильно раскладывалось иностранное золото и ихъ руки жадно тянулись къ нему при обязательствѣ слѣдовать иноземнымъ деклараціямъ.

Среди шляпъ зрѣлъ планъ войны съ Россіей. По мысли партіи шляпъ, маіоръ Малькомъ Синклеръ отправленъ былъ въ

Константинополь для подготовленія наступательнаго союза. Швеція вошла въ соглашеніе съ Франціей, которая обѣщалась субсидировать новую войну. Арв. Горнъ, видя, что политика стокгольмскаго кабинета вышла на ложный путь, подалъ въ отставку; вскорѣ за нимъ покинули административныя должности и его друзья-шапки (1738). Пусть будетъ по вашему желанію,—говорили обезсилѣвшіе шапки своимъ болѣе счастливымъ соперникамъ шляпамъ,—но вы влечете государство къ пропасти. Вслѣдствіе своей врожденной гордости шляпы ничему не научились и ничего не забыли.

Миролюбивая политика Арв. Горна принесла пользу Швеціи и особенно Финляндіи. Арв. Горнъ родился въ Финляндіи, считалъ себя принадлежащимъ къ финской народности, и потому въ его время не могло быть и рѣчи о неудовольствіи финновъ правительствомъ.

Представителемъ Россіи въ Стокгольмѣ съ 1732 г. послѣ гр. Головина состоялъ братъ кабинетъ-министра, Михаилъ Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ въ званіи чрезвычайнаго посланника. Этотъ постъ онъ занималъ и ранѣе (въ 1721—1725). Онъ подкупалъ членовъ секретной комиссіи, но они часто не исполняли данныхъ обѣщаній, и деньги расходовались такимъ образомъ безцѣльно. Однако, денегъ не жалѣли, такъ какъ тогда держались мысли, что «главный русскій интересъ состоитъ въ томъ, чтобы въ шведскомъ народѣ было всегда раздѣленіе». Михаилъ Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ обладалъ хорошей подготовкой для занимаемаго имъ поста. Пройдя копенгагенскую академію, онъ совершилъ «вояжъ» по Европѣ, состоялъ въ качествѣ «дворянина при посольствѣ» въ Даніи у князя Долгорукова и съ 1720 г. занималъ мѣсто русскаго резидента въ Лондонѣ. «Его донесенія изъ Швеціи показываютъ недюжинную наблюдательность, умѣнье вѣрно понять и людей и политическія партіи, и находчиво пользоваться обстоятельствами для достиженія предначертанныхъ цѣлей». Ничтожный король Фридрихъ I не могъ сдержать ни борьбы партій, ни освободиться отъ иностранныхъ вліяній. Партія «патріотовъ»—«колпаковъ» или «шапокъ» искала расположенія Бестужева. Россія, будучи обязана по Ништадскому миру (§ 7) поддерживать существующую въ Швеціи форму правленія, настойчиво пользовалась [illegible] правомъ, понимая, что «пока нынѣшняя форма правленія существуетъ, ни малаго опасенія со стороны шведской не будетъ, [illegible] что Швеція настоящая Польша стала: всякій себѣ госпо-

динъ, подчиненные начальниковъ своихъ не слушаютъ и никакого порядка нѣтъ .— Въ М. Бестужевѣ иностранные представители чувствовали силу, съ которой имъ приходилось серьезно считаться, ему пришлось поэтому перенести не мало интригъ и непріятностей, съ нимъ затѣвали ссоры, его вызвали даже на дуэль [9]).

Положеніе Бестужева оказалось тѣмъ болѣе затруднительнымъ, что партія шапокъ была побѣждена «шляпами», закупленными Франціей, которая сулила Швеціи возвращеніе на сѣверѣ значенія первоклассной державы. На подкупы Бестужевъ отвѣтилъ подкупами. Но онъ допустилъ оплошность и не разглядѣлъ сѣтей, разставленныхъ ему версальскимъ дворомъ. Онъ увѣрялъ, что до войны дѣло не дойдетъ и тратилъ деньги на поддержку партіи мира. Сеймъ 1738 г. открылъ ему глаза. Французскій посолъ снялъ маску и явно повелъ Швецію къ столкновенію съ Россіей. Естественно, что въ Петербургѣ остались недовольны М. Бестужевымъ, представлявшимъ дѣло въ болѣе благопріятномъ видѣ, чѣмъ оно оказалось.

Общее состояніе Швеціи того времени близко напоминало слова Гепкена о томъ, что тамъ «король безъ власти, свобода— безъ безопасности, церковь—безъ религіи, дворянство безъ дворянскихъ правовъ, священники—безъ нравственности, граждане— безъ богатства, крестьяне—безъ господъ» [10]). Противорѣчіе между названіемъ «Время свободы» и ея дѣйствительностью, рѣзко чувствовалось въ его результатахъ.

Существовало правило, чтобъ не издавать и не отмѣнять закона безъ согласія представителей сословій, но никогда ни одинъ шведскій король заранѣе не обязывался соглашаться со всѣмъ тѣмъ, что одобрятъ и примутъ государственные чины. Теперь это печальное правило сдѣлалось обязательнымъ [11]).

Отъ короля въ это время ни добраго, ни худого нельзя было ожидать. Вся власть сосредоточивалась въ секретной комиссіи риксдага (sekreta utskottet), которая была усилена новымъ секретнымъ отдѣломъ («sekreta bihanget»), куда вошли 12 членовъ изъ секретной комисіи. Они руководили правительствомъ въ его иностранной политикѣ. На сеймѣ 1740 г. создалась еще одна наисекретнѣйшая комиссія (Sekretissime beredning, или sekretissime kommission). Въ ея составъ вошли четверо довѣренныхъ членовъ изъ секретной комиссіи, ландмаршалъ и три государственныхъ совѣтника. Этотъ составъ имѣлъ право вести переговоры съ иностран-

ными державами. Крестьяне въ члены сихъ секретныхъ комиссій не допускались. Вопросы внѣшней политики окружались большой таинственностью, за которой господствующая партія дѣйствовала настолько свободно и самовластно, что дала поводъ Бестужеву сообщить: секретная комиссія поступаетъ столь деспотически, «что въ самодержавныхъ государствахъ такого примѣра не бывало». — Министерство внушило народу, что Россія изъ одного страха разрыва, готова возвратить по крайней мѣрѣ Выборгъ, а представители сословій находили, что обстоятельства особенно благопріятствовали начатію войны. Бестужевъ въ свою очередь рекомендовалъ правительству Іоанна Антоновича смирить шведовъ оружіемъ и отнять у нихъ Финляндію, что возможно, по его мнѣнію, сдѣлать въ одну кампанію, ибо жители финляндскіе такъ шведскимъ правительствомъ скучаютъ, что съ охотою поддадутся Россіи.

Съ уходомъ гр. Горна воинственныя рѣчи стали раздаваться чаще и громче. Гр. Тессинъ, при самомъ открытіи риксдага, 30 мая 1738 г., заявилъ, что «государственные чины всегда готовы предпочесть могучую войну постыдному миру». Графъ Карлъ Гюлленборгъ напоминалъ о «крови Авеля», которая взывала о мщеніи. Государственный совѣтникъ, графъ Спарре, на риксдагѣ 1738 г. сдѣлалъ предложеніе объ отправкѣ войска въ Финляндію. Такой шагъ, говорится въ его заключеніи, лучше всего прервeтъ настоящіе переговоры между Россіей и Портой, и побудитъ какъ Порту, такъ и Францію дать Швеціи ту денежную субсидію, которая требуется для войны съ Россіей; если же между Турціей и Россіей состоится миръ, то на восточной шведской границѣ потребуется присутствіе достаточной силы, чтобы защититься противъ сосѣда, который несомнѣнно нападетъ на насъ. По этому поводу шведскій историкъ войны 1741—1743 г.г.—Никласъ Тенгбергъ,—писалъ, что Спарре привелъ столько разныхъ соображеній, что они явно противорѣчили другъ другу. «Изъ этого можно заключить, что ни къ одному изъ нихъ не отнеслись серьезно, а истинныя причины замалчивались. Спарре, конечно, притворялся, говоря, что опасается намѣренія Россіи напасть на Швецію, въ случаѣ заключенія мира съ Портой. Тотъ-же Спарре заявлялъ, что, если такое нападеніе не состоится, то Швеція,—благодаря его предложенію усилить войска въ пограничной Финляндіи,—могла бы возвратить себѣ по крайней мѣрѣ важнѣйшую часть потерянныхъ областей прежде чѣмъ Россія успѣетъ

оправиться послѣ турецкой войны. Онъ находилъ, что обстоятельства особенно благопріятствовали возвращенію утерянныхъ Швеціей земель. Поэтому, по мысли Спарре, надлежало немедленно, по прибытіи шведскихъ войскъ къ границѣ, вновь созвать государственныхъ чиновъ и предложить на ихъ рѣшеніе вопросъ о мѣропріятіяхъ противъ Россіи. Если-бы даже риксдагъ отклонилъ войну, то и тогда одно уже вооруженіе Швеціи и передвиженіе ея войскъ испугаетъ Россію и заставитъ ее уступить Выборгъ и Ингерманландію съ Петербургомъ.

Никласъ Тенгбергъ, описавъ планъ Спарре и приведя нѣкоторыя мнѣнія членовъ риксдага, основательно прибавляетъ, что Россію нельзя было запугать къ уступкѣ ни Выборга, ни какого-либо другого владѣнія.—Случалось, правда, что та или иная держава безъ предварительной войны уступала, въ силу переговоровъ или за деньги, свое владѣніе другому государству; случалось также, что послѣ заключенія мира занятая крѣпость возвращалась прежнему ея владѣльцу, но вообще запугиваніе противорѣчитъ чести всякой короны и одними угрозами, безъ объявленія войны, трудно побудить государство къ уступкамъ и къ возвращенію завоеванныхъ провинцій.

Несмотря на всю несообразность предложенія Спарре, оно было принято въ Совѣтѣ восемью голосами противъ пяти. Королю Фридриху оставалось лишь согласиться съ рѣшеніемъ большинства. Принятое рѣшеніе Швеція сообщила своей союзницѣ Франціи, однако, менѣе откровенно, чѣмъ она сдѣлала это Россіи. Надо прибавить, что Спарре, дабы придать большее значеніе своему проекту, далъ понять Совѣту, что онъ былъ возбужденъ по требованію Франціи. Шведы дѣлали видъ, что оборона Финляндіи составляетъ главную цѣль усиленія ихъ войска; но также не отрицали, что съ помощью Франціи имѣли въ виду легче напасть на Россію, въ случаѣ Порта согласится на предложенный союзъ. Русскій дворъ, зная все это и освѣдомленный о стараніяхъ французскаго посланника въ Швеціи (Сенъ-Северена) вовлечь ее въ войну съ Россіей, счелъ себя въ правѣ запросить шведскаго короля Фридриха I о причинахъ такихъ приготовленій и распоряженій. Министерство отвѣтило Бестужеву, что вслѣдствіе дурного состоянія пограничныхъ крѣпостей Финляндіи, шведское правительство признало нужнымъ отправить туда войска для фортификаціонныхъ работъ. Такъ какъ Швеціи кромѣ того хорошо извѣстно, что Россія усиливаетъ свои гарнизоны въ тѣхъ мѣстахъ,

и, сверхъ того, передвигаетъ войска къ границамъ Финляндіи, то вмѣстѣ съ тѣмъ найдено нужнымъ послать туда подкрѣпленія въ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Въ Петербургѣ Нолькенъ увѣрялъ, что передвиженіе полковъ къ границѣ есть мѣра необходимости защититься противъ Россіи, которая исправляла свои крѣпости и сосредоточила полки въ окресностяхъ столицы. Россія отвѣтила, что остается на стражѣ своихъ интересовъ и не доведетъ себя [чего, повидимому, желаютъ въ Стокгольмѣ] до нападенія на Швецію [12]).

Ставшая у власти партія шляпъ настолько замутила общество, что всѣ мечтали о войнѣ, о величіи и славѣ Швеціи, не справляясь ни съ состояніемъ финансовъ, ни съ боевой готовностію войска. Одно сословіе крестьянъ энергично протестовало, помня по опыту прежнихъ боевыхъ кампаній, что значитъ конскрипція и вербовка, усиленные налоги и незасѣянныя поля. Общее воинственное настроеніе было столь велико, что даже среди представителей Финляндіи на риксдагѣ только одинъ робкій голосъ поднялся въ защиту края, которому разрывъ съ Россіей неизбѣжно грозилъ сотнями бѣдствій.

Наиболѣе видные представители Финляндіи, братья бароны Фабіанъ и Генрихъ Вреде, были увлечены общимъ потокомъ и сдѣлались приверженцами партіи шляпъ. Они повлекли за собой большинство финляндскаго дворянства въ партію войны. Главнымъ двигателемъ и здѣсь явилось французское золото, которое въ это время щедро и открыто раздавалось членамъ риксдага. Риксдагъ представлялъ въ это время аукціонную камеру, которая распродавала драгоцѣннѣйшіе интересы націи, отдавая ихъ тому, кто щедрѣе платилъ. Братья Вреде заняли видное мѣсто среди созданной ими партіи шляпъ. Послѣ нихъ наиболѣе дѣятельнымъ сторонникомъ войны явился финляндецъ Карлъ Шернстедтъ (Karl Johan Stiernstedt). Онъ вынесъ продолжительный плѣнъ въ Россіи и проникся къ ней глубокой ненавистью. Полагая, что настала удобная минута мщенія, онъ энергично ратовалъ за союзъ Швеціи съ Франціей и за расширеніе власти секретной комисіи, при посредствѣ которой легче всего разсчитывалъ разжечь воинственныя страсти. Ему-же впослѣдствіи болѣе другихъ пришлось испытать горькіе плоды своихъ хлопотъ и рѣшеній [13]). Къ числу воинственно-настроенныхъ дворянъ относился также маіоръ Магнусъ Вильгельмъ Спренгпортенъ. Изъ всѣхъ представителей финляндскаго дворянства на сеймѣ 1738—1739 гг. одинъ только

лагманъ Карельскаго лагманскаго округа Карлъ Лилиеншернъ остался сторонникомъ мира. Изъ представителей другихъ финляндскихъ сословій не увлеклись воинственнымъ задоромъ пробстъ изъ Таммела Іоганъ Аммелль и купецъ изъ Або—Эсаіасъ Вехтеръ.

Въ виду общаго ожиданія и предвидѣнія войны, на риксдагѣ (1738—1739 г.) естественно возникъ вопросъ о готовности Финляндіи къ оборонѣ. Пограничныя укрѣпленія—Вильманстрандъ и Фридрихсгамъ, построенныя гр. Лёвеномъ взамѣнъ Выборга и Кексгольма, только по названію были крѣпостями. Валы Фридрихсгама, по свидѣтельству очевидца, походили на кучи песку. Нейшлотъ, Тавастгусъ и Або наскоро исправлялись передъ войной, но польза ихъ была сомнительная. Кромѣ того въ крѣпостяхъ не имѣлось надлежащихъ гарнизоновъ. Вопросъ о крѣпостяхъ и раньше не разъ ставился на очередь, но за отсутствіемъ средствъ онѣ не исправлялись. Въ 1737 году Аксель Левенъ получилъ приказаніе составить планъ обороны Финляндіи. Въ представленной имъ запискѣ, онъ склонился къ прежнему своему фортификаціонному плану (1723 г.), настаивая на возобновленіи Нейшлотскихъ, Фридрихсгамскихъ и Вильманстрандскихъ укрѣпленій; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высказался за возведеніе батарей или при входѣ въ Гельсингфорсскую гавань или въ другомъ мѣстѣ на южномъ берегу Финляндіи. Новая гавань должна была служить станціей для галерной эскадры. Эта мысль въ депутаціи обороны встрѣтила сочувствіе, но члены секретной комиссіи, руководимые Левенгауптомъ, не раздѣлили этого воззрѣнія въ виду того, что

они жили надеждой вскорѣ раздвинуть границы Швеціи на востокѣ за счетъ Россіи и потому находили нецѣлесообразнымъ затрачивать большія суммы на долговременныя постройки, отъ которыхъ въ ближайшемъ будущемъ нельзя было ожидать пользы. Другая часть проекта Левена—объ усиленіи поселенныхъ войскъ Финляндіи постоянными вербованными частями—пришлась болѣе по сердцу составу секретной комиссіи, которая разсчитывала теперь же извлечь изъ нея немалую пользу.

Воинственное пламя разгоралось. Боевые планы не могли, конечно, радовать друзей мира и финновъ, любившихъ свой край. Фридрихсгамскій бургомистръ Виттстокъ и Эсаіасъ Вехтеръ (изъ Або) указывали на трудности продовольствія войскъ, ихъ расквартированія и передвиженія осенью, но пылкіе сторонники войны не вняли благоразумнымъ предостереженіямъ и продолжали стоять на своемъ.

Левена въ Финляндіи замѣстилъ генералъ-лейтенантъ Кронстедтъ, который уже въ войнахъ Карла XII пріобрѣлъ себѣ извѣстность. Онъ отказался войти въ составъ гюлленборгскаго совѣта и вскорѣ, въ качествѣ генерала, всталъ поперекъ дороги его затѣямъ своею самостоятельностью и широкими знаніями по вопросамъ походной жизни. 1-го Августа 1739 года Кронстедтъ принялъ командованіе надъ финскими войсками и тотчасъ началъ объѣздъ края для ихъ осмотра. Войска онъ нашелъ хорошо обученными и въ отличномъ порядкѣ. Слабыми оказались лошади драгунъ. Оружіе пѣхоты не удовлетворяло своему назначенію. Крѣпостные рвы и валы были совершенно разрушены, магазины и казенныя пекарни признаны были имъ недостаточными. Но особенно онъ пораженъ былъ малыми запасами провіанта и фуража.

Для защиты края въ ожидавшуюся войну, Кронстедтъ предложилъ упразднить Вильманстрандскую и Фридрихсгамскую крѣпости и возвести сильныя укрѣпленія вдоль р. Кюмени. Собранные, по повелѣнію короля, на совѣтъ въ Або генералы и полковники одобрили этотъ планъ, но такъ какъ онъ требовалъ большихъ затратъ, то не былъ приведенъ въ исполненіе, чѣмъ Швеція допустила огромную оплошность.

Для расквартированія войскъ въ Финляндіи почти ничего не было сдѣлано. Собственныя военныя силы края, [illegible] до 68[illegible] человѣкъ и 2700 [illegible] въ своихъ [illegible] и рустгальтахъ, на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, почему сборъ ихъ, при внезапномъ нападеніи, представлялъ большія трудности.

Лордъ Вильямъ Гаррингтонъ — статсъ секретарь короля Георга II, — въ іюнѣ 1739 г., сообщилъ англійскому представителю въ Петербургѣ, Кл. Рондо, нѣкоторыя свѣдѣнія о планахъ шведовъ. Немедленно по прибытіи французской эскадры предполагалось перевезти съ ея помощью въ Финляндію два полка и размѣстить ихъ въ Гельсингфорсѣ и Фридрихсгамѣ (Векелаксѣ). Французская эскадра должна была остаться въ Финскомъ заливѣ и мѣшать дѣйствіямъ русскаго корабельнаго флота и русскихъ галеръ. Лѣтомъ имѣлось въ виду перевезти въ Финляндію еще 14 баталіоновъ и шесть полковъ кавалеріи. «Не тѣша себя осадою Выборга—идти прямо на Петербургъ». Когда замерзнетъ Нева, отрѣзать русскихъ отъ Нарвы. Шведы при этомъ разсчитывали также на возстаніе Прибалтійскаго края. Перевозкой войскъ въ Финляндію надѣялись вызвать тревогу въ Россіи и рѣшимость ея открыть военныя дѣйствія, чтобы затѣмъ представить Царицу зачинщицей распри и легче повести дѣло оборонительныхъ союзовъ [14]). Все это сообщалось лордомъ, дабы о семъ «намекнули русскимъ министрамъ».

Въ то же время кардиналъ Флери горячо увѣрялъ нашего представителя въ Парижѣ, кн. Кантемира, что Франція отнюдь ничего не намѣрена предпринимать противъ Россіи, а французская эскадра идетъ въ балтійскія воды исключительно для упражненія моряковъ. Такія же увѣренія разсыпалъ гр. К. Гюлленборгъ передъ М. Бестужевымъ.—К. Рондо приходитъ отсюда къ заключенію, что увѣренія производились, очевидно, по предварительному соглашенію союзниковъ [15]).

Вслѣдствіе принятаго, 15 апрѣля 1739 г., въ секретномъ комитетѣ риксдага плана Спарре, надлежало усилить корпусъ, расположенный въ Финляндіи, посылкой изъ Швеціи 12 тыс. сухопутныхъ войскъ, 15 военныхъ кораблей и всѣхъ галеръ. Франція обязалась выплатить 2 милл. кронъ. Въ октябрѣ 1739 г. 6000 пѣхоты прибыло въ Финляндію и поступило подъ начальство ген.-лейт. Кронстедта (Cronstedt), командовавшаго тогда войсками, стоявшими въ краѣ. Плана дѣйствій никто не начерталъ; заготовки провіанта не произвели и вообще никакихъ опредѣленныхъ предварительныхъ приказаній не было отдано. Кронстедтъ поставленъ былъ въ большое затрудненіе. Извѣстно было только, что правительство желало сосредоточить войска въ одномъ мѣстѣ, но онъ, не имѣя фактической возможности исполнить такого требованія, занялъ гарнизонами пограничныя крѣпости, а остальныя части

разбросалъ по квартирамъ Нюландской, Абоской и Бьернеборгской губерній, донеся въ Стокгольмъ, что на границѣ деревни слишкомъ раскинуты и край слишкомъ бѣденъ, чтобы можно было расквартировать тамъ значительныя силы. На границѣ не имѣлось ни одного укрѣпленнаго пункта, въ которомъ можно было бы сосредоточить продовольственные магазины безъ риска отдачи ихъ въ руки непріятеля.

Но разъ войска сосредоточивались и увеличивались, то нужно было подумать объ ихъ пропитаніи. Кронстедтъ прибѣгъ къ принудительнымъ мѣрамъ, заставивъ населеніе, пострадавшее отъ голода, доставлять продовольствіе арміи. Такое распоряженіе Кронстедта вызвало большое неудовольствіе, но оно было необходимо. Онъ запретилъ вывозъ различныхъ продуктовъ, и король одобрилъ это распоряженіе. Далѣе, рѣшено было насильственнымъ путемъ понизить цѣны, если онѣ подымутся настолько, что стѣснятъ шведскій комиссаріатъ въ заготовкѣ разныхъ припасовъ. Крестьяне лишились права продавать свой излишній фуражъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они доставляли казнѣ все, что она требовала. Подобными принудительными мѣрами Кронстедту удалось сдѣлать столь значительные запасы, что онъ могъ прокормить шведскія войска до мая или даже до конца іюня 1740 года.

Запрещеніе вывоза съѣстныхъ припасовъ Кронстедтъ продлилъ затѣмъ на свой рискъ, дабы эстерботнійцы не поспѣли доставить ихъ въ Стокгольмъ. Это запрещеніе поддерживалось посредствомъ земской полиціи и штрафовъ, и примѣнялось настолько строго, что финскіе помѣщики, жившіе въ Швеціи, должны были просить кригскоммиссаріатъ разрѣшить имъ запастись, исключительно для собственной надобности, съѣстными припасами по рыночнымъ цѣнамъ, обязуясь уступить остальное арміи. Во многихъ мѣстахъ послышались жалобы со стороны офицеровъ, которые также должны были жить закупками; они говорили, что крестьяне даже за наличныя деньги не хотѣли отпускать имъ жизненныхъ припасовъ и охотнѣе контрабандой вывозили ихъ изъ края или по пониженнымъ цѣнамъ продавали горожанамъ. Вновь пришлось прибѣгнуть къ помощи земской полиціи, чтобы побудить «недоброжелательныхъ» къ установленной продажѣ. Кронстедтъ далъ понять Або-Бьернеборгскому и Нюландскому ландсгевдингамъ (губернаторамъ), чтобы просимая помощь была оказана. Въ рутахъ и въ рустгальтахъ надлежало заготовить запасы. Наблюденіе за исполненіемъ этого требованія также возложено было на земскую полицію, но гене-

ралъ напрасно ожидалъ ея содѣйствія даже послѣ своего приказанія, отданнаго губернаторамъ. Ландсгевдингъ баронъ Гюлленшерна жаловался на вмѣшательство въ его вѣдомство со стороны военной власти. Кронстедтъ отвѣтилъ серьезнымъ выговоромъ за его нерадивость, которую, быть можетъ не безъ основанія приписывали его нерасположенію къ правительству и его военнымъ планамъ. Другіе ландсгевдинги вѣроятно не заслужили столь строгихъ напоминаній, и вскорѣ офицеры донесли, что, по крайней мѣрѣ въ болѣе плодородныхъ мѣстностяхъ, съѣстные запасы для арміи на случай выступленія находились въ порядочномъ состояніи. Но тѣмъ не менѣе не имѣлось основаній надѣяться на запасы для большой арміи, ибо въ виду дороговизны въ Швеціи, никакой помощи оттуда нельзя было ожидать, а Финляндіи угрожалъ полный неурожай.

Въ серединѣ марта 1739 года въ Финляндіи разнесся слухъ, что русскіе въ Ревелѣ дѣлаютъ приготовленія къ переходу по льду черезъ Финскій заливъ, съ цѣлью нападенія врасплохъ на Гельсингфорсъ. Для обороны этого города Кронстедтъ назначилъ два полка, другія шведскія части, при вступленіи непріятеля, должны были собраться вдоль р. Кюмени. По берегу Финскаго залива выставлена была стража; на вершинахъ горъ расположены сигнальные огни. Кронстедтъ дѣлалъ все, чтобы располагать точными свѣдѣніями; въ то же время онъ не дозволялъ никакихъ передвиженій войскъ, чтобы не дать сосѣду повода къ непріятельскимъ дѣйствіямъ. Безпокойство улеглось только тогда, когда ледъ покрылся глубокимъ снѣгомъ, а къ веснѣ —сдѣлался непроходимымъ по рыхлости [16]).

Итакъ къ западу отъ р. Кюмени обдумывались воинственные планы и готовились къ походу. Шведское правительство старалось запугать указаніями на коварные замыслы Россіи.

Къ войнѣ стремилась Швеція, но нашлись и такіе иностранцы, которые усмотрѣли въ явно оборонительныхъ дѣйствіяхъ русскаго правительства желаніе воевать. Саксонскій агентъ, т. е. Зумъ, въ донесеніи отъ 20 іюля 1739 г., писалъ: «Двору русскому самыя прямыя выгоды его предписываютъ, сколько возможно, принять участіе въ общихъ европейскихъ дѣлахъ, и не только для того, чтобы усилить свой вѣсъ и свое значеніе въ иностранныхъ государствахъ и сдѣлаться для нихъ необходимымъ, но и главнѣйшимъ образомъ для того, чтобы поддержать воинственный духъ народа и тѣмъ сохранить лучшую школу для рус-

скаго офицера». Воинственные замыслы агентъ Зумъ приписываетъ и графу Остерману, говоря, что по его мнѣнію русское государство постоянно должно быть занято войною. Поводъ для новой войны давали графу шведы. «Надѣюсь,—сказалъ будто бы Остерманъ,—что еще до моей смерти шведамъ придется поплатиться за оскорбленія, причиненныя Россіи». По увѣренію Зума, фельдмаршалъ Минихъ всѣми силами поддерживалъ гр. Остермана.

Далѣе агентъ Зумъ предсказывалъ, что въ 1739 г. Россіей будетъ заключенъ миръ съ Турціей, и на слѣдующій годъ Россія станетъ приготовляться къ походу противъ Швеціи. «Работы — пишетъ Зумъ,—по укрѣпленію Выборга, Кексгольма, Нарвы, Ревеля, Пернавы и Риги продолжаются съ большими издержками; наполняютъ магазины и собираютъ въ большомъ количествѣ военные припасы всякаго рода. Галеры снова приводятся въ исправность, хотя всѣ убѣждены, что Швеція рѣшительно покинула намѣреніе напасть на Россію. Итакъ, очевидно, что случившееся тамъ на риксдагѣ можетъ служить предлогомъ и оправданіемъ этихъ воинскихъ приготовленій».

Россія приготовлялась лишь къ отпору. Ея миролюбіе было многократно проявлено: Россія предложила въ 1735 г. шведскому двору возобновленіе союза 1724 г. на двѣнадцать лѣтъ, она вызвалась уплатить за Швецію долгъ Карла XII Голландіи и т. п.

Обвиняя Россію, Зумъ не могъ однако скрыть, что многочисленное и бѣдное шведское дворянство разсчитывало единственно на то, чтобы сдѣлать свое счастье во время войны; люди эти, равно какъ и гвардейскіе офицеры въ Стокгольмѣ, громко порицавшие миролюбіе короля и его министровъ, усиливали сторону Гюлленборга, главнѣйшими представителями которой были генералы Левенгауптъ и гр. Тессинъ».

Болѣе правдивую оцѣнку поведенія Россіи находимъ въ депешѣ французскаго посла. Де-ла-Шетарди сознавалъ, что «Россія весьма далека отъ мысли нарушить миръ, и пока Швеція на нее не нападетъ, она будетъ искать лишь способовъ сохраненія дружбы».

Къ востоку отъ Кюмени наблюдалось полная тишина и спокойствіе. Россія уже собралась съ силами послѣ турецкой войны и расчитала достаточнымъ количество войскъ на финской границѣ, почему не об[illegible] вниманія на угрозы Швеціи, и ни одного шага не сдѣлала для примиренія съ нею.

Кронстедтъ совѣтовалъ правительству отозвать войска изъ Финляндіи. Не смотря на то, что Кронстедтъ не нашелъ поддержки въ Стокгольмѣ и не имѣлъ единомышленниковъ въ правящихъ сферахъ, онъ не переставалъ доносить правительству о трудности положенія своего войска, особенно при условіи расположенія его по деревнямъ и при скудости продовольствія. Если Кронстедтъ въ первый свой пріѣздъ въ Финляндію не надѣялся достаточно скоро привести войска въ оборонительное положеніе, то при болѣе тщательномъ ихъ изслѣдованіи онъ нашелъ, что для этого потребуется по крайней мѣрѣ четыре года. Въ настоящее время,—увѣрялъ онъ,—его войска не въ состояніи сколько-нибудь серьезно даже замедлить приближенія непріятеля.

Въ письмѣ къ графу Гюлленборгу Кронстедтъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ рисуетъ положеніе военной силы, расположенной въ Финляндіи, и настойчиво склоняетъ власть къ доброжелательнымъ отношеніямъ къ Россіи.

К. Кронстедтъ не ограничился этимъ и 27 марта 1740 г. написалъ письмо королю «en mains propres», пытаясь и ему доказать опасность и несообразность нападенія на Россію. При этомъ Кронстедтъ съ горечью жалуется на то, что онъ на своемъ отвѣтственномъ посту остается неосвѣдомленнымъ, какую цѣль преслѣдуютъ всѣми этими мѣрами вооруженія и сосредоточенія арміи. Желая съ честью окончить жизнь, онъ проситъ, чтобы ему дозволили высказать свое мнѣніе. Ссылаясь на бѣдность, слабость и разладъ Швеціи, онъ сопоставляетъ со всѣмъ этимъ грандіозное вооруженіе Россіи, которымъ непростительно было бы пренебрегать, и умоляетъ короля всѣмъ святымъ отказаться отъ всякой партійности и личныхъ разсчетовъ. «Въ это время,—продолжаетъ Кронстедтъ, Россія пріискивала мѣсто для новой крѣпости у Сестры рѣки, безъ сомнѣнія потому, что ни Кронштадтъ, ни Выборгъ или Кексгольмъ не въ состояніи предупредить внезапнаго нападенія на Петербургъ». Кронстедтъ находилъ, что какимъ бы большимъ счастьемъ ни явилось возвращеніе Выборга путемъ закрѣпленія мира, но,—прибавляетъ онъ,—Финляндію слѣдуетъ обезопасить сильными сооруженіями за р. Кюменью до самаго Кельтиса, протянувъ оттуда линію укрѣпленій до озера Пейяненъ. Необходимо еще укрѣпить Гельсингфорсъ и его гавань, которую Кронстедтъ, ради безопасности со стороны моря, уже ранѣе привелъ въ нѣкоторое оборонительное состояніе, а 8 ноя[бря] 1739 г. Кронстедтъ писалъ военной коллегіи: «относительно

Гельсингфорса мы остаемся при томъ мнѣніи, что въ Финляндіи едва ли можно найти болѣе удобное мѣсто для укрѣпленной гавани. Произведя эти укрѣпленія, можно будетъ спокойно заботиться о культурѣ и благосостояніи остальной страны. Кронстедтъ зналъ, что онъ своими представленіями навлечетъ на себя обвиненіе въ трусости, но совѣсть повелѣвала ему высказаться.

Король Фридрихъ прочелъ письмо членамъ совѣта, которые не одинаково приняли его. Воинствующіе Гюлленборгъ и Спарре хотѣли привлечь Кронстедта къ отвѣтственности, находя, что какъ бы способенъ ни былъ генералъ, онъ не имѣетъ права порицать мѣры правительства, рѣшенной согласно плану государственныхъ чиновъ. Король не раздѣлилъ такого мнѣнія. Онъ находилъ, что Кронстедтъ, неся огромную отвѣтственность, имѣлъ право высказать свое мнѣніе, и, чтобы не оскорбить генерала, запретилъ требовать отъ него объясненій.

Кронстедтъ, не раздѣлявшій плановъ о передвиженіи войскъ къ границѣ и видя, что всѣ его миролюбивыя стремленія остаются гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ, написалъ, наконецъ, королю: «Я принужденъ въ виду сихъ и многихъ другихъ непоименованныхъ, но правдивыхъ причинъ... признаться и заявить ради моего освобожденія, что мой разумъ, мои силы и понятія далеко недостаточны, чтобы все это исполнить на пользу вашего величества и государства».

Освобожденіе Кронстедта отъ возложенныхъ на него «десяти родовъ дѣлъ» состоялось 21 іюля 1740 г. и тогда же послѣдовало назначеніе его президентомъ военной коллегіи.

Впослѣдствіи онъ навлекъ на себя еще большее неудовольствіе тѣмъ, что на свой рискъ поручилъ Полькену изъявить въ Петербургѣ мирныя намѣренія Швеціи. Это конечно не совпадало съ увѣреніемъ правительства, почему оно заявило своему послу, что онъ можетъ получать предписанія только отъ правительства, и что генералъ долженъ докладывать тому же правительству о своемъ желаніи донести что-либо до свѣдѣнія Петербурга [17].

Копенгагенскій дворъ старался отклонить Швецію отъ войны. Версальскій кабинетъ не одобрялъ рѣзкихъ дѣйствій государственнаго совѣта. Финляндцы [illegible] и жаловались. Донесеніе [illegible] по большому недостатку въ матросахъ, не можетъ выйти въ море,— было утаено секретнымъ комитетомъ.

Костеръ былъ сложенъ, [illegible] искры для его воспламененія.

Вскорѣ случайное обстоятельство озлобило всю Швецію противъ Россіи. Маіоръ Синклеръ, возвращавшійся изъ Константинополя, былъ убитъ и ограбленъ въ Силезіи, возлѣ Христіанштадта (въ іюнѣ 1739 г.)

Убійство маіора Малькольма Синклера явилось каплей, окончательно отравившей отношенія Швеціи къ Россіи. Убійствомъ его искусно воспользовалась партія воинствующихъ шведовъ, чтобы разжечь народныя страсти.

Въ этомъ дѣлѣ было много таинственнаго. Но время, отдѣляющее насъ отъ событія, почти уничтожило тотъ темный покровъ, за которымъ первоначально трудно было разглядѣть главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Въ наши дни дѣло Синклера рисуется въ слѣдующемъ видѣ:

МАІОРЪ МАЛЬКОЛЬМЪ СИНКЛЕРЪ.

Мих. Петровичъ Бестужевъ внимательно, и какъ говорятъ другіе, даже подозрительно, наблюдавшій за дѣйствіями шведовъ, замѣтилъ, что въ 1737 г. стокгольмское правительство вело тайныя сношенія съ Константинополемъ чрезъ маіора Малькольма Синклера, проникшагося глубокой ненавистью къ Россіи, во время своего трехлѣтняго пребыванія плѣннымъ въ Сибири, послѣ Полтавы.—М. Синклеръ состоялъ членомъ тайнаго комитета шведскаго правительства и охотно вызвался доставить письмо Портѣ. Въ письмѣ излагалась просьба о томъ, чтобы Турція обязалась не складывать оружія, пока Швеція, въ случаѣ вмѣшательства въ войну, не добьется возврата потерянныхъ земель. Его поѣздка держалась въ тайнѣ, только четверо изъ членовъ малой секретной депутаціи знали о порученіи.—Синклера снабдили нѣсколькими паспортами на разныя имена, которыя вписалъ лично государственный совѣтникъ Бунде. Всѣ эти предосторожности, о которыхъ своевременно узналъ русскій министръ, побудили его обезвредить для Россіи поѣздку Синклера. Послѣдній не успѣлъ еще выѣхать изъ Стокгольма, какъ М. Бестужевъ уже увѣдомилъ русскій дворъ, предлагая «анлевировать» Синклера, «а потомъ пустить слухъ, что на него напали гайдамаки или кто-нибудь другой», увѣ

ряя, что «такой поступокъ съ Синклеромъ будетъ пріятенъ королю и министерству», какъ ему сообщено «отъ знатнѣйшихъ персонъ» [18]).

Секретарю М. Бестужева (Функу) удалось достать копію съ портрета Синклера. Портретъ былъ посланъ въ Петербургъ, какъ надо догадаться, съ цѣлью облегчить установленіе личности Синклера. Въ то же время М. Бестужевъ обратился къ саксонскому президенту въ Стокгольмѣ Вальтеру, съ просьбой, чтобы правительство короля Августа III задержало маіора Синклера при его слѣдованіи черезъ Польшу, распустивъ слухъ, что онъ попалъ въ руки гайдамаковъ» [19]).

Подобнаго же рода требованіе предъявилъ русскій посланникъ при варшавскомъ дворѣ Кейзерлингъ. Какъ резидентъ Вальтеръ, такъ и посланникъ Кейзерлингъ въ 1738 г. въ своихъ письмахъ о Синклерѣ съ увѣренностью добавляютъ, что задержаніе его «доставитъ удовольствіе шведскому королю». Кейзерлингъ мотивируетъ свое соображеніе такъ: «Насколько можно заключить изъ донесенія русскаго посланника въ Стокгольмѣ, это не было бы противно намѣреніямъ шведскаго короля и его министровъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, это было бы очень любезно, тѣмъ болѣе, что они сами не совсѣмъ то довольны этимъ посланіемъ Синклера и постоянно высказывались противъ этого» [20]).

Синклеръ, тѣмъ не менѣе, пробрался въ Константинополь. Когда же онъ пустился въ обратный путь, то не только Дрезденскій, но и Вѣнскій кабинетъ изъявили готовность оказать содѣйствіе Бестужеву. Теперь (въ январѣ 1739 г.) императорскій русскій министръ и полномочный посланникъ баронъ фонъ Кейзерлингъ писалъ кабинетъ-министру графу фонъ-Брюлю: «Моя Всемилостивѣйшая Государыня желала бы благосклоннаго соглашенія и помощи Его Королевскаго Величества для задержанія этого человѣка». Въ другомъ письмѣ его значится: «было бы со стороны короля особенною любезностью и вниманіемъ, если бы былъ упомянутый Синклеръ схваченъ и тѣмъ прервана корреспонденція; вашему сіятельству рекомендую это неотступно» [21]).

Въ Верхней и Нижней Силезіи, въ городѣ Бреславлѣ, въ іюнѣ 1739 г. австрійскія власти объявили о розыскѣ шведскаго маіора Синклера. Объявленіе гласило: «Симъ предписывается всѣмъ властямъ содѣйствовать русскимъ офицерамъ въ поимкѣ Синклера и при первомъ ихъ требованіи доставлять имъ за из-

вѣстную плату вооруженныхъ всадниковъ или верховыхъ лошадей» [22]).

Въ Саксонскихъ лѣсахъ русскіе офицеры кап. Кутлеръ и поручикъ Левицкій настигли М. Синклера и выстрѣломъ изъ пистолета онъ былъ убитъ (въ іюнѣ 1739 г.). Платье и сундукъ его подверглись обыску. Въ бумагахъ ничего новаго и существеннаго не оказалось. По прошествіи нѣкотораго времени, онѣ были отосланы шведскому государственному канцлеру Гюлленборгу съ гамбургскою почтою въ запечатанномъ и повидимому нетронутомъ пакетѣ.

Купецъ Кутюрье (Jean André Couturrier), находившійся въ свитѣ Синклера, въ августѣ попалъ въ Стокгольмъ, гдѣ, конечно, разсказалъ, какъ очевидецъ, о происшедшемъ. Убійство Синклера надѣлало много шуму и графъ де-Брюль поспѣшилъ сообщить т. с. Зуму: «мы должны показывать видъ незнающихъ этого дѣла, чтобы не быть подвергнутыми непріятности за то, что оказали ему услугу». Вальтеру же въ Стокгольмѣ и де-Брэ въ Парижѣ тотъ же графъ Брюль писалъ: «я вамъ описываю все это для того только, чтобы вы были въ состояніи доказать при обнаруженіи дѣла, что нашъ дворъ не принималъ при этомъ никакого участія, хотя онъ не могъ отказать неотступнымъ просьбамъ своего союзника задержать человѣка . . . Баронъ Кейзерлингъ также непричастенъ ко всему этому и совершенно не знаетъ этого дѣла; онъ такъ далекъ отъ подобныхъ преступленій, что даже заболѣлъ отъ непріятностей и не говорилъ съ офицерами . . . Есть поводъ думать, что они получили приказаніе отъ фельдмаршала графа Миниха, который могъ быть скорѣе всѣхъ увѣдомленъ о проѣздѣ барона Синклера черезъ Польшу, по возвращеніи его изъ Турціи» [23]).

Никто не склоненъ былъ вѣрить утвержденіямъ невиновности русскаго двора, которыя М. Бестужевъ распространялъ въ Стокгольмѣ, или о которомъ шведскій посланникъ Нолькенъ разсказывалъ въ Петербургѣ. Графъ Остерманъ просилъ Нолькена посѣтить его, чтобы переговорить о дѣлѣ, которое, по его увѣренію, столько же обезпокоивало русскій дворъ, какъ и шведскаго посланника; недоброжелательные люди не устаютъ возбуждать ненависть между Россіей и Швеціей. Казалось,—пишетъ Нолькенъ,—онъ, Остерманъ, отъ волненія, не могъ докончить рѣчь и далъ мнѣ прочесть «выдержку изъ письма, въ которомъ говорилось о печальной участи Синклера». Подобно Остерману, который

со слезами клялся, что Россія не виновна, герцогъ Курляндскій съ волненіемъ говорилъ, что Императрица, глубоко потрясенная этимъ извѣстіемъ, не успокоится, пока не откроется убійца [24]).

Агентъ Зумъ въ письмѣ къ графу Брюлю также удостовѣряетъ, что «герцогъ Курляндскій былъ сильно пораженъ извѣстіемъ» объ убійствѣ Синклера. Не менѣе герцога былъ удивленъ Остерманъ. «Онъ сказалъ мнѣ, продолжаетъ Зумъ,—что не понимаетъ, кто могъ дать подобное приказаніе . . . Онъ назвалъ поступокъ безчестнымъ и сказалъ, что слѣдовало бы колесовать этихъ офицеровъ»... Въ то же время резидентъ Вальтеръ писалъ изъ Стокгольма графу Брюлю: «Такъ какъ здѣсь дѣятельно хлопочутъ о прекращеніи дѣла, я думаю, что и Россія сдѣлала бы хорошо, поступивъ такимъ же образомъ или же взваливъ, въ случаѣ нужды, все это дѣло на графа Миниха, который имѣетъ столько полномочія (что то же самое) готовыхъ (подписанныхъ Императрицею) бланокъ» [25]).

Виновникомъ убійства Синклера Н. А. Полевой также признаетъ Миниха.—«Суровый Минихъ,—пишетъ онъ,—не слишкомъ заботившійся о приличіяхъ и еще менѣе объ условіяхъ народнаго права, своевольно хотѣлъ удостовѣриться въ справедливости подозрѣнія» [26]).

Участіе Миниха ограничилось посылкой двухъ офицеровъ и нѣсколькихъ унтеръ-офицеровъ. Отрядилъ ихъ фельдмаршалъ вслѣдствіе приказанія, исходившаго изъ Кабинета.

Въ деклараціи русскаго двора, разосланной всѣмъ ея представителямъ, говорилось, «что хотя, благодареніе Богу, наши репутація, честь, христіанское настроеніе и великодушіе столь хорошо всему свѣту извѣстны», что нѣтъ могущихъ заподозрить этотъ дворъ, однако Швеція много ведетъ теперь переговоровъ объ «оборонительной и оффенсивной аліанціи», а въ донесеніи о событіи упоминаетъ о двухъ русскихъ офицерахъ. Почему дворъ поручилъ своимъ представителямъ объяснить: «что мы не только не имѣли и не принимали ни малѣйшаго участія въ такомъ мерзкомъ дѣлѣ (если только оно учинено); но что мы, напротивъ, смотримъ на оное какъ на мерзкое дѣло и въ высшей степени не достойное нашей чести и нашего сана и оное до чрезвычайности ненавидимъ». Далѣе идетъ указаніе, что именно Россія просила о строжайшемъ разслѣдованіи и розыскѣ убійцъ и употребить всѣ средства, чтобы выяснить виновныхъ. Наконецъ, [illegible] существующей между Россіей и Швеціей дружбѣ и союзѣ, кои Россія желаетъ со-

блюсти. Россія желала, чтобы дѣло въ печати не оглашалось, но если оно уже оглашено, то проситъ, чтобы напечатана была и настоящая декларація. Подписали декларацію А. Остерманъ, Кн. Черкасскій и А. Волынскій [27]).

Когда производился ужасный сыскъ по дѣлу Бирона, то было показано, что А. Бестужевъ-Рюминъ, читая въ Гарстовѣ русскія газеты, говорилъ Ковалеву (своему человѣку): «Что, де, въ газетахъ ни пишутъ, то правды мало, да и не токмо въ оныхъ, но и въ манифестахъ печатаютъ неправду. Вотъ, де, блаженныя памяти, Государыня Императрица Анна Іоанновна, когда съ турками имѣла войну, а шведы сдѣлали, чтобы турокъ подкрѣплять и противъ Россіи паки возмутить, а между тѣмъ самимъ войну съ Россіей начать, и о томъ, де, съ письменнымъ предложеніемъ въ Турецкую область нарочный офицеръ былъ посланъ, съ котораго заранѣе братъ его (Мих. Петр. Бестужевъ), списавъ портретъ, отправилъ, и Государыня, де, указала его разстрѣлять, а письма обобрать, и потомъ, де, Государыня, и за подписаніемъ собственной руки, съ клятвою отъ того отреклась, что будто бы ничего не знала». А. Бестужевъ на допросѣ въ Тайной Канцеляріи не повинился и далъ иное объясненіе указанному обстоятельству [28]).

Участниковъ дѣла—офицеровъ—русское правительство поспѣшило отправить въ Сибирь.

Шведскія власти знали истинную цѣну происшествія, не считали его особенно важнымъ и смотрѣли на него, какъ на одно изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя служатъ только предметомъ для удовлетворенія любопытства публики. Но онѣ ухватились за него, какъ за хорошее средство ожесточенія народа противъ Россіи. Оправданія Русскаго Двора были напрасны. Швеція дышала уже местью. Ея офицеры, возмущенные поступкомъ М. Бестужева, грозили ему участью Синклера.

Разрывъ со Швеціей оказался неизбѣжнымъ... Сильное негодованіе охватило все королевство и никто не желалъ внять русской деклараціи. Газетныя статьи и брошюры-памфлеты раздули дѣло. Аристократія и сторонники французовъ поддерживали общее недовольство. Возмущенная чернь нанесла оскорбленіе русскому посольству. Бестужевъ подалъ жалобу. Правительство обнародовало воспрещеніе притѣснять иностранцевъ; но это постановленіе дѣлу конечно не помогло.

Общимъ настроеніемъ искусно воспользовались шляпы, которыя теперь быстро повели дѣло къ разрыву съ Россіей.

Въ то время какъ шляпы перековывали орала на мечи, когда въ Финляндіи производились приготовленія къ раскъартированію арміи и даже происходили уже передвиженія нѣкоторыхъ ея боевыхъ частей, въ Петербургѣ раскинули свою дипломатическую паутину представители Швеціи — Нолькенъ и Франціи — маркизъ де-ла Шетарди.

Эрикъ Матіасъ фонъ Нолькенъ родился въ 1694 г. въ Ригѣ. По окончаніи университета и завершенія образованія за границей, онъ занимался дипломатическими и административными дѣлами второстепеннаго значенія и, повидимому, былъ отличнымъ чиновникомъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде всего требовался умный исполнитель данныхъ приказаній: онъ ни къ какой партіи не принадлежалъ и потому могъ служить и шляпамъ, и шапкамъ. Находясь въ свойствѣ съ графомъ Горномъ, Нолькенъ въ началѣ своей карьеры въ Петербургѣ не пользовался довѣріемъ правящихъ сановниковъ. Государственный совѣтникъ Спарре подозрѣвалъ, что личная привязанность Нолькена къ Горну направляла всю его оффиціальную дѣятельность. Спарре негодовалъ также на то, что Нолькенъ посредствомъ герцога Курляндскаго излишне ретиво добивался заключенія мира съ Россіей. Нолькену объявили за это выговоръ. Тѣмъ не менѣе представителя Франціи, Шетарди, съ которымъ ему приходилось дѣйствовать въ Петербургѣ, увѣдомили, что Нолькенъ все-таки человѣкъ доброжелательный, патріотъ и хорошо знаетъ Россію. Впослѣдствіи Нолькенъ заслужилъ довѣріе гр. К. Гюлленборга, хотя своими разсказами о склонности Россіи къ войнѣ не могъ вполнѣ угодить господствующей партіи, ибо, — какъ утверждаетъ шведскій историкъ Тенгбергъ (N. Tengberg), — былъ слишкомъ осторожен и добросовѣстенъ, чтобы преувеличивать или замалчивать то, что его служба требовала представить въ настоящемъ видѣ [29]).

Чтобы понять, какое [illegible] представляло въ то время изъ себя домъ шведскаго посольства въ Петербургѣ, необходимо взглянуть въ ту инструкцію, которой обязанъ былъ руководствоваться Нолькенъ. Ему поручено было изъ трехъ партій въ Россіи выбрать ту, которая [illegible] сильнѣйшей и которая предложитъ [illegible] помощь Швеціи. Если онъ увидитъ, что послѣ смерти Им[illegible] сановники примкнутъ [illegible] образомъ окажется [illegible] понять, что шведское правительство къ ней благосклонно.

Къ которой бы изъ принцессъ и ихъ приверженцевъ Нолькенъ ни присоединялся, ему надлежало подстрекать ихъ противъ предшествующаго правленія иностранцевъ, а также высказываться противъ тѣхъ преслѣдованій, которымъ подвергались знатнѣйшіе русскіе представители государства. Все это являлось плодами единовластія, отъ котораго Швеція, «любящая благородную свободу», желала избавить Россію. Но если окажется, что положеніе герцога Курляндскаго дѣйствительно представляется прочнымъ, и что онъ не имѣетъ надобности связывать себя съ которою либо изъ принцессъ, то Нолькенъ долженъ былъ представить ему и его приверженцамъ опасность, которая, при переворотѣ въ Россіи, угрожала всѣмъ иностранцамъ и особенно тѣмъ, которые такъ долго были ея представителями. При указанномъ условіи онъ долженъ былъ предложить имъ сильную помощь со стороны Швеціи и, если представится нужнымъ, то и убѣжище въ ней. Вообще Нолькену надлежало убѣдить ту партію, которую онъ изберетъ, въ предоставленіи ей скорой помощи отъ арміи, расположенной въ Финляндіи. Особая помощь сулилась въ томъ случаѣ, если партія обезпечивала безопасность Швеціи передачей ей Выборга; этимъ условіемъ Нолькенъ могъ пренебречь единственно тогда, когда замѣтитъ, что Выборгъ безъ всякой опасности можно оставить въ тылу шведской арміи, при ея наступленіи на Петербургъ, и если слѣдствіемъ сего движенія явится паденіе крѣпости. Весь описанный планъ надлежало держать въ большомъ секретѣ, пока не настанетъ время его исполненія. Нолькену предписывалось также поддерживать постоянную переписку съ Будденброкомъ [30]).

Наконецъ, Нолькену предусмотрительно рекомендовалось также льстить лифляндскому дворянству.

До смерти Императрицы Анны Іоанновны Нолькенъ не долженъ былъ сообщать о своей инструкціи Шетарди, и только въ разговорѣ съ нимъ выпытывать его мнѣніе [31]).

Вскорѣ, вмѣстѣ съ Нолькеномъ, видное положеніе въ петербургскихъ сферахъ занялъ представитель Франціи — Шетарди. Маркизъ де-ла Шетарди, по словамъ Вандаля, типъ красиваго, обходительнаго, свѣтскаго француза XVIII ст.—То офицеръ, то дипломатъ, но прежде всего придворный. — Гордый, самоувѣренный и легкомысленный, онъ прибылъ въ Петербургъ, имѣя двѣнадцать секретарей, шесть поваровъ, платья послѣдняго покроя и до ста тысячъ бутылокъ тонкаго французскаго вина. Онъ везъ

очаровывалъ манерами и комплиментами. Ежедневно на его столѣ стояло 14 приборовъ для посѣтителей; но первоначально никто не являлся. Остерману пришлось приказать придворнымъ пріѣзжать къ нему. Салонъ Шетарди наполнился избраннымъ петербургскимъ обществомъ. На придворныхъ балахъ онъ танцовалъ менуэтъ съ великой княжной Елизаветой Петровной. Франція опасалась роста Россіи и потому въ инструкціи Шетарди говорилось: «Россія въ отношеніи къ равновѣсію на сѣверѣ достигла слишкомъ высокой степени могущества»... Король не только заключилъ съ Швеціей трактатъ о субсидіяхъ, но и употребилъ всѣ усилія, чтобы удалить изъ правительства Швеціи всѣхъ лицъ, которыя извѣстны были своею преданностью Англіи и Россіи»[32]).

Нолькенъ и Шетарди сблизились. Они дружно начали работать въ интересахъ Швеціи. Дипломаты пустили въ ходъ все свое искусство и долго изыскивали разные способы исполнить возложенныя на нихъ обязанности.

И вотъ, однажды, въ іюнѣ 1740 г., одному изъ союзниковъ довелось откровенно подвести нѣкоторые итоги тому дѣлу, которому служили. Признаніе получилось во многихъ отношеніяхъ поучительное [33]). Оно даетъ картину внутренняго состоянія Россіи, показываетъ отношенія къ ней иностранныхъ представителей и раскрываетъ слабость Швеціи.

«Въ ту минуту, м. г., какъ мнѣ было передано сегодня утромъ письмо, которымъ вы меня почтили, я уже брался за перо... Преслѣдуя лишь выгоды Швеціи,—писалъ Шетарди графу Сенъ-Северину,— я счелъ должнымъ сопоставить и провѣрить, вмѣстѣ съ Нолькеномъ, всѣ доводы за и противъ, которые могутъ привести къ столь важному рѣшенію, а именно начинать Швеціи или нѣтъ военныя дѣйствія противъ Россіи». Итакъ, мы согласились въ слѣдующемъ: 1) доказано, что (у Россіи) существуетъ недостатокъ въ деньгахъ; во первыхъ, вслѣдствіе задержекъ въ выплатѣ недоимокъ, накопившихся за нѣсколько лѣтъ до суммы въ полтора милліона рублей; несмотря на строгости, употреблявшіяся для взысканія уплаты этой суммы, пришлось простить ее поданнымъ, подъ предлогомъ оказанія милости по случаю заключенія мира съ (Турціей); во вторыхъ, существуетъ отъ шести до двѣнадцати милліоновъ рублей въ мѣдныхъ пятикопѣечныхъ монетахъ, которыя, какъ говорятъ, имѣютъ теперь обращеніе въ странѣ, вмѣсто двухъ милліоновъ, вычеканенныхъ первоначально; такое увеличеніе есть дѣло англичанъ и поляковъ,

желавшихъ отомстить за необходимость, въ которую они были поставлены, принимать противъ воли уплату рублями; въ третьихъ, является затрудненіе распродать билеты лотереи, учрежденной на сибирскіе рудники и открытой съ годъ тому назадъ; въ четвертыхъ, прошлый годъ, какъ и нынѣшній не было вычеканено обычнаго числа рублей, и даже не поступило вовсе въ страну количества серебра, необходимаго для этой цѣли; 2) болѣе чѣмъ вѣроятно (въ Россіи) существуетъ недостатокъ въ людяхъ: во первыхъ, вслѣдствіе набора инородцевъ-язычниковъ, крестьянъ, предназначенныхъ для работы на сибирскихъ рудникахъ, дѣтей духовенства и лицъ слишкомъ юнаго возраста; между тѣмъ, ничего подобнаго не случалось въ самые тяжкіе годины царствованія Петра I; 3) нельзя многаго, повидимому, ожидать отъ (русской) арміи: во первыхъ, потому, что она почти цѣликомъ составлена изъ новобранцевъ, несмотря на заботы, прилагавшіяся къ тому, чтобы скрыть понесенныя потери; во вторыхъ, количество старыхъ солдатъ, которые находятся тамъ въ настоящее время, и которые вступили туда лишь около начала волненій въ Польшѣ, не можетъ, въ сущности, превышать двадцати тысячъ человѣкъ; въ третьихъ, кавалерія, т. е. драгуны, такъ какъ кирасировъ только три полка, чрезвычайно дурно экипирована и чувствуетъ значительный недостатокъ въ лошадяхъ; 4) очевидно, флотъ (Россіи), что касается крупныхъ кораблей, находится и будетъ находиться въ весьма дурномъ состояніи до тѣхъ поръ, пока каналъ, устраиваемый въ Кронштадтѣ для помѣщенія ихъ въ доки, не будетъ оконченъ; равнымъ образомъ, извѣстно, что существуетъ недостатокъ, отъ котораго не избавятся и въ будущемъ, относительно матросовъ: во первыхъ, потому, что духъ (русскаго народа) совершенно не соотвѣтствуетъ морскому дѣлу, а во вторыхъ, льды и суровость климата допускаютъ обученіе моряковъ лишь въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ ежегодно и притомъ всегда на нѣкоторомъ разстояніи отъ Кронштадта; въ третьихъ, теперь не посылаютъ болѣе людей для обученія этому дѣлу къ иностранцамъ, въ виду того, что, какъ только они знакомились съ чужими землями, то не возвращались уже болѣе [illegible]; въ четвертыхъ, планъ Петра I отправлять ежегодно по [illegible] въ [illegible] на службу и [illegible] [illegible]; 5) существуетъ [illegible], [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] нынѣшнимъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

особенно настаиваетъ, это слѣдующее: примѣръ прошлаго, какъ по отношенію къ граждебнымъ дѣйствіямъ, такъ и къ затрудненіямъ, какія здѣшній (петербургскій) дворъ старался причинить Швеціи, даже внутри ея владѣній, является руководствомъ и на будущее время; весьма вѣроятно, что Россія, чувствуя раздраженіе противъ шведовъ, съ удовольствіемъ воспользуется случаемъ отомстить за себя, какъ только оправится при помощи мира.

«Доводы противъ войны слѣдующіе: 1) увѣряютъ, что можно устранить затрудненія, вызываемыя недостаткомъ въ деньгахъ, прежде всего при помощи громадныхъ средствъ, которыя неограниченная (русская) власть повелитъ розыскивать въ монастырскихъ владѣніяхъ, хранимыхъ и оберегаемыхъ нарочно на случай крайней нужды; затѣмъ, при помощи конфискаціонной камеры, которую могутъ вскорѣ возстановить и благодаря которой въ последнюю войну съ Портой было пріобрѣтено весьма много, тѣмъ болѣе, что тамъ совершается все по произволу и ни на что не обращая вниманія; 2) громадныя пространства владѣній, подчиненныхъ владычеству Царицы, хотя и мало населенныя, доставляли до сихъ поръ людей, способныхъ носить оружіе и всегда ихъ будутъ находить, поискавъ въ болѣе или менѣе далекихъ областяхъ и примѣнивъ въ большей или меньшей степени насиліе; 3) армія (русская) весьма многочисленна, весьма хорошо содержится, и стоитъ очень мало сравнительно съ тѣмъ, во что она обходится другимъ державамъ; она снабжена прекрасной артиллеріей съ отличною прислугой; третью часть офицеровъ составляютъ иностранцы; всѣхъ ихъ въ настоящее время двѣ тысячи; дисциплина и повиновеніе полное; наконецъ, маневры, въ которыхъ упражняются войска, всѣ имѣютъ въ виду пріобрѣсти выгоды самой энергичной обороны; 4) если Россія не въ состояніи снарядить достаточнаго количества кораблей для образованія флота, то она можетъ питать всяческія надежды на хорошее состояніе, въ какомъ находятся ея галеры, и на употребленіе, какое она можетъ изъ нихъ сдѣлать, чтобы безпокоить непріятеля, съ которымъ будетъ вести войну, и возбуждать смятеніе и ужасъ на его берегахъ, а, можетъ быть, даже и въ ближайшихъ къ нимъ внутреннихъ областяхъ; прежде всего здѣсь выдвигается то обстоятельство, что Петръ Великій съумѣлъ внушить находившимся въ его распоряженіи войскамъ мысль о почетѣ, связанномъ съ должностью, обыкновенно исполняемой каторжниками; и даже гвар-дейцы считали за для себя огорченіемъ не участвовать въ

гребцѣ на перевозящей ихъ галерѣ; кромѣ того, изъ этого единственнаго въ своемъ родѣ предразсудка проистекаетъ, что галера, заключающая въ себѣ, повидимому, немного народу, высаживаетъ, приставъ къ берегу, отъ 400 до 500 вооруженныхъ людей; 5) что касается внутренняго броженія, то прошлое можетъ дать понятіе о вѣроломствѣ русскихъ по отношенію другъ къ другу; недостатокъ же въ разумныхъ людяхъ сдѣлаетъ то, что никогда у нихъ не будетъ вождя, способнаго руководить подобнымъ замысломъ съ надеждой на успѣхъ; кромѣ того, предметъ этотъ подверженъ почти непреодолимымъ затрудненіямъ при томъ безусловно деспотическомъ правленіи, какое существуетъ здѣсь: а потому, съ этой стороны, нельзя ни на что надѣяться, если только не желать увлекаться фантазіями: даже перемѣна, какая могла бы произойти по смерти Царицы, если она не сдѣлаетъ заранѣе никакихъ распоряженій, и слѣдствія, которыхъ было бы естественно при этомъ ожидать, представляются и суть на самомъ дѣлѣ событія весьма сомнительныя, на которыя не слѣдуетъ ни разсчитывать, ни принимать въ соображеніе: 6) это точно также статья, при помощи которой я, въ свою очередь, счелъ возможнымъ, на основаніи своихъ доводовъ, разсѣять опасенія Нолькена; я согласенъ, что примѣръ прошлаго является руководствомъ и на будущее время, но выводъ изъ этого слѣдуетъ сдѣлать такой: Швеція должна настолько сплотиться внутри, чтобы отнять у своихъ сосѣдей даже и мысль о вмѣшательствѣ въ ихъ внутреннія дѣла: въ заключеніе, я полагаю, что Швеція могла бы также при помощи договора оградить себя отъ гнѣва Россіи и придать себѣ достаточно вѣса, чтобы ничего не бояться со стороны послѣдней. Есть еще нѣкоторыя особыя соображенія, м. г., которыя останутся между мною и вами, и въ которыхъ я не могу себѣ отказать.

«Здѣшній (русскій) дворъ, повторяю вамъ это, находится въ состояніи грозной обороны и можетъ поддерживать такое положеніе, при незначительныхъ издержкахъ и безъ затрудненій до тѣхъ поръ, пока войска не удалятся отъ границъ.

«На тѣхъ же основаніяхъ здѣшній дворъ безъ труда можетъ сохранить выказываемую имъ сдержанность: напротивъ, Швеціи она должна дорого стоить.

«Россія, разумѣется, не перейдетъ въ наступленіе при данныхъ обстоятельствахъ; напрасно шведы льстили бы себя такой надеждой.

«Кромѣ того, дворы, не руководимые духомъ пристрастія, могутъ лишь признать степень могущества, котораго достигла Россія и которая должна пошатнуть и даже разрушить основы сохраненія равновѣсія на сѣверѣ; есть не мало дворовъ, обратившихъ на этотъ предметъ особое вниманіе; поэтому не будетъ ли въ интересахъ Швеціи упрочить такой образъ мысли и принудить русскихъ, на основаніи этого довода, сознаваемаго ими яснѣе всѣхъ, ничего не предпринимать и подчиниться современемъ обращенію дѣла на путь переговоровъ. Если же Швеція, напротивъ, аттакуетъ Россію, то разсѣетъ предразсудокъ, который для нея важно поддерживать. Такое рѣшеніе поведетъ къ убѣжденію, что разъ Швеція въ состояніи на него отважиться, то равновѣсію на сѣверѣ не грозитъ никакой опасности, и отдаленныя державы могутъ, слѣдовательно, успокоиться относительно средствъ, которыя, именно, содѣйствовали бы возстановленію равновѣсія. Это поводъ, который шведы всегда могутъ поставить на видъ, оставаясь въ оборонительномъ положеніи, и которымъ они могутъ воспользоваться для возбужденія тревоги. Они лишаютъ себя такой помощи противоположнымъ образомъ дѣйствій и оправдываютъ мѣропріятія Россіи, которая не замедлитъ въ такомъ случаѣ прикрыться ложною скромностью, увѣряя всѣхъ, что не можетъ приложить достаточныхъ заботъ для огражденія себя отъ такого безпокойнаго сосѣда, какъ Швеція.

«Въ заключеніе, вы поймете: что ни Нолькену, ни мнѣ нельзя было простирать далѣе своихъ соображеній, такъ какъ намъ совершенно неизвѣстны истинныя намѣренія Швеціи, причины, служащія для нея основаніемъ вступить въ войну, помощь всякаго рода, на которую она можетъ справедливо разсчитывать, чье сочувствіе имѣется ею при этомъ въ виду; затѣмъ до какихъ предѣловъ она желаетъ и можетъ простирать свои надежды въ случаяхъ успѣха: неизвѣстны, наконецъ, тѣ жертвы, на которыя бы Швеція согласилась, если бы событія не соотвѣтствовали ея ожиданіямъ». Таково истинное положеніе Россіи и Швеціи, по откровенному мнѣнію союзниковъ. Дѣла Швеціи велись настолько плохо, что интимнѣйшіе ея друзья изъ дипломатовъ не могли въ нихъ разобраться. Все представляло изъ себя хаосъ, созданный интригами, подкупами и бездарностью руководителей внѣшней и внутренней политики.

Особенно затруднительнымъ явилось положеніе Будденброка.

10 сентября 1740 года начальствованіе надъ войсками, расположенными въ Финляндіи отъ Кронстедта перешло Будденброку, впредь до прибытія Левенгаупта. Товарищъ Будденброка, сопровождавшій его на войнѣ какъ въ Норвегіи, такъ и въ Финляндіи, отзывается о немъ, какъ о самомъ опытномъ и

искусномъ изъ всѣхъ современныхъ ему шведскихъ генераловъ. Предписанія, данныя главнокомандующемъ въ 1739 году, когда войска отправлялись въ Финляндію, продолжали дѣйствовать и содержали въ себѣ указаніе, чтобы онъ, по кончинѣ Императрицы Анны Іоанновны, тотчасъ же съ возможно большей силой приблизился къ границѣ, оставивъ остальныя войска слѣдовать за собой, какъ только они будутъ готовы къ выступленію. Далѣе предлагалось занять русскую область,

окружить Выборгъ и распространить объявленія о своемъ намѣреніи помочь русскимъ достичь свободы, а Швеціи — вернуть ея прежнія владѣнія. Согласно этой инструкціи, Будденброкъ, при первомъ извѣстіи о безнадежномъ состояніи Императрицы, запросилъ свое правительство, долженъ-ли онъ собрать армію, чтобы, при уступкѣ Выборга и обѣщаніи вернуть прибалтійскія провинціи, помочь той русской партіи, которая попроситъ его содѣйствія. Мнѣнія въ Стокгольмѣ раздѣлились. Большинство, кажется, склонилось къ тому, чтобы генералъ, послѣ совѣта съ Нолькеномъ, имѣлъ развязанныя руки и могъ двинуться не только къ границѣ, но и къ Петербургу.

Осторожно, не путемъ переписки, Будденброку надлежало войти въ сношенія съ русскими главарями возстанія и какъ будто отъ себя подать имъ надежду на помощь своего короля, но вообще онъ обязанъ былъ держать себя спокойно, пока не получитъ указаній изъ Стокгольма.

Лишь въ одномъ случаѣ Будденброку разрѣшалось начать непріятельскія дѣйствія на свой рискъ: если кто-нибудь, подкупленный шведскими обѣщаніями, или недовольный русскимъ правительствомъ, предложитъ передать Выборгъ въ его руки.

Въ октябрѣ 1740 года Императрица Анна скончалась, и интриги Нолькена въ Петербургѣ, имѣвшія цѣлью создать поводъ приближенія къ границѣ войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи, были въ ходу. Генералъ Будденброкъ издалъ указъ, чтобы крестьяне по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ къ Россіи, выставили кормъ для лошадей; но государственные чины въ Стокгольмѣ отмѣнили дѣйствіе этого распоряженія изъ боязни, что оно не совпадетъ съ желаніями ожидавшагося риксдага, и осень, лучшее время для заготовленія запасовъ въ Финляндіи, была такимъ образомъ упущена, а потеря времени, какъ извѣстно, «смерти невозвратной подобно».

Три или четыре раза Будденброку давались предписанія собрать войска для «защиты» страны, но какъ только онъ просилъ разрѣшенія перейти къ активнымъ дѣйствіямъ, его останавливали. 10 марта онъ намѣревался напасть на непріятеля, но въ отвѣтной королевской резолюціи прочелъ: «не атаковывать».

Итакъ, войска, расположенныя въ скудно одѣленной Финляндіи, бездѣйствовали, [illegible] въ провіантѣ. Средства истощались. Недовольство росло. Народъ въ Нюландской и Тавастгусской губерніяхъ жаловался на постой и просилъ, чтобы

солдаты были больше разбросаны по краю. Ходатаемъ ихъ явился недовольный ландсгевдингъ Гюлленшерна [34]).

Откровенная бесѣда дипломатовъ-союзниковъ, а также наблюденія другихъ иностранцевъ—все, казалось, предостерегало Швецію и совѣтовало ей умѣрить воинственный задоръ. Клавдій Рондо—секретарь англійскаго консула—еще въ апрѣлѣ 1739 г. предрекалъ, что «если шведы окажутся настолько безумными, что рѣшатся на разрывъ съ Царицей, они навлекутъ большія несчастія на свое отечество. такъ какъ русскій дворъ не остановится ни предъ какими соображеніями, лишь-бы отомстить шведамъ» [35]). Ровно черезъ годъ самъ маркизъ де-ла Шетарди держался того же мнѣнія, говоря, что борьба становится слишкомъ неравной. Кончина Анны Іоанновны Россіи не потрясла и она осталась столь же сильной, какъ прежде [36]). Чувства недовольства въ Россіи шведской партіи не усилили. Сверженіе Бирона наглядно показало шведамъ устойчивость русскаго правительства. Въ декабрѣ 1740 года Амело писалъ: «Швеція должна считать положеніе Россіи въ настоящій моментъ менѣе, чѣмъ когда-либо благопріятнымъ для разрыва съ русскимъ дворомъ».

Но иначе смотрѣла на дѣло партія, господствовавшая въ Швеціи. Она считала общественное мнѣніе достаточно подготовленнымъ депешами Нолькена, убійствомъ маіора Синклера и донесеніями Будденброка изъ Финляндіи.

Донесенія Нолькена и Будденброка... Есть основаніе предполагать, что ими руководилъ премьеръ-министръ гр. К. Гюлленборгъ. По крайней мѣрѣ шведскій историкъ Гейеръ утверждаетъ, что Будденброку, по его собственному признанію, было приказано сообщать въ Стокгольмъ только свѣдѣнія благопріятныя намѣреніямъ воинствующей партіи. Въ ноябрѣ 1740 г. гр. Карлъ Гюлленбергъ повторилъ Будденброку свое распоряженіе не посылать никому донесеній, касающихся предполагаемой войны, кромѣ его, премьеръ-министра. Очевидно, что отъ короля и населенія многое скрывалось. Чтобы не запугать чиновъ риксдага во время безденежья, правящіе въ Стокгольмѣ составили совершенно ненадежную смѣту на сооруженіе обоза и снабженіе полевой артиллеріи лошадьми и подводами. Лагеркранцъ, Левенгауптъ и другіе комментировали смѣту измышленными соображеніями о томъ, что напрасно обременять себя слишкомъ большимъ обозомъ, особенно въ странѣ, гдѣ всѣ запасы будутъ привозить морскимъ путемъ, гдѣ суда могутъ слѣдовать за арміей. Когда затѣмъ поручили

Будденброку озаботиться уменьшеніемъ обоза по этой смѣтѣ, то его вводили въ заблужденіе заявленіемъ, что войска предназначаются исключительно для защиты страны, почему нѣтъ надобности сопровождать ихъ большими обозами, тѣмъ болѣе, что въ странѣ, гдѣ придется дѣйствовать, тѣсно и обрывисто, почему обозомъ нельзя будетъ пользоваться безъ затрудненій [37]). Обманъ практиковался широко. Обманывали себя и другихъ. Статьи прихода искусственно повышались, а расхода—умышленно понижались. Въ результатѣ оказалось, между прочимъ, что по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ военнаго положенія вынуждены были прибѣгнуть къ иностранному займу.

Самъ Будденброкъ былъ того мнѣнія, что слѣдуетъ остерегаться рапортовъ, отъ которыхъ народъ падаетъ духомъ. Общее мнѣніе считало, что одинъ шведъ еще стóитъ 10 и даже 20-ти русскихъ, и что непріятель, конечно, не посмѣетъ напасть.—Такое заявленіе, прибавляетъ шведскій историкъ, могло исходить изъ привычки ежедневно получать опрометчивыя и преувеличенныя свѣдѣнія, а также изъ общаго презрѣнія партіи шляпъ къ силѣ и отвагѣ Россіи.

Обстоятельства между тѣмъ задорно подталкивали воинствующую партію. Къ донесеніямъ Нолькена, Будденброка и къ убійству маіора Синклера присоединилась еще исторія въ домѣ русскаго представителя въ Стокгольмѣ.

М. Бестужевъ имѣлъ вѣрныхъ союзниковъ среди членовъ шведскаго государственнаго совѣта (напр. Гёпкена), которые держали его въ курсѣ всѣхъ тайныхъ совѣщаній и переговоровъ съ французскимъ посланникомъ. Тѣмъ не менѣе французская интрига увлекла на свою сторону большинство членовъ секретнаго комитета и французское посольство, начиная съ 1738 г., сдѣлалось правительственнымъ центромъ Швеціи. Глава французской партіи графъ Гюлленборгъ распоряжался почти совершенно самостоятельно. Одно обстоятельство особенно подняло его значеніе. Въ ночь на 26 февраля 1741 г. Іоганъ Аксель Гюлленшерна (сынъ Нюландскаго ландсгевдинга) былъ арестованъ въ тотъ моментъ, когда выходилъ изъ дома Бестужева. На допросѣ онъ сознался, что русскіе и англійскіе министры раздавали деньги нѣкоторымъ членамъ рикедага, чтобы располагать ихъ голосами. Шляпы воспользовались случаемъ и открыли широкое преслѣдованіе своихъ противниковъ. Организація секретнаго комитета представила къ тому удобное средство. Въ періодъ засѣданій рикедага, королев-

ствомъ управлялъ секретный комитетъ, имѣвшій право судить членовъ государственнаго совѣта и отрѣшать ихъ отъ должности. По окончаніи риксдага, секретный комитетъ давалъ инструкцію королю и государственному совѣту, которой они обязаны были руководствоваться до слѣдующаго риксдага. Когда-же риксдагъ вздумалъ отъ членовъ секретнаго комитета потребовать отчета, то они отказались дать его, ссылаясь на свою присягу, обязывавшую ихъ держать все въ тайнѣ.

При разслѣдованіи дѣла Іогана Гюлленшерна такъ-называемой «Комиссіей измѣны» изъ финляндскихъ депутатовъ пострадали Іоаннъ Анкергольцъ и Іоаннъ Матесіусъ. Обоихъ подвергли пыткѣ. Матесіуса обвинили въ томъ, что, вопреки служебнаго долга, велъ знакомство съ секретаремъ русскаго министра Функомъ, а Анкергольцу ставили въ укоръ, что онъ рѣзко порицалъ противниковъ и не открылъ извѣстнаго ему чужого замысла. Очевидно, что оба сдѣлались жертвами несправедливой политической ненависти и что преслѣдованіе ихъ вызвано было требованіями обстоятельствъ.

Такая расправа шляпъ отняла, конечно, надолго охоту у противниковъ противодѣйствовать ихъ стремленіямъ. Секретный комитетъ, дѣйствуя теперь безъ соперниковъ, вошелъ въ окончательное соглашеніе съ Франціей, причемъ Швеція обязалась напасть на Россію, а Франція—выдать значительную субсидію на покрытіе военныхъ расходовъ.

Самъ М. Бестужевъ захворалъ, когда разоблачены были его тайныя сношенія съ первымъ секретаремъ канцеляріи иностранныхъ дѣлъ Швеціи. Компрометирующія бумаги онъ сжегъ. Неудачу русской политики въ Швеціи М. Бестужевъ уравновѣсилъ нѣсколько сближеніемъ Россіи съ Англіей, которыя заключили между собой въ 1741 г. оборонительный трактатъ.

Свѣдѣнія, которыми располагалъ Бестужевъ, благодаря своимъ друзьямъ, показывали, что Россіи нечего было опасаться военныхъ дѣйствій со стороны Швеціи. Не смотря на перевѣсъ партіи шляпъ въ риксдагѣ и на преслѣдованія, воздвигнутыя ими на своихъ политическихъ противниковъ, въ депешѣ Бестужева отъ 5 марта 1741 г. читаемъ: «Наши друзья-шапки того мнѣнія, что если не воздѣйствуютъ другія средства, то надо обезкуражить противниковъ отнятіемъ Финляндіи. При вмѣшательствѣ другихъ державъ можно заявить, что Россія готова возвратить Финляндію, коль скоро получитъ удовлетвореніе за

причиненныя шведскимъ правительствомъ несправедливости». Представители оппозиціи (Біелке и др.), совѣтовавшіе занять Финляндію русскими войсками, стали вмѣстѣ съ тѣмъ склонять къ мысли, что рано или поздно Финляндію придется уступить могущественному сосѣду. «Добрые шведскіе патріоты, доноситъ Бестужевъ, заявляли ему, что отъ снисходительности и доброй воли русскаго правительства зависитъ покорить Финляндію или предоставить ее Швеціи».

Важныя историческія событія быстро чередовались. 10-го декабря 1738 г. Швеція заключила съ Франціей трактатъ о субсидіяхъ. Въ апрѣлѣ 1739 г., послѣ окончанія рикcдага Швеція послала гр. Тессина во Францію съ важными порученіями. Въ сентябрѣ 1739 г. Турція заключила миръ съ Россіей. Одно серьезное условіе успѣха Швеціи такимъ образомъ отпало. Но взамѣнъ этого представился случай разсчитывать на слабость Россіи, гдѣ воцарился младенецъ, Іоаннъ Антоновичъ, а флотъ послѣ Петра В. пришелъ въ замѣтный упадокъ. Въ секретныхъ и секретнѣйшихъ комиссіяхъ сторонники войны преобладали, но въ риксдагѣ стойко протестовали крестьяне. Убійство Синклера сломило это противодѣйствіе и въ крестьянахъ заговорило чувство мести, въ надеждѣ, что Швеція выступитъ на борьбу не одна, а въ союзѣ съ другими державами, о сочувствіи которыхъ такъ много говорила господствовавшая партія. Въ ночь съ 9 на 10 декабря 1739 г. стокгольмская чернь камнями выбила окна въ домѣ русскаго посольства.

Слѣдующему риксдагу надлежало собраться въ 1742 году; но чтобы не пропустить удобнаго момента, рѣшено было немедленно созвать представителей сословій. Въ декабрѣ 1740 г. они уже собрались для разсмотрѣнія неотложныхъ государственныхъ дѣлъ. Прежде всего имъ надлежало разобраться въ вопросѣ о войнѣ. Обстоятельства значительно благопріятствовали шляпамъ, но тѣмъ не менѣе имъ пришлось выдержать не малую борьбу.

Наиболѣе возраженій противъ войны слѣдовало ожидать отъ представителей финляндскихъ сословій; но дворяне—въ лицѣ братьевъ Вреде, Шернстедта, Карла Генриха Спренгтпортена—по прежнему оставались вѣрными союзниками шляпъ. Скромнѣе другихъ держалъ себя Ларсъ Іоганъ Эренмальмъ, сторонившійся партійныхъ вопросовъ. Лагманъ Лилиешерна, какъ и раньше, продолжалъ стоять за миръ, рисуя членамъ риксдага бѣдственное положеніе Финляндіи, которое должно было сдѣлаться еще болѣе

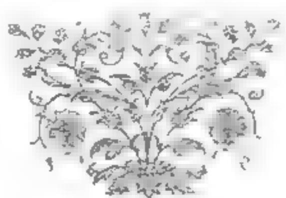
угрожающимъ. Серьезно и мирно говорилъ сей финляндецъ Амнеллъ, обращая вниманіе на то, что Финляндія, какъ ближайшая къ непріятелю и [illegible] при маршахъ и контрмаршахъ, нуждается въ особой заботливости, чтобы спасти населеніе отъ разоренія, а край отъ превращенія его въ пустыню. Онъ, желая успѣха шведскому оружію, просилъ вниманія и ласки со стороны своихъ братьевъ въ Швеціи. На это ландмаршалъ равнодушно отвѣтилъ указаніемъ на выгоды Финляндіи, въ которой денежные обороты увеличатся отъ присутствія въ ней шведской арміи.

За предѣлами Швеціи въ это время все еще полагали, что заносчивость риксдага не доведетъ дѣла до разрыва, а все ограничится незначительной диверсіей. Особенно крѣпко держался этихъ мыслей Эд. Финчъ. По его мнѣнію, Швеція лишена была возможности воевать съ Россіей. Если Швеція всетаки, вопреки собственной безопасности, начнетъ распрю, то она должна кончиться для нея полнымъ пораженіемъ, пожалуй, разореніемъ. Такъ разсуждалъ представитель Англіи въ Петербургѣ, въ бесѣдѣ съ графомъ Остерманомъ (въ маѣ 1741 г.).

Бурный потокъ воинственныхъ стремленій все ширился и росъ. Задорное настроеніе охватило стокгольмскую молодежь, дамъ и дѣвицъ. Женщины раздѣлились на группы и нѣкоторыя, желая показать свою принадлежность партіи шляпъ, носили соотвѣтственные головные уборы. «Pro patria et libertate!» кричали члены риксдага.—«Война теперь или никогда!» Король колебался. Фридрихъ I любилъ спокойствіе и по собственному побужденію не производилъ иныхъ выстрѣловъ, кромѣ охотничьихъ въ королевскомъ паркѣ. Но, обвѣнчанный лѣвою рукою съ дѣвицею Гедвигой Таубе, при жизни супруги своей королевы Ульрики Элеоноры, и преживъ двухъ побочныхъ дѣтей, онъ увлеченъ былъ обѣщаніемъ риксдага, узаконить ихъ и записать членами рыцарскаго дома.

Разгоряченной фантазіи шведовъ рисовалась легкость возвращенія отнятыхъ Петромъ Великимъ провинцій. Собравъ въ Финляндіи 15 тысячъ войска, они разсчитывали безпрепятственно дойти до воротъ Петербурга. Размечтавшіеся шведы настолько не сомнѣвались въ своихъ побѣдахъ, что гордо говорили: лишь-бы Господь Богъ остался нейтральнымъ, то можно быть увѣреннымъ въ желаемомъ успѣхѣ. Чѣмъ рисковала Швеція? Финляндія давно принадлежала ей, но она составляла нѣчто иное, нежели Швеція. «Финляндія не считалась необходи-

мымъ членомъ Швеціи, отъ потери котораго могла-бы зависѣть жизнь или смерть этого государства. Обладаніе Финляндіею давало Швеціи лишь гордое сознаніе, что она можетъ еще кой-что потерять, не подвергаясь сама опасности. Къ немалому удивленію финляндцы, примкнувшіе къ партіи войны, этого точно не знали и не понимали. Впрочемъ, обстоятельства сложились уже столь благопріятно для партіи шляпъ, что протестовать противъ ихъ стремленій представлялось почти рискованнымъ.



II.

Начало военныхъ дѣйствій.

21-го іюля 1741 года вопросъ о войнѣ съ поражающей поспѣшностью прошелъ черезъ секретный комитетъ, большую секретную депутацію (или секретнѣйшій комитетъ) и черезъ общее собраніе всѣхъ членовъ риксдага (secreta utskåttet, stora secreta deputationen och ständernas plena). 24 іюня составленъ былъ манифестъ о войнѣ, 28 числа его объявили въ Стокгольмѣ «при звукахъ трубъ и литавръ». Жители Финляндіи извѣщены были о войнѣ только 10 августа.

Манифестъ гласилъ: «Мы, Фридрихъ, Божіею милостіею Король Шведскій, Готскій и Венденскій, и прочая, и прочая, и прочая, Ландграфъ Гессенскій и прочая, и прочая, и прочая. Объявляемъ симъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ для исполненія и слѣдованія, какимъ образомъ Мы, вслѣдствіе многихъ обидъ, нанесенныхъ въ разное время Намъ, государству Нашему и подданнымъ Нашимъ Русскимъ Дворомъ, и каковыя подробно изложены въ изданномъ и напечатанномъ (особо) манифестѣ, гдѣ объявлены вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ явныя нарушенія доселѣ существовавшихъ между обѣими державами трактатовъ и союзовъ, заключенныхъ для благосостоянія и безопасности Нашей, государства Нашего и вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, находимся вынужденными, возвавъ къ всеблагому Богу о милостивой помощи, взяться за оружіе, и объявить симъ во всенародное свѣдѣніе, что Нами объявлена война противъ нынѣ царствующаго Царя Русскаго. Почему всякое судоходство, всѣ торговыя и почтовыя сношенія, и всякая другая корреспонденція, какъ бы ни называлась, подъ какою бы то ни было формою, съ Россійскою Имперіею, всѣми новыми губерніями Русскаго государства, а также подвластными ему портами, городами и мѣстечками, подъ опасеніемъ смертной казни, съ нынѣшняго числа строжайше запрещается.

«Извѣщаемъ симъ о таковомъ Высочайшемъ монаршемъ Нашемъ повелѣніи Нашего генералъ-губернатора въ Помераніи, Нашихъ фельдмаршаловъ, намѣстниковъ, командующихъ войсками генераловъ и адмираловъ, губернаторовъ и всѣхъ другихъ начальниковъ на сушѣ и морѣ, чтобы они, вмѣстѣ съ своими подчиненными, таковую Нашу монаршую волю не только довели каждый въ своей мѣстности до всеобщаго свѣдѣнія, но строго, спѣшно и неусыпно наблюдали, чтобы оно было вездѣ и всѣми постоянно исполняемо.

«Да будетъ-же по сему точно и безпрекословно исполняемо всѣми и каждымъ. А для большаго удостовѣренія, Мы сей Нашъ манифестъ собственноручно подписали и приказали скрѣпить Нашею королевскою печатью.

Данъ въ Государственномъ совѣтѣ въ Стокгольмѣ, 24-го іюля 1741 г. «Фридрихъ» [38]).

Сколько извѣстно, этотъ манифестъ былъ написанъ подъ диктовку французскаго посла въ Стокгольмѣ.

Въ особомъ манифестѣ подробно перечислялись всѣ провинности Россіи, побудившія Швецію объявить ей войну. Извлекаемъ главнѣйшее.

...«Но русскій кабинетъ не только нарушилъ мирный договоръ, но и, вопреки всякому народному праву, вмѣшался во внутреннія дѣла Швеціи и коснулся правъ и привилегій государственныхъ чиновъ, вмѣшался даже въ вопросъ о престолонаслѣдіи.

«Сверхъ того кабинетъ сей въ разныхъ случаяхъ позволилъ себѣ употреблять противъ Швеціи угрозы, а также неприличныя противъ высокихъ властей выраженія.

«Шведскіе подданные были лишены права искать защиты и удовлетворенія въ русскихъ судебныхъ учрежденіяхъ, между тѣмъ какъ это дозволялось всѣмъ другимъ націямъ.

«Разрѣшенный нашимъ подданнымъ VI пунктомъ Ништадскаго мира, а также позднѣйшими договорами, свободный вывозъ хлѣба былъ имъ потомъ несправедливо воспрещенъ, тогда какъ другія націи пользовались симъ правомъ.

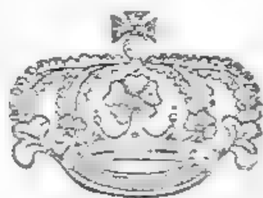
«Честь и безопасность шведскаго государства, а также равновѣсіе на сѣверѣ, не дозволяютъ его королевскому величеству долѣе терпѣть всѣ сіи нарушенія мирныхъ договоровъ и очевидныя несправедливости, и вынуждаютъ его величество, вслѣдствіе столь важныхъ и справедливыхъ причинъ, употребить тѣ средства, которыя даны всеблагимъ Богомъ его королевскому величеству, и

Kongl. Maj:ts Kungiörelse/

Angående

Krig emot Czaren af Ryßland.

Gifwen *Stockholm* i Råd-Cammaren then 24. *Julii* 1741.



Cum Gratia & Privilegio S:æ R:æ Maj:tis.

STOCKHOLM Tryckt uti thet Kongl. Tryckeriet/ hos Directeuren PET. MOMMA.

взяться за оружіе, чтобы оградить себя и свое государство отъ несправедливостей, и доставить Швеціи полную безопасность».

Едва депутаты рикедага рѣшились воевать, какъ сознали необходимость отложить войну. Французскій и датскій посланники, согласно обѣщанію, были увѣдомлены о рѣшеніи чиновъ рикедага, но вообще старались держать его въ секретѣ. Ни почты, ни курьеровъ не разрѣшалось переправлять черезъ Балтійское море на финскую сторону. Даже суда съ провіантомъ, предназначенныя для арміи, задержаны были у Даларъ-э. Шведы, по выраженію крестьянъ, не желали походить на русскихъ, а «честно высказаться», прежде чѣмъ напасть; однако обстоятельства сложились такъ, что только шведскій флотъ могъ воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ. Сухопутныя силы Будденброка были разбросаны на большомъ пространствѣ и потому подвергались серьезной опасности отъ преждевременнаго объявленія войны. Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ кроется истинная причина желанія шведовъ «честно высказаться» до нападенія [39]). Шведы попали въ затруднительное положеніе; съ одной стороны имъ нельзя было спѣшить съ объявленіемъ войны, чтобы дать возможность Будденброку сосредоточить свои боевыя силы, съ другой—имъ нельзя было болѣе медлить, такъ какъ М. Бестужевъ, узнавъ о разрывѣ, конечно, не замедлилъ послать извѣщеніе.

Современникъ событій, графъ Хордъ (Hård), осмысленно относившійся къ происходившему и изумленный дѣйствіями своего правительства, отмѣтилъ въ своихъ запискахъ: «Какъ понять такой бредъ. Почему было не собрать сначала всю нашу силу, прежде чѣмъ увѣдомить непріятеля о томъ, что мы намѣрены объявить ему войну, и прежде чѣмъ о томъ возвѣщено въ столицѣ. И развѣ нельзя было легко предвидѣть, что онъ нападетъ на насъ, какъ скоро узнаетъ о нашемъ замыслѣ; думали, что будутъ имѣть дѣло только съ тѣми русскими, которыхъ раньше разбили при Нарвѣ, и казалось, какъ будто и въ Финляндіи, и въ Стокгольмѣ только старались отличиться пустымъ хвастовствомъ» [40]).

Война объявлена. Это былъ военный парадъ, приноровленный съ цѣлью прикрытія политической интриги».

Успѣхъ считался настолько обезпеченнымъ, что составленіе какого-либо плана кампаніи признавалось излишнимъ, если не считать планомъ заявленіе, что Швеція намѣрена дѣйствовать энергично, чтобы скорѣе окончить войну и тѣмъ уменьшить

издержки. Въ Финляндію имѣлось въ виду послать 30 тыс. пѣхоты. Кавалеріи трудно дѣйствовать въ неровной и гористой мѣстности, изрѣзанной рѣками, почему о ней не заботились. Армію будетъ охранять корабельный флотъ. Въ Швеціи останется обсерваціонный корпусъ.

«Было около полуночи съ 30 по 31 іюля 1741 г.,—читаемъ у профессора Гельсингфорскаго университета Фр. Сигнеуса. Въ Гельсингфорсѣ разбудили генерала барона Генриха Магнуса фонъ-Будденброка—временнаго главнокомандующаго въ Финляндіи. Съ веселымъ видомъ, какъ будто неся вѣсть побѣды, вошелъ молодой прапорщикъ королевской гвардіи и подалъ три письма Его Королевскаго Величества. И дѣйствительно: приверженцы войны одержали побѣду надъ своими политическими противниками и король, наконецъ, резольвировалъ, чтобы былъ активитетъ противъ Россіи». Въ Гельсингфорсъ официальное извѣстіе объ объявленіи войны было доставлено судномъ, ушедшемъ изъ Стокгольма. Будденброкъ на другой же день отослалъ извѣщеніе русскимъ, а самъ въ теченіи 10 дней оставался въ Гельсингфорсѣ, производя передвиженія полковъ, съ остановками, свойственными мирному времени [41]).

При объявленіи разрыва, путь изъ Стокгольма въ Россію былъ закрытъ. Но одному курляндскому судну удалось ускользнуть съ рейда. Извѣстіе о войнѣ въ Ригу привезъ парикмахеръ и благодаря этому оно было получено въ Петербургѣ ранѣе 8 августа; но въ тотъ-же день секретарь шведскаго посольства при русскомъ Дворѣ, Лагерфликтъ, получилъ письмо Гюлленборга отъ 28 іюля со вложеннымъ въ конвертъ пакетомъ М. Бестужева русскому кабинету, который Лагерфликтъ тотчасъ же долженъ былъ представить по назначенію. Этимъ путемъ шведскій манифестъ сдѣлался извѣстенъ въ Петербургѣ.

Въ тотъ-же день Шетарди навѣстилъ гр. Остермана. «Вы знаете, безъ сомнѣнія,—сказалъ графъ,—нашу главную злобу дня. Прибывшей изъ Риги эстафетой я былъ увѣдомленъ, что Швеція объявила намъ войну. Это извѣстіе пришло отъ судовщиковъ, плавающихъ изъ Лифляндіи къ берегамъ Швеціи. Послѣ полудня я получилъ манифестъ отъ секретаря шведскаго посольства. Это событіе,—прибавилъ Остерманъ,—васъ не удивитъ, вы могли быть къ тому уже готовы». «Правда,—отвѣчалъ маркизъ Шетарди,—броженіе умовъ было настолько сильно, что вполнѣ можно было опасаться подобныхъ послѣдствій. Однако я вовсе не былъ увѣдом-

ленъ объ объявленіи войны. Я не могъ, явившись сюда на сѣверъ, желать чего-бы то ни было кромѣ спокойствія. Съ огорченіемъ усматриваю противное. Я желалъ своими услугами способствовать поддержанію мира». «Богъ свидѣтель,—заключилъ гр. Остерманъ,— что намъ не въ чемъ себя упрекнуть». Остерманъ счелъ необходимымъ оградить безопасность секретаря шведскаго посольства подобно тому, какъ Швеція оградила М. Бестужева [42]).

На манифестъ въ Петербургѣ отвѣтили манифестомъ о войнѣ со Швеціей, а вмѣсто регламента появился именной указъ, требовавшій, чтобы шведскимъ подданнымъ «никакихъ обидъ, досадительства и вреда не чинить, и имѣній и вещей ихъ отнюдь не касаться и оныхъ не похищать подъ опасеніемъ жестокаго штрафа». Затѣмъ предложено было опросить ихъ, кто пожелаетъ возвратиться въ отечество и кто остаться въ Россійской Имперіи [43]).

Не малымъ несчастіемъ для Швеціи являлось то, что ея король менѣе всѣхъ былъ шведскимъ человѣкомъ. Ни симпатій, ни антипатій своего народа онъ не понималъ. Но помимо сего, не имѣя признака талантовъ полководца, онъ выразилъ склонность стать во главѣ арміи, желая доставить себѣ удовольствіе быть свидѣтелемъ военнаго рвенія и храбрости своей націи. Но его предложеніе, въ виду преклонности лѣтъ, суроваго климата и трудности кампаніи, было отклонено выраженнымъ желаніемъ видѣть короля въ сердцѣ государства въ дни опасности, чтобъ можно было въ его присутствіи совѣщаться относительно военныхъ операцій. Въ Швеціи онъ не былъ популяренъ. Она не могла ему простить уступокъ Ништадскаго мира [44]).

Швеція своевременно не приготовила боевой силы для пораженія непріятеля, но за то широко и обстоятельно разработала тѣ требованія, которыя имѣла въ виду предъявить побѣжденному. Для славнаго завершенія побѣдоносной войны, Швеція уже въ августѣ 1741 г. приготовила слѣдующія условія мира.

Если Россія изъявитъ покорность, то даже на перемиріе нельзя будетъ согласиться ранѣе, чѣмъ представители ея не уступятъ «всю Карелію, Кексгольмъ, Выборгъ, Петербургъ, Нотебургъ, Кронштадтъ и Кроншлотъ со всей рѣкой Невой». Затѣмъ Швеція вмѣстѣ съ Даніей, если послѣдняя приметъ участіе въ войнѣ, должны настоять на возвращеніи всей Лифляндіи, Эстляндіи и Ингерманландіи, островов Эзеля и Даго, всѣхъ островов Финскаго залива, всѣхъ городовъ названныхъ мѣстностей, а также и всѣхъ озеръ, которыя ранѣе принадлежали Швеціи. Имѣлось въ

виду новую границу провести восточнѣе Ладожскаго и Онежскаго озеръ къ Ледовитому океану.

Въ P. S. (post skriptum'ѣ) государственные чины писали: «Кромѣ предписанныхъ кондицій, Ваше Королевское Величество благоволите при переговорахъ добиться денежнаго вознагражденія за военныя издержки». Однако государственные чины находили эти послѣднія условія необязательными.

«Если противъ всякаго ожиданія» Швеція никакой помощи не получитъ, или даже «если шведская военная сила потерпитъ какое-нибудь значительное пораженіе, или встрѣтятся большая нужда и трудности, которыя Вашему Величеству и Совѣту невозможно будетъ преодолѣть, то государственные чины не находятъ иного выхода, какъ только» принять мирныя условія въ такомъ видѣ, какъ они изложены, и чтобы Россія вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣла бы права держать ни одного военнаго судна въ Финскомъ заливѣ, допустила бы прежній вывозъ хлѣба и свела Ништадскій миръ къ нулю [45]).

Этотъ своеобразный проектъ составила особая депутація рикедага, состоявшая изъ 11 самонадѣянныхъ членовъ, въ числѣ которыхъ находился и будущій полководецъ Левенгауптъ.

Не убивъ медвѣдя, шведы дѣлили его шкуру. «Изумительныя по дерзновенію предложенія,—пишетъ проф. Захарій Топеліусъ, одинъ изъ первыхъ обозрѣвателей войны 1741—1742 г.г. Эти предложенія превосходили то, что едва-ли рѣшилась-бы требовать Швеція въ дни своего величія и славы. Въ своемъ безмѣрномъ ослѣпленіи, шляпы даже послѣ предполагаемаго пораженія имѣли въ виду требовать больше, чѣмъ могла дать самая блестящая побѣда. Какой угаръ надеждъ,—восклицаетъ Топеліусъ,—какіе завлекательные сны и какое ужасное пробужденіе ожидало мечтателей.

Безцеремонность среди восторжествовавшей партіи была столь велика, что она не постѣснялась поставить себѣ въ особую заслугу объявленіе войны Россіи и поспѣшила вознаградить своихъ сторонниковъ. Короля умилостивили обѣщаніемъ дворянства его незаконнымъ дѣтямъ. Назначеніемъ въ государственные совѣтники Тессинъ достигъ уплаты всѣхъ своихъ долговъ государственными чинами. Многіе усердные дворяне получили назначенія по гражданской и военной службѣ. Купцы господствующей партіи самымъ безразсуднымъ образомъ добивались выгодъ на счетъ казны.

Не довольствуясь этимъ, побѣдители желали расправиться со своими политическими врагами по примѣру «въ высшей степени свободной» Венеціанской республики, гдѣ обыкновенно безслѣдно исчезали дерзавшіе порицать дѣйствія правительства.

У шведовъ имѣлось основаніе возлагать большія надежды на флотъ, который являлся относительно весьма сильнымъ и дѣйствительно превосходилъ русскія суда. Часть шведскаго флота (5 линейныхъ кораблей и 4 фрегата) уже въ маѣ вышла въ море, т. е. раньше офиціальнаго разрыва и прежде, чѣмъ успѣли собраться сухопутныя войска; впослѣдствіи къ этой эскадрѣ присоединилось еще нѣсколько судовъ (5 или 6 линейныхъ и нѣсколько меньшихъ). Во главѣ флота находился энергичный и опытный адмиралъ Раялинъ (Rayalin).

Честный морякъ, вице-адмиралъ Томасъ Раялинъ,—первый изъ числа адмираловъ съ этимъ именемъ, которые три поколѣнія кряду слѣдовали другъ за другомъ, — былъ, какъ полагаютъ, сыномъ крестьянина изъ Эстерботніи и родился въ 1673 году. Въ войнахъ Карла XII онъ выслужился изъ матросовъ до чина командира. Въ январѣ 1741 г. онъ произведенъ былъ въ вице-адмиралы, и когда онъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя получилъ высшее морское назначеніе, то такой выборъ признавался въ Стокгольмѣ весьма удачнымъ. Въ это-же время Раялину пожаловали дворянство. Онъ пользовался большимъ довѣріемъ и получилъ значительныя полномочія: ему предоставили право выбрать корабли для боевой эскадры и назначать командировъ по своему усмотрѣнію. Когда онъ не одобрилъ назначенной сначала королемъ стоянки у Гельсингфорса, то ему предоставлено было занять позицію у Аспъ-э, между Гогландомъ и Фридрихсгамомъ, которую онъ предложилъ, какъ болѣе просторную. Эскадра, на которой находилось 802 пушки, 4.250 матросовъ и 700 человѣкъ солдатъ Кальмарскаго полка, собралась у Аспъ-э къ 30 мая [40]).

Галерной эскадрой командовалъ Фалькенгренъ. Подъ его начальствомъ собрана была сила, состоящая изъ 2-хъ двадцатипушечныхъ прамъ и 25-ти большихъ и малыхъ судовъ, на которыхъ находилось всего 1.470 моряковъ и 2.930 солдатъ. Эта сила собралась въ іюлѣ мѣсяцѣ около Фридрихсгама (при Куарсамо). Весь экипажъ флота представлялъ силу въ 9 тыс. чел. Ходили сперва слухи, что шведы хотятъ произвести высадку на наши берега, но русскій полномочный министръ въ Копенгагенѣ, Корфъ. предупредилъ, что шведы забавляли себя «пу-

стыми химерами» и что по его, Корфа, слабому разсужденію въ этомъ планѣ никакой вѣроятности нѣтъ. Энергію Раялина охладили тѣмъ, что заставили безъ всякой пользы для дѣла

простоять здѣсь, причемъ среди моряковъ развились губительныя болѣзни.

Къ началу войны сухопутная армія Швеціи въ пре[illegible] Финляндіи должна была состоять изъ 18.000 чел. Но эт[illegible] сила не находилась въ сборѣ. Собиралась она чрезвычайно медленно;

прошло почти три мѣсяца со дня объявленія войны прежде чѣмъ приготовились къ выступленію изъ Стокгольма и собрались поселенныя войска Финляндіи.

Будденброкъ отдалъ приказаніе о сборѣ войска и, надѣясь, что оно будетъ исполнено, донесъ риксдагу, что армія въ Финляндіи готова къ выступленію. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и никто не думалъ приводить въ исполненіе приказаніе временнаго главнокомандующаго. Начальники и ландсгевдинги, несмотря на полученный приказъ, поздно собрались для совѣщанія: такое замедленіе повело къ разнымъ подозрѣніямъ, тѣмъ болѣе серьезнымъ, что раньше было извѣстно о несочувствіи многихъ этой войнѣ. Вслѣдствіе замедленія въ высылкѣ войска, въ народѣ начали ходить разные слухи.

Другая причина такой медленности обрисована во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 3 марта 1741 г. генерала Будденброка, стремившагося занять постъ главнокомандующаго. Саволакскій (поселенный) пѣхотный полкъ не былъ двинутъ на соединеніе съ шведской арміей потому, что совершенно не имѣлось для него продовольствія и «всѣ распоряженія и старанія о закупкѣ нужнаго для запаснаго магазина и войска провіанта остались почти безуспѣшными». Изъ Стокгольма прислали сухарей, но ихъ могло хватить лишь для шведскихъ войскъ на полгода. Тѣ же затрудненія встрѣчались для продовольствія нюландскаго и тавастгусскаго полковъ. «Если заблаговременно не приняты будутъ мѣры къ пересылкѣ достаточнаго количества провіанта изъ Швеціи,—прибавлялъ Будденброкъ,—то я не буду имѣть никакихъ средствъ къ содержанію войскъ». Финляндія была истощена; ее посѣтили неурожаи и голодъ, вслѣдъ за которыми пришли болѣзни и большая смертность [47]).

Война едва ли когда-либо является желательной для народа, но особенно несвоевременной она была для финновъ въ 1741 году. Наиболѣе пострадалъ отъ недорода Саволаксъ, гдѣ ранняя зима помѣшала уборкѣ полей. Хлѣбъ въ Саволаксѣ пекли изъ коры и мха. Бочка ржи стоила отъ 24 до 26 талеровъ. Недостатокъ жизненныхъ припасовъ сказался въ Тавастландіи и Нюландіи тѣмъ, что смерть подкосила въ нѣкоторыхъ ротахъ все мужское населеніе. Въ Саволаксѣ кладбища наполнились умершими отъ голодной смерти. Въ Тавастландіи отъ безкормицы и заразныхъ болѣзней падалъ скотъ. Все это показываетъ, что Финляндія особенно нуждалась въ мирѣ [48]).

Англичанинъ Эд. Финчъ сообщалъ, что въ Финляндіи для войсковыхъ запасовъ пекли хлѣбъ изъ муки пополамъ съ древесной корой, а на аванпостахъ шведскіе солдаты Христа ради просятъ русскихъ продать имъ хоть сколько нибудь хлѣба. При такихъ условіяхъ трудно, конечно, осуществлялись широкіе планы воинственной партіи, орудовавшей въ Стокгольмѣ [49]).

Въ іюнѣ 1739 г. въ Финляндію былъ отправленъ отрядъ въ 1.500 чел. Осенью выслали 6 тыс. пѣхоты и 766 артиллеристовъ. Собственныхъ войскъ въ краѣ имѣлось около 7 тыс. Извѣстно еще, что 13 августа 1741 г. отплылъ изъ Стокгольма въ Финляндію отрядъ, но въ какомъ видѣ! Шведскіе кавалерійскіе полки, всего 2.300 человѣкъ, находились подъ начальствомъ генералъ-маіора Дидрона. Его клячи и неискусные солдаты возбудили общее вниманіе, при прохожденіи черезъ Стокгольмъ. Послѣ плохихъ распоряженій и затруднительныхъ перевозокъ, которыя происходили въ открытыхъ лодкахъ, они высадились, наконецъ, въ Нюландскихъ гаваняхъ. Хотя Будденброкъ и просилъ ландсгевдинга озаботиться ихъ принятіемъ, но измученнымъ лошадямъ пришлось тѣмъ не менѣе простоять безъ корма, пока не нашли ближайшаго земскаго полицейскаго. Ту же земскую полицію обязали снабжать офицерскихъ лошадей фуражомъ, взимавшимся съ крестьянъ подъ квитанціи [50]).

Для войны нужны три предмета: во первыхъ деньги, во вторыхъ деньги и въ третьихъ деньги, сказалъ давно уже Монтекукули. Средства же Швеціи, считая и французскую субсидію, ограничивались 69 боченками золота. Изъ нихъ 10 боченковъ были сразу израсходованы на переправу войскъ въ Финляндію. Едва истекли первые шесть мѣсяцевъ войны, какъ правительству пришлось прибѣгнуть къ внѣшнему займу.

Въ Россіи не хотѣли вѣрить заносчивости Швеціи, такъ какъ знали, что она не въ состояніи воевать.

Изъ полученныхъ свѣдѣній русское правительство видѣло, что война со Швеціей неизбѣжна и потому своевременно приняло нѣкоторыя соотвѣтственныя мѣры.

Средоточіемъ русскихъ силъ того времени противъ Швеціи служилъ городъ Выборгъ. За шесть лѣтъ до начала войны, т. е. въ 1735 г., по словамъ путешественника, Выборгъ былъ б...

нымъ и искусно укрѣпленнымъ городомъ. Природное положеніе города дѣлало его мало доступнымъ: мелководные заливы, узкіе проливы и довольно многочисленные острова держали въ отдаленіи отъ него большие и сильные корабли. Уже въ шведское время онъ обладалъ довольно сильными укрѣпленіями, а теперь они обновлялись. Строилась еще новая крѣпость, которая называлась Crona S. Anna.—Высокій шлосъ помѣщался въ мѣстности, обнесенной городскою стѣною; во время бомбардировки его значительно разрушили. Ген. Кейтъ, посѣтившій Выборгъ 25 іюля 1741 г., нашелъ его хорошо и правильно укрѣпленнымъ. Укрѣпленія показались ему даже слишкомъ пространными и большими, а потому требующими значительнаго гарнизона во время осады [31]).

«Въ Выборгѣ двѣ церкви; обѣ небольшія. Прежній каѳедральный соборъ былъ занятъ русскими, которые распорядились въ немъ по своему и ничего другого не оставили внутри его, кромѣ церковной каѳедры. Хоры, гдѣ помѣщались органы, остались въ цѣлости, но самые органы уничтожены, при переходѣ города въ русскія руки. Меньшая церковь оставлена финскому и шведскому приходамъ». Домъ епископа также достался русской казнѣ.

Въ домахъ Выборга, которые были большею частью каменные, за нѣкоторыми исключеніями оказались обитаемы только нижніе этажи. Главная причина—бѣдность; иные-же домовладѣльцы только отговаривались несостоятельностью изъ опасенія постоя, котораго не избѣгли бы по реставрированіи своихъ прострѣленныхъ домовъ. Окна закрывались желѣзными ставнями; говорятъ, что когда Выборгъ находился въ расцвѣтѣ, то богачи дѣлали ставни изъ красной мѣди.

Для солдатъ были построены бараки близъ крѣпости.

Главнымъ начальникомъ Выборга являлся оберъ-комендантъ: онъ же распоряжался и въ русской Кареліи. Эта должность всегда служила синекурой для какого нибудь стараго генералъ-лейтенанта. «Де-Колонъ еще не былъ похороненъ (въ 1735 году),—прибавляетъ путешественникъ,—когда я былъ тамъ, но на слѣдующій день назначено было его погребеніе въ шведской киркѣ». «Изъ приготовленій къ этимъ похоронамъ я замѣтилъ слѣдующее: нѣсколько офицеровъ въ мундирахъ, иные съ висячимъ крепомъ на шляпѣ и съ длиннымъ чернымъ шарфомъ, ходили по городу и приглашали всѣхъ гарнизонныхъ офицеровъ участвовать въ процессіи».

Торговля въ Выборгѣ шла тихо, потому что тѣ товары, которые прежде доставлялись изъ Финляндіи и тамъ въ гавани нагру-

жались на суда, для дальнѣйшей отправки, направлялись теперь или въ Фридрихсгамъ, или же въ С.-Петербургъ [52]).

Въ апрѣлѣ 1741 г. Россія готовилась уже къ отпору. Генераламъ дано было приказаніе быть готовымъ къ походу. Въ маѣ моремъ переправили большое количество припасовъ въ Выборгъ. Генералу Люберасу, завѣдывавшему укрѣпленіями Кронштадта, предписано было осмотрѣть укрѣпленія на финляндской границѣ. Миниху также надлежало обозрѣть Выборгъ, Кексгольмъ и пограничную черту. Изъ Петербурга послали отъ 15 до 20 кораблей разнаго вида съ артиллеріей, снарядами и припасами. Одинъ корпусъ войскъ высланъ былъ въ Русскую Карелію, для открытія наступательныхъ дѣйствій, а другой на южное побережье Финскаго залива, для охраны его отъ высадки непріятеля. Третій охранялъ Петербургъ. Едва русское правительство получило угрожающія извѣстія, какъ отправило нарочныхъ за фельдмаршаломъ Ласси и генераломъ Кейтомъ. Въ срединѣ мая (1741 г.) въ домѣ Ласси состоялся большой военный совѣтъ. Участвовали принцъ Гессенъ Гомбургскій, генералъ Кейтъ и многіе другіе. Въ то же время военно-придворный совѣтъ, въ которомъ не было ни одного генерала, высказалъ свои соображенія [53]).

Въ виду того, что господствовавшая партія стремилась къ поднятію значенія петровскаго сената, на его утвержденіе посланъ былъ, уже подписанный правительницей, проектъ шведской кампаніи, составленный Ласси. Отсюда Финчъ дѣлаетъ выводъ о стремленіи «водворить шведскій сенатъ и то ограниченное правленіе, которое пытались недавно ввести Долгорукіе».

Главнокомандующимъ въ Финляндію назначили фельдмаршала гр. Петра Петровича Ласси. Ирландецъ по происхожденію, онъ при Петрѣ В. (въ 1700 г.) перешелъ на русскую службу, былъ тяжело раненъ подъ Полтавой и во время Великой Сѣверной войны состоялъ въ Финляндіи подъ начальствомъ кн. М. Голицына. Въ 1719 г., Ласси, подойдя на галерахъ, произвелъ страшное опустошеніе шведскаго берега. За вѣрную и радѣтельную службу былъ возведенъ въ графское достоинство и награжденъ въ 1739 г. Андреемъ Первозваннымъ. Свое имя онъ обезсмертилъ походомъ въ Крымъ. Ласси имѣлъ заслуженное боевое имя и рядъ походовъ и побѣдъ въ прошломъ. Опытность его была куплена службой въ рядахъ французовъ и австрійцевъ, участіемъ въ славныхъ войнахъ Петра и долгой борьбой на югѣ съ турками. По собственнымъ его словамъ, онъ находился вездѣ на воинскихъ

походахъ, именно: въ 31 кампаніи, въ 3 генеральныхъ баталіяхъ, въ 15 акціяхъ и 18 осадахъ при взятіи крѣпостей, гдѣ не мало и раненъ. Ласси пользовался репутацией не только непобѣдимаго полководца, но обладалъ просвѣщеннымъ умомъ, добрымъ сердцемъ и возвышенными чувствами. Одновременно онъ проявлялъ и рѣшимость и осторожность. Удаляясь отъ политической борьбы партій, онъ весь отдавался военному дѣлу.

Командиромъ корпуса, расположеннаго около Выборга, опредѣлили генералъ-аншефа Кейта; комендантомъ Выборга — ген.-л. Шипова. Въ распоряженіи гр. Ласси находилась армія, примѣрно въ 28 тыс. чел. «сражающихся»[54]. Списки начальниковъ временъ 1741—1743 г.г. особенно пестрѣли иноземными именами странствующихъ авантюристовъ и кондотьери XVIII в.: — Ферморъ, Ливенъ, Альбрехтъ, Манштейнъ, фонъ-Стоффельнъ, Левендаль, ф. Гольштейнъ, Бекъ, баронъ Вендель, ф. Браунъ, Люберасъ, Киндерманъ, де-Брилли, ф. Брадке...

Остерманъ льстилъ себя надеждой повлiять на Францію. Но его сильно охлаждалъ въ этихъ стремленіяхъ лордъ Гаррингтонъ, который сообщалъ Эд. Финчу, что «не только всѣ настоящія приготовленія Швеціи къ нападенію на Царя вызваны французскимъ золотомъ и французскими интригами», но представители Франціи кромѣ того старались склонить прусскаго короля поддержать своими субсидіями дѣло Швеціи, дабы она, ободренная его помощью, рѣшилась вторгнуться въ предѣлы Россіи... «Короче, пора русскимъ разочароваться въ упомянутой мысли о склонности французскаго двора сблизиться съ ними».

Графъ Остерманъ былъ сильно озабоченъ вопросомъ: явится ли англійская эскадра въ Балтійское море, въ случаѣ разрыва со Швеціей, такъ какъ «русскій флотъ находится въ очень плачевномъ состояніи». Его чинили и снаряжали. Заручиться при такихъ условіяхъ поддержкой морской силы Англіи являлось естественнымъ и полезнымъ. Желательно было,—какъ выразился Эд. Финчъ (2 іюня 1741 г.),—чтобы, въ случаѣ разрыва со Швеціей, англійскій флотъ «конвоировалъ» русскія суда, при ихъ выходѣ въ море. Недѣль черезъ шесть ожидалось начало непріязненныхъ дѣйствій со стороны Швеціи. «Гдѣ-же англійская эскадра?» спросилъ гр. Остерманъ. «У береговъ Англіи», отвѣтилъ Финчъ, и останется тамъ до обмѣна ратификацій[55]).

Черезъ три года послѣ смерти основателя русскаго флота, судовъ почти не существовало. Уже въ 1728 г. шведскій

посланникъ сообщилъ своему правительству: Русскій галерный флотъ сравнительно съ прежнимъ сильно уменьшается, корабельный же флотъ приходитъ въ прямое разореніе, потому что старые корабли всѣ гнилые... Въ адмиралтействахъ такое несмотрѣніе, что флотъ и въ три года нельзя привести въ прежнее состояніе, но объ этомъ никто не думаетъ».

За время самовластія Бирона родной флотъ Петра пришелъ въ совершенный упадокъ: корабли сгнили, матросовъ не было, маяки разрушались, вѣхи сняты. По словамъ маркиза де-ла-Шетарди, въ теченіи лѣта 1741 г. нельзя было вывести въ море ни одного судна, хотя на Кронштадтскомъ рейдѣ стояло 14 линейныхъ кораблей, 2 фрегата и 6 мелкихъ судовъ, т. е. бомбардирскіе галіоты, брандеры и два прама.

[illegible]

Другой современникъ—англичанинъ Финчъ—сперва сообщаетъ, что въ маѣ 1741 г. «большая часть Кронштадтской эскадры находилась въ сносномъ порядкѣ». Но изъ дальнѣйшихъ его донесеній, основанныхъ на словахъ англійскихъ судохозяевъ, русскій флотъ находился въ очень плачевномъ состояніи: не было половины людей, не имѣлось снаряженія.

Въ іюнѣ (1741 г.) русскій флотъ опять оказывается «въ сносномъ видѣ». Будь флотъ лучше, русскіе положили бы конецъ дерзости сосѣда.

Третій современникъ—англичанинъ К. Вейчъ, въ апрѣлѣ 1742 г., писалъ, что въ Кронштадтѣ 17 кораблей; они хорошо снабжены, но, кажется, не могутъ плавать за недостаткомъ офицеровъ и матросовъ. У Россіи до 130 галеръ и ими можно сильно досаждать непріятелю, такъ какъ на каждой по три пушки и она можетъ поднять 200 солдатъ съ офицерами [56]).

Въ подобныхъ разнорѣчивыхъ указаніяхъ не легко разобраться. Одно несомнѣнно, что нашъ флотъ въ кампаніи 1741 г. никакого участія не принялъ.

Но къ походу онъ готовился. 7 августа генералъ-адмиралъ гр. Остерманъ написалъ вице-адмиралу Обріену и другимъ начальствовавшимъ въ Кронштадтѣ лицамъ: «Превосходительные господа, вице-адміралъ и капитанъ-командоръ». Получено извѣстіе, что шведы объявили войну, почему «сообщаю съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ», чтобы ежечасно находиться въ совершенной готовности, и сохранить между собою доброе согласіе. Далѣе увѣдомлялось, что у непріятеля имѣется нѣсколько бомбардиръ—галіотовъ и прамъ и ихъ прежде всего рекомендовалось уничтожить. Черезъ два дня появился Высочайшій указъ, въ которомъ также давалось нѣсколько совѣтовъ общаго характера, въ родѣ того, чтобы остерегались шпіоновъ, не корреспондировали со шведами и т. п.

9 августа 1741 года изъ кабинета въ Адмиралтейскую коллегію было сообщено о томъ, что шведская корона нарушила трактатъ вѣчнаго мира и 24 іюля въ Стокгольмѣ объявила войну Всероссійской имперіи, почему повелѣвалось имѣть въ готовности суда Балтійскаго моря и города Архангельска, проявить «твердую осторожность» и дать надлежащій отпоръ внезапному непріятельскому нападенію [57]).

Походъ былъ принятъ съ радостью и съ охотою. Суда обильно снабжались провіантомъ и водой; кули, не помѣщавшіеся въ трюмъ, клали даже въ офицерскія каюты.

Графъ Головкинъ 20 сентября 1741 г. сдѣлалъ представленіе Кабинету, совѣтуя между прочимъ отпустить на свободу нѣкоторыхъ «шведскихъ полонниковъ изъ офицеровъ» черезъ Финляндію или нѣмецкую землю. Дома эти плѣнники разсказали бы о видѣнномъ и стали бы убѣждать соотечественниковъ, что война объявлена безъ основанія, что сенаторы подкуплены французскими деньгами, что вести съ Россіей войну «больше въ гибель, нежели въ находку будетъ», ибо они, самовидцы, и укажутъ, что у шведовъ «ни мочи, ни силы нѣтъ противъ Россіи стоять», что «россійскіе солдаты гораздо исправнѣе, нежели какъ напредь сего были» [58]).

Едва наше правительство узнало о военныхъ приготовленіяхъ, происходившихъ въ Финляндіи, оно сосредоточило свои наличныя и ближайшія сухопутныя силы въ Осиновой Рощѣ (въ 20 верстахъ отъ Петербурга) и двинуло ихъ 13 іюля 1741 г. по направленію

къ Выборгу. Главнѣйшимъ препятствіемъ явились плохія дороги, неровная мѣстность и болота Выборгской губерніи. Бывали случаи, что повозки увязали среди дороги и войска оставались на ночь безъ палатокъ. Кавалерія чувствовала недостатокъ въ фуражѣ.— Оберегая Петербургъ, наши войска около Молы устроили ретраншаментъ, а затѣмъ ген. Кейтъ осмотрѣлъ маленькій Кексгольмъ— хорошо укрѣпленный и огражденный кромѣ того быстро-текущимъ протокомъ [59]). Походъ начался, но война еще не была объявлена. Только 4 августа фельдмаршалъ Ласси отдалъ приказъ о томъ, что Швеція объявила намъ войну. Войска приняли извѣстіе съ большимъ одушевленіемъ. Кейтъ напомнилъ солдатамъ о недавнихъ побѣдахъ въ Турціи. Дружное «ура» огласило русскій лагерь. Сухопутная армія состояла изъ полевыхъ дѣйствующихъ войскъ, гарнизонныхъ частей, ландмилиціи, особаго артиллерійскаго и инженернаго корпуса. Къ нимъ присоединялись нерегулярныя войска, къ коимъ тогда относились гусары, казачьи войска разныхъ наименованій и конныя команды разныхъ народовъ. Корпусъ офицеровъ отличался знаніемъ «фундамента солдатскаго дѣла». Части вообще были хорошо обучены и сплочены. Менѣе удовлетворительной являлась ихъ дисциплина.

Въ августѣ 1741 г. 4.000 шведскаго войска находилось у Кварнбюю ($^3/_4$ мили къ востоку отъ Фридрихсгама) подъ начальствомъ ген.-м. барона Карла Генриха Врангеля. Въ составъ этого отряда входили части тавастгусскаго и саволакскаго полковъ, а также карельскихъ драгунъ. Второй лагерь отстоялъ отъ перваго на 40 верстъ. Въ немъ находился Будденброкъ.

Узнавъ о положеніи непріятеля, гр. Ласси, прибывшій къ арміи 20 августа, приказалъ ген. Кейту немедленно выступить къ Вильманстранду съ 10.000 корпусомъ, имѣя въ виду разбить шведовъ по частямъ. Наши войска были наскоро собраны изъ Петербурга, Нарвы и другихъ ближайшихъ провинцій. Шведы, конечно, не ожидали, чтобы въ двѣ недѣли можно было собрать на границѣ такое войско.

Будденброкъ поставилъ Врангелю условную задачу: слѣдовать къ Вильманстранду и атаковать непріятеля; если же выяснено будетъ превосходство русскихъ силъ, занять удобную позицію и ожидать прибытіе его (Будденброка). Врангель двинулся впередъ

форсированнымъ маршемъ, не взявъ съ собою ни артиллеріи, ни обоза, ни даже шинелей и расположился около Вильманстранда на Кварнбаккенъ, гдѣ позиція его была вооружена орудіями, взятыми имъ изъ Вильманстранда. Врангель на 18 часовъ ранѣе Ласси прибылъ въ Вильманстрандъ.

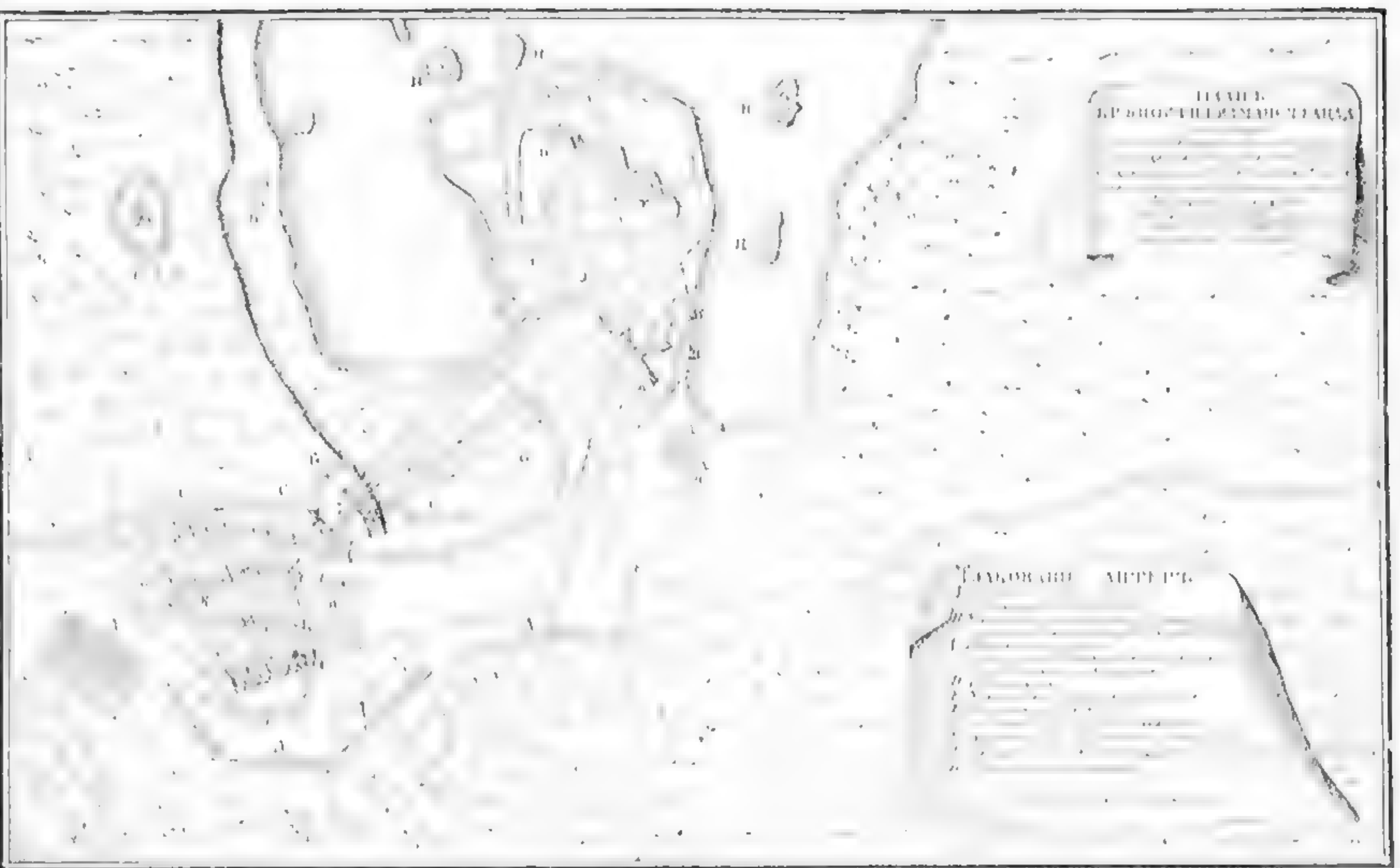
Укрѣпленія Вильманстранда были настолько плохи, что Кронстедтъ находилъ излишнимъ тратить на нихъ деньги. Однако ихъ нѣсколько поправили. Участникъ войны графъ Хордъ (Hard) сомнѣвается, можно-ли даже назвать Вильманстрандъ вообще крѣпостью [60]).

Крѣпость имѣла одни ворота, 40—50 деревянныхъ строеній и 16 орудій [61]). Манштейнъ, какъ очевидецъ, свидѣтельствуетъ, что городъ, прикрытый съ трехъ сторонъ озеромъ Саймой, спереди имѣлъ сухой ровъ съ палисадомъ и штурмвалъ, сдѣланными изъ земли и фашинъ. Выборъ мѣста для крѣпости произведенъ здѣсь неудачно, такъ какъ около нея въ разстояніи не болѣе 200 и 250 саженъ находились командовавшія надъ нею высоты.

23 августа гр. Ласси, послѣ совѣщанія съ начальниками, приказалъ атаковать шведовъ, получивъ свѣдѣнія о незначительности ихъ отряда. Шведы защищались отчаянно и своими орудіями причинили огромный вредъ русскимъ; но перевѣсъ въ силахъ былъ на сторонѣ послѣднихъ и они побѣдили. Если сила шведовъ и не соотвѣтствовала силѣ русскихъ, зато они занимали выгодную позицію на возвышенности, передъ которой разстилалась крутая и неровная долина. Русскіе должны были проходить эту долину подъ огнемъ изъ пушекъ и мушкетовъ.

Врангель принадлежалъ къ партіи шапокъ, но онъ сражался честно, безъ партійныхъ увертокъ. Къ сожалѣнію для шведовъ, онъ дѣйствовалъ какъ пылкій и храбрый солдатъ, а не разумный полководецъ. При бóльшей хладнокровной разсудительности онъ вовсе не принялъ бы сраженія, а главное—расположилъ бы свои боевыя силы не впереди, а позади крѣпости, и тѣмъ помѣшалъ бы русскимъ атаковать ее. Кромѣ того, Врангелю не слѣдовало брать орудій съ валовъ крѣпости.

Наконецъ, шведы, видя, что наши гренадеры въ безпорядкѣ отступили передъ сильнымъ огнемъ батарей, спустились со своей выгодной позиціи по склонамъ Кварнбаккена въ долину и тѣмъ лишили себя огромнаго преимущества въ бою, помѣшавъ вмѣстѣ съ тѣмъ стрѣльбѣ собственныхъ орудій, которыя должны были [illegible], дабы не разить сзади своихъ же солдатъ. Счастье



ПЛАНЪ СРА[illegible] ПРИ ВИЛЬМАНСТРАНДѢ 23 АВГУСТА 17[illegible]

нѣсколько разъ колебалось между сражавшимися сторонами, но скоро русскіе оправились, и въ 5 часовъ высоты Кварнбаккена находились въ ихъ рукахъ.

Лѣвое крыло шведовъ послѣ третьяго залпа русскихъ объято было паническимъ страхомъ. Произошла всеобщая суматоха, и все побѣжало въ самомъ страшномъ безпорядкѣ, сбивъ съ ногъ своихъ начальниковъ и не обращая никакого вниманія на ихъ команды. Нѣкоторое время держался Тавастгусскій баталіонъ. Его полковникъ готовилъ уже солдатъ къ новому отпору, но въ это время пьяница капитанъ Баркенбомъ закричалъ: «на лѣво—кругомъ!», и всѣ ринулись за бѣгущими, оставивъ офицеровъ на произволъ судьбы [62]).

Врангель спѣшилъ къ кучкѣ Вестерботнійцевъ. Они остались безъ начальства. Но было уже поздно: русскіе заняли городскіе палисады, а мушкетная пуля, пробивъ руку Врангеля, вывела его изъ строя. Шведы остались безъ вождя и искали спасенія въ дикомъ бѣгствѣ.

Тибурціусъ говоритъ, что первыми дрогнули финскіе полки (именно Саволакскій) и, объятые паникой, побѣжали. За ними послѣдовали карельскіе драгуны. Безпримѣрную отвагу проявили Вестерботнійцы, которые, разстрѣлявъ свои патроны, съ распущенными знаменами прорвались сквозь ряды русскихъ. Ген. Кейтъ оказалъ уваженіе къ этимъ храбрецамъ и пощадилъ ихъ остатки. И графъ Хордъ въ этомъ случаѣ правъ, заявляя, что шведы своей храбростью заслужили похвалу враговъ. Русскіе, преслѣдуя бѣгущихъ, приблизились къ крѣпости, которая оставалась почти безъ вооруженія, вслѣдствіе распоряженія Врангеля.

Въ Вильманстрандѣ командовалъ полковникъ Виллебрандъ надъ отрядомъ изъ 400 чел. своего вербованнаго полка и 125 чел. артиллеристовъ; за городскими валами стояли 600 чел. карельскихъ драгунъ, подъ начальствомъ подполковника Бранденбурга. Мужественному гарнизону оставалось капитулировать. Комендантъ, полк. Виллебрандъ, выставилъ бѣлое знамя, но въ переполохѣ забылъ отдать приказаніе прекратить огонь и сдѣлался потому виновникомъ ужасной судьбы города.

Видя бѣлый флагъ, гр. Ласси послалъ барабанщика требовать капитуляціи. Барабанщика убили. Генералъ Икскуль и полковникъ Леманъ взбѣжали на валы, пытаясь остановить кровопролитіе заявленіями по шведски, что непріятель капитулируетъ. Ихъ убили. Послѣ того, какъ выкинуто было бѣлое знамя шведы взорвали

еще мину [63]). Русскіе, видя гибель своихъ начальниковъ въ то время, когда надъ крѣпостію развѣвался бѣлый флагъ, ожесточились, стремительно бросились впередъ, ворвались въ городъ и произвели страшную рѣзню, которая покрыла улицы грудои тѣлъ. Послѣ сраженія Вильманстрандъ представлялъ ужасную картину.

Русскіе сожгли городъ. Въ офиціальномъ извѣстіи, появившемся въ «С.-Петербург. Вѣдом.» 1741 г. отъ 28 августа (№ 69, стр. 550) говорится объ этомъ обстоятельствѣ слѣдующее: «И хотя непріятель, какъ наши уже на покрытой дорогѣ были, бѣлое знамя выставилъ, то однако-жъ съ его-жъ стороны стрѣльба изъ мелкаго ружья противу насъ въ разныхъ мѣстахъ продолжалась, и въ тожъ время одинъ подкопъ подорванъ, токую безъ всякаго дѣйства, за которымъ непріятельскимъ злостнымъ поступкомъ нашихъ на штурмѣ бывшихъ солдатъ уже никоимъ образомъ унимать не возможно было». Въ журналѣ Кейта значится, что солдаты, видя убитыхъ своихъ офицеровъ, стали кричать, что надо отомстить за ихъ смерть. Фельдмаршалъ поспѣшилъ въ городъ и приказалъ щадить жизнь тѣхъ, которые тамъ находятся...

Участвовавшія въ дѣлѣ войска отошли послѣ боя въ разныя стороны, оставивъ на полѣ тысячи труповъ, не преданныхъ землѣ. 14 дней прождали они заботливой руки. Будденброкъ, увѣдомленный объ этомъ, просилъ ландсгевдинга Шернстедта заставить крестьянъ зарыть ихъ. Потери шведовъ были громадны.

Убѣгавшихъ преслѣдовали; кавалерія шведовъ ускакала, пѣхота укрылась въ лѣса и болота. «Только три или четыре эскадрона бѣгомъ спаслись» [64]). Большая часть войска укрылась на островѣ, откуда на плотахъ переправилась на материкъ. Современникъ Манштейнъ подтверждаетъ, что вильманстрандское дѣло сильно напугало войска ген. Будденброка и вызвало среди нихъ панику. Въ плѣнъ было взято 39 офицеровъ и 1.351 нижн. чин. По свѣдѣніямъ Кейта, шведы потеряли болѣе 1.000 убитыми и 1.500 плѣнными [65]). Русскимъ достались еще 16 знаменъ, 13 орудій и воинская касса въ 6 тыс. ефимковъ.

По увѣренію финскаго писателя, изъ Вильманстранда русскіе увезли все, что имѣло цѣнность, а также захватили въ плѣнъ 14 человѣкъ купеческаго сословія, 180 женщинъ и 106 несовершеннолѣтнихъ дѣтей [66]).

Въ день сраженія русская армія состояла изъ 9.900 чел., шведская, со включеніемъ вильманстрандскаго гарнизона,—5.256 че

Шетарди, одинъ изъ виновниковъ войны, былъ озлобленъ удачей русскихъ и на разные лады старался умалить ихъ успѣхъ. Онъ писалъ, что русскіе перерѣзали даже женщинъ и дѣтей; что гр. Остерманъ посылалъ инструкціи относительно того, что должны были говорить о военныхъ дѣйствіяхъ лица, отправлявшіяся ко двору. Какихъ только нелѣпостей не распространили тогда о русскихъ за границей. Говорили, что русскіе запирали раненыхъ и больныхъ въ домахъ, разводили вокругъ огонь и такимъ образомъ сжигали живыми [67]).

Итакъ, объявленная шведами война началась для нихъ пораженіемъ. Старались утѣшиться тѣмъ, пишетъ шведскій историкъ Мальмстрёмъ—что приписывали пораженіе превосходству русскихъ силъ, которыя поэтому очень были преувеличены. Хотя шведамъ при Вильманстрандѣ и пришлось бороться съ превосходящими ихъ силами, однако причину пораженія болѣе надо искать въ тѣхъ ошибкахъ, которыя они сами дѣлали. Безпечность, гордое презрѣніе къ непріятелю и непослушаніе начальству во всѣ времена имѣли одинаковыя послѣдствія. Предводители не имѣли свѣдѣній о томъ, что главная русская сила уже нѣсколько дней стояла близъ Кананойя [68]).

Врангель послалъ къ Будденброку офицера съ извѣщеніемъ о приближеніи русскихъ. Будденброкъ заставилъ офицера прождать отвѣта семь часовъ. Въ отвѣтѣ главнокомандующій пререкается съ Врангелемъ и пишетъ: «Я не могу вѣрить доставленному мнѣ вашимъ превосходительствомъ.... донесенію, будто русскіе идутъ отъ Таскулы къ Вильмастранду, ибо до сихъ поръ не было никакого извѣстія о томъ, чтобы они у Кананоя имѣли достаточно сильный отрядъ».

Въ это время солдаты въ лагерѣ Будденброка варили мясо, дѣлали запасы провіанта и искали лошадей для обоза. Время шло. Когда, наконецъ, черезъ сутки тронулись изъ лагеря, то Будденброкъ заставилъ солдатъ въ лѣтнюю жару нести на себѣ не только оружіе и тяжелый провіантъ, но и походныя кровати. Нѣкоторые полки до такой степени были изнурены, что послѣ перехода въ нѣсколько миль бросались на землю, объявивъ, что далѣе не тронутся.

Пренебреженіе же къ врагу выразилось въ томъ, что Будденброкъ нѣсколько разъ высказался о русскихъ войскахъ, какъ способныхъ быть исключительно мародерами. Онъ почему-то рѣшилъ, что армія русскихъ непремѣнно должна быть составлена

въ захватѣ Фридрихсгама, дабы тѣмъ отрѣзать шведской арміи сообщеніе съ родиной и флотомъ [69]).

«Мы расположились въ окрестностяхъ Фридрихсгама,— пишетъ участникъ похода,—и вмѣсто того, чтобы самимъ, какъ объявившимъ войну, напасть на непріятеля, мы только думали объ оборонѣ [70]) Въ наступательной войнѣ все выжидали и оборонялись.

Будденброкъ, очевидно, не ожидалъ столь скорой развязки, такъ какъ, посѣтивъ ранѣе Вильманстрандъ и, желая разсѣять страхъ, охватившій его населеніе, на безпокойные вопросы купцовъ и чиновниковъ о близости непріятеля, отвѣчалъ: спите спокойно, никакая опасность вамъ не угрожаетъ [71]).

Но эти дѣйствительныя и для хода войны несчастныя причины замалчивались, и чтобъ оживить общественное настроеніе, возносили и восхваляли всевозможнымъ образомъ храбрость Врангеля и его шведскихъ сподвижниковъ и это тѣмъ болѣе, что послѣдующія военныя событія требовали такого утѣшенія; потому что,—какъ говорится въ приговорѣ надъ Будденброкомъ,—«шведская храбрость въ теченіе всей этой войны была бы незамѣтна, еслибъ не мужественное и безстрашное предводительство Врангеля имѣло этотъ разъ случай показать себя». Такимъ образомъ Врангель сдѣлался героемъ своего народа, и когда впослѣдствіи недовольствіе убожествомъ войны потребовало разслѣдованія дѣла при Вильманстрандѣ, всѣ обвиненія противъ него отпали [72]). Баронъ Карлъ Генрихъ Врангель принадлежалъ къ семьѣ героевъ, изъ которыхъ какъ утверждаетъ историкъ Финляндіи, не менѣе 22 пали въ бою подъ Полтавой. Къ числу ошибокъ шведовъ ген. Кейтъ относитъ: оставленіе ими, въ пылу сраженія, своей выгодной позиціи на возвышенности.

Наше правительство выражало нѣкоторое недовольство возвращеніемъ гр. Ласси къ Выборгу, находя, что онъ пропустилъ удобный моментъ для истребленія корпуса ген. Будденброка, ранѣе прибытія подкрѣпленій изъ Швеціи. Ласси вскорѣ и безъ труда оправдалъ свои дѣйствія.

Шведскій историкъ Тибурціусъ объясняетъ «ретираду» Ласси значительнымъ его урономъ. Но это не такъ. Гр. Ласси указывалъ на неимѣніе тяжелой артиллеріи, для осады Фридрихсгама, на ограниченность силъ, расположенныхъ около Выборга; на затруднительность продовольствовать армію, при отсутствіи гребной флотилии, и при условіи отступленія ген. Будденброка внутрь страны

Кромѣ того, ген. Кейтъ отмѣчаетъ отсутствіе фуража въ окрестностяхъ Вильманстранда и на необходимость выдѣлить значительныя силы на конвоированіе плѣнныхъ и эвакуацію больныхъ. «Въ городѣ мы почти не нашли хлѣба», читаемъ въ журналѣ ген. Кейта. «Россійскій корпусъ, который не имѣлъ запаснаго провіанта, но изъ Выборга онымъ довольствуемъ былъ и потому также впередъ слѣдовать не могъ».

Продолжать похода къ Фридрихсгаму въ концѣ 1741 г. нельзя было вслѣдствіе отсутствія въ арміи телѣгъ, лошадей и батарейныхъ орудій. Наличное число въ рядахъ его войскъ не превышало 16 тыс., между тѣмъ Фридрихсгамъ былъ укрѣпленъ и, примыкая къ морю, могъ быть поддержанъ шведскимъ флотомъ.

Другіе предполагаютъ, и быть можетъ не безъ серьезныхъ основаній, что фельдмаршалъ Ласси зналъ положеніе придворныхъ дѣлъ по готовившемуся перевороту въ Петербургѣ, почему желалъ имѣть войска ближе къ столицѣ [73]).

На зимнихъ квартирахъ расположились въ слѣдующемъ порядкѣ: ген. Кейтъ, ген.-лейт. Бахметевъ и ген.-м. Ливенъ—въ Выборгѣ, ген.-м. Ферморъ—въ Кексгольмѣ, ген.-м. Кейдерманъ—въ Олонцѣ (2.000 казаковъ и нѣсколько эскадроновъ гусаръ) и ген.-м. Ласси на мызѣ Мула. Систербекъ укрѣпили землянымъ валомъ. Остальныя войска были отправлены въ Ингерманландію, Лифляндію и даже въ Москву. Кавалерія не могла просуществовать въ Выборгской губ., почему ее отозвали въ Петербургъ [74]).

Первое оповѣщеніе Петербурга о побѣдѣ при Вильманстрандѣ было напечатано на нѣмецкомъ языкѣ, въ видѣ маленькой брошюры, подъ заглавіемъ: «Сообщеніе о настоящей войнѣ въ Финляндіи. Сраженіе и взятіе Вильманстранда». (Nachricht von dem gegenwärtigen Kriege in Finnland. Die schlacht und Eroberung Wilmanstrand betreffende). «Радостное извѣстіе, полученное изъ финляндской арміи Его Императорскаго Величества, 25 августа 1741 г.» (Erfreuliche Nachricht, so von Ihro Kayserl. Majest. Armee in Finnland den 25 august 1741 allhier eingegangen). Заглавный листъ украшенъ былъ изображеніемъ Меркурія, а позади текста красовался большой двуглавый орелъ. Въ этомъ извѣщеніи, между прочимъ, значилось: «Всемогущій Богъ, въ самомъ началѣ этой неправедно начатой шведами войны, излилъ свою Божескую милость и благословеніе на правое оружіе Его Императорскаго Величества, и тѣмъ показалъ свѣту, что Онъ есть истинный защитникъ справедливыхъ и отмститель за неправедныхъ. Генералъ-фель-

маршалъ атаковалъ непріятеля и, послѣ жестокаго и отчаянно веденнаго врагомъ сопротивленія, совершенно разбилъ его; нѣсколько тысячъ непріятельскаго войска осталось на полѣ сраженія. Затѣмъ крѣпость Вильманстрандъ была взята штурмомъ [75]).

Вильманстрандскую побѣду отпраздновали въ Петербургѣ съ большой торжественностью. На Петропавловской крѣпости былъ водруженъ штандартъ: производились залпы-салюты. Правительницу поздравляли цѣлованіемъ руки [76]).

Михаилъ Ломоносовъ написалъ напыщенную оду въ 230 стиховъ, въ которой восхвалялъ русскаго воина царствованія малолѣтняго Императора Іоанна Антоновича. Произведеніе называлось: «Первые трофеи Его Величества Іоанна III, Императора Самодержца Всероссійскаго, чрезъ преславную побѣду августа XXIII 1741 года, въ Финляндіи поставленные, и въ высокій день тезоименитства Его Императорскаго Величества, 29-го дня 1741 года, въ торжественной одѣ изображенные, отъ всеподданнѣйшаго раба Михайла Ломоносова». Начинается она такъ:

«Россійскихъ войскъ хвала растетъ,
Сердца продерзки страхъ трясетъ».

Ломоносовъ указывалъ, что Россія вновь трофей вздымаетъ «въ другой на финскихъ разъ поляхъ». Далѣе изображается, какъ Градивъ (Марсъ), весь израненный, чуть живой, улегся спать у Финскихъ озеръ, подославъ тростникъ и покрывъ себя травой. Поэтъ восклицаетъ:

«Смотри тяжка коль шведовъ страсть
Коль имъ страшна Россійска власть....
Войну открыли шведы намъ:
Горятъ сердца ихъ къ бою жарко;
Гремитъ Стокгольмъ трубами ярко....
При Вильманстрандѣ слышенъ трескъ
Мечей кровавыхъ виденъ блескъ». И т. д. [77]).

Вильманстрандская побѣда оказала сильное вліяніе въ Петербургѣ среди дипломатическихъ представителей. Не унывалъ только Шетарди, донося своему правительству объ условіяхъ, благопріятствовавшихъ шведамъ, и рисуя состояніе русскихъ войскъ весьма темными красками. Онъ говорилъ, что тревога, которую стараются скрыть (въ Петербургѣ), весьма велика. Онъ же утверждалъ, что два русскихъ полка были разбиты на голову близъ

Выборга. Продолжая сообщать самыя невыгодныя свѣдѣнія о нашихъ войскахъ, маркизъ де-ла Шетарди утверждалъ: «Я знаю, что полки, расположенные по пути къ Выборгу, лишены самаго необходимаго» [78]. Въ своихъ донесеніяхъ маркизъ наконецъ настолько запутался, что г. Амело въ ноябрѣ 1741 г. вынужденъ былъ уличить его, написавъ... «я нимало не замѣчаю въ русскихъ той слабости и распущенности, которыя вами выставлялись на видъ, ни той растерянности, которая предсказывалась среди министерства, при приближеніи шведовъ... Русская армія не имѣетъ ни въ чемъ недостатка и не боится, повидимому, своего непріятеля. Наконецъ, я сильно опасаюсь, чтобы все это не кончилось дурно для шведовъ» [79].

ІОАНЪ АНТОНОВИЧЪ (съ мед.)

Плѣнныхъ шведовъ проводили въ Петербургъ (въ Александро-Невскую лавру); солдатамъ роздали одежду; офицеровъ размѣстили по домамъ вельможъ и угощали при дворѣ. Среди плѣнныхъ находились Аминовъ, Обергъ, Мункъ, Дюпонтъ, Гестеско, Кроокъ, Теслевъ, Таваcтшерна и др. Съ ними обращались очень хорошо, пока хвастунъ графъ Васаборгъ не позволилъ себѣ дерзкихъ сужденій о правительствѣ, послѣ чего всѣ, кромѣ Врангеля, были разосланы по губерніямъ. Ген. Врангеля помѣстили у фельдмаршала Ласси, гдѣ онъ пользовался его хирургомъ [80].

Осень послѣ Вильманстрандскаго дѣла прошла безъ серьезныхъ сраженій. Происходили лишь мелкія стычки. До глубокой осени шведовъ безпрестанно тревожили, разбивали ихъ форпосты, брали «въ полонъ», разоряли и выжигали деревни. Въ сентябрѣ капитанъ Брантъ приходилъ съ малымъ отрядомъ шведовъ (270 чел.) къ Вилліоки, гдѣ онъ былъ застигнутъ врасплохъ русскими и уничтоженъ. Въ сентябрѣ же наши донскіе казаки причинили имъ значительный вредъ у деревни Неми. Другая русская партія дѣйствовала около р. Вуоксы. Въ октябрѣ донскіе казаки подполковника Серебкова и горсть драгунъ разорили много деревень. Партіи эти нерѣдко въ теченіе войны встрѣчались съ толпами вооруженныхъ финскихъ крестьянъ. Финны были недовольны бездѣйствіемъ Будденброка и называли его «Курвилак-

скимъ бариномъ» по имени деревни, въ которой онъ квартировалъ. Въ этихъ набѣгахъ участвовали казаки и калмыки. Сперва оставили мысль о посылкѣ ихъ на театръ военныхъ дѣйствій, но затѣмъ (окт. 1741 г.) вернулись къ ней и, какъ говорили, секретно набрали нѣсколько тысячъ, желая пустить ихъ черезъ Олонецъ въ Финляндію. Ходилъ слухъ, что 1.500 гусаръ, казаковъ и калмыковъ, ворвавшись во владѣнія шведовъ, были перебиты и захвачены въ плѣнъ. Затѣмъ разсказывали о набѣгѣ гусаръ и казаковъ за полтораста верстъ вглубь шведской Финляндіи. Разорили 300 деревень; привели 12 мужчинъ, 4 женщинъ и 3 дѣтей и громадное количество скота. Въ ноябрѣ 1741 г. Эд. Финчъ писалъ, что казаки вернулись изъ экспедиціи въ Финляндію, приведя 160 плѣнныхъ, 76 лошадей и 500 головъ рогатаго скота. Манштейнъ подтверждаетъ, что среди нашего войска находились казаки и калмыки, которые сожгли немало деревень. Деревни зимой по границѣ выжигались для того, чтобы лишить шведскія войска возможности продовольствоваться [81]).

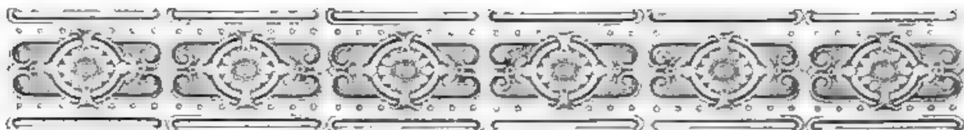
По финлядскимъ источникамъ получается еще болѣе мрачная картина. Въ теченіи марта 1742 г. отрядъ Кейта истребилъ 50 селъ, отряды Фермора и Киндермана—сперва 240, а потомъ (13 и 14 марта) еще 370 усадебъ. По другому подсчету, въ приходѣ Кесалахти разорено до 80 усадебъ, въ Кидесъ—сожжено 201, въ Тохмаярви—150, въ Пелькіярви—140, въ Иломансъ—200—или всего 773 усадьбы. Очевидно, что всѣ эти указанія крайне преувеличены. Саволаксъ и Карелія, куда главнымъ образомъ направлены были русскіе набѣги, всегда отличались малолюдствомъ. Кромѣ того, извѣстно, что финны живутъ разбросанно, отдѣльными избами, поэтому русскимъ, чтобы уничтожить такое число усадебъ, пришлось охватить весьма большой территоріальный раіонъ, что они едва ли сдѣлали. Отсюда являются основанія предположить, что начальники русскихъ отрядовъ или крайне преувеличивали свои подвиги, или происходили большія недоразумѣнія въ общемъ наименованіи истребленныхъ жилищъ, и быть можетъ они считали маленькія отдѣльныя крестьянскія торпы за цѣлыя деревни или усадьбы. Финскій историкъ К. О. Линдеквистъ также усмотрѣлъ, что отчеты Кейта, Фермора и Киндермана преувеличены. Иначе къ нимъ трудно отнестись. Не представляется также никакой возможности повѣрить всѣмъ тѣмъ ужасамъ, о которыхъ повѣствуютъ финны. Они говорятъ, что русскіе издѣвались надъ пасторами, безпощадно убивали тѣхъ больныхъ, кото-

рые не могли слѣдовать за отрядами. «У женщинъ вырѣзывались груди, изъ людей высасывалась кровь. Людей рѣзали на куски, какъ скотъ, и съѣдали». Легко представить, что русскіе отбирали у мѣстныхъ жителей одежду, повозки, домашній скотъ, и пр.: но немыслимо допустить, чтобы они продѣлали описанныя звѣрства. Могли, конечно, происходить отдѣльные случаи убійства и истязанія мирныхъ жителей, но считать эти явленія неизбѣжнымъ послѣдствіемъ набѣговъ, конечно, нельзя. Столь-же несправедливо возводить исключенія въ общія правила, а этимъ, видимо, погрѣшаютъ саволаксъ-карельскіе источники.

Шведскій флотъ, простоявъ совершенно безполезно у Аспъ-э, въ октябрѣ вернулся въ Карлскрону. Повальная болѣзнь уже къ августу скосила болѣе 700 чел. и около 2 тыс. числилось больными. Эпидемическія заболѣванія во флотѣ того времени наблюдались повсюду и въ другихъ государствахъ: особенно губительной являлась цынга, которую тогда не умѣли лѣчить. По возвращеніи флота въ Швецію, болѣзнь продолжалась до глубокой зимы. Жертвой эпидеміи палъ и адмиралъ Райялинъ; предполагаютъ, что онъ заболѣлъ, удрученный состояніемъ флота.

Командованіе принялъ Аронъ Шёшерна, шаутбенахтъ, котораго считали способнымъ, но слишкомъ нерѣшительнымъ.

Слабость русскаго флота немало ободрила шведовъ къ войнѣ, они не безъ основанія считали свои берега безопасными отъ разореній петровскаго времени. Мало того, въ кампанію 1741 г. ихъ судамъ даже не съ кѣмъ было сражаться: нашъ флотъ въ морѣ не показался.....



III.

Ноябрскій переворотъ и безплодные переговоры.

Въ сентябрѣ 1741 г., десять дней послѣ Вильманстрандскаго пораженія, къ шведской арміи прибылъ ея главнокомандующій графъ Карлъ Эмиль Левенгауптъ. Его поздній пріѣздъ въ Финляндію объясняется участіемъ въ дѣлахъ риксдага, на которомъ онъ состоялъ ландмаршаломъ. Его почему-то считали искуснымъ полководцемъ, тогда какъ извѣстность онъ пріобрѣлъ преимущественно какъ многорѣчивый риксдагскій депутатъ. Едва ли не главнымъ его дѣломъ было расширеніе правъ сословій на счетъ власти короны, за что въ честь его выбили особую медаль. Честолюбіе его, видимо, не знало границъ. Впослѣдствіи, когда проявилась боевая дѣятельность Левенгаупта, говорили, что трудно было выбрать кого-нибудь хуже его. Но вначалѣ разсуждали иначе. Способныхъ генераловъ шведы тогда не имѣли, а ихъ гордость не позволяла вручить главное начальство иностранцу. Это, впрочемъ, воспрещалось и закономъ. Левенгауптъ говорилъ, что, когда онъ встанетъ во главѣ финской арміи, «то не пощадитъ своей головы». Онъ, конечно, не предвидѣлъ настоящаго смысла своего предсказанія.

Графъ Карлъ Эмиль Левенгауптъ родился въ 1691 г. Онъ былъ племянникомъ знаменитой Авроры Кенигсмаркъ—любовницы короля Августа II. Семейныя обстоятельства, а быть можетъ и политическое недовольствіе, побудили его отца покинуть отечество и поступить въ саксонскую службу. Карлъ Эмиль Левенгауптъ, воспитанный за границей, въ 1710 г. поступилъ на шведскую службу и съ 1716 г. сопровождалъ Карла XII въ чинѣ лейтенанта его драбантовъ. Послѣ заключенія мира онъ поселился въ своихъ имѣніяхъ въ Сконіи. Его храбрость въ бою, его открытый честный, безкорыстный характеръ, его происхожденіе и родственныя связи доставили ему друзей, почитателей и вліяніе, особливо въ арміи. Не одаренный природой какими-либо выдаю-

щимися способностями и не получивъ научнаго образованія государственнаго человѣка, онъ съ увлеченіемъ отдался политической карьерѣ, которая, послѣ смерти Карла XII. открывалась для человѣка съ его общественнымъ положеніемъ. Ему не разъ давались дипломатическія порученія. Свобода и власть нашли въ немъ большого приверженца, котораго не останавливали крайности. Когда сконское дворянство, недовольное частыми риксдагами, вздумало въ 1724 г., быть можетъ, по польскому образцу, созвать какую-то провинціальную сходку (landskapsmöte) или сеймъ и послать генералъ-губернатору жалобу, то Левенгауптъ, если и не оказался зачинщикомъ, то былъ главнымъ участникомъ этихъ затѣй, не желая признать въ томъ чего-либо незаконнаго.

На риксдагѣ 1727 г. Левенгауптъ заявилъ, что не причисляетъ короля къ тѣмъ, которые составляютъ «правительственный организмъ» («regeringskroppen»).

Имя Левенгаупта связано съ законодательствомъ 1734 г., такъ какъ подъ его предсѣдательствованіемъ состоялось утвержденіе знаменитаго Уложенія, примѣняемаго въ многихъ своихъ частяхъ до сихъ поръ въ Финляндіи.

Левенгауптъ былъ слишкомъ ограниченъ, чтобы своимъ умомъ обнять государственныя дѣла; онъ, обыкновенно, пользовался мнѣніями тѣхъ, кому довѣрялъ, и затѣмъ отстаивалъ ихъ съ той горячностью, которая такъ часто сопровождаетъ заимствованное убѣжденіе. Менѣе всего качества Левенгаупта соотвѣтствовали требованіямъ, предъявляемымъ къ военачальнику: ни въ совѣтѣ, ни на войнѣ онъ не былъ способенъ быстро судить о людяхъ и схватить сущность создавшагося положенія. Онъ не обладалъ силой воли, которая въ рѣшительную минуту сокрушала препятствія. Но его честолюбіе и самонадѣянность соблазнили его добиваться мѣста предводителя, а его друзья и почитатели считали его способнымъ занять такое мѣсто, обманутые его внѣшними качествами: хорошо выражался, имѣлъ благородную осанку, былъ знатнаго происхожденія. Ко всему этому присоединялась несомнѣнная честность.

Графъ Хордъ утверждаетъ, что начальствованіе арміей было предоставлено Левенгаупту въ награду за его великое усердіе въ поддержаніи предложеній Франціи.

Полномочія, данныя Левенгаупту, были огромны. Онъ могъ назначать офицеровъ отъ подполковниковъ до младшихъ

чиновъ, имѣлъ право смягчать приговоры военныхъ судовъ и единолично распоряжаться операціями арміи и флота.

Фельдмаршалъ не спѣшилъ къ арміи, къ мѣсту военныхъ дѣйствій, считая болѣе серьезнымъ государственнымъ дѣломъ занятія въ риксдагѣ.

Весь военный планъ графа,—если таковой существовалъ,—сводился къ тому, чтобы слѣдовать съ арміей по прибрежной дорогѣ къ Выборгу, находясь подъ охраной флота и пользуясь имъ для своихъ продовольственныхъ надобностей [82].

Завѣдываніе криксъ-комисаріатомъ арміи было ввѣрено риксдагомъ Фабіану Вреде, въ виду его хорошихъ качествъ, знанія финскаго языка и той любви и извѣстности, которыми онъ пользовался въ Финляндіи. Армія Левенгаупта состояла изъ 23.700 чел. Для нея изъ Голландіи, Пруссіи и Помераніи накупили большіе запасы хорошаго хлѣба, но запасы эти попались въ руки русскихъ и были истреблены.

ГР. К. Э. ЛЕВЕНГАУПТЪ

Прибывъ къ арміи, Левенгауптъ не проявилъ никакой энергіи и предпріимчивости, не смотря на то, что путь къ Выборгу оставался свободнымъ и король совѣтовалъ даже «продолжать маршъ отъ Выборга къ Петербургу». Левенгаупта, видимо, болѣе занимала политическая сторона дѣла, чѣмъ военная.

Со времени прибытія гр. Левенгаупта къ арміи прошло уже два мѣсяца. Наконецъ въ ноябрѣ (1741 г.), въ самую неблагопріятную погоду, Левенгауптъ двинулся съ отрядомъ въ 6.450 чел. къ Секкіярви. Въ письмѣ къ королю онъ представилъ свои планы въ такомъ видѣ, что, расположивъ свои войска на квартирахъ, имѣлъ въ виду зимой со всей арміей сдѣлать нападеніе на непріятельскую землю, пройдя по озерамъ и льдамъ мимо укрѣпленій, возведенныхъ русскими у Муола и Сестрорѣцка по пути къ Петербургу. Но для того, чтобъ болѣе обезопасить свои зимнія квартиры и въ то же время тревожить русскихъ, онъ, прежде чѣмъ разойдутся полки, хотѣлъ дать урокъ непріятелю—«чтобъ

тотъ не могъ чѣмъ-либо похвастаться». Съ этою цѣлью онъ надумалъ увезти запасы русскаго сѣна въ Секкіярви. Для этой военной операціи Левенгауптъ приказалъ набрать множество саней, и, дабы «охранять фуражеровъ, велѣлъ нѣсколькимъ баталіонамъ отправиться въ ту сторону».

Въ то время, пишетъ участникъ экспедиціи, у насъ было только 4 генерала, и именно: генералъ-аншефъ, одинъ генералъ-лейтенантъ и два генералъ-маіора. Трое старшихъ изъ нихъ пожелали принять участіе въ опасностяхъ экспедиціи, надѣялись заслужить славу, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить отечеству наибольшія выгоды. Они встали во главѣ 6,000 чел., ближайшихъ къ непріятелю, и пробирались по глубокому снѣгу, подъ предлогомъ отнять у него нѣсколько магазиновъ, оставленныхъ имъ при возвращеніи изъ Вильманстранда.

Такимъ образомъ этотъ походъ, съ третьей частью всей военной шведской силы, подъ предводительствомъ самого полководца, предшествуемаго возбудительными прокламаціями, представлялъ, собственно говоря, большое фуражировочное предпріятіе. Ни въ какомъ случаѣ оно не свидѣтельствуетъ о способности Левенгаупта предвидѣть и судить о способахъ и послѣдствіяхъ.

Стужа, отсутствіе обоза и припасовъ ставили ему кромѣ того непреодолимое препятствіе. Изнуренные голодомъ и холодомъ крестьяне перевозили на своихъ истощенныхъ лошадяхъ армію до Секкіярви и обратно безъ всякаго вознагражденія.

Съ прибытіемъ Левенгаупта къ арміи и передвиженіемъ его къ Секкіярви, въ Россіи стали распространяться шведскія воззванія къ русскому народу. Во множествѣ экземпляровъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ оно было направлено въ русскую армію и въ Петербургъ. Приближенные Елизаветы Петровны желали имѣть манифестъ. Генералъ-аншефъ арміи его величества короля шведскаго, Карлъ Эмиль Левенгауптъ, объявлялъ въ этомъ первомъ воззваніи «достохвальной русской націи», что Швеція ищетъ удовлетворенія за многочисленныя обиды и несправедливости, «нанесенныя ей министрами иностранцами (fremde ministri), которые въ эти послѣдніе годы управляли Россіею»... Далѣе въ манифестѣ говорилось о желаніи Швеціи освободить Россію «отъ невыносимаго ига» и жестокости и дать русскому народу возможность выбрать законное и должное правительство. Манифестъ распро-[illegible]ственно старый партизанъ кап. Лёвингъ. Оче-

видно, что столь безцвѣтныя и вялыя воззванія не принесли никакой пользы шведскимъ войскамъ.

Говорили, что манифестъ былъ проектированъ Нолькеномъ и одобренъ Елизаветой Петровной [83]). Французскій посланникъ въ Петербургѣ де-ла-Шетарди, «по просьбѣ Елизаветы, входитъ въ сношенія съ шведской главной квартирой; онъ просилъ выслать для себя шведскій манифестъ и распространялъ его въ обществѣ. Манифестъ, — писалъ Эд. Финчъ, — распространялся въ Петербургѣ также легко и свободно, какъ листокъ амстердамской газеты [84]). Но существеннаго вліянія онъ не оказалъ. Это воззваніе — выходка странствующаго рыцаря. Шведы желали возстановленія блеска своей короны, но средствами для осуществленія своихъ мечтаній не обладали. Елизавета была опечалена и недовольна тѣмъ, что принцъ, какъ обѣщалъ Нолькенъ, — не сопровождалъ шведской арміи. Принцъ Карлъ Петръ Ульрихъ, о которомъ идетъ рѣчь, будучи тогда 13-ти-лѣтняго возраста, соединялъ въ своемъ лицѣ всѣ тѣ притязанія, которыя близко касались главныхъ сѣверныхъ коронъ. Сынъ единственнаго внука

Карла XI и старшей дочери Петра Великаго, онъ былъ ближайшимъ наслѣдникомъ какъ Шведскаго, такъ и Русскаго престоловъ. Его нахожденіе среди шведовъ помѣшало бы русскимъ солдатамъ сражаться противъ законнаго наслѣдника престола.

Наиболѣе интересныя событія сосредоточились въ это время въ Петербургѣ. Тамъ готовился важный государственный переворотъ. Это событіе ставили въ связь со шведской войной; но въ дѣйствительности отношенія Елизаветы Петровны къ государственнымъ дѣятелямъ Стокгольма оказались совершенно не существенными [85]).

Елизавета—дочь Петра Великаго—родилась 18 декабря 1709 г. О рожденіи ея Петръ узналъ въ моментъ полтавскаго тріумфальнаго въѣзда въ Москву. Въѣздъ былъ остановленъ и царь съ войсками и народомъ отправился въ село Коломенское, гдѣ находилась мать—Екатерина Алексѣевна и новорожденная дочь.

По своему воспитанію и образованію Елизавета являлась совершенно обыкновенной женщиной. Жизнь Петра прошла въ разъѣздахъ и наблюденіе за его дѣтьми предоставлено было другимъ. Болѣе семьи онъ любилъ жизнь и Россію. Образованіе Елизаветы не пошло далѣе изученія французскаго языка и танцевъ. Она ничего не читала и ничѣмъ не интересовалась, едва умѣла писать. Рано пристрастилась къ охотѣ и верховой ѣздѣ. Много времени удѣляла своему туалету.

Принцесса Цербстская (въ 1758 г.) такъ описала императрицу Елизавету: «Она высокаго роста; отлично сложена; голова безукоризненна, но съ менѣе безупреченъ; ротъ безподобенъ: онъ полонъ граціи, улыбки и кокетства. Два ряда жемчужинъ виднѣются межъ красныхъ губъ; глаза трогательны, они кажутся черными, въ дѣйствительности они голубые; они внушаютъ кротость, которою проникнуты. Лобъ чрезвычайно пріятенъ; брови черныя и волосы естественнаго пепельнаго оттѣнка. Все ея лицо благородно, походка красива; она граціозна, говоритъ хорошо, пріятнымъ голосомъ, движенія ея рѣшительны. Цвѣтъ лица, грудь и руки—невиданныя по красотѣ. Прибавьте къ этому природный умъ, хитрость и разсудительность, неподражаемую живость, бойкость, остроуміе. «Привлекательная улыбка, легко переходившая въ шаловливый смѣхъ». Испанскій посланникъ герцогъ де-Лирія называлъ ея красоту сверхъестественною. Мужчины и женщины одинаково находили ее чрезвычайно красивою. Планы блестящихъ браковъ—съ Людовикомъ XV, герцогомъ Шартрскимъ, герцогомъ

Бурбонскимъ и др.—о которыхъ мечталъ ея отецъ, одинъ за другимъ рухнули. Ея женихъ Карлъ Августъ Голштинскій скоро умеръ. «Рабами ея сердца» сдѣлались—гвардеецъ А. Б. Бутурлинъ, красавецъ А. Я. Шубинъ, извѣстный И. И. Шуваловъ, «первый дишкантистъ» А. Г. Разумовскій и др. Образъ ея жизни свидѣтельствовалъ о томъ, что въ ней текла кровь отца, что она была «искрой Петра». Ея религіозность была внѣшней, сводившейся къ строгому исполненію обрядовой стороны. Разнузданная и кипучая натура должна была сдерживаться въ царствованіе Анны Іоанновны и Елизавета стала впадать въ родъ апатіи и безразличія. Она казалась всѣми покинутой. Апатія сдѣлала ее нерѣшительной и робкой.

Когда корона доставалась Аннѣ Іоанновнѣ, Елизавета Петровна не пошевельнулась, чтобы протянуть къ ней руку. Она жила въ деревнѣ, вдали отъ двора и событій, ничего не искала. Прошли десять непріятныхъ лѣтъ прежде чѣмъ она задумалась о своихъ правахъ на престолъ. Все это дало поводъ Эд. Финчу, пользуясь словами Шекспира, заявить: «она слишкомъ ожирѣла для заговоровъ». Корона требовала усилій, даже подвига.

Она жила въ переходное время, когда европейская цивилизація, занесенная въ Россію, выражалась у большинства въ уродливыхъ формахъ. Особенно сказалась нравственная распущенность на европейскій ладъ. Грубыя страсти, скрывавшіяся въ полутемныхъ теремахъ, вырвались теперь наружу. Свѣтскія женщины, по свидѣтельству кн. Щербатова, пріискивали себѣ любовниковъ, считая несовременнымъ оставаться безъ нихъ.—«Поведеніе принцессы Елизаветы,—говоритъ де-Лиріа,—съ каждымъ днемъ все дѣлается хуже и хуже»... Но ея поведеніе было поведеніемъ очень многихъ женщинъ ея времени. Однако упадокъ въ ней нравственныхъ началъ не заглушилъ высшихъ человѣческихъ стремленій. Отъ природы она была даровита, кокетлива, честолюбива и склонна къ лѣни. Но въ рѣшительныя минуты въ ней пробуждалась энергія и твердость духа.

Въ 1730 г. корона ускользнула изъ рукъ Елизаветы. За недостаткомъ чисто русскихъ потомковъ царствующаго дома, при постылыхъ иностранцахъ, Елизавета сдѣлалась для многихъ желанной кандидаткой на престолъ. Трудность водворенія ея заключалась въ ея собственныхъ колебаніяхъ и нерѣшительности. Виднѣйшіе иностранцы—Минихъ, Остерманъ и др.—были ей враждебны, исключеніе составлялъ одинъ Биронъ. И если Елизавета тѣмъ не

менѣе рѣшилась добиваться короны, то въ убѣжденіи, что среди русскаго общества, негодовавшаго на пришельцевъ, овладѣвшихъ русскимъ дворцомъ, встрѣтитъ существенную поддержку.

Въ казармахъ гвардейцевъ отъ «ласковой Елизаветы» и отъ ея «солдатскихъ ассамблей» ожидали рѣшительнаго слова. Тамъ умы уже были подготовлены къ перевороту и опасались за успѣхъ, вслѣдствіе слишкомъ сильнаго броженія и нетерпѣнія нѣкоторыхъ участниковъ. Гвардейцы говорили: «Чего ради государыня Цесаревна насъ всѣхъ не развяжетъ?.. Чего ради россійскій престолъ не приняла?» Гвардія легко шла на переворотъ, понимая, что ея значеніе росло и награды увеличивались. Эти преимущества и привилегіи вѣроятно преобладали надъ національными чувствами среди солдатъ гвардіи, гдѣ, правда, находилось много чужеземцевъ, и недолюбливали нѣмцевъ. Свергнувъ Бирона, гвардейцы полагали, что пришелъ конецъ нѣмецкому господству, но оно продолжалось. Среди гвардіи симпатіи были пріобрѣтены легко. У гвардейцевъ Елизавета крестила и бывала на именинахъ, ея дворецъ былъ открытъ даже для рядовыхъ. Гвардейцамъ она нравилась своей веселостью и распущенностью; они величали ее своей «матушкой». Однажды гр. Минихъ, прійдя поздравить Елизавету Петровну съ новымъ годомъ, былъ чрезвычайно встревоженъ, увидѣвъ ея сѣни, лѣстницу и переднюю переполненными гвардейскими солдатами. Всѣ они были кумовья, всѣ водили съ нею хлѣбъ—соль. Болѣе четверти часа гр. Минихъ не могъ прійти въ себя отъ видѣннаго. При дворѣ Анны Іоанновны съ насмѣшкой говорили: «La princesse Elisabeth a des assemblées avec les grenadiers Preobraschenskis».

Духовенство цѣнило въ Елизаветѣ набожность.

Мысль о переворотѣ была въ ходу, но не имѣлось опредѣленнаго плана дѣйствія. Чтобы оформить движеніе, выступили лейбъ-медикъ царевны Лестокъ—изъ простыхъ фельдшеровъ, нѣкій Шварцъ—музыкантъ изъ нѣмцевъ, еврей Грюнштейнъ—маклеръ изъ Дрездена, а теперь гвардіи сержантъ. Вотъ тѣ, которые являлись главными пружинами событій, рѣшавшихъ судьбу Россіи. Иностранцы, слѣдовательно, хозяйничали какъ у себя дома. Даже въ заговорѣ они играли первую роль. Регентъ Биронъ ранѣе произнесъ какъ то: если принцесса Анна Леопольдовна сдѣлаетъ какую-нибудь попытку къ перевороту—я вышлю ее съ сыномъ и мужемъ вонъ изъ Россіи. Заявленіе характерное для оцѣнки силы и увѣренности въ себѣ иностранцевъ. А есть и другіе опредѣленно-

щее ихъ отношеніе къ Россіи. «Если-бы Лестокъ,—говорила впослѣдствіи Елизавета,—могъ отравить всѣхъ моихъ подданныхъ съ одной ложки, онъ это сдѣлалъ бы» [86]).

Изъ представителей иностранныхъ державъ наибольшее активное участіе въ подготовкѣ переворота принимали шведъ Нолькенъ и французъ Шетарди. Тайные переговоры съ великою княжною Елизаветою о возведеніи ея на русскій престолъ начаты были посланникомъ Нолькеномъ, по распоряженію стокгольмскаго двора, съ цѣлью поселенія смуты и розни среди русскихъ войскъ, въ виду предстоящей войны Швеціи съ Россіей. Швеція въ свою очередь подталкивалась Франціей, имѣвшей въ виду задержать ростъ Россіи на сѣверѣ. Франція затѣвала внутренніе раздоры и поддерживала правительственный переворотъ, чтобы занять Россію дома и тѣмъ помочь Швеціи одолѣть колосса въ предстоящей борьбѣ. Франція, какъ выразился гр. А. П. Бестужевъ,—желала «обрѣзать крылья Россіи, чтобы она не вмѣшивалась въ чужія дѣла».—Князь Кантемиръ въ каждомъ донесеніи правительству предупреждалъ, чтобы не довѣряли Франціи.

Представитель Франціи—маркизъ де-ла-Шетарди,—прибывъ въ Петербургъ 15 декабря 1739 г., ожидалъ инструкціи, какъ отнестись къ партіи Елизаветы Петровны, ибо посланникъ, по его словамъ, безъ инструкціи походитъ на незаведенные часы.—Ему тонко и осторожно сдѣлали намекъ: приложить старанія къ перемѣнѣ правительства и протянуть руку помощи Нолькену.—По мнѣнію графа Н. Панина, Шетарди былъ человѣкъ «бѣглаго ума».

Роль Мефистофеля-подстрекателя Франція исполняла не впервые. Когда скончалась Анна Іоанновна, представитель Франціи въ Стокгольмѣ, Сенъ-Северинъ, особенно настойчиво доказывалъ шведамъ, что настала удобная минута напасть на Россію и вернуть провинціи, отнятыя Петромъ Великимъ.—Россія находилась подъ регентствомъ нѣмецкой матери и нѣмецкихъ министровъ. Въ то же время въ Парижѣ, нашему представителю, князю Кантемиру, кардиналъ Флери говорилъ, что онъ не понимаетъ, какъ шведскій дворъ можетъ отважиться на войну съ Россіей; ему не понятна горячность шведовъ. Кн. Кантемиръ, къ счастію, не повѣрилъ завѣреніямъ кардинала.

Въ новогодній визитъ 2 января 1741 г. Нолькену первый разъ удалось откровенно поговорить съ Елизаветой Петровной. Послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ, онъ сталъ указывать на доброе расположеніе своего короля и доказывать пользу шведской помощи; но вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ получить отъ великой княжны письменное прошеніе, дабы имѣть уполномочіе доложить дѣло королю. Условлено было не говорить остальной партіи Елизаветы объ участіи Швеціи [87]).

Надо,—наставлялъ изъ Парижа Амело своего представителя въ Петербургѣ,—чтобы царевна вошла въ соглашеніе со Швеціей. Шведы, по приглашенію Елизаветы Петровны, нападутъ на Россію, а будущая ея повелительница уступитъ имъ часть завоеванныхъ провинцій. Въ этомъ направленіи и велась интрига.

Предложенный къ ея подписанію проектъ прошенія, съ которымъ царевна должна была обратиться къ шведскому королю, гласилъ: «Я поручаю и разрѣшаю г. Нолькену ходатайствовать отъ моего имени передъ Его Величествомъ королемъ и королевствомъ шведскимъ объ оказаніи мнѣ помощи и необходимаго содѣйствія для поддержанія моихъ неотъемлемыхъ правъ на всероссійскій престолъ . . . Я одобряю и одобрю всѣ мѣры, какія Е. В. король и королевство шведское сочтутъ умѣстными принять для этой цѣли и обѣщаю . . . не только вознаградить короля и королевство шведское за всѣ издержки этого предпріятія, но и предоставить имъ самыя существенныя доказательства моей признательности» [88]).

Елизаветѣ Петровнѣ приходилось быть особенно осторожной, такъ какъ она понимала, что сдѣлается ненавистной своему народу, если окажется, что она призвала шведовъ въ Россію. Жертвовать достояніемъ Петра она также не могла. Поэтому и

домогательство о выдачѣ письменнаго прошенія она отвѣтила, что достаточно ея словесной просьбы.

Тогда же придуманъ былъ слѣдующій планъ. По совѣту кардинала Флери, предложили Елизаветѣ Петровнѣ посѣтить свое имѣніе въ Кареліи. При этомъ, кажется, имѣли въ виду или вообще легкій переѣздъ ея въ Швецію въ случаѣ надобности, или—что вѣрнѣе—предполагали послать шведскихъ драгунъ и, захвативъ княжну, отвезти ее въ свой лагерь, а затѣмъ она должна была войти въ Петербургъ во главѣ шведской арміи.

Проектъ успѣха не имѣлъ. Было время, когда Гр. К. Гюлленборгъ желалъ видѣть Елизавету Петровну въ Швеціи, но Нолькенъ признавалъ достаточнымъ ея поѣздку въ Карелію, вѣроятно, вслѣдствіе опасенія, высказаннаго Шетарди, что пребываніе Елизаветы въ Швеціи вызоветъ большіе расходы. Маркизъ не безъ основанія указывалъ на затруднительность положенія Швеціи, если русская революція не удается. Въ виду этихъ соображеній и нецѣлесообразности риска для королевства, Швеція отказалась отъ плана. Но прежде всего сама Елизавета Петровна рѣшительно высказалась противъ подобныхъ крайнихъ мѣръ; она вполнѣ основательно не хотѣла ими лишать своей партіи бодрости духа, понимая, насколько ея присутствіе необходимо въ Петербургѣ [89]).

Де-ла-Шетарди, приступивъ къ исполненію своей миссіи, искалъ популярности въ Россіи, благодарности будущей царицы, желалъ играть роль въ грандіозномъ планѣ переворота, мечталъ уничтожить господство нѣмцевъ и т. п. Въ то же время онъ ожидалъ и надѣялся, что Балтійское море вновь будетъ въ рукахъ шведовъ, русская столица—въ Москвѣ, а Россія перестанетъ быть опасной и Франціи, и Швеціи. Де-ла-Шетарди проникся даннымъ ему порученіемъ и старательно трудился для славы и выгодъ шведскаго государства [90]).

Франція усердно выдвигала Швецію, но послѣдняя оказалась уже неспособной къ выполненію первенствующей роли на сѣверѣ.

Миссія, возложенная на Шетарди, причинила ему не мало заботъ. Отчеты о его дѣйствіяхъ составили многотомную переписку. Елизавета Петровна то колебалась, то неожиданно проявляла значительное упорство и недюжинную предусмотрительность. «Надо имѣть мало ума,—сказала однажды Елизавета посланнику Нолькену, — чтобы высказаться такъ искренно». Все это смутило министра Франціи—Амело — и въ февралѣ 1741 г.

онъ не скрылъ своихъ опасеній отъ Шетарди. «Не уловка ли это и не заговоръ ли правительства, которое пользуется принцессой Елизаветой затѣмъ, чтобы лучше заманить шведовъ и насъ самихъ въ ловушку, доставивъ Россіи основательный предлогъ для вступленія въ самую жестокую войну со Швеціей?» [91]).

Нолькенъ сталъ добиваться за свои услуги письменнаго соглашенія Елизаветы на отказъ отъ всѣхъ завоеваній Петра въ пользу Швеціи. Елизавета, вообще не любя письменности, упорно отказывалась отъ всякихъ обѣщаній. Говорили даже, что она сказала: «лучше я не буду никогда царствовать, чѣмъ куплю корону такою цѣною» [92]). Нолькенъ прибѣгъ къ помощи французскаго дипломата. Правительство Франціи ободряло Шетарди. Если вы убѣдите Елизавету принести эту жертву, вы окажете большую услугу королю Франціи, въ интересы котораго входитъ включеніе Россіи въ прежніе предѣлы. Елизавета не уступала и временно даже прервала сношенія съ французскимъ посломъ.

Тѣмъ временемъ Анна Леопольдовна и ея мужъ узнали о замыслѣ Елизаветы. Проговорился вѣтреный и хвастливый Лестокъ. Елизавета притихла и замкнулась. Къ счастью для нея, правительница отвѣчала на все добродушнымъ смѣхомъ, усматривая въ доносахъ лишь пустыя сплетни, и даже велѣла спросить Левенвольда, не сошелъ-ли онъ съ ума? На предупрежденія Остермана послѣдовалъ тотъ же отвѣтъ и затѣмъ она принялась показывать ему платьица малолѣтняго императора.

Въ концѣ іюня (1741 г.) Нолькена отозвали въ Швецію, которая готовилась къ войнѣ съ Россіей. Нолькенъ сталъ увѣрять, что наступательное движеніе шведскихъ войскъ находится въ зависимости отъ ея рѣшенія. Въ то же время онъ продолжалъ настаивать на выдачѣ ему письменнаго удостовѣренія уступить Швеціи прежнія ея провинціи.

Шетарди также собирался уѣхать; но неожиданно отъ Остермана узналъ, что Швеція приступила уже къ военнымъ дѣйствіямъ. Шетарди остался. Онъ теперь ретиво возбуждалъ царевну къ смѣлому шагу, тайно съ ней совѣщался, давалъ указанія и одолжалъ деньги. Онъ достигъ также того, что вынудилъ Елизавету Петровну дать обязательство въ пользу Швеціи—союзницы Франціи. Обязательство это совершенно невѣроятное и нисколько не согласовалось съ интересами Россіи. Правда, оно никогда не выполнялось, но выдано оно было. Царевна обязывалась, въ случаѣ своего счастливаго воцаренія, предоставить Швеціи денежныя и торговыя

выгоды, вознаградить ее за всѣ утраты со времени первой высадки русскихъ войскъ въ Финляндіи, обѣщала давать Швеціи «въ теченіи всей своей жизни» субсидію, «отстаивать при всякомъ случаѣ интересы Швеціи, и съ этою цѣлью выдавать шведамъ секретно, безъ вѣдома націи, всякія суммы, въ которыхъ держава эта будетъ нуждаться»[93]. Великая княжна дала устное обѣщаніе, подтвержденное отъ ея имени присягой. — Взамѣнъ ожидалось, что Швеція, при открытіи военныхъ дѣйствій, объявитъ причиной войны правленіе въ Россіи иностранцевъ.

Въ ноябрѣ 1741 г. шведы приступили къ военнымъ дѣйствіямъ, но офиціально не заявили, что воюютъ за Елизавету Петровну, за ея права на престолъ. Елизавета видѣла, какъ ничтожна поддержка со стороны ея иностранныхъ союзниковъ. Походъ шведовъ оказался неудачнымъ. Они опубликовали манифестъ съ заявленіемъ, что желаютъ освободить Россію отъ иноземнаго ига, но этимъ дѣлу «принцессы» не помогли.

Елизавета съ своей стороны также ничего не предпринимала. Когда нужно было возбудить ея энергію, Лестокъ и Шетарди обыкновенно пугали ее ожидаемой участью при неудачѣ, — заточеніемъ въ монастырь.

Когда завели вновь болѣе рѣшительно рѣчь о заговорѣ и стали обдумывать, какъ его выполнить, то оказалось, что ничего существеннаго еще ни Лестокъ, ни Шетарди не подготовили. Но въ это время вдругъ лихорадочно принялись за дѣло другіе его сторонники и переворотъ совершился неожиданно для всѣхъ, «и помимо всякаго участія въ немъ Франціи и Швеціи, даже, можно сказать, безъ ихъ вѣдома, такъ какъ совершившійся фактъ оказался для нихъ полной неожиданностью»[94]. Маркизъ де-ла-Шетарди разсказываетъ, что въ историческую ночь одиннад-

цать солдатъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка явились къ Елизаветѣ и сказали, что полкъ получилъ приказаніе выступить въ Финляндію. Если они повинуются, она очутится во власти своихъ враговъ, а если откажутся идти, то рискуютъ выдать ея тайну. Пришлось принять рѣшеніе [95]).

Изумительный фактъ! Заѣзжіе иностранцы, не знавшіе ни Россіи, ни ея языка, затѣяли смѣлый государственный переворотъ и онъ удачно осуществился безъ строго обдуманнаго плана и безъ лица, объединявшаго всѣ его дѣйствія. Сама обстановка оцѣниваетъ все ничтожество того правительства, которое тогда стояло во главѣ Россіи. Но главный секретъ успѣха переворота кроется въ томъ, что Елизавета Петровна располагала народнымъ сочувствіемъ.

Государственный переворотъ осуществился и 25 ноября 1741 г. на Всероссійскій престолъ вступила Елизавета Петровна. Новая императрица, по словамъ «Вѣдомостей», была принята при непрестанномъ радостномъ восклицаніи. «Имя Петра Великаго дало престолъ Елизаветѣ», какъ выразился одинъ историкъ. Елизавета «по всеусердному и единогласному прошенію вѣрныхъ своихъ подданныхъ воспріяла принадлежащій Ея Величеству отъ давняго времени, по близости крови, Самодержавный Всероссійскій родительскій престолъ». Въ ея воцареніи населеніе праздновало паденіе нѣмецкаго режима. Съ нею началось національное направленіе и «Россія пришла въ себя». Остерманъ, Минихъ, Левенвольдъ, Менгденъ—отданы были подъ судъ, тотъ Остерманъ, которому Бестужевъ сказалъ: «вы не только русскій, но русскій, который стоитъ двадцати другихъ». Современникъ переворота М. В. Даниловъ отмѣтилъ въ своихъ запискахъ: «Послѣ Анны Іоанновны была великая перемѣна въ правленіи. Въ одинъ годъ мы три раза были приводимы къ присягѣ». А одинъ изъ академиковъ писалъ: «Вся Россійская имперія была театръ, на которомъ дикая злоба, честолюбіе, ярость и свирѣпство свое изліяло... Коронами играли, какъ мячиками»... [96]).

Въ день рожденія Государыни 18 декабря 1741 г. архіепископъ Новгородскій Амвросій въ придворной церкви произнесъ напыщенную, но много поясняющую проповѣдь, въ которой, между прочимъ, сказалъ:

«Но на что намъ ходить далече, и искать образцовъ и примѣровъ промысла Божія. Мы его явственно, и почти чувствительно видимъ въ Тебѣ, Всепресвѣтлѣйшая Самодержица Наша.

Извѣстно есть, не токмо Всероссійской Имперіи, но и всему свѣту, что еще до кончины блаженныя памяти Императора Петра Второго, Тебѣ, яко Дщери законной обоихъ Коронованныхъ Родителей Твоихъ, наслѣдіе Всероссійскаго Престола надлежало. Но за наши грѣхи и беззаконія послалъ Богъ недобросовѣстныхъ человѣковъ, которые, презрѣвъ всего отечества Нашего общую пользу, для своея богоненавистныя корысти, сдѣлали препятствіе къ законному воспріятію Престола Всероссійскаго, Тебѣ, Всеавгустѣйшая Монархиня Наша . . . Услышалъ Богъ милосердный молитву нашу, возвелъ на Престолъ Родительскій законную Наслѣдницу.

«Послалъ ей сердце мужественное, даровалъ храбрость Іудіѳину . . . Пошла къ надежнымъ своимъ, и давно уже того желающимъ, солдатамъ, и объявила имъ свое намѣреніе, и кратко имъ сказать изволила: знаете ли, ребята, кто я? и чья дочь? Родители мои вселюбезнѣйшіе Петръ Великій и Екатерина трудились, заводили регулярство, нажили великое сокровище многими трудами, а нынѣ все распущено: сверхъ же того, еще и моего живота ищутъ. Не столько мнѣ себя жаль, какъ вседражайшаго Отечества, которое, чужими головами управляемое, напрасно разоряется, и людей столько невѣдомо за него пропадаетъ. Кому-жъ вѣрно служить хощете? Мнѣ ли, природной Государынѣ, или другимъ незаконно Мое наслѣдіе похитившимъ?...

МЕДАЛЬ НА ВОЦАРЕНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

«И какъ то они услышали, тогожъ часа всѣ единогласно закричали: Тебѣ, Всемилостивѣйшая Государыня, за тебя послѣднюю каплю крови излiять готовы; мы того давно желаемъ и дожидаемся... И сдѣлали то въ одинъ часъ, что иные дѣлали черезъ многія лѣта, и со многимъ кровопролитіемъ... Не имѣя ни командира надъ солдатами, ни офицера присутствующаго, Сама была и Полковникъ, Сама и офицеръ командующій...

«Славитъ писаніе Священное Іудиѳь прехрабрую за то, что главному врагу Олоферну, Вождю Вавилонскому, сама одна голову отсѣкла... Вспоминаетъ Іаиль жену также мужественную, которая князя Маовіатскаго Сисару умертвила. Прославляетъ народъ Израильскій Есѳирь пречудную...

«Большія похвалы достойна Наша Всероссійская Героиня.— Наша преславная Побѣдительница избавила Россію отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ. Сіе и самый послѣдній вѣдать можетъ, что какъ болѣзнь внутренняя есть тягчайшая и опаснѣйшая, такъ и врагъ внутренній и сокровенный есть страшнѣйшій...

«Было то воистину, что и говорить стыдно. Однако то сущая правда: пріѣдетъ какой-нибудь человѣкъ иностранной незнаемой (не говорю о честныхъ и знатныхъ персонахъ, которыя по заслугамъ своимъ въ Россіи всякія чести достойны, но о тѣхъ, которыя еще въ Россіи никогда не бывали, и никакихъ услугъ ей не показали), такова, говорю я, новаго гостя, ежели они усмотрятъ, что онъ къ ихъ совѣсти угоденъ будетъ, то хотя бы и не зналъ ничего, хотябъ не умѣлъ трехъ перечесть, но за то одно, что онъ иноземецъ, а наипаче, что ихъ совѣсти нравенъ, минувъ достойныхъ и заслуженныхъ людей Русскихъ, надобно произвести въ Президенты, въ Совѣтники, въ Штаты, и жалованія опредѣлить многія тысячи. Многимъ казалось, что они вѣрно служатъ, воюютъ за Церковь Христову, подвизаются за Отечество, а они такимъ образомъ приводили Россію въ безсиліе, въ нищету и въ крайнее разореніе»... [97]).

Несомнѣнно, что ноябрьскій переворотъ 1741 г. былъ произведенъ ранѣе, чѣмъ разсчитывалъ Шетарди, а главное—безъ всякой существенной помощи шведовъ. И тѣмъ не менѣе успѣхъ переворота одинаково старались приписать себѣ де-ля-Шетарди и Нолькенъ. Впослѣдствіи, когда Шетарди, въ разговорѣ съ княземъ Черкасскимъ, повторилъ старую измышленную ложь, что шведы начали войну, имѣя въ виду пользу Ея Величества, то князь прямо заявилъ: говорить что либо подобное шведы не могутъ безъ явнаго для себя стыда, такъ какъ извѣстно, что приготовленія къ войнѣ дѣлались уже при Аннѣ Іоанновнѣ, а рѣшеніе о войнѣ состоялось въ 1739 г., когда часть войска была перевезена въ Финляндію [98]). Вліяніе Швеціи могло сказаться только въ томъ, что война нѣсколько ускорила переворотъ, который самъ по себѣ согласовался съ видами стокгольм-

скаго правительства. Послѣ переворота Шетарди занялъ особенно видное мѣсто въ Петербургѣ. «Первый поклонъ отдавали Императрицѣ, а второй—ему».

Если бы Левенгауптъ оказался болѣе энергичнымъ, то, быть можетъ, онъ имѣлъ бы возможность сдѣлать что-нибудь, воспользовавшись безначаліемъ, господствовавшимъ въ Петербургѣ, но онъ путался среди инструкцій изъ Стокгольма и неясныхъ указаній маркиза Шетарди.

Елизавета Петровна предложила (27 ноября) перемиріе, во время котораго начались переговоры о мирѣ.

Предварительные переговоры велись черезъ Шетарди. Онъ отстаивалъ интересы Швеціи и ему поэтому дали знать, что «обиды, причиненныя Россіею, неизвѣстны, а дѣйствія Россіи въ пользу Швеціи довольно ясныя, а потому Россія не согласится ни на малѣйшее нарушеніе Ништадскаго мира». Шведы, приписывая себѣ заслугу возведенія на престолъ Елизаветы Петровны, непомѣрно повысили свои домогательства, поддержанныя Франціей, почему переговоры ни къ чему не привели.

27 ноября 1741 г. рано утромъ Шетарди сообщилъ гр. Левенгаупту, что великую княжну Елизавету можно именовать Монархиней Всероссійской. Она, по мнѣнію Франціи, тѣмъ болѣе могла разсчитывать на усердіе гвардейцевъ, что «увѣдомила ихъ о намѣреніяхъ Швеціи, посредствомъ манифестовъ, которые ваше сіятельство приказали распространить и которые она имъ сообщила [99])... Гвардейскіе отряды арестовали всѣхъ иностранцевъ... которые въ теченіи столькихъ лѣтъ подавали Швеціи столь справедливыя основанія къ жалобамъ». Елизаветѣ Петровнѣ было донесено, что «ваше сіятельство двигаетесь форсированнымъ маршемъ, чтобы напасть на русскихъ: тогда принцесса Елизавета пожелала, чтобы я, не теряя ни минуты, увѣдомилъ васъ о перемѣнѣ, которая, казалось ей, должна была измѣнить также и мѣры, предпринятыя вами къ выполненію». Она не хотѣла отмѣтить начало своего царствованія пролитіемъ крови русскихъ и шведовъ. Сама Императрица, послала генер. Кейту приказаніе отнюдь не нападать на шведовъ [100]).

«Полкъ, въ которомъ я служилъ,—читаемъ въ дневникѣ участника кампаніи графа Хорда,—также назначенъ былъ въ

экспедицію къ Секкіярви.—Когда мы дошли до границы, то расположились въ 3 деревняхъ; четыре дня спустя мы увидѣли, что къ нашей главной квартирѣ приближается одинъ изъ нашихъ капитановъ (Дидронъ), взятыхъ въ плѣнъ, въ сопровожденіи горниста, офицера и 30 драгунъ, съ важнымъ извѣстіемъ, что принцесса Елизавета вступила на Императорскій престолъ; что молодой Иванъ, вмѣстѣ съ кормилицей и родственниками, арестованы, и что фельдмаршала Миниха и нѣкоторыхъ изъ господъ его партіи постигла та же участь. Генералъ Врангель,—говоритъ тотъ же современникъ,—раны котораго были залѣчены, но самъ онъ остался калѣкой на всю жизнь, вскорѣ также прибылъ къ намъ (въ Секкіярви), повторилъ отъ имени новой Императрицы искреннѣйшее увѣреніе въ истинной дружбѣ».

Генералъ Левенгауптъ тотчасъ же сообщилъ своему правительству въ Стокгольмъ о совершившемся въ Петербургѣ, и письменно обѣщалъ Шетарди, что пріостановитъ войска. Съ этимъ отвѣтомъ и устнымъ требованіемъ уступки Выборга и Кексгольма, какъ залога предстоящаго мира, былъ посланъ въ Петербургъ шевалье Крепи, французскій волонтеръ при шведской арміи, котораго на всякій случай увѣрили, что вся шведская сила, какъ конная, такъ и пѣшая наступаетъ изъ Финляндіи. Черезъ недѣлю шевалье привезъ отъ Шетарди устный отвѣтъ, что Императрица рада слышать о нерасположеніи Левенгаупта къ кровопролитію. Однако лучшимъ залогомъ будущаго мира Императрица признавала свое «врожденное праволюбіе и откровенный характеръ», а не крѣпости Выборгъ и Кексгольмъ [101]).

Левенгаупта поздравляли съ честью, выпавшей на его долю въ исходѣ петербургской революціи. 6 декабря гр. Левенгауптъ приказалъ своимъ войскамъ вернуться въ Фридрихсгамъ на зимнія квартиры. Въ это время шведскій главнокомандующій былъ настолько увѣренъ въ заключеніи мира, что не принялъ никакихъ мѣръ относительно дальнѣйшихъ дѣйствій. Наканунѣ своего выступленія въ Фридрихсгамъ изъ русской области, въ которую онъ вступилъ единственный разъ за время всей войны, Левенгауптъ получилъ извѣстіе о кончинѣ Ульрики Элеоноры.

Въ день погребенія королевы адъютантъ главнокомандующаго баронъ У. Шефферъ привезъ въ Стокгольмъ новость о восшествіи на престолъ той именно Елизаветы Петровны, возведеніе которой на царство являлось номинальнымъ предлогомъ начатой шведами войны. Сообщеніе принято было, какъ вѣсть о вы-

игранной побѣдѣ. На радостяхъ вѣстника событія вознаградили королевскими и казенными червонцами.

Правящія сферы Стокгольма все еще продолжали оставаться подъ вліяніемъ тѣхъ радужныхъ надеждъ, съ которыми они такъ шумно праздновали объявленіе войны. Ни дѣло подъ Вильманстрандомъ, ни бездѣйствіе гр. Левенгаупта ихъ не отрезвили.—Воображая, что боевая сила Швеціи посадила на престолъ Россіи Императрицу Елизавету, государственные совѣтники усѣлись разсуждать о томъ, какое вознагражденіе они въ правѣ требовать за оказанныя услуги и покровительство. Они начали съ постановленія, что не желаютъ вести никакихъ переговоровъ, пока по словесному требованію Левенгаупта не будутъ возвращены Выборгъ и Кексгольмъ. Маркизу Шетарди они нашли возможнымъ пообѣщать приличное денежное вознагражденіе, лишь бы онъ употребилъ все свое большое вліяніе на пользу Швеціи.

Шведы,—по заявленію ихъ собственнаго историка,—видимо, построили всю войну на томъ положеніи, что иногда «нѣкоторыя, примѣненныя средства производятъ большій эфектъ, чѣмъ крупное сраженіе».

Однако среди государственныхъ совѣтниковъ нашлись и разумные люди въ родѣ Эрика Врангеля и Океріельма, которые открыто заявили, что Елизавета Петровна никоимъ образомъ не согласится отказаться отъ завоеваній своего отца, и если бы она даже и пожелала это сдѣлать, то во всякомъ случаѣ невозможно было-бъ начало своего царствованія омрачить добровольнымъ раздробленіемъ государства. Такъ какъ въ письмѣ къ королю гр. Левенгауптъ настаивалъ на возвращеніи Выборга и Кексгольма, и въ то же время увѣрялъ, что нѣтъ никакой надобности отказываться отъ первоначальныхъ требованій Швеціи, если только ему пришлютъ нужные резервы, то государственный совѣтъ постановилъ 7-го декабря отправить къ главнокомандующему приказаніе вторгнуться въ предѣлы Россіи съ возможно большею боевою силою, не надѣяться на переговоры и идти впередъ мимо Выборга къ Петербургу. Король прибавлялъ въ письмѣ отъ 7 декабря: «Императрица повидимому желаетъ потѣшать насъ обѣщаніями, пока правительство не утвердится и партіи не соединятся; она не желаетъ начинать правленіе уступкой какихъ-либо земель, пріобрѣтенныхъ ея отцомъ, чѣмъ она могла бы навлечь на себя ненависть націи».

Съ этимъ всемилостивѣйшимъ мнѣніемъ Королевскаго Величества (тогда какого-либо повелѣнія генералу правительство еще не смѣло дать) баронъ Шефферъ вернулся къ Левенгаупту въ Фридрихсгамъ 14 декабря, т. е. въ то время, когда онъ уже успѣлъ вывести послѣднія свои части на зимовку. Повелѣніе короля осталось такимъ образомъ неисполненнымъ. Наканунѣ-же Геннингъ Гюлленборгъ отвезъ въ Стокгольмъ письмо Шетарди, въ которомъ онъ совѣтовалъ Левенгаупту лучше искать увѣренности въ добромъ мирѣ и въ расположеніи Императрицы, чѣмъ обладанія Выборгомъ и Кексгольмомъ.

Быть можетъ это обстоятельство побудило государственныхъ совѣтниковъ вспомнить тѣ три запечатанныхъ конверта, въ коихъ хранились условія мира съ Россіей, столь предусмотрительно выработанныя риксдагомъ, объявившимъ настоящую войну.— Распечатали конвертъ № 1. Оказалось, что риксдагъ требовалъ отъ Россіи значительно болѣе того, чѣмъ Швеція ранѣе обладала на востокѣ. Конечно, государственные совѣтники замѣтили, что ихъ требованіе не совсѣмъ-то сообразуется съ наличными обстоятельствами, ибо Россія никоимъ образомъ,—какъ это предполагалось,— не была еще приведена «въ отчаяніе вновь подняться», но тѣмъ не менѣе большинство членовъ совѣта не пожелало открыть два остальные конверта, пока не испробовано будетъ выполненіе перваго требованія. Они не хотѣли отказаться отъ этихъ высокомѣрныхъ (anspråksfulla) условій и надѣялись, что Левенгауптъ въ теченіе зимы будетъ въ состояніи двинуться по замерзшимъ рѣкамъ и привести въ исполненіе планъ риксдага.

Вскорѣ, однако,—пишетъ Н. Тенгбергъ,—шведамъ пришлось отказаться отъ своихъ неумѣренныхъ надеждъ и вернуться въ благоразумію. Послѣ новаго года совѣту сообщили, что Крени привезъ Левенгаупту устный привѣтъ отъ Шетарди и извѣщеніе, что Кексгольмъ, Выборгъ и еще какая-нибудь гавань, пожалуй, могутъ быть уступлены, но Петербурга русскіе добровольно не отдадутъ. Существуетъ, впрочемъ, и другая версія, по которой Крени отрицалъ полученіе отъ Шетарди подобнаго отвѣта и передачи его Левенгаупту; напротивъ, Шетарди призналъ требованія главнокомандующаго настолько неумѣренными, что лишь въ общихъ выраженіяхъ рѣшился упомянуть о нихъ при русскомъ дворѣ.

Какъ бы ни было, но стокгольмскій государственный совѣтъ поручилъ Шетарди принять на себя посредничество, и такимъ образомъ шведскія требованія сдѣлались извѣстными ранѣе коронаціон-

ной поѣздки Императрицы въ Москву. По мнѣнію шведовъ, на возвращеніи Кексгольма и Выборга теперь не слѣдовало особенно настаивать, но лишь при томъ условіи, если станетъ очевиднымъ, что ихъ можно будетъ получить посредствомъ мира. Въ то-же время Швеція рѣшила не назначать своихъ представителей для переговоровъ, пока Елизавета офиціально не увѣдомитъ короля о своемъ восшествіи на престолъ и не назначитъ своихъ уполномоченныхъ. Швеція не должна была подавать вида, что дѣлаетъ первый шагъ, почему инструкція, данная Нолькену, тщательно избѣгала всего, могущаго показать, что шведы первые протягиваютъ руку примиренія. По той же инструкціи, Нолькену офиціально надлежало направлять всѣхъ къ посреднику, а самому исподволь увѣрить министровъ, что Швеція, въ воздаяніе за свою помощь по уничтоженію владычества иноземцевъ, должна получить вознагражденіе на востокѣ, иначе она не будетъ обладать достаточной гарантіей своего спокойствія, особенно до тѣхъ поръ, пока Петербургъ со своимъ сильнымъ флотомъ и многочисленнымъ гарнизономъ остается столицей Россіи.—Далѣе Нолькену предписывалось убѣдить русскихъ, что дружба Швеціи имѣетъ болѣе значенія для Имперіи, чѣмъ завоеванныя провинціи, которыя лишь втянутъ Россію въ европейскія распри и откроютъ путь для вторженія новыхъ нравовъ въ старые русскіе обычаи. Какъ-бы отъ себя Нолькену разрѣшалось,—въ томъ случаѣ, если онъ будетъ лично принятъ Елизаветой,—напомнить объ ея большихъ обѣщаніяхъ и объ опасности, угрожающей ей при переходѣ Швеціи на сторону Ивана Антоновича. Условія слѣдовало представлять только устно. Такова была инструкція, данная Нолькену, 10 февраля 1742 г.

Итакъ, шведы все еще лелѣяли себя надеждой, что имъ, при посредствѣ однихъ только переговоровъ, удастся вернуть завоеванія Петра и возстановить свое прежнее первенствующее положеніе на сѣверѣ. Фантазеръ Левенгауптъ совѣтовалъ сопроводить переговоры шумомъ большихъ вооруженій; но и этого совѣта разслабленная стокгольмская власть не была въ состояніи осуществить.—Гр. Левенгауптъ увѣрялъ, что правительству не придется уступить ни одного пункта изъ своихъ притязаній, при условіи своевременнаго укомплектованія арміи и флота. Правительство обѣщало генералу прислать нужныя подкрѣпленія, но уже подъ конецъ весны Левенгауптъ узналъ, что всю эту силу оно намѣревалось выставить только на бумагѣ [102]).

За то, что Шетарди,—по просьбѣ Елизаветы Петровны остановить шведскую войну,—принялъ на себя роль посредника, Францiя сдѣлала ему выговоръ. «Я не могу примирить такого образа дѣйствiй съ вашей стороны,—писалъ Амело,—съ вашими сообщенiями о худомъ состоянiи московской армiи, которую Вы считали неизбѣжно разбитою..... Какимъ образомъ могло случиться, что въ двадцать четыре часа измѣнилось все и русскiе сдѣлались столь страшными, что шведы могутъ найти себѣ спасенiе единственно въ добротѣ царицы...» [163]).

Обстоятельства складывались такъ, что нужно было созвать новый рикедагъ. Но Карлъ Гюлленборгъ и Левенгауптъ опасались, что представители народа явятся опасными для ихъ партiи. Поэтому Гюлленбергъ старался не допустить рикедага, уговаривая государственный совѣтъ дать понять Шетарди, что Швецiя въ концѣ-концовъ удовольствуется возвращенiемъ Кексгольма и Выборга, при условiи, чтобы онъ представилъ это въ Петербургѣ, какъ собственное предложенiе французскаго короля. Однако,—прибавлялъ Гюлленборгъ,—не слѣдуетъ считать себя связаннымъ въ случаѣ военнаго успѣха.

Но помимо указаннаго, имѣлись и другiя соображенiя, съ которыми шведамъ приходилось серьезно считаться. Шведскiй историкъ перечисляетъ ихъ. Возможно-ли было,—говорилъ онъ,—ожидать, чтобы шведское оружiе, тотчасъ послѣ объявленiя войны, потерпѣло значительный уронъ, какъ то случилось при Вильманстрандѣ? Можно-ли было представить, что смертность въ скоромъ времени совершенно ослабитъ остальную армiю? Развѣ не надѣялись, что шведскiя войска перейдутъ границу и привяжутъ своихъ коней къ яслямъ непрiятеля? Предчувствовали-ли, что въ Россiи произойдетъ государственный переворотъ безъ всякихъ выгодъ для Швецiи и что эта держава, дружная и сильная подъ защитой собственнаго правительства, не пожелаетъ мира? Не разсчитывали-ли, что на военныя издержки можно будетъ купить деньги заграницей, а теперь обнаруживается недочетъ въ государственной казнѣ въ нѣсколько бочекъ золота? Да, всѣ шведскiя мечты и предположенiя не оправдались и приходилось искать выхода изъ затруднительнаго положенiя. Въ подобныхъ случаяхъ, какъ за якорь спасенiя, обыкновенно ухватывались за рикедагъ. Онъ одинъ могъ разобраться въ дѣлѣ, дать совѣтъ, достать денегъ. Необходимо было возможно скорѣе созвать государственныхъ чиновъ [164]).

Когда наконецъ, въ исходѣ марта (1742 г.) Нолькенъ прибылъ въ Фридрихсгамъ, онъ сначала намѣревался затянуть время запросами въ Москву о возможности возстановленія перемирія, но Левенгауптъ, желавшій начать переговоры, заставилъ его немедленно отправиться къ мѣсту назначенія. Нѣкоторые шведы понимали, что слѣдуетъ спѣшить съ заключеніемъ мира. Поэтому Нолькенъ, по прибытіи въ Москву 21 апрѣля, старался возобновить перемиріе, настоялъ на отправленіи письма съ официальнымъ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ Императрицы, и хлопоталъ о назначеніи представителей Россіи для переговоровъ. Его поразили вооруженія Россіи въ сравненіи съ безсиліемъ Швеціи, и онъ находилъ, что вліяніе Шетарди при русскомъ дворѣ уменьшилось.

29 апрѣля государственному совѣту Швеціи сообщили письмо Шетарди, въ которомъ онъ сокрушался, что его надежда быть посредникомъ въ мирныхъ переговорахъ разбилась объ отказъ Россіи сдѣлать хотя-бы малѣйшія уступки а 10 мая былъ принятъ В. фонъ-Паленъ, который разоблачилъ безсиліе войска для наступательныхъ дѣйствій. Но помимо того выяснилось, что къ 1 марта изъ 17.000 новобранцевъ, которыхъ имѣли въ виду получить, можно было собрать только 3.000 [105]).

Успѣха не предвидѣлось. Нолькену, дѣятельность котораго была связана съ французскимъ посредничествомъ, ничего другого не оставалось, какъ потребовать паспортъ и оставить Москву.

Если съ одной стороны поведеніе Елизаветы при прощальной аудіенціи и польстило Нолькену и подавало ему надежду на благопріятный исходъ при прямыхъ переговорахъ, то съ другой стороны эта надежда сокрушалась при мысли о возрастающемъ вліяніи враждебныхъ къ Швеціи братьевъ Бестужевыхъ, противъ которыхъ онъ предупреждалъ Императрицу. На возвратномъ пути Нолькенъ побывалъ въ имѣніи великаго канцлера кн. Черкасскаго, отъ котораго получилъ указаніе, что въ основу всѣхъ переговоровъ долженъ быть положенъ ништадскій мирный трактатъ.

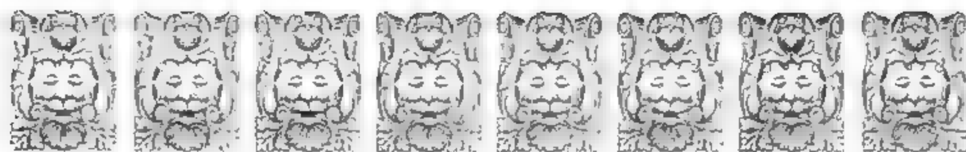
Въ то время, когда Шетарди велъ съ Левенгауптомъ переговоры о мирѣ, онъ, маркизъ, уговорилъ Императрицу написать письмо французскому королю о посредничествѣ между нею и шведскимъ правительствомъ. Но къ счастью Бреверпъ, завѣдывавшій дипломатической перепиской, вмѣсто «посредничества» написалъ «добрыя услуги», что дало Ал. Бестужеву, не желавшему вмѣшательства Франціи, возможность отрицать просьбу объ официальномъ посредничествѣ.

23 мая (3 іюня) 1742 года нашъ представитель въ Парижѣ, кн. Антіохъ Кантемиръ, писалъ гр. Головину, что статсъ-секретарь Амело (Амелотъ) «мнѣ учинилъ новое предложеніе о дозволеніи перемирія хотя на три недѣли, чтобы тѣмъ временемъ сенатъ шведскій могъ сеймъ созвать и получить отъ него кондиціи къ миру съ Россіею....» Плохіе резоны французскаго министра легко были опровергнуты Кантемиромъ, который въ своемъ донесеніи прибавляетъ, что «не столько мы просты, чтобы похотѣли авантажъ свой изъ рукъ выпустить». Вмѣстѣ съ тѣмъ Кантемиръ далъ понять своему французскому собесѣднику, чтобы шведскій дворъ не льстилъ себя надеждою, «чтобы Ея Императорское Величество это перемиріе дозволила, меньше-же, что-бы похотѣла склониться къ уступкѣ хотя пяди земли». Кантемиръ предупреждалъ графа Головина, что домогательство перемирія клонится единственно къ выигрышу шведами времени [166]).

Шетарди, видя, что нѣтъ надежды на полученіе Швеціей обратно завоеваній Петра В., предложилъ передать вопросъ въ руки русскихъ министровъ, разсчитывая на поддержку гр. Ал. Бестужева. Но маркизъ ошибся. Бестужевъ, по обычаю дипломатовъ XVIII в., принималъ подарки отъ иностранныхъ державъ, но интересовъ Россіи не продавалъ, а потому первый изъ мини-

стровъ выставилъ условія Ништадскаго мира, какъ minimum русскихъ требованій. Бестужевъ-же уговорилъ Государыню, для славы Россіи, продолжать войну.

Когда затѣмъ война возобновилась, то А. Бестужевъ не призналъ даже нужнымъ предупредить объ этомъ Шетарди.



IV.

Оставленіе Фридрихсгама и отступленіе шведовъ.

Зимой (съ 1741 на 1742 г.) русскіе дѣятельно организовали свои силы. Эд. Финчъ писалъ, что къ началу будущей кампаніи разсчитывали выставить въ Финляндіи армію изъ 30 армейскихъ полковъ (= 45 тыс. чел.) 6.000 гренадеръ (изъ Новгорода), 5.000 гвардейцевъ, 2.500 кирасиръ, столько-же гусаръ, 16 драгунскихъ полковъ (— 16 тыс. чел.)—всего 70.000, да еще 6 или 7 тыс. казаковъ и калмыковъ, способныхъ разорить страну). Цифры, очевидно, преувеличены. Выборгскіе магазины пополнили, не смотря на естественную дороговизну военнаго времени. За одинъ пудъ сѣна платили отъ 40 до 70 коп., а за четверть овса до 4 руб. Офицеры предпочитали поэтому имѣть лошадь для перевозки запасовъ своей провизіи, а сами шли пѣшкомъ. Другіе офицеры принуждены были употребить своихъ денщиковъ для носки за ними небольшого количества сухарей [107]).

Въ дѣйствительности къ началу іюня 1742 г. по рапорту генералъ-фельдмаршала «рейхсъ-графа Лессія» противъ «вѣроломнаго» врага по сухимъ путямъ «имѣло слѣдовать 25.704 чел., хотя въ войскахъ и на галерахъ по спискамъ числилось 32.733 чел., да кромѣ того нерегулярныхъ 4.357, т. е. всего 37.090 чел. [108]). Во главѣ ихъ вновь стоялъ гр. Ласси. Въ дни ноябрьскаго переворота, когда многіе знатные иностранцы отправлены были въ ссылку, онъ уцѣлѣлъ, благодаря удачному отвѣту. Посланный отъ цесаревны спросилъ: «къ какой партіи вы принадлежите?» «къ нынѣ-царствующей»—былъ отвѣтъ. При Ласси находился ген.-м. Шомиловъ, въ качествѣ инженера. Въ русской арміи имѣлось болѣе 4 тыс. кавалеріи. По этому поводу негодуетъ ген.-м. Завалишинъ, заявляя: «Въ тотъ вѣкъ педантство систематиковъ сильно дѣйствовало надъ умами генераловъ. Арміи по большей части сооружались министрами, одними классическими правилами древнихъ аѳин-

скихъ военноучителей наполненными, а о практикѣ и о томъ, на какой землѣ и какимъ войскамъ дѣйствовать надобно, мало кто имѣлъ надлежащее свѣдѣніе». Большую конницу Завалишинъ находилъ ненужною въ Финляндіи, гдѣ, по его мнѣнію, можно было дѣйствовать только пѣхотой [109]).

Въ началѣ февраля 1742 г. русскіе министры и генералитетъ имѣли общее «разсужденіе» объ операціи въ Финляндіи противъ непріятеля. Актъ подписали князь Долгорукій, Ив. Трубецкой, felt-marchal Lacy, кн. Черкасскій, james Keith gènèral, Ал. Бестужевъ-Рюминъ, Wladimer Löventa1 gènèral и др. [110]). Планъ военныхъ дѣйствій 1742 г. сводился къ тому, чтобы армію сухимъ путемъ отправить по Боргоской дорогѣ; галерный флотъ съ такимъ-же числомъ войскъ, имѣя подъ своимъ прикрытіемъ брандеры, долженъ былъ слѣдовать вдоль берега сквозь шхеры и быть неразлучнымъ съ сухопутной арміей. Галіоты должны везти хлѣбный запасъ.

28 февраля 1742 г. русскіе прервали перемиріе. Прошелъ слухъ, что къ Фридрихсгаму приближается огромная 50.000 армія.

Сборнымъ пунктамъ русскихъ войскъ, предназначенныхъ для похода 1742 г., былъ по прежнему Выборгъ. Боевыя силы хотѣли сосредоточить къ концу апрѣля, но этому помѣшала поздняя весна. Кавалерія не могла фуражироваться въ походѣ, почему его пришлось отложить до конца мая.

Походъ имѣлось въ виду открыть отправкой одной части войскъ изъ Нарвы черезъ Финскій заливъ по льду къ Фридрихсгаму «для учиненія поиска». Но суровая зима смѣнилась сильною оттепелью, разрушившею смѣлый планъ.

Въ началѣ марта 1742 г. русскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Фермора, двинулся къ Нейшлоту. Здѣсь онъ встрѣтился съ отрядомъ, который финляндцамъ удалось организовать, благодаря патріотизму лансгевдинга Кюмменьгородской губ. Шернстедта.

Нападенія русскихъ на приходъ (кирхшпиль) Іеескисъ и на земли, расположенныя къ югу отъ Вуоксы, начались въ сентябрѣ 1741 г., причемъ было спалено нѣсколько дворовъ съ амбарами и складами сѣна, и уведено нѣсколько человѣкъ и лошадей, попавшихся подъ руки. Это повторилось въ концѣ сентября и въ началѣ октября. 6-го октября русскіе, ободренные успѣхомъ, показались еще въ большемъ числѣ. Отрядъ казаковъ въ 200—300 человѣкъ и толпа русско-карельскихъ крестьянъ вторгнулись въ киршпиль Руоколаксъ и деревню Раутіерви, сожгли до 40 дворовъ, захватили въ плѣнъ часть жителей, другихъ умертвили. Такая-же

расправа повторилась еще разъ въ Іеескисъ и Кирвусъ, откуда съ богатой добычей вернулись въ русскую Карелію.

Когда въ 1742 г. перемиріе внезапно было прервано русскими, и непріятельскія дѣйствія должны были возобновиться, въ распоряженіи Шернстедта имѣлось около 2.000 резервныхъ ополченцевъ, успѣвшихъ получить нѣкоторый внѣшній обликъ воиновъ; они были одѣты въ старые, оставленные за ветхостью, синіе солдатскіе мундиры, чтобъ внушить къ себѣ большее уваженіе, ибо, по нѣсколько хвастливому замѣчанію Шернстедта, русскіе очень боялись синихъ мундировъ.

Изъ этого видно, что Карелія воспользовалась перерывомъ военныхъ дѣйствій, чтобы создать, для своего обезпеченія, ополченіе.

Шернстедтъ переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, созывалъ населеніе, ободрялъ его въ защитѣ и поднялъ его духъ. Ему удалось возобновить часть поселенныхъ полковъ, послѣ Вильманстрандскаго погрома. Затѣмъ онъ воспользовался обѣщаніемъ крестьянъ, даннымъ на риксдагѣ, выставить резервныхъ людей. Губернія дала такимъ образомъ около 5 тыс. чел. Шернстедтъ роздалъ кромѣ того населенію оружіе и амуницію, чтобы въ случаѣ нужды можно призвать его къ оборонѣ. Большинство созваннаго Шернстедтомъ люда было взято въ главную армію, часть пошла на защиту Кареліи и Саволакса, а часть была выслана противъ отряда Фермора (въ Керимяки). Ферморъ вынужденъ былъ повернуть назадъ, разоривъ мѣстность, гдѣ въ селѣ Кидесъ выставленъ былъ шведскій постъ. Къ отряду, высланному Шернстедтомъ, присоединились партизаны Кареліи. Произошли двѣ стычки. Финны «лыжники» храбро бросились на русскихъ съ копьями въ рукахъ, когда изсякъ огнестрѣльный запасъ. Ферморъ оставилъ Карелію и ограничился незначительными пограничными набѣгами, во время которыхъ карельскіе крестьяне по прежнему играли значительную роль.

Все, сдѣланное Шернстедтомъ стоило ему большихъ усилій вслѣдствіе того, что помощи отъ правительства нельзя было ожидать. Риксдагъ положилъ уплатить за почтовую гоньбу и доставку припасовъ для арміи, но едва-ли шведскія власти думали исполнить это обѣщаніе, такъ какъ у кригскомисаріата не имѣлось для этого средствъ; еще менѣе обладалъ ими Шернстедтъ, вслѣдствіе того, что уже до его пріѣзда всѣ хлѣбные запасы оказались израсходованы на армію. Въ высшей же степени раздражало его

то, что сумма въ 42.000 талеровъ сер., безъ его согласія, была перемѣщена въ военную казну. Поэтому, онъ не безъ основанія говорилъ, что съ самаго начала представлялъ изъ себя «жалкаго день и ночь обремененнаго горемъ и заботами ландсгевдинга».

Особаго вниманія заслуживаетъ отношеніе шведской Кареліи къ вопросу о народномъ ополченіи. Названная область раньше принадлежала къ Кексгольмской губерніи и поэтому даже не причислялась къ Финляндіи, а составляла побочную страну Швеціи и состояла въ совершенно исключительномъ положеніи. Послѣ мира 1721 года ее присоединили къ Финляндіи, а въ 1731 г. сѣверный Карельскій герадъ (уѣздъ) первый разъ имѣлъ представителей въ шведскомъ риксдагѣ, что являлось признакомъ присоединенія ея къ государству; однако шведы все еще не надѣялись, чтобы карелы сдѣлались ихъ вѣрными подданными.

Радуясь своимъ успѣхомъ, Шернстедтъ былъ огорченъ необходимостью донести королю о нѣкоторыхъ предателяхъ крестьянахъ. Другое непріятное обстоятельство заключалось въ томъ, что крестьяне не проявили склонности подчиниться офицерамъ и дѣйствовать совмѣстно съ регулярными войсками. По ихъ мнѣнію, офицеры недостаточно быстро наступали на непріятеля. и не дозволяли крестьянамъ удержать и дѣлить между собою добычу.

При благопріятныхъ обстоятельствахъ, крестьяне созывали способныхъ носить оружіе, въ числѣ отъ 100 до 300 чел., и сами разоряя и грабя, переправлялись черезъ границу по направленію къ Сердоболю, и возвращались (съ добычею) встрѣтивъ казаковъ или русскихъ ополченцевъ. На русской сторонѣ крестьяне также стали принимать живое участіе въ этой продолжительной борьбѣ.

Шернстедтъ поспѣшилъ похвалить передъ правительствомъ кареловъ за ихъ вѣрность и храбрость и воспользовался обстоятельствомъ, чтобы порисоваться своими гуманными воззрѣніями. Теперь,—писалъ онъ, —я имѣлъ бы случай отомстить русскимъ разореніемъ ихъ области, но этого не хочу, ибо считаю «непростительнымъ запятнать такимъ варварскимъ отношеніемъ оружіе вашего величества» [111]).

На дѣлѣ-же партіи крестьянъ жгли и грабили, когда къ тому представлялась возможность. Въ іюнѣ 1742 г. «высокородному и высокопревосходительному господину генералъ-лейтенанту члену Государственной Военной Коллегіи и Санктпетербургскому оберъ-комендانту Игнатьеву» было донесено, что сильная не-

пріятельская партія, въ 500 человѣкъ, появилась около Сердоболя и всѣ деревни сожгла и обывательскій скотъ и прочее имущество ограбила». Полковнику Позднееву приказано было собрать всѣхъ обывателей, съ имѣющимися у нихъ ружьями, копьями и косами «и какъ можно того непріятеля изъ нашихъ границъ выгнать». Въ Олонецкомъ уѣздѣ ими было выжжено 5 деревень [112]).

Русскіе отнюдь не всегда кончали свои нападенія истребленіемъ людей и имущества. Въ описаніи финляндскаго историка М. Шюбергсона находимъ слѣдующее указаніе: «Взяты были (русскими) въ плѣнъ также два пастора, которыхъ черезъ мѣсяцъ отпустили и отправили домой съ разными доброжелательными отъ Императрицы Елизаветы предложеніями населенію кирхшпиля».

Тщетно Шернстедтъ просилъ о присылкѣ ему жизненныхъ припасовъ и амуниціи для своихъ ополченцевъ, у которыхъ едва-ли имѣлся иной провіантъ, кромѣ того, который они прихватили съ собой изъ дому. Поэтому начальникамъ невозможно было въ долготу удерживать ополченцевъ, которые большей частью бросали свои посты, и въ силу необходимости война производилась лишь небольшими набѣгами (plundringståg), на которые русскіе крестьяне (коихъ шведы называли разбойниками, а финны präskynat) отвѣчали набѣгами съ неменьшей жестокостью. Напрасно Шернстедтъ и земская полиція пытались противодѣйствовать дикому разгулу, который все болѣе отличалъ эти набѣги и схватки. Шернстедтъ пишетъ объ нихъ: «Я, конечно, запретилъ поджоги, производимые крестьянскими партіями, но раздраженіе столь велико, что трудно ихъ сдержать; онѣ находятъ, что крестьяне съ русской стороны, перейдя границу, вели себя безпощаднѣе, чѣмъ непріятельскія войска». Тѣ народности, которыя такимъ образомъ раздирали другъ-друга, двадцать лѣтъ тому назадъ принадлежали одному скипетру.

Въ сѣверной Кареліи память о войнѣ 1741—1742 г.г. неослабно жила въ памяти многихъ поколѣній. Жители ея, которые до сихъ поръ были чужды остальному населенію Финляндіи, теперь братски сблизились и дѣлили другъ съ другомъ радости и горе. Подъ впечатлѣніемъ событій 1742 г. они предложили, чтобъ имъ, вмѣсто повинности для содержанія войска, дозволили устроить своеобразную оборонительную организацію, которая подъ названіемъ Сѣверо-Карельскихъ вольныхъ командъ отличалась во время войны 1788—1790 г.г., а еще больше въ 1808 году [113]).

Въ арміи фельдмаршала Ласси не все обстояло благополучно; прежде всего не наблюдалось достаточной дисциплины. Гвардія состояла тогда почти сплошь изъ дворянъ, «начиная съ офицеровъ до послѣднихъ рядовыхъ». Значеніе ея въ XVIII в. особенно возросло, вслѣдствіе той помощи, которую она оказала вліятельнымъ лицамъ въ разные моменты нашей по-петровской исторіи. «Здѣсь солдатчина (la soldatesque) и отвага нѣсколькихъ низшихъ гвардейскихъ офицеровъ производятъ и въ состояніи произвести величайшіе перевороты»,—писалъ маркизъ Шетарди.

9 мая 1742 г. послѣдовалъ Высочайшій манифестъ, изъ котораго видно, что въ апрѣлѣ того же года въ Петербургѣ, въ седьмицу святыя Пасхи, «у солдатства между гвардіей и армейскихъ полковъ была не малая и такая ссора, что уже яко-бы непріятели рубились и кололи шпагами, причемъ и офицеровъ иноземцевъ не малое число смертельно порублено и поколото». Этотъ самовольный и «въ противность нашихъ законовъ и воинскихъ регуловъ» совершенный проступокъ повелѣно было строго разслѣдовать, виновныхъ подъ «крѣпкимъ арестомъ» содержать и экстрактъ изслѣдованія сего «озорничества» «наискорѣе прислать Ея Величеству» [114]).

Въ то же время вліяніе иноземнаго правительства тяжело сказалось на ходѣ послѣднихъ событій. Подобными обстоятельствами легко объясняется печальный случай въ арміи у Ласси, когда она была расположена лагеремъ подъ Выборгомъ. Гвардейцы, негодуя на иноземныхъ начальниковъ, гордые и самоувѣренные вслѣдствіе милостей, дарованныхъ имъ и ихъ товарищамъ лейбъ-кампанцамъ, предались всякаго рода разгулу и наконецъ взбунтовались. Въ лагерь явились съ письмомъ посланные шведами унтеръ-офицеръ и барабанщикъ. Въ фантазіи нѣкоторыхъ гвардейцевъ сейчасъ же развернулась картина заговора, составленнаго противъ государства иноземцами. Сбѣжалось нѣсколько сотъ преображенцевъ и семеновцевъ; они готовы были приступить къ буйной расправѣ. Прибѣжали и офицеры, желая прекратить безпорядокъ; но солдаты ихъ не слушали и отвѣчали криками: «нужно убить всѣхъ иноземныхъ офицеровъ, находящихся въ арміи: послѣ этого будутъ повиноваться офицерамъ своей націи». Явился генералъ Кейтъ. Смѣло вошелъ онъ въ середину мятежной толпы и, схвативъ одного изъ бунтовщиковъ, велѣлъ позвать священника для его послѣдней исповѣди передъ разстрѣляніемъ. Другихъ арестовали. Сборище разсѣялось. Потушивъ возстаніе въ самомъ его зачаткѣ, онъ обратился ко всѣмъ

съ рѣчью, полной укоризны, и прибавилъ, что Минихъ никогда бы не допустилъ подобныхъ безпорядковъ.

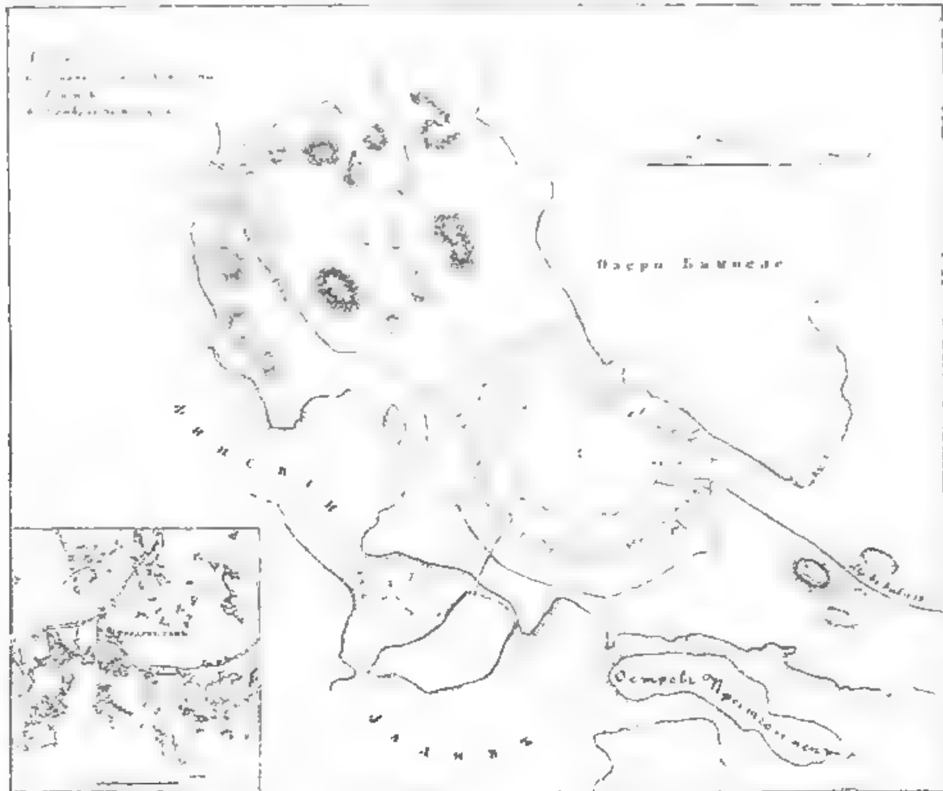
Для разслѣдованія дѣла былъ назначенъ Александръ Ивановичъ Румянцевъ и онъ, сдѣлавъ лѣтомъ 1742 года нѣсколько длинныхъ донесеній Императрицѣ, представляетъ его въ иной окраскѣ. Но еще большій интересъ въ данномъ дѣлѣ представляетъ обширное частное письмо А. Румянцева изъ Выборга къ своему другу, барону Ивану Антоновичу Черкасову, отъ 23 августа 1742 года. Тутъ все досказано и раскрыто. Доискаться своевольныхъ зачинщиковъ не удалось. Но обнаружено, что безпорядокъ принялъ значительные размѣры «отъ слабой команды гвардіи маэора Черноцова и офицеровъ». Наканунѣ Троицына дня «межъ гренадеровъ роптанье началось и невѣрность на генералитетъ». Оно продолжалось и утромъ до обѣдни 6 іюня. Офицеры были дома, но солдатъ унять никто не хотѣлъ. Въ Измайловскомъ полку былъ праздникъ и офицеры обѣдали у подполковника Кейта. При деташементѣ оставили капитана Юшкова, «который ребенокъ молодой, какъ Вы сами его знаете. Всѣ ушли на обѣдъ, не унявъ шума. «А какъ Вамъ извѣстно, что солдаты въ походъ не пьяны не ходятъ». «А на завтра былъ праздникъ, то паки бóльшая половина пьяна была». Пріѣхалъ каптенармусъ для отвоза ящиковъ въ Выборгъ. Пьяные ему ящиковъ не дали и вытолкали изъ роты. Вмѣсто того, чтобы «заводчиковъ» наказать, Кейтъ позволилъ солдатамъ ящики взять въ походъ. Они и возмнили, что «штабы ихъ боятся». Когда обѣдавшіе офицеры узнали, что изъ конной гвардіи солдаты своевольно подъ карауломъ увели присланныхъ шведовъ въ роту гренадеръ, всѣ—генералъ Кейтъ, Черноцовъ и офицеры—пріѣхали къ мѣсту происшествія, но и при нихъ крикъ не унимался. Фельдмаршала въ лагерѣ не было. Генералъ Кейтъ рапортъ фельдмаршалу «гладенекъ» подалъ, «почитай все закрыто». Ласси явился, но къ его пріѣзду все успокоилось. «Онъ самъ и весь генералитетъ иноземцы въ великомъ страхѣ были». Но «подлинно», что у шумѣвшихъ злого умысла противъ «персоны» Ея Величества не было. Ящики съ гранатами солдаты желали оставить при себѣ для «наилучшаго противъ непріятеля сопротивленія», не боясь, при этомъ труда ибо-де не на обѣдъ, а биться идутъ. Въ походъ брали по три гранаты на человѣка, а 6 гранатъ имѣлось въ виду отослать обратно въ Выборгъ. Въ лагерѣ шумѣли и наблюдался великій безпорядокъ. Распространился слухъ, что ядра не по пушечнымъ ка-

либрамъ, что въ конной гвардіи патроны безъ пуль, что въ ставкѣ генер. Ливена — шпіоны. Солдаты возмнили, что командиры изъ иноземцевъ «невѣрно служатъ». Разслѣдованіе не обошлось безъ увѣщаній, застѣнка и «жестокаго битья батогами». А. Румянцевъ предвидѣлъ, что Императрица, по сродному ей великодушію и материнскому милосердію, освободитъ виновныхъ отъ наказанія, почему онъ, «по своей присяжной рабской должности», сдѣлалъ представленіе, что нужно на страхъ другимъ пресѣкать своеволіе и держать солдатъ въ дисциплинѣ и послушаніи, и для оправданія всего иностраннаго генералитета, находящагося на службѣ Ея Величества, иначе онъ (генералитетъ) останется у народа въ подозрѣніи и подверженъ будетъ постоянному страху; наконецъ, А. Румянцевъ стоялъ за наказаніе и ради того, чтобы «солдаты не мнили быть умнѣе своихъ начальниковъ». Въ виду такихъ сообщеній, А. Румянцевъ проектировалъ виновныхъ «яко злодѣевъ смертію казнить», а иныхъ жестоко наказать за ихъ продерзости [115]).

Въ указѣ 14 апрѣля 1743 г. было сказано: «хотя всѣ по суду смертной казни и прочихъ опредѣленныхъ наказаній достойны, однако мы, по нашему природному милосердію, отъ казни смертной и наказанія оныхъ освобождаемъ». 17 человѣкъ было разослано по сибирскимъ заводамъ и дальнимъ гарнизонамъ.

Шведы сосредоточились около Фридрихсгама. Не смотря на то, что Фридрихсгамъ обошелся шведской казнѣ въ 23 бочки золота, онъ представлялъ совершенно негодную крѣпость. Одинъ изъ участниковъ войны, долго квартировавшій въ городѣ,— пасторъ шведской гвардіи Тибурціусъ,—даетъ слѣдующее описаніе Фридрихсгама. Прежде всего неудачно было выбрано мѣсто для крѣпости, такъ какъ по обѣимъ сторонамъ ея возвышались горы, съ которыхъ представлялась возможность не только обстрѣливать всѣ ея улицы, но и незамѣтно приблизиться къ ея стѣнамъ. Сама крѣпость, хотя она и возводилась подъ руководствомъ директора инженернаго вѣдомства Левена, имѣла ничтожное значеніе, вслѣдствіе того, что ея валы состояли изъ песчанаго торфа и дурного дерна, оползавшаго отъ продолжительнаго дождя, а крѣпостные рвы, глубиною до 5 футъ, не были заполнены водой и ограждены рогатками. Ворота не имѣли ни подъемнаго моста

ни защищавшаго ихъ равелина. Укрѣпленія были разбросаны на столь обширномъ пространствѣ, что требовали для своей защиты гарнизона въ 10.000 чел. Среди города помѣщался высокій деревянный цейхгаузъ, украшенный огромною вызолоченной двойной буквой «F», съ королевской короной, которыя могли служить прекрасной цѣлью для непріятельскихъ выстрѣловъ, такъ какъ ярко блестѣли за полъ-мили отъ города. Пороховые погреба были



ПЛАНЪ ФРИДРИХСГАМА.

плохо устроены. Вода оказалась дурного качества и въ недостаточномъ количествѣ. «Когда мы прибыли въ Фридрихсгамъ,— прибавляетъ Тибурціусъ,—всѣ дома были заняты больными матросами... «Около города находилось высокое песчаное поле, удобное для лагернаго расположенія, но нашъ полкъ размѣстили въ болотистой мѣстности, вдоль берега соленаго озера, гдѣ самъ по себѣ воздухъ былъ нездоровый и, кромѣ того, распространялся отвратительный смрадъ отъ плохо зарытыхъ тѣлъ: здѣсь валялась нога, тамъ изъ земли высовывалась рука и т. д.». Комендантомъ крѣпости состоялъ генералъ-майоръ Буске (Bousquet). Левенгауптъ

началъ исправленіе укрѣпленій города съ помощью запасныхъ полковъ.

Шведы, сосредоточивъ около Фридрихсгама до 15.000 свѣжаго войска, а всего имѣя до 25 тыс., тѣмъ не менѣе бездѣйствовали, давъ возможность русскимъ стянуть свои силы въ окрестностяхъ Выборга. Вскорѣ жестокая горячка, проникшая въ ихъ лагерь, стала косить людей ежедневно сотнями. На здоровье войска вліяла дурная пища, осеннія погоды, тѣсное помѣщеніе и прежде всего крайне неосмотрительно выбранное мѣсто стоянки арміи: «Землянки, въ которыхъ укрывались шведы, были такъ сыры, что платье плѣсневѣло на тѣлѣ. Эти землянки стали замѣнять могилы: ихъ наполняли трупами, сбрасывали съ нихъ крыши и засыпали землей». Хоронили безъ почестей и церковныхъ обрядовъ. Въ Кюменьгородскомъ баталіонѣ смерть взяла столь обильную жатву, что потребовалась могила въ 100 локтей длины. 6 локтей ширины и 4 глубины. Естественными послѣдствіями этого явились ропотъ и деморализація. Дезертирство перестало считаться позорнымъ.

Нѣкоторыя роты въ теченіе нѣсколькихъ дней накапливали отъ 14 до 20 труповъ и клали въ сараи безъ дверей, гдѣ ихъ нерѣдко ночью пожирали собаки.

Солдаты роптали на то, что по приказанію маіора Пфейля умершимъ не оказывали никакихъ почестей.

Болѣзнь и смертность настолько продолжали свирѣпствовать среди солдатъ, что въ королевской лейбъ-гвардіи осталось лишь 400 человѣкъ, изъ 1.500, пришедшихъ въ Фридрихсгамъ.

«Моя рота,— пишетъ графъ Хордъ,—состоявшая изъ 4 офицеровъ, 6 унтеръ-офицеровъ и 150 рядовыхъ, помѣщалась теперь въ 10 плохенькихъ крестьянскихъ избахъ» [116]).

Если лагерь арміи въ теченіе зимы превратился въ обширный лазаретъ, то флотъ представлялъ открытую могилу. Она особенно наполнялась тѣми пѣхотинцами, которыхъ тысячами отправляли на суда, для укомплектованія флота. Непривычка къ судовой пищѣ и къ жизни подъ палубой приносила цѣлыя гекатомбы смерти и болѣзнямъ.

Ни въ арміи, ни во флотѣ не имѣлось искусныхъ врачей. Медицинская наука стояла на низкомъ уровнѣ развитія: нѣмецкіе цирульники и самые ничтожные знахари, съ соотвѣтствующими аптекарями, являлись единственнымъ персоналомъ, къ которому можно было обращаться. Къ болѣзнямъ въ арміи и флотѣ при-

соединились дурное настроеніе, вслѣдствіе несчастнаго начала кампаніи, смерть королевы, неподвижность, партійные раздоры. «Лучшимъ лѣкарствомъ могла быть побѣда, но тѣ доктора, которые должны были его приготовить, были въ своемъ родѣ—цирульниками» [117]).

Провіанта было такъ мало, что полкамъ нѣсколько мѣсяцевъ приходилось питаться сухимъ хлѣбомъ, гнилой салакой и горохомъ. Естественно, что при такомъ жалкомъ положеніи арміи обнаружилось чрезвычайное недовольство, а безпорядки увеличивались.

Когда вѣсть о прекращеніи перемирія дошла до шведскихъ войскъ, среди нихъ поднялась ужасная суматоха. До этого времени Левенгауптъ ничего не предпринималъ, ослѣпленный пышными фразами французскаго посланника Шетарди. Всѣ потеряли голову. «Никто не принялъ во вниманіе, что (при первыхъ слухахъ) снѣгъ былъ еще выше человѣческаго роста» и русскіе не могли двигаться.

2-е марта—пишетъ очевидецъ—останется для меня памятнымъ днемъ на всю жизнь; хотя ничего не было слышно о русскихъ, но безуміе переходило всякіе предѣлы; каждый уходилъ, не спрашиваясь у начальства и не справляясь съ приказаніями. Одинъ смотритель магазина, подкрѣпивъ свой упавшій духъ водкой, дозволилъ каждому брать, что ему угодно, вслѣдствіе чего распространился слухъ, что магазинъ оставленъ на произволъ судьбы, и его, конечно, разграбили. Всѣ орудія вокругъ крѣпости были перевернуты; говорили, что орудія хотятъ взорвать, а крѣпость покинуть. Почти всѣ жители бѣжали изъ города.—Никто не зналъ, приближается ли непріятель или нѣтъ. Нельзя вполнѣ описать страха, царившаго въ арміи. Въ шведскомъ лагерѣ всѣ обезумѣли, и каждый дѣлалъ, что хотѣлъ. Короче—среди шведовъ наблюдался «Terror panicus» [118]).

Между тѣмъ русская армія по прежнему пребывала неподвижно у Выборга. Партизанъ Лёвингъ, доставившій это извѣстіе, громко и откровенно высказался о жалкихъ распоряженіяхъ шведскаго начальства. Оскорбленный подобнымъ замѣчаніемъ Левенгауптъ приказалъ заключить Лёвинга въ Тавастгускую крѣпость, чѣмъ лишилъ себя послѣдняго источника свѣдѣній о положеніи русскихъ.

Неудовольствіе въ народѣ росло; генералы и ихъ приказанія, свидѣтельствуетъ очевидецъ, пользовались малымъ уваже-

ніемъ. Нарочныхъ посылали изъ полковъ въ полки и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (въ особенности въ гвардіи, dalregementet и частью Зюдерманландскомъ полку) поговаривали даже объ отказѣ сражаться противъ герцога Голштинскаго, о которомъ утверждали, что онъ сопровождаетъ русскую армію.

Самымъ дерзкимъ офицеромъ былъ маіоръ Врангель. Онъ вызывающе грубо отвѣчалъ генералъ-аншефу. Къ непріятелю онъ относился не особенно сердечно. «Отъ солдатъ далекарлійцевъ, которые участвовали въ дѣлѣ при Вильманстрадѣ, я слышалъ — пишетъ участникъ похода пасторъ Тибурціусъ,—что когда онъ неохотно шелъ впередъ, то рядовые колѣномъ подталкивали его сзади, приговаривая: впередъ, каналья!» [119]).

Бездѣятельное и безъ подвиговъ пребываніе въ нуждѣ и недостаткахъ является тяжелымъ испытаніемъ для бодрости духа и стойкости войска. Этихъ испытаній шведская армія не выдержала съ надлежащей твердостью. Шведскіе офицеры внесли съ собой въ лагерь слишкомъ много привычекъ рыцарскаго дома (риксдага) и въ ихъ глазахъ Левенгауптъ оставался ландмаршаломъ и руководителемъ партіи, а не боевымъ генераломъ. Тѣ, которые по своимъ политическимъ воззрѣніямъ примыкали къ шапкамъ, выражали къ нему во время кампаніи явную непріязнь. Съ другой стороны и шляпы, въ особенности гвардейскіе офицеры, были слишкомъ избалованы ухаживаніемъ и лестью, испытанными ими во время риксдаговъ, они слишкомъ привыкли къ клубамъ и политическимъ разсужденіямъ, чтобы теперь посвятить себя выполненію воинскаго долга.

Рядовой фузилеръ русской [illegible] (1732—1742).

Почти всѣ командиры полковъ принадлежали къ шапкамъ, т. е. партіи, не довольной войной.

Вообще среди офицеровъ очень рано послышались рѣзкіе голоса противъ похода. Офицеры флота въ Карлскронѣ устроились съ нѣкоторымъ комфортомъ на англійскій манеръ, а теперь имъ приходилось участвовать въ зимней кампаніи. Не прошло и 3 мѣ-

сяцевъ стоянки въ Финляндіи, какъ въ пѣхотѣ вновь стали уходить въ отставку.

29 іюля 1741 г. состоялся приказъ, чтобъ 1.500 человѣкъ Королевской лейбъ-гвардіи отправлены были въ Финляндію. Тѣ, кому за три мѣсяца приказано было приготовиться къ походу, оказались неготовыми, и 5 или 6 капитановъ подали въ отставку, а вмѣстѣ съ ними безъ всякаго основанія покинули службу и нѣсколько поручиковъ.

Уже до похода въ Секкіерви, говорятъ, большинству начальниковъ надоѣла война и они сожалѣли о томъ, что приняли въ ней участіе. Государственный переворотъ въ Петербургѣ и перемиріе въ военныхъ дѣйствіяхъ дали имъ новый обильный поводъ заняться политическими комбинаціями и планами.

Офицеръ и рядовой [illegible] (17[illegible]2—1742).

Безконечными темами для пылкихъ дебатовъ среди походныхъ шатровъ послужили: слухъ о сватовствѣ принца Конти къ Елизаветѣ Петровнѣ, смерть королевы Ульрики Элеоноры и поѣздка герцога Голштинскаго въ Петербургъ, гдѣ прибытіе его было возвѣщено пушечной стрѣльбой и разными торжествами.

Но такъ какъ самымъ животрепещущимъ вопросомъ являлось избраніе для Швеціи наслѣдника престола, то часть офицеровъ старалась достигнуть созыва риксдага: они отправляли домой письма, въ которыхъ изображали положеніе арміи въ самыхъ темныхъ краскахъ и представляли общее бѣдствіе столь великимъ, что его возможно было облегчить только посредствомъ созыва сословій. Другіе офицеры носились съ мыслями о необходимости начальниковъ вмѣшаться въ дѣло престолонаслѣдія. Объ этомъ совѣщались въ полкахъ и пускались въ ходъ разнообразные слухи. Болтали о томъ, что Левенгауптъ протягивалъ руку къ шведской коронѣ, но сперва хотѣлъ овладѣть Финляндіей и создать изъ нея для себя отдѣльное герцогство съ главнымъ городомъ Петербургомъ. Въ Швеціи онъ имѣлъ въ виду царствовать подъ именемъ Карла XIII. Посредствомъ подобной лжи обработывались

умы. Сношенія между Петербургомъ и шведской арміей весьма оживились во время перемирія; а голштинскіе чиновники, которымъ правительство въ Стокгольмѣ довольно неосторожно дозволило держать путь въ Россію черезъ Финляндію, дѣлали нетерпѣливые и подозрительные визиты въ зимнихъ квартирахъ шведской арміи. Лица, требовавшія въ Стокгольмѣ войны и кричавшія о ней на улицахъ, говорили теперь о мирѣ, риксдагѣ и престолонаслѣдіи. По сообщенію Акселя Ферзена,—одного изъ участниковъ похода,—къ Левенгаупту была снаряжена депутація, съ увѣдомленіемъ, что армія желаетъ не драться, а выбрать въ наслѣдники шведскаго престола герцога Голштинскаго. Главой голштинской партіи въ арміи считали полковника Карла Отто Лагеркранца.

Среди этихъ политическихъ броженій Левенгауптъ (25 февраля н. ст.) получилъ письмо отъ русскаго генерала Кейта, въ которомъ неожиданно сообщалось, что перемиріе черезъ три дня прерывается и снова начнутся военныя дѣйствія. Левенгауптъ тотчасъ же созвалъ военный совѣтъ изъ генераловъ, полковниковъ и подполковниковъ и представилъ имъ опасность положенія. Подполковникъ Спарре и полковникъ Вреде сдѣлали между прочимъ предложеніе о томъ, чтобъ отправить кого-нибудь, въ качествѣ представителя, къ русскимъ съ такими проектами, чтобъ ихъ можно было заставить остановиться. Лагеркранцъ предложилъ не только отправить посольство въ Москву, но желалъ, чтобы кто-нибудь изъ арміи «черезъ два часа поѣхалъ также въ Стокгольмъ, представилъ тамъ бѣдственное положеніе арміи и упросилъ», чтобъ совѣтъ раньше не расходился, пока не приметъ вѣрныя мѣры къ охраненію государства. Съ этой цѣлью Лагеркранцъ составилъ для короля въ самыхъ мрачныхъ краскахъ отчетъ о состояніи арміи, причемъ утверждалъ, «что ранѣе конца апрѣля армія, флотъ и вся Финляндія должны оказаться во власти русскихъ».

Генералъ закрылъ военный совѣтъ, объяснивъ, что посылать шведа вымаливать отсрочку у наступающаго непріятеля слишкомъ противорѣчитъ законамъ чести. Но Левенгауптъ не былъ изъ тѣхъ, которые твердо стояли на своемъ рѣшеніи, и уже вечеромъ того же дня, на новомъ собраніи, генералъ далъ шевалье Крепи уговорить себя и согласился поручить посольство полковнику Лагеркранцу. Шевалье Крепи довѣрено было передать письмо маркизу Шетарди.

Императрица сперва какъ будто сочувственно отнеслась къ мысли о перемиріи, но продолжительное молчаніе ея сановниковъ должно было предупредить Лагеркранца и Шетарди объ отрицательномъ отвѣтѣ. Наконецъ, представителямъ Швеціи было заявлено, что переговоры могутъ продолжаться, но военныхъ операцій прерывать нельзя.

Тогда Лагеркранцъ далъ понять, что у него имѣется другое, болѣе секретное, предложеніе, и приближеннымъ Императрицы былъ показанъ имѣвшійся въ запасѣ проектъ. Посланникъ главнокомандующаго, для прекращенія кровопролитія, предлагалъ въ обоюдныхъ интересахъ заключеніе мира на тѣхъ условіяхъ, которыя выставлены будутъ самой Императрицей, ибо король былъ увѣренъ, что Елизавета Петровна при мирныхъ переговорахъ предоставитъ Швеціи столь часто обѣщанныя ею преимущества, или же довѣрится справедливости посредника. Для большей вѣрности, Лагеркранцъ обязался въ теченіе 6 дней доставить фельдмаршалу Ласси удостовѣреніе своего заявленія, подписанное генераломъ Левенгауптомъ и всѣми находившимися въ Фридрихсгамѣ старшими офицерами; пока же, по его мысли, надлежало дать знать русскимъ генераламъ о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій; то же самое обязывался сдѣлать Левенгауптъ. Перемиріе имѣлось въ виду продлить до прибытія съ обѣихъ сторонъ уполномоченныхъ, предназначенныхъ для веденія переговоровъ. Русскія власти отвѣтили, что предложеніе заслуживало бы вниманія, если бы не исходило отъ частнаго лица, которому не дано такого порученія; оно не пріобрѣтетъ никакой цѣны даже и тогда, когда самъ генералъ Левенгауптъ и вся армія подпишутъ его, потому что подобныя предложенія исходятъ только отъ короля и совѣта. Лагеркранцу оставалось покинуть Москву. 12 марта (1742 г.) онъ выѣхалъ уже изъ Петербурга и по дорогѣ будто бы встрѣтилъ множество обозовъ и рекрутъ, предназначенныхъ для русской арміи. Въ Петербургѣ онъ якобы нашелъ въ сборѣ весь генералитетъ. Все походило на выступленіе. Это, по его словамъ, подтверждали и находившіеся тамъ въ плѣну шведскіе офицеры. Безъ остановки Лагеркранцъ проѣхалъ въ Фридрихсгамъ.

Гр. Левенгауптъ сильно раздражался, слыша, какъ Лагеркранцъ въ главной квартирѣ ретиво превозноситъ превосходство русскихъ, прекрасное состояніе ихъ арміи, отличныхъ офицеровъ различныхъ національностей, которые—прибавилъ онъ,—«не разговариваютъ о политикѣ, а исполняютъ свою службу». Но что

сказалъ бы Левенгауптъ, еслибъ увидѣлъ письмо, въ которомъ полковникъ Лагеркранцъ рисовалъ для Шетарди въ самыхъ мрачныхъ краскахъ плохое состояніе шведской арміи и выставлялъ своего начальника—генерала—хвастливымъ безумцемъ безъ малѣйшей опытности въ военномъ искусствѣ.

28 марта (1742 г.) собранъ былъ военный совѣтъ. Шевалье Крепи и Лагеркранцъ привезли изъ Россіи извѣстіе о состояніи и численности русскаго войска, доходящаго до 45.000 человѣкъ, и предсказывали, что въ нѣсколько дней оно придвинется къ Фридрихсгаму. Генералъ, мало вѣрившій ихъ словамъ, отдалъ однако приказаніе нѣкоторымъ частямъ приблизиться къ Фридрихсгаму. Число членовъ военнаго совѣта доходило до 28. Имъ Левенгауптъ изложилъ поведеніе Лагеркранца, прочиталъ его инструкцію и предложеніе, сдѣланное имъ Московскому Двору; офицеры должны были признать, что онъ превысилъ свое полномочіе. Но когда генералъ попытался выразить свое презрѣніе къ измѣнническимъ замысламъ въ арміи и выставить свою воинственность, его напыщенная рѣчь на большинство совѣта не произвела никакого впечатлѣнія.

Если принять во вниманіе согласованность ложныхъ извѣстій о приближеніи непріятеля, которыя съ такой увѣренностью доставлялись Левенгаупту (разными лицами, напр., ф. Менгденомъ, Геннингомъ, Гюлленборгомъ, Крепи и особенно Левингомъ), то приходится признать ихъ вышедшими изъ одного общаго источника и направленными къ осуществленію одного и того же плана; а такъ какъ главная русская армія при окончаніи перемирія далеко не была готова снова начать непріятельскія дѣйствія, то легко рождается предположеніе, что перерывъ имѣлъ связь съ партійностью въ шведской арміи. Мы не хотимъ, однако, сказать—продолжаетъ шведскій историкъ, трудомъ котораго мы пользовались, — что шведы совѣтовались объ этомъ съ непріятелемъ, такъ какъ къ тому не имѣется никакихъ доказательствъ.

Въ офицерской средѣ возвращеніе Лагеркранца и его разсказы значительно подняли броженіе; «офицеры веселились въ трактирѣ и говорили о молодомъ герцогѣ Голштинскомъ». Дерзость ихъ во время одной попойки дошла до того, что они послали двухъ депутатовъ къ генералитету съ извѣстіемъ, что пьютъ за здоровье короля Карла XIII.—При такихъ условіяхъ Левенгауптъ не смѣлъ показать, что онъ признаетъ поведеніе Лагеркранца въ Москвѣ преступнымъ, почему оставилъ его на нѣсколько дней въ Фридрихсгамѣ, а затѣмъ поручилъ ему

ѣхать домой и увѣдомить короля о состояніи войска. Въ то же время онъ распорядился, при посредствѣ заранѣе высланнаго офицера, арестовать его на дорогѣ и отправить въ Стокгольмъ. И такъ какъ одновременно былъ арестованъ Левингъ, а одинъ поручикъ при Dalregementet вынужденъ былъ подать въ отставку, то этими мѣрами и благодаря еще нѣкоторымъ серьезнымъ замѣчаніямъ, сдѣланнымъ Левенгауптомъ офицерамъ, ему удалось подавить смуту и возстановить порядокъ между офицерами [120]).

Среди финскихъ полковъ также проявилось неудовольствіе, но по иной причинѣ: въ виду отдаленности ихъ мѣстъ квартированія, они оставлены были въ Фридрихсгамѣ и его окрестностяхъ, для несенія гарнизонной службы и работъ по укрѣпленіямъ. Изъ финскихъ полковъ каждую ночь убѣгало домой отъ 30 до 40 чел. Тибурціусъ говоритъ, что русскіе изъ своего лагеря посылали финовъ сманивать другихъ, причемъ они превозносили благородство русскихъ.

Стокгольмское правительство, недовольное Левенгауптомъ, прислало въ Финляндію полковника Марксъ-фонъ-Вюртемберга, для производства слѣдствія, и приказало Левенгаупту ничего впредь не предпринимать безъ военнаго совѣта.

Когда общее безотрадное положеніе арміи Левенгаупта сдѣлалось извѣстнымъ въ Швеціи, рекруты, назначенные въ Финляндію, неохотно покидали отечество, а 400 далекарлійцевъ, которыхъ хотѣли отправить на театръ военныхъ дѣйствій, отказались слѣдовать по назначенію.

Наконецъ, 15 мая, во время пѣнія вечерняго псалма, имъ приказано было на слѣдующее утро явиться на корабли; они сначала потребовали свои шинели и съ шумомъ и гвалтомъ заявили, что не оставятъ города, пока не будутъ исполнены всѣ ихъ требованія. Офицерамъ съ трудомъ удалось водворить порядокъ, а на слѣдующее утро далекарлійцы явились съ большимъ опозданіемъ, и, несмотря на приказаніе, вещи ихъ не были уложены. Когда они и на этотъ разъ, подъ ничтожнымъ предлогомъ отказались взойти на суда, офицеры спросили ихъ, съ какой цѣлью имъ желательно такъ долго оставаться въ городѣ? Они отвѣтили, что не намѣрены даромъ отдать себя, и не пойдутъ на войну безъ своего короля, какъ это бывало при Карлѣ XI и Карлѣ XII. Они желали признавать только одного Бога и одного короля, который долженъ взять съ собой на войну корону и скипетръ, чтобы такимъ образомъ они вѣдали, за кого жертвуютъ

своею жизнью. За рыцарство же и дворянство они не намѣрены были сражаться.

Когда въ указанное время рекруты собрались въ городѣ, то полковнику Каульбарсу, во главѣ нѣсколькихъ городскихъ стражниковъ, пришлось силою привести ихъ къ мѣсту отправки. Замѣтивъ, что принимаются серьезныя мѣры, никто не подумалъ проявить сопротивленія. Рядомъ съ кораблемъ, на которомъ они должны были отправиться, стояло, для обузданія ихъ, вооруженное судно, обязанное во время перевозки сопровождать ихъ въ Финляндію [121]).

РУССКІЙ ДРАГУНЪ

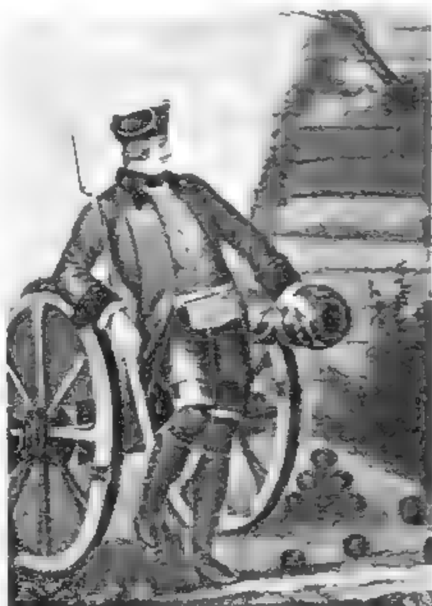
Къ 1 іюня вся русская армія гр. Ласси была въ сборѣ. Ее рѣшили двинуть по дорогѣ, ближайшей къ Финскому заливу, чтобы не терять связи съ нашими галерами, доставлявшими большую часть продовольствія.—Армія находилась въ хорошемъ состояніи, чѣмъ воспользовались, чтобы, какъ бы случайно, показать ее шведскому офицеру, ѣхавшему въ Москву (въ началѣ іюня) съ предложеніемъ мира: войска продефилировали передъ нимъ по мосту, при выходѣ изъ одного лагеря. Армія двигалась къ Фридрихсгаму. 25-ти тысячный корпусъ Ласси шелъ по берегу, «не видя въ глаза ни одного непріятеля» (ген.-м. Завалишинъ), а заливомъ слѣдовала шхерная флотилія съ 10 тысячнымъ дессантомъ. 13 іюня армія подошла къ Секкіярви; здѣсь начиналась непріятельская территорія. Деревни были выжжены зимой отрядами нашихъ гусаръ и казаковъ, дабы лишить шведскія войска средствъ пропитанія и убѣжища. Жители со своимъ скарбомъ удалились внутрь страны. По словамъ Тибурціуса, казаки во время своихъ набѣговъ проявляли большую жестокость; они отрѣзали у своихъ жертвъ носы и уши, жгли солому на ихъ груди, не щадили ни женщинъ, ни дѣтей [122]).

24-го іюня шведы безъ боя покинули чрезвычайно выгодную для нихъ позицію при Мендолакскомъ (Mendolaks) дефилe. Правая сторона оконовъ упиралась въ море, а лѣвая—въ

большое озеро. Поперекъ Мендолакской долины протекала рѣчка; мостъ шведы сломали и устроили большую засѣку. Ласси рѣшился напасть на окопы, и отрядъ Леванева предпринялъ боковое движеніе къ засѣкѣ, но на позиціи уже никого не оказалось.

Мендолаксъ нужно было брать съ фронта, а между тѣмъ узкій подходъ къ нему допускалъ прохожденіе въ рядъ не болѣе 20 человѣкъ. Фребергъ, вмѣсто проявленія стойкости воина, принялся строить гадательныя предположенія о томъ, что быть можетъ русскіе отъ плѣнныхъ узнали о величинѣ его отряда и рѣшили обойти просѣку, а почему отстаиваніе позиціи ни къ чему не послужитъ, и на этомъ шаткомъ основаніи полковникъ приказалъ отступить, не произведя ни одного мушкетнаго выстрѣла.

Трусливый и бездарный полковникъ Фребергъ покинулъ позицію, вопреки всѣмъ приказаніямъ, хотя имѣлъ въ своемъ распоряженіи 2.000 человѣкъ. Русскія войска расположились лагеремъ въ непріятельскомъ ретраншаментѣ. Чѣмъ болѣе нашъ фельдмаршалъ разсматривалъ положеніе и укрѣпленіе этого поста, тѣмъ болѣе удивлялся, что шведы покинули его безъ боя. Объ этой позиціи можно судить по слѣдующему разсказу Манштейна. Онъ говоритъ, «что изъ любопытства послали нѣсколько гренадеръ, дабы они вошли съ фронта на ретраншементъ; они употребили болѣе часа времени на то, чтобы взобраться на верхъ бруствера. Легко себѣ представить, что случилось бы, еслибъ ихъ встрѣтили сильнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ». Боковыя скалы, рѣчка на днѣ оврага передъ позиціей, болото, покрытое лѣсомъ и заполнявшее оврагъ, срубленныя деревья, образовавшія непроходимый валежникъ—все это вывело бы изъ строя огромное число людей. «Гдѣ-же, наконецъ, защищаться—восклицали здравомыслящіе шведы,—если ужъ Мендолаксъ оставленъ»? Но шведы сдали позицію безъ боя... Такое малодушіе непріятеля чрезвычайно ободрило русскія войска, которыя теперь только и просили, чтобы ихъ скорѣе свели со шведами.



Графъ Ласси въ реляціи своей (отъ 25 іюня) доносилъ Императрицѣ, между прочимъ, что мѣсто было укрѣплено, «засѣкою съ постановленіемъ пушекъ». Въ «консиліи» видѣли, что «быть съ непріятелемъ не малому дѣлу». Рѣшили, «призвавъ Бога въ помощь, оную атаковать». Генералъ Левашевъ получилъ приказаніе идти со стороны, а Ласси хотѣлъ слѣдовать большою дорогою. Партія донесла, что «непріятель въ засѣкѣ не имѣется», что онъ «знатно оной ночью ретировался въ городъ». «Если-бъ непріятель заподлинно оную оборонять вознамѣрился, хотя съ тремя тысячи человѣкъ..... немалому быть у насъ сраженію и въ людяхъ не безъ убытка» [123]).

Шведы ошибочно считали нашу армію въ 50—60 тысячъ человѣкъ. «Сей порокъ немалый для генерала,—писалъ А. И. Бибиковъ,—когда онъ и силы стоящаго противъ него непріятеля не знаетъ, особливо въ собственной своей землѣ, гдѣ каждый крестьянинъ служитъ ему шпіономъ». Фельдмаршалъ Ласси никогда не располагалъ и 30 тысячами человѣкъ.

Неровная мѣстность отъ Выборга до Фридрихсгама благопріятствовала шведамъ, здѣсь пролегала только одна дорога, по которой русская армія принуждена была слѣдовать, и съ которой нельзя было своротить ни направо, ни налѣво; на пространствѣ пяти, а рѣдко десяти, верстъ протекала рѣка, черезъ которую надлежало строить мосты; здѣсь не помогла бы никакая воинская хитрость, здѣсь сама земля представляла крѣпость, имѣющую почти безчисленныя наружныя укрѣпленія, кои одно за другимъ надлежало брать приступомъ, и гдѣ корпусъ въ 10.000 человѣкъ, дѣйствующій оборонительно, и «коего главный командиръ, зная военныя шиканства», въ состояніи былъ, если не совсѣмъ истребить армію, простирающуюся отъ 30 до 40 тысячъ человѣкъ, то по крайней мѣрѣ привести ее въ совершенное бездѣйствіе [124]).

Дорога отъ Выборга до Фридрихсгама «такого состоянія, что если бы непріятель при всѣхъ гористыхъ мѣстахъ и переправахъ черезъ малыя рѣчки, восхотѣлъ наблюдать свою должность, то бы по крайней мѣрѣ прежде шести недѣль невозможно бы было и дойти до Фридрихсгама, да и то можетъ быть съ потеряніемъ половины арміи. Одинъ проходъ сквозь засѣку у Мендолакса, которая занята была 2.000 человѣкъ, стоилъ бы арміи по меньшей мѣрѣ тысячъ 6 лучшихъ людей». «Но шведы сами облегчили сіи трудности».

Такъ разсуждали русскіе участники похода. Въ полномъ согласіи съ ихъ воззрѣніями находится мнѣніе шведа, командовав-

шаго ротой, графа Хорда. Финляндія —писалъ онъ не можетъ много вмѣщать войска на одномъ мѣстѣ; но положеніе мѣстности имѣетъ то преимущество, что не особенно много людей требуется тутъ для его защиты; стоитъ только захотѣть; и, если не покидать, какъ это дѣлали мы, всѣ позиціи одну за другой, за недостаткомъ опытности, искусства или доброй воли, то здѣсь нечего опасаться быть обойденнымъ [125]).

Нѣкоторые изслѣдователи этой войны (какъ напр. ген.-м. Завалишинъ) склонны приписать дѣйствія шведовъ тому паническому ужасу, который охватилъ ихъ послѣ Вильманстрандскаго сраженія.

16 іюня Левенгауптъ созвалъ на военный совѣтъ всѣхъ начальниковъ. Только Буддеброкъ, Буске (Bousquet) и полковникъ Вреде держались того мнѣнія, что необходимо отстаивать Фридрихсгамъ съ его артиллеріей и магазинами, въ противномъ случаѣ въ рукахъ русскихъ онъ сдѣлается опаснымъ пунктомъ. Большинство, напротивъ, заявило, что эта крѣпость не имѣетъ никакого значенія, и что не слѣдуетъ подвергать армію опасности изъ-за какихъ-нибудь нѣсколькихъ орудій. Многіе имѣли въ виду выиграть время; они все еще наивно продолжали вѣрить въ возможность измѣненія положенія Швеціи путемъ переговоровъ. Тотъ же расчетъ, который въ мартѣ заставилъ начальниковъ послать полковника Лагеркранца въ Москву, побуждалъ ихъ теперь возлагать надежды на предстоящій риксдагъ и на избраніе имъ наслѣдника престола.

Генералъ-маіоръ баронъ Дидронъ предлагалъ отступленіе, вслѣдствіе несогласія, наблюдавшагося въ арміи. «Финны недовольны— говорилъ онъ;—нельзя рисковать дѣйствіемъ, въ которомъ они могутъ сложить оружіе и бросить насъ на произволъ судьбы; мы должны будемъ тогда сдаться въ плѣнъ, а это явится уже позоромъ для всѣхъ насъ» [126]).

Левенгауптъ былъ правъ, заявивъ въ своемъ особомъ мнѣніи на военномъ совѣтѣ (16 іюня 1742): «Если Фридрихсгамъ будетъ оставленъ, мы лишимся всякой возможности воспользоваться благопріятными обстоятельствами, для заключенія почетнаго и выгоднаго мира».

И тѣмъ не менѣе Левенгауптъ покинулъ крѣпость... Левенгауптъ былъ человѣкъ неудачи. Всѣхъ онъ подозрѣвалъ, и ему казалось, что всѣ предадутъ его, если онъ начнетъ дѣйствовать).

26-го Іюня русская армія приблизилась къ Фридрихсгаму. Для осады его потребовалась крупная артиллерія, и такъ какъ е

при арміи не было, то сейчасъ же было отряжено нѣсколько галеръ въ Выборгъ за 6—18 фунт. орудіями и двумя мортирами [127]).

Участникъ этого похода и очевидецъ всего происходившаго около Фридрихсгама, Ал. Ил. Бибиковъ, разсказываетъ слѣдующее: «Генералу графу Левендалю приказано было распорядить осаду; спросилъ онъ плана крѣпости, думая, что о доставленіи онаго, особливо такой близкой пограничной крѣпости, какова сія, и по причинѣ бывшаго уже съ 1737 г. сомнѣнія о искренности сего сосѣда, приложено было стараніе; однако въ отвѣтъ получилъ, что нѣтъ ни плана крѣпости, ни ея ситуаціи; и такъ поѣхалъ онъ самъ осматривать крѣпость, сколько возможно было, и нашелъ, что только горы и голые камни ее окружаютъ, что въ землѣ траншеевъ дѣлать нельзя. Того ради приказалъ онъ всей кавалеріи, сколько оной при арміи было, ѣхать въ лѣсъ для дѣланія фашинъ и привезти оныя ввечеру въ 8 часу на назначенное къ тому мѣсто. Первый привозъ состоялъ въ 10.000 фашинъ, которыми хотѣлъ онъ въ слѣдующую ночь открыть апроши, но вскорѣ оказалось, что нужды въ томъ нѣтъ, ибо непріятель при захожденіи солнца самъ зажегъ городъ и арсеналъ, при чемъ нѣсколько сотъ начиненныхъ бомбъ и нѣсколько тысячъ гранатъ преужасный трескъ произвели. Фельдмаршалъ подумалъ, что шведы для лучшей обороны зажгли предмѣстья, и что они, можетъ быть, для начинки нѣкотораго числа бомбъ и гранатъ имѣли въ одномъ предмѣстіи небольшую лабораторію, не успѣвъ всего перевезти въ крѣпость, можетъ быть по излишеству въ томъ, сами оные зажгли. Будучи я при генералѣ, коему поручено было управленіе атаки, должность моя требовала тотчасъ навѣдаться, что оный огонь значитъ; для того поскакалъ я къ крѣпости, отъ которой стояли мы еще въ 3 верстахъ. Я нашелъ, что всѣ конные форпосты, которые еще за часъ предъ тѣмъ стояли между крѣпостью и нашею арміей, уже сведены; поѣхалъ я далѣе къ крѣпости и приблизился къ самымъ воротамъ, которыя были заперты, а передъ ними закинута рогатка, токмо безъ часового; потомъ проѣхалъ я около 100 саженъ по гласису, но не видѣлъ на валу ни единаго часового, ниже, что бы кто меня окликнулъ; тогда узнавъ прямо, что домы въ крѣпости горятъ, и что шведы оную оставили, поскакалъ я назадъ для донесенія о томъ моему генералу. Я засталъ моего генерала, стоящаго съ фельдмаршаломъ предъ лагеремъ на камнѣ, откуда смотрѣли они на пожаръ. Я донесъ ему и фельдмаршалу, что видѣлъ и о чемъ доподлинно зналъ; но фельд-

маршалъ разсмѣялся и почелъ сіе за невозможное, такъ что и моему генералу, который всегда привыкъ слышать отъ меня вѣрные рапорты, нѣсколько досадно было».... Крѣпость оказалась покинутой, оставалось только занять ее и преслѣдовать уходившаго непріятеля [128]).

«Такимъ образомъ,—заканчиваетъ свой разсказъ очевидецъ,—овладѣли мы Фридрихсгамскою крѣпостью, не потерявъ ни единаго человѣка. Фельдмаршалъ, отправя 29 числа іюня благодарственный молебенъ, не умедлилъ непріятельскую робость употребить въ свою пользу и пошелъ съ арміею 30 числа вслѣдъ за непріятелемъ».

Итакъ, шведскіе пороховые погреба взлетѣли на воздухъ, провіантъ ихъ уничтожило пламя. Загорѣлась и шведская кирка. Три-четверти домовъ города, арсеналъ, лабораторія, ратуша и склады обращены были въ пепелъ. Въ городѣ русскіе нашли 1.000 пуд. пороха, 130 орудій разнаго калибра, изъ коихъ нѣкоторыя были заряжены «до самаго жерла». Въ число полковъ гарнизона входили Абоскій, Эстерботнійскій, Саволакскій, Кюменьгородскій, Нюландскій и Таваcттусскій. Изъ нихъ—Эстерботнійскій полкъ, уходя, забылъ свое знамя. Манштейнъ говоритъ, что «фридрихсгамскія укрѣпленія многаго не стоили». Это правда, но важно то, что городъ имѣлъ сообщеніе съ моремъ, откуда подвозились припасы и подкрѣпленія. Пользуясь этимъ, Левенгауптъ устроилъ въ Фридрихсгамѣ главные склады и магазины для арміи. По количеству найденныхъ остатковъ разныхъ припасовъ и мѣшковъ видно, что городъ былъ хорошо снабженъ [129]). Допросъ шведскаго фузелера (Эрика Дальстрема) подтвердилъ, что лѣтомъ Фридрихсгамъ получилъ изъ Швеціи много провіанта и рекрутъ, для укомплектованія полковъ, коихъ у Левенгаупта было десять финскихъ и четырнадцать шведскихъ [130]).

Левенгауптъ располагалъ достаточнымъ войскомъ (около 14 тыс.), чтобы «наилучшимъ образомъ вести войну оборонительную». Но шведы были недовольны своими командирами, роптали, потеряли довѣріе къ нимъ, а «большая часть финскихъ полковъ, которые обыкновенно считаются у нихъ лучшими солдатами, разбрелись по своимъ домамъ, видя, что не даютъ имъ защищать свою землю» [131]).

—

Къ дѣйствіямъ на морѣ русскіе начали готовиться съ февраля, причемъ сдѣлано было нѣсколько хорошихъ распоряженій. Камерферу и чрезвычайному посланнику въ Копенгагенѣ, Корфу (20 февраля 1742 г.), предписано было «недреманно и рачительно смотрѣть» за всѣмъ происходившимъ въ шведскомъ флотѣ, «и по прошлогоднему примѣру одно или два судна подъ рукою сыскать и оныя какъ для такихъ развѣдыванiй употребить», и въ готовности держать для содѣйствія эскадрѣ Бредаля, шедшей изъ города Архангельска [132]). Рескриптъ, данный на имя т. с. и полномочнаго посла графа Александра Гавриловича Головина (въ февр. 1742 г.), показываетъ, что штурмановъ по кондиціямъ приглашали изъ Голландіи [133]). Тайный совѣтникъ и полномочный министръ кн. Иванъ Щербатовъ сообщилъ изъ Лондона, что къ нему являлись охотники къ каперству подъ русскимъ флагомъ противъ шведскихъ кораблей. Вопросъ этотъ разсматривался въ Адмиралтейской Коллегіи, но результата его не знаемъ [134]).

Отсутствіе лоцмановъ являлось однимъ изъ серьезныхъ препятствій для плаванія въ шхерахъ нашихъ судовъ. Рескриптъ Ея Императорскаго Величества, данный 1 іюля 1742 г. на имя адмирала, повелѣвалъ озаботиться отысканіемъ «на морскихъ островахъ» такихъ лоцмановъ, которые были-бы въ состояніи проводить въ шхеры прамы, бомбардирскія и провіантскія суда и галеры, такъ какъ въ прошедшую шведскую войну прамы и бомбардирскія суда находились при галерахъ и тогда лоцмановъ доставали». Изъ того-же рескрипта видно, что, при указѣ за «отворчетою» печатью, острова Сискаръ и Левансари были отданы въ аренду нѣкоему Пильману (Пилману), съ тѣмъ, чтобы на него секретно возложена была обязанность самому и черезъ «маимистовъ» провѣдывать «о силѣ и движеніи непріятельскаго флота» [135]). Шведы, уходя изъ Финляндіи, старались увезти съ собой лоцмановъ иные—скрылись, третьи—вымерли. На своихъ постахъ остались весьма немногіе. Русскимъ приходилось вновь собирать ихъ, обѣщая за честную службу, кромѣ прежняго жалованья, хлѣбъ и особую плату. Надъ лоцманами былъ учрежденъ особый начальникъ. Періодически лоцманскія станціи провѣрялись нашими офецерами.

Нашимъ флотомъ командовалъ вице-адмиралъ Захарій Даниловичъ Мишуковъ —любимецъ Петра Великаго, участникъ многихъ его сраженій со шведами, и, между прочимъ,—гангутскаго боя и взятія Выборга. —З. Д. Мишуковъ родился въ 1684 г. О его

родителяхъ и мѣстѣ рожденія свѣдѣній не имѣется. Неизвѣстно также, гдѣ онъ обучался мореплаванію. Надо полагать, что Мишуковъ заслужилъ особое вниманіе Государя, такъ какъ онъ, находясь въ Выборгѣ, имѣлъ намѣреніе выдать за него дочь бургомистра. Въ письмѣ Царя изъ Риги отъ 30 іюня 1712 г. къ Выборгскому коменданту, Григорію Петровичу Чернышеву, значится: «Господинъ Бригадиръ. Я чаю, что вы помните, что Я, будучи въ Выборгѣ, говорилъ, чтобы отдать бургомистрову дочь за Захарія Мишукова, для чего онъ къ вамъ поѣхалъ; и въ томъ, ежели онъ похочетъ, приложить трудъ, о чемъ и прошу». Почему не состоялся этотъ бракъ, неизвѣстно. Въ 1719 г. Мишуковъ женился на племянницѣ кн. Меншикова—вдовѣ Леонтьевой. Этими семейными узами многое, вѣроятно, объясняется въ послѣдующей крайне небрежной службѣ Мишукова. Извѣстно еще, что въ 1717 г. Мишуковъ находился въ плѣну у шведовъ, но выпущенъ на обмѣнъ. Изъ писемъ Берхгольца узнаемъ, что Царь часто посѣщалъ капитана Мишукова и праздновалъ у него иногда на именинахъ. Въ 1724 г. капитану Мишукову и лейтенанту Огерсону повелѣно было Государемъ описать весь Финскій заливъ, что и было исполнено. Изъ одного предписанія императрицы Екатерины I видно, что Мишуковъ при ней былъ въ фаворѣ и на виду. Періодически ему покровительствовали гр. Ѳ. М. Апраксинъ и вице-президентъ Сиверсъ, гр. Остерманъ, баронъ Черкасскій и Головинъ. Своеволіе и непослушаніе, видимо, были присущими Мишукову, ибо въ 1732 г. онъ безъ разрѣшенія удалился въ свои деревни, почему особымъ указомъ вынуждены были вычесть 15 мѣсяцевъ изъ его службы и удержать съ него соотвѣтствующее жалованье. Въ 1733 г. его дѣлаютъ совѣтникомъ адмиралтействъ-коллегіи въ чинѣ контръ-адмирала и поручаютъ ему управленіе разными заводами, а въ нихъ числѣ и Сестрорѣцкими [136]).

[illegible] (1736—1742).

И этому адмиралу, съ указаннымъ прошлымъ, но «яко вѣрному и искусному флагману», въ 1742 г. вручено было

начальствованіе надъ нашимъ флотомъ, выставленнымъ противъ шведовъ.

26 мая галеры съ войсками, подъ камандою генерала Левашева, вышли изъ Кронштадта и «хотя съ противнымъ вѣтромъ, но съ малою погодою въ надлежащій путь пошли». Корабельныя-же наши «эшквадры» снаряжались къ походу съ большимъ трудомъ. Прежде всего поражаетъ на нихъ большое количество больныхъ морскихъ служителей», почему «по необходимой нуждѣ» «эшквадру» комплектовали, вмѣсто матросовъ, людьми изъ Дербентскаго и Дагестанскаго арменскихъ полковъ [137]). Въ госпиталяхъ по первое іюня имѣлися налицо 3315 чел., и къ нимъ каждый день прибывалось по 60 и по 80 человѣкъ, а «по выходѣ изъ тѣхъ (госпиталей) имѣется самое малое число, и тѣ такъ слабы являются, что оныхъ скоро въ работу опредѣлить невозможно». Послѣ отправленія двухъ корабельныхъ эскадръ въ море, къ 13 іюня Кронштадтѣ осталось на якорѣ еще 7 линейныхъ кораблей, совсѣмъ вооруженныхъ, но не укомплектованныхъ матросами «за множествомъ больныхъ», отчего «никакого успѣху и надежности нѣтъ», а «паче крайняя нужда» въ людяхъ. «Съ наличными-же служителями не токмо въ море отправить нельзя, но и стоя на рейдѣ съ нуждою якоря поднять и прочія корабельныя работы исправить могутъ» [138]).

Наконецъ изъ Кронштадта вышло 23 вымпела; гребная флотилія состояла изъ 43 галеръ. Къ нимъ должна была присоединиться бѣломорская или архангельская эскадра вице-адмирала Бределя (въ 10 вымпеловъ). Но ни одно судно этой эскадры не дошло до балтійскихъ портовъ: всѣ они оказались поврежденными штормомъ [139]).

«И тако нынѣ флотъ Вашего И. Величества подъ главною командою адмирала Мишукова, дѣйствительно въ морѣ противъ непріятеля стоять будетъ: . . . . и не токмо себя оборонять, но съ помощью Вышняго и счастіемъ В. И. Величество надъ непріятелемъ сильный поискъ надежно учинить можно» [140]).

Мишуковъ, по соглашенію съ флагманами, занялся «экзерциціею пушками, ружьемъ и хожденіемъ подъ парусами между островами Левенсара и Нерва», гдѣ непріятель видѣть не могъ, «понеже служители морскіе не весьма искусны въ должностяхъ своихъ». Затѣмъ флагманами было рѣшено «иттить далѣе къ весту между островомъ Гогланда и Соммерса по фарватеру. . . . къ острову Асно для осмотру непріятельскаго флоту» [141]).

Мишуковъ велъ всю кампанію 1742 г. до неузнаваемости вяло (ему было 58 лѣтъ), отговариваясь разными причинами: болѣзнями, вѣтрами, узкими фарватерами. Видимо, что онъ пережилъ свою извѣстность и утратилъ всякую энергію. Помощи арміи онъ никакой не оказалъ.

Гр. Н. Ѳ. Головинъ всѣми зависѣвшими отъ него мѣрами старался побудить адмирала Мишукова къ дѣятельности, но безуспѣшно. «А понеже вашему превосходительству,—писалъ графъ уже 13 іюня, многіе отъ меня наикрѣпчайшіе предложенія и ордеры были съ довольнымъ наставленіемъ, дабы ко исполненію Высочайшаго Ея Имп. Величества намѣренія въ поискѣ надъ напріятелемъ всекрайнюю свою ревность оказали».... Адмиралу сообщили, что «оной непріятель съ несказанною торопостью бѣгствомъ удаляется, раззоряя огнемъ не токмо деревни и знатные домы, но и самыя крѣпости.... Фельдмаршалъ Ласси предписалъ Мишукову напасть на шведскій флотъ и прикрыть нашу гребную флотилію. Адмиралъ созвалъ консиліумъ и, согласно его опредѣленію, отвѣтилъ, что при первой возможности будетъ слѣдовать къ Аспъ-э для осмотра непріятельскаго флота; «что-же касается до прикрытія галеръ, то этого выполнить никакъ не можно, ибо фарватеры неизвѣстны».

4 іюля «съ генеральнаго консиліума» Мишуковъ рапортовалъ президенту адмиралтействъ коллегіи гр. Головину о своемъ «намѣреніи, чтобы отъ нынѣшняго мѣста, гдѣ со флотомъ лежитъ, проближиться къ непріятельскому флоту и, по усмотрѣніи силъ, учинить надъ онымъ поискъ, въ которомъ предпріятіи, что учинится»—о томъ доносить. 11 Іюля Головинъ послалъ Мишукову новый ордеръ: дабы онъ «на движеніе непріятельскаго флота недреманнымъ окомъ надзиралъ, и по усмотрѣнію добраго случая и силѣ его старался бы всевозможный надъ онымъ поискъ учинить, какъ по ордеру ему о томъ отъ г-на генерала фельдмаршала (Лессія) повелѣно, безъ упущенія» [142]).

Но со дня выхода въ море, Мишуковъ въ рапортахъ доносилъ лишь о провизіи и о числѣ больныхъ, почему гр. Н. Ѳ. Головинъ выразилъ, наконецъ, надежду получить отъ его превосходительства извѣстіе о прямыхъ дѣйствіяхъ, состоящаго подъ его командою флота. Напрасно графъ указывалъ на «робкіе непріятеля поступки», на «вящую славу флота Россійскаго», на неисполненіе намѣренія генеральнаго консиліума и т. п. Ничто не помогало; въ разсчеты адмирала Мишукова, очевидно, и

входили истинные «поиски». Но, что важнѣе, даже полномочный министръ въ Копенгагенѣ, Корфъ, сомнѣвался въ возможности шведскаго флота причинить какой-либо вредъ русскимъ, «понеже шведы по сie число довольно видали, что они лучшимъ химерами себя забавлять обыкли», флотъ ихъ укомплектованъ «мужиками» и находятся въ весьма невыгодномъ положенiи вслѣдствiе недостатка въ провизiи и свирѣпствующихъ болѣзней. Инструкцiя, данная Мишукову, робко повелѣвала: «Ежели непрiятельскiй флотъ будетъ состоять въ такой силѣ, что противъ здѣшняго флота третьею частью меньше, то надъ онымъ съ помощiю Божiею, всякiе поиски чинить по морскому обыкновенiю»... Адмиралъ не вышелъ изъ границъ этой осторожной инструкцiи. Другое положенiе инструкцiи предписывало адмиралу «поступать по согласiю и совѣту съ командующими флагманами». Правда, далѣе прибавлялось: «дабы хотя чего въ инструкцiи не изображено, во всемъ поступать по тогдашнимъ обстоятельствамъ, всеприлежно наблюдая къ сторонѣ лучшихъ Ея И. В. авантажей и государственной пользы». Но все это, видимо, мало нашего адмирала не озабочивало [143]).

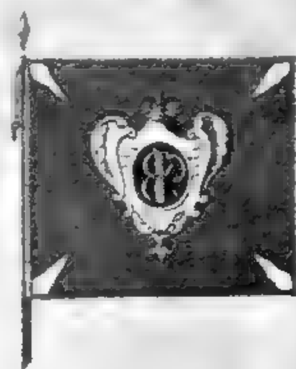
Какой-то выходецъ изъ Германiи, Геллигеръ, предлагалъ для истребленiя непрiятельскаго флота свою «зажигательную инвенцiю», которая по провѣркѣ оказалась полной негодностью [144]).

Не лучше дѣйствовалъ шведскiй флотъ.

Русскiе по крайней мѣрѣ хорошо воспользовались открытiемъ навигацiи (1742) и въ обильномъ количествѣ снабдили припасами въ Выборгѣ какъ жителей, такъ и армiю. Кромѣ того, русскiя галеры завладѣли Выборгскимъ заливомъ. Тщетно Левенгауптъ настаивалъ, въ теченiе зимы, на томъ, чтобы при открытiи навигацiи имѣть флотъ подъ рукою. Шведское правительство въ началѣ года отдало приказанiе, чтобы въ Карлскронѣ снаряжено было 20 судовъ; въ мартѣ мѣсяцѣ оно посылало туда 9 напоминанiй. Въ апрѣлѣ всѣ галеры были готовы, и, когда получилось извѣстiе, что море у финскихъ береговъ вскрылось, они въ три прiема—4, 11 и 16 мая—могли выйти изъ Стокгольма. Кромѣ значительнаго экипажа изъ матросовъ, галеры доставили въ Финляндiю 3.700 чел. солдатъ. Галерамъ надлежало присоединиться къ эскадрамъ, которыя, подъ начальствомъ Фалькенгрена, находились уже у Мустасари.

Обширная власть главнокомандующаго надъ флотомъ была въ этой компанiи значительно урѣзана. Каждое его приказанiе

имѣли право обсудить; адмиралъ и флагманы, Правительство, видимо, надѣялось, что Левенгауптъ при такомъ условіи не станетъ настаивать на какомъ либо движеніи, которое они признаютъ опаснымъ. Тѣ же требованія, которыя онъ выставлялъ помимо ихъ совѣта и согласія, надлежало излагать письменно. Левенгауптъ никогда не могъ рѣшиться на столь отвѣтственный и опредѣленный шагъ. 5 іюня 1742 г. Левенгауптъ призвалъ къ себѣ въ Кюменьгородъ начальниковъ эскадры Фалькенгрена и Шешерна. На свой запросъ о томъ, не можетъ-ли флотъ изъ Аспъ-э передвинуться къ Бьеркъ-э, и тамъ соединиться съ шведскими галерами, съ цѣлью запереть русскую галерную эскадру въ Выборгскомъ заливѣ, Левенгауптъ покорно удовольствовался отвѣтомъ Шёшерна, что море тамъ слишкомъ открыто для галеръ, и что внутри Реддала (Röddall) онѣ не могутъ бросить якоря, потому что тамъ стоятъ русскія галеры. Флотъ остался на прежнемъ мѣстѣ у печальной памяти станціи прошлаго года, гдѣ, какъ и раньше, экипажъ вынесъ губительную эпидемію. Тѣ военные совѣты,—въ извѣстную зависимость отъ которыхъ поставленъ былъ Левенгауптъ и въ своихъ сухопутныхъ дѣйствіяхъ—не походили на обычные совѣты, когда главнокомандующій добровольно вступалъ въ обсужденіе дѣла со своими подчиненными, для выясненія положенія и для закрѣпленія взаимнаго довѣрія. Эти обязательные военные совѣты пріобрѣли нѣкоторую власть. Во всякомъ случаѣ наступительные планы Левенгаупта ставились въ зависимость отъ одобренія совѣта. Изъ словъ Маркса Вюртембергскаго приходится заключить, что Левенгауптъ все еще помышлялъ о наступательной войнѣ. Между тѣмъ всякое наступленіе начальники отдѣльныхъ частей признавали безуміемъ, почему государственный совѣтъ поспѣшилъ обязать Левенгаупта передъ каждымъ походомъ выслушивать начальниковъ. Конечно, мнѣніе большинства не являлось непремѣнно обязательнымъ, и энергичный главнокомандующій, выслушавъ офицеровъ, всегда могъ-бы поступить по своему усмотрѣнію, но Левенгауптъ былъ не изъ ихъ числа. Поэтому военныя дѣйствія велись съ



РУССКОЕ РОТНОЕ ЗНАМЯ ([illegible])

преступной нерѣшимостью и колебаніями, въ зависимости отъ разнообразныхъ по составу военныхъ совѣтовъ и отъ многочисленныхъ ихъ мнѣній и желаній.

О службѣ въ шведскомъ флотѣ много говорить не приходится. Она достаточно характеризуется слѣдующими фактами.—Голландское судно, шедшее въ Петербургъ, было взято (въ октябрѣ) призомъ, и поставлено среди шведскаго флота, со стражей изъ 6 человѣкъ при одномъ унтеръ-офицерѣ. Ночью шкиперъ суда заперъ стражу въ трюмъ, поднялъ якорь и паруса и ушелъ въ Данцигъ, гдѣ, находясь уже на полной свободѣ, спустилъ шведовъ на берегъ.

Въ то время, когда лагерь расположенъ былъ (16 іюня 1742 г.) въ Кюменьгородѣ, Левенгауптъ написалъ четыре письма къ адмиралу Cronhawn'у, который съ 6 кораблями стоялъ около Гельсингфорса, съ приказаніемъ явиться къ нему, въ Кюмень городъ, но Cronhawn не изволилъ исполнить требованія главнокомандующаго [145]).

Русскія суда стояли между островами Соммаръ-э и Лавансари; съ приближеніемъ шведскихъ судовъ они уходили въ болѣе тѣсныя воды, и шведы никогда не дерзали проникнуть туда безъ лоцмановъ. Нѣчто подобное происходило и съ русскими. Они приближались иногда къ форпостамъ шведскаго галернаго флота у Курсамо, но при первыхъ же выстрѣлахъ уходили обратно. Въ іюлѣ, во время общаго отступленія шведской арміи, Шёшерна заявилъ о своемъ намѣреніи передвинуть весь флотъ къ Ганге.—На полученное отъ адмирала приказаніе, начальники эскадръ отвѣтили: такъ какъ берега теперь находятся въ рукахъ непріятеля, то они при первомъ попутномъ вѣтрѣ должны отступить. Военный совѣтъ, которому были сообщены эти отвѣты, не усмотрѣлъ въ нихъ ничего неожиданнаго. Оправданіе находили въ тѣхъ болѣзняхъ, которыя косили экипажъ: нужно было отступить, пока имѣлось достаточно людей для быстраго поднятія якорей).

Между тѣмъ, Шёшерна узналъ, что 15 судовъ русской эскадры сейчасъ же заняли прежнюю шведскую стоянку у острова Аспъ-э и, повидимому, намѣревалась идти къ Ревелю. Шведы стали бояться, что русскій флотъ оттуда захватитъ Гельсингфорскую гавань, вмѣстѣ съ магазинами, и такимъ образомъ очутится между шведскимъ военнымъ флотомъ, находившимся у Ганге, и ихъ галерами, стоявшими у Пелинге. При такомъ

условіи шведы имѣли бы передъ собой значительный флотъ Россіи, а въ тылу—идущую вдоль берега галерную эскадру. Опасаясь подобнаго маневра, большинство государственнаго совѣта 16 іюля одобрило спѣшную отправку какъ арміи, такъ и галеръ къ Гельсингфорсу.

Фактически галерная эскадра оказалась плохо защищенной въ Гельсингфорсѣ, почему Левенгауптъ, нѣсколько дней спустя, предложилъ Шёшеріѣ прислать большой флотъ для ея защиты, но получилъ отвѣтъ, что по случаю множества больныхъ не въ состояніи тронуться съ мѣста.

Съ уходомъ флота изъ Аспъ-э правый флангъ шведской арміи, стоявшей у Абборфорса, оказался такимъ образомъ открытымъ [146]).

«Скоропостижное» отступленіе шведской арміи привело русскихъ въ недоумѣніе; послѣдніе стали строить предположенія о томъ, что шведы имѣли какое-либо «злое намѣреніе». Носились слухи, что генералъ Левенгауптъ собирался въ Гельсингфорсѣ всю свою армію «амбаркировать» на корабли и галеры. Для чего? По увѣренію однихъ для того, чтобы переправиться въ Швецію, по догадкамъ другихъ—чтобы произвести высадку въ Ингерманландіи, Эстляндіи и Лифляндіи, «для учиненія отмездія» потеряннаго. Всѣхъ поражало оставленіе безъ боя столь крѣпкихъ позицій, на которыхъ съ половиною шведскихъ силъ на долго можно было остановить всю русскую армію. Очевидно,—думали русскіе,—это дѣлается съ какой-либо затаенной мыслію [147]). Когда при нашемъ дворѣ родилось опасеніе, что Левенгауптъ на судахъ переправитъ свою армію на южный берегъ Финскаго залива, надежду спасенія столицы стали возлагать на флотъ. Мишуковъ, вѣрный своей тактикѣ, созвалъ опять совѣтъ, который неспѣша постановилъ, что «ежели непріятельскій флотъ будетъ подъ силу, тогда, учиня генеральный консиліумъ, надъ онымъ всякіе поиски чинить». Но «пока совѣтовались и потомъ служили вѣроятно попутственный молебенъ, вѣтеръ зашелъ и сдѣлался противный»,—пишетъ нашъ морской историкъ Ал. Соколовъ. Силы русскихъ на морѣ оказались равными шведскимъ, но помня слова инструкціи,—предписывавшей бой только тогда, когда непріятель будетъ третьею частью меньше,—Мишуковъ уклонился отъ сраженія. Не искали его и шведы.

Вскорѣ Мишуковъ вновь созываетъ консиліумъ флагмановъ и капитановъ, который рѣшилъ: такъ какъ «по ордеру генералъ-

фельдмаршала велѣно о движеніи непріятельскаго флота имѣть крѣпкое смотрѣніе недреманнымъ окомъ, а понеже по то время, подлинно и аккуратно о числѣ и величествѣ шведскаго флота извѣстія еще не имѣется,—то напередь послать три корабля и велѣть имъ осмотрѣть непріятельскій флотъ, какъ возможно аккуратнѣе».

Флотъ прослѣдовалъ впередъ нѣсколько по направленію къ Гельсингфорсу. На одномъ кораблѣ ломается бизань-мачта. Корабли стали на якорь, и Мишуковъ доноситъ: «а какъ получимъ благополучный вѣтеръ и погоду, то для осмотра непріятельскаго флота къ Гангуту пойдемъ, ежели усмотря будетъ подъ силу, то поиски чинить будемъ».

Ласси и президентъ коллегія гр. Н. Ѳ. Головинъ безпрестанно указывали Мишукову на необходимость дѣйствовать наступательно противъ шведскаго флота, обезсиленнаго болѣзнями и неповиновеніемъ командъ, но ничто не помогало. Головинъ, недовольный бездѣйствіемъ Мишукова, сдѣлалъ наконецъ предложеніе сенату, не угодно-ли будетъ поручить ему, Головину, команду? Сенатъ ограничился посылкой Мишукову «нарочнаго изъ генералитета», чтобъ разузнать о всѣхъ обстоятельствахъ новаго ордера [118]).

Начальникъ шведскаго флота вице-адмиралъ Шёшерна и флагманы, по отсутствію энергія, оказались достойными противниками Мишукова. Оба флота проявили преступное бездѣйствіе, тѣмъ не менѣе обѣ стороны брали, хотя и совершенно случайные, призы, причемъ русскимъ достался 24 пушечный фрегатъ «Ульриксдаль», а шведы увели въ плѣнъ флейту «Соммерсъ».

Въ Фридрихсгамѣ русскимъ войскамъ досталась обширная неотправленная почта. Разобравъ ее, они получили много полезныхъ для себя свѣдѣній.

«Въ скверное и жалкое время живемъ мы,—писалъ маіоръ Лагеркранцъ, —у насъ плохіе бездарные генералы; глупыя головы, они тѣснятъ всѣхъ порядочныхъ и храбрыхъ людей, производятъ мальчиковъ въ офицеры, не думаютъ о защитѣ страны, но при приближеніи непріятеля всегда отступаютъ, бѣгутъ и вѣрно побѣгутъ до самаго Гельсингфорса, а оттуда на судахъ уйдутъ въ Швецію».

Въ другомъ частномъ письмѣ изъ Фридрихсгама отъ 28 іюня читаемъ: «Я, братецъ, о такой плохой войнѣ никогда не слыхалъ, не видалъ и не читывалъ, и желалъ бы лучше умереть, нежели въ такомъ постыдномъ состояніи себя видѣть».

Въ третьемъ письмѣ говорилось: «Финляндія нынѣ уже потеряна.... Прежняя шведская слава весьма исчезла»...

Во многихъ письмахъ давались совѣты скорѣе выѣхать въ Або или Стокгольмъ.

Особенно своеобразнымъ является заявленіе Матіаса Литина изъ Фридрихсгама къ его женѣ (отъ 27 іюня 1742 г.): —«и тако чаятельно будетъ одинъ Государь въ обоихъ государствахъ, Россійскомъ и Шведскомъ; однакожъ о семъ не отзывайтесь ни къ кому». Надо полагать, что подобныя извѣстія значительно ободрили нашихъ начальниковъ.

Русскія войска продолжали наступленіе. Шведы остановились у Кюменьгорода. Здѣсь Левенгаупту представился рѣдкій случай исправить всѣ свои прежнія ошибки. Но шведы, опасаясь, что русскіе, перейдя рѣку Кюмень у Аньяла, въ состояніи будутъ отрѣзать имъ пути отступленія, рѣшили покинуть и эту крѣпкую позицію. Меньшинство среди нихъ, а въ томъ числѣ и ген. Будденброкъ, предлагали дать сраженіе, въ виду ропота, начавшагося среди финскихъ полковъ, видѣвшихъ, что ихъ родина бросается на произволъ судьбы.

На военномъ совѣтѣ восторжествовало мнѣніе трусливаго полковника В. фонъ-Палена: «Вступая въ бой съ русскими, сказалъ онъ, мы не можемъ надѣяться на побѣду. Драться съ ними дѣло рискованное. Лучше и полезнѣе для безопасности Швеціи сохранить армію и флотъ».

Въ это время недовольство среди финскихъ солдатъ проявилось очень ярко; они едва отдавали себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ, «бросали оружіе, особенно тѣ, которые принадлежали къ карельскому полку, и исчезали» [149]). Среди карельскихъ драгунъ насчитывалось лишь 73 челов., и чѣмъ ближе къ своему дому прибывали остальные полки, тѣмъ больше среди нихъ оказывалось дезертировъ. Съ каждымъ отступленіемъ увеличивались потери, съ каждымъ шагомъ назадъ росло неудовольствіе солдатъ и ихъ презрѣніе къ начальству. Обнаруженное уже въ мартѣ неуваженіе офицеровъ съ каждымъ днемъ становилось беззастѣнчивѣе.

Фельдмаршалъ Ласси приказалъ 20 плотникамъ ночью на берегу рѣки Кюмени рубить лѣсъ, желая тѣмъ показать, что намѣренъ

строить мостъ для переправы... Эта военная хитрость оказалась излишней: Левенгауптъ отступилъ [150]).

Русскіе были уже за рѣкою Кюмень, когда изъ Москвы прибылъ курьеръ и доставилъ Ласси Высочайшее указаніе (въ іюлѣ 1742 г.) о томъ, какъ дѣйствовать, если шведы укрѣпятся здѣсь. Не лучше ли,—говорилось въ Высочайшемъ рескриптѣ,—не перебираясь черезъ рѣку, у устья «сдѣлать крѣпость» для пресѣченія коммуникаціи съ моремъ. Этой мѣрой имѣлось въ виду причинить болѣе страха непріятелю и тѣмъ скорѣе склонить его къ миру, а также избавить наши войска отъ трудностей дальнѣйшаго похода. Очевидно, что дворъ въ Москвѣ не зналъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ на театрѣ войны, иначе не послѣдовало бы подобнаго указанія. Графъ Ласси созвалъ военный совѣтъ. Мнѣнія раздѣлились: одни находили необходимымъ исполнить Высочайшій указъ, другіе настаивали на продолженіе преслѣдованія непріятеля. Обстоятельства ясно показывали, что необходимо воспользоваться благопріятными условіями и слѣдовать къ Гельсингфорсу. Такъ и поступилъ Ласси [151]).

Изъ этого видно, что тактика обоихъ главнокомандующихъ была совершенно различна: Левенгаупта не могли остановить въ его отступленіяхъ; Ласси, напротивъ, вопреки указу изъ Москвы остановиться, продолжалъ наступленіе. Общія-же условія между тѣмъ были таковы, что, остановись хоть разъ Левенгауптъ, съ твердой рѣшимостью дать отпоръ, положеніе дѣлъ въ Финляндіи могло сильно измѣниться въ пользу шведовъ.

Придворно-военный совѣтъ,—въ составъ котораго входили кн. Долгорукій, кн. Ив. Трубецкой, кн. Черкасской, гр. Салтыковъ, гр. Чернышевъ, ген. Ушаковъ, гр. Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ,—иногда вмѣшивался въ ходъ дѣла на театрѣ войны. 18 мая 1742 г. онъ предложилъ, напримѣръ: 1) Ласси усилить преслѣдованіе, узнавъ, что финляндскіе полки не желаютъ дѣйствовать противъ нашихъ войскъ, а намѣрены изъ Гельсингфорса разбѣжаться по домамъ; 2) доставать нужный провіантъ изъ Выборга и Фридрихсгама водою; 3) постараться очистить путь отъ шведскаго флота и т. п. Но совѣтъ, сознавая всю невозможность давать точныя указанія фельдмаршалу, въ своихъ заключительныхъ строкахъ предоставлялъ обыкновенно Ласси дѣйствовать по его собственному усмотрѣнію.

Характерной особенностью веденія этой войны явилась излишняя осторожность шведовъ. У нихъ постоянно шла рѣчь

сохраненіи арміи и флотовъ, почему они поочередно отступали. Но не было принято во вниманіе, что ничто такъ деморализующе не вліяетъ на дисциплину, какъ подобныя опрометчивыя отступленія. Въ военномъ совѣтѣ царило постоянное колебаніе и дряблость, граничившія съ трусостью.

Положеніе шведовъ при Борго было относительно недурное. Правда, жители города, узнавъ отъ приближавшагося обоза объ отступленіи арміи отъ Кюмени, въ страхѣ сначала бѣжали. Но горный хребетъ, снабженный брустверами, могъ служить прекрасной защитой арміи, тѣмъ болѣе, что находившіяся впереди болота были недоступны русской кавалеріи. Когда на слѣдующій день показались гусары, они съ урономъ были отбиты на аванпостахъ.

Левенгауптъ отступалъ и отступалъ. Его не удержалъ даже строгій отвѣтъ, полученный при Борго отъ правительства, на рапортъ изъ Лилла-Абборфорсъ отъ 8 іюля, въ которомъ онъ сообщалъ, что пока все уходилъ отъ русскихъ, считая необходимымъ слѣдовать мнѣнію большинства созванныхъ имъ военныхъ совѣтовъ; впредь же онъ проситъ положительной инструкціи. Король сожалѣлъ о непонятныхъ отступленіяхъ: особенно его удивляло, что генералъ только теперь впервые проситъ инструкціи, тогда какъ самъ долженъ былъ предложить какія-либо средства выхода изъ затрудненій, и это тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ не давалъ отчета правительству ни о силѣ и положеніи арміи, ни объ ея потеряхъ и нуждахъ. Армія не для того только была послана въ Финляндію,—писалъ король,—чтобъ быть сохраненной тамъ: такая цѣль лучше достигалась оставленіемъ ея дома, и если она неспособна была завоевывать ранѣе потерянное, то, по крайней мѣрѣ, обязана была защитить Финляндію, составляющую треть Шведскаго королевства, утрата которой сдѣлала бы русскихъ хозяевами Ботническаго залива, а защиту Швеціи—совершенно тщетной. Сколько бы армія ни отступала, она принуждена, наконецъ, дать сраженіе, а это лучше сдѣлать до ея уменьшенія и ослабленія. Генералъ никогда не былъ связанъ большинствомъ въ военныхъ совѣтахъ, такъ какъ правительство учредило ихъ только для наступательныхъ дѣйствій. Отступленіе зависѣло единственно отъ осторожности и отвѣтственности генерала [152]).

30 Іюля 1742 г. русская армія заняла Борго.

Въ маленькомъ этомъ городѣ имѣлись тогда каменная кирка съ колокольнею, ратуша, кордегардія, внутренніе [illegible]

мельница, амбары, сараи и пр. Генералу Ласси здѣсь явилось 102 человѣка, да «изъ земли жителей»—499 ч. Въ киркѣ нашли старинный русскій колоколъ, на которомъ имѣлись русская и шведская надписи, изъ коихъ первая указывала на принадлежность его ко времени Іоанна Васильевича. Главная русская армія двигалась вдоль берега, а небольшіе отряды дѣйствовали въ различныхъ направленіяхъ, съ цѣлью безпокоить непріятеля. Они встрѣчались то съ частями регулярныхъ шведскихъ войскъ, то съ «дублирунгомъ», которые, по свидѣтельству казаковъ, «ружьемъ дѣйствовать не могли», то съ «мужиками, кои съ оружіемъ противились». Въ этихъ стычкахъ и схваткахъ деревни сжигались, скотъ уводился, «противящихся немало покололи». Чтобы безпокоить шведовъ съ фланга, на тавастгусскую дорогу послана была бригада Краснощекова. Ему было лѣтъ 70-ть, но воинскій пылъ въ немъ не остылъ [153]).

О настроеніи отступавшихъ русскіе могли судить по слѣдующему ироническому письму неизвѣстнаго шведа, написанному изъ Борго 12 іюля 1742 года. «Я бы почелъ долгомъ поспѣшить обрадовать васъ, милостивый государь, извѣстіемъ о нашихъ успѣхахъ, если бы не былъ вполнѣ увѣренъ, что слухъ о нашихъ славныхъ подвигахъ не только уже долетѣлъ до Швеціи, но даже успѣлъ распространиться по всему міру. Кто теперь не узнаетъ въ насъ славныхъ потомковъ храбрыхъ Свевовъ и Готовъ? Подумайте, мы въ нѣсколько часовъ сожгли въ виду непріятеля Фридрихсгамъ, не потерявъ при этомъ важномъ подвигѣ ни единаго человѣка. Воображаю, какъ русскіе были изумлены, когда увидѣли, что мы смѣли у нихъ передъ носомъ сжечь нѣсколько тысячъ центнеровъ пороху, прекрасный цейхгаузъ, наполненный провіантомъ магазинъ и т. д. Вамъ, милостивый государь, не возможно себѣ представить, какая удивительная была иллюминація, когда въ цейхгаузѣ лопались тысячи бомбъ и гранатъ, и множество 24-хъ фунтовыхъ пушекъ разрывало между шведскою и русскою арміями. Окончивъ исправно эту иллюминацію, мы въ довольно хорошемъ порядкѣ прибѣжали до рѣки Кюмени, гдѣ начались новыя иллюминаціи селами, пильными и мукомольными мельницами... Нельзя достаточно нахвалиться осторожностью нашихъ генераловъ, которые умѣли все это исполнить безъ малѣйшаго кровопролитія, не смотря на то, что солдаты были взбѣшены, осыпали проклятіями трусость своихъ начальниковъ и готовы были плакать съ отчаянія, что имъ не

позволяютъ драться. Если мы будемъ такъ продолжать, то я надѣюсь скоро увидѣться съ своими друзьями въ Стокгольмѣ, да такъ скоро, что они даже врядъ-ли успѣютъ окончить тріумфальныя ворота къ нашему прибытію» [154]).

10 іюля 1742 г. шведскія войска расположились около деревни Стаффансбю. «Когда я вечеромъ,—пишетъ пасторъ Тибурціусъ,—читалъ молитву королевской лейбъ-гвардіи, то замѣтилъ что офицеры, стоявшіе на колѣняхъ у своихъ барабановъ, постоянно оглядывались на гору, находившуюся на другой сторонѣ горы, въ разстояніи 200—300 шаговъ позади меня. Это сильно возбудило мое любопытство, почему я, какъ только окончилъ молитву и войско запѣло псаломъ, оглянулся и увидѣлъ на горѣ весь русскій генералитетъ, стоявшій съ обнаженными головами и молившійся вмѣстѣ съ нами; воздухъ былъ такъ тихъ, что русскіе могли слышать каждое слово».

«Мы стояли въ болотистой ямѣ,—продолжаетъ Тибурціусъ,—гдѣ насъ могли уничтожить артиллеріей. Деревня Стаффансбю занята была полкомъ Буске, но онъ не въ состояніи былъ бы удержать этого поста, а остальная армія не могла подать ему помощи, въ случаѣ быстраго нападенія русскихъ. Шведовъ легко было отрѣзать отъ Абоской дороги, догадайся только русскіе снять небольшую стражу у моста при Гаммельстадѣ, и всѣмъ неизбѣжно пришлось бы сдаться на милость побѣдителя. Вскорѣ генералъ-аншефъ замѣтилъ, что его обманули и утромъ 10 августа мы стали прокладывать новую дорогу къ западу и, благодаря этому, удалось выйти на Гельсингфорсскій путь. Счастье благопріятствовало намъ: хитрый русскій генералъ Левендаль недостаточно изслѣдовалъ мѣстность, въ чемъ самъ сознался при капитуляціи Гельсингфорса».

«Дѣло въ томъ, что ниже моста берегъ залива былъ столь мелокъ, что рядомъ могли пройти отъ двухъ до трехъ сотъ человѣкъ, не погружаясь въ воду ниже пояса. Если бы генералъ Левендаль принялъ во вниманіе эту возможность, то могъ бы въ теченіе получаса безпрепятственно овладѣть Гельсингфорсомъ со всѣми нашими магазинами и учрежденіями» [155]).

У Гельсингемальма шведы вновь обрѣли одну изъ прекраснѣйшихъ позицій, которыми такъ изобилуетъ Финляндія. Правый ихъ флангъ прикрывало море, лѣвый—рѣка Ванда. Передъ фронтомъ находилось обширное болото съ узкимъ проходомъ, по которому могли одновременно слѣдовать не болѣе 8—10 человѣкъ. По мнѣнію Манштейна, на этой позиціи можно было за-

[illegible] русскую армію [illegible]—[illegible]. Левенгауптъ со своимъ штабомъ не разъ осматривалъ позицію и пришелъ къ выводу, что нападеніе на нее невозможно.

Здѣсь, недалеко отъ Гельсингфорса, Левенгауптъ, [illegible], намѣревался рѣшить свою судьбу. Письмо правительства [illegible] его отъ [illegible] выслушивать мнѣнія командировъ. Онъ обратился съ прочувственной рѣчью къ финскимъ войскамъ, [illegible] поводу ихъ значительныхъ побѣговъ. Генералъ сказалъ, что [illegible] имъ теперь случай сразиться съ непріятелемъ. «Дай Богъ, чтобы это случилось», отвѣчали финны. Они были довольны [illegible] рѣшеніемъ и обѣщали не сдаваться.

Однако, принявъ во вниманіе рядъ другихъ обстоятельствъ, Левенгауптъ отдалъ приказаніе отступать.

Между начальниками господствовала замѣтная рознь, офицеры продолжали уѣзжать на [illegible]. Солдаты шли [illegible]. Послѣднія отступленія вызвали новые побѣги. Когда значительная часть Нюландіи оставлена была на произволъ судьбы, солдаты этой мѣстности каждую ночь уходили большими партіями, не смотря на угрозы генерала. [illegible] 440 гвардейскихъ рекрутовъ и 476 выздоровѣвшихъ солдатъ составляли все то подкрѣпленіе, которое примкнуло къ арміи у Гельсингемальма.

Но главная причина новаго отступленія та, что Левенгауптъ палъ духомъ, и такому человѣку нигдѣ не найти достаточно сильной позиціи и достаточно стойкой арміи. Въ ожиданіи боя главнокомандующій началъ волноваться и теперь прекрасная позиція шведовъ въ его глазахъ оказалась слишкомъ узкой, а рѣка Ванда, имѣя лишь одинъ мостъ, могла преградить отступленіе въ случаѣ неудачи. Въ болотѣ генералу представились пески, по которымъ могли пройти цѣлыя дивизіи. Тутъ же находился лѣсъ, который могъ прикрыть наступленіе русскихъ. Нѣтъ! Отступать, отступать—рѣшилъ Левенгауптъ...

V.

Гельсингфорсская капитуляція.

Послѣ незначительныхъ схватокъ около высотъ Стафансбю шведы вошли въ самый Гельсингфорсъ, причемъ сожгли за собой Броберскій мостъ и расположились укрѣпленнымъ лагеремъ на Каммѣнъ. Отступленіе это было произведено «въ крайнемъ безпорядкѣ» [156]). При посредствѣ обходнаго движенія, русскимъ удалось отрѣзать шведамъ путь дальнѣйшаго отступленія. Какъ совершено было это обходное движеніе—съ точностью не извѣстно. По разсказамъ однихъ, вечеромъ 11 августа къ Ласси пришелъ финляндскій крестьянинъ и сообщилъ, что шведская армія готовится выступить къ Або, но ей легко преградить отступленіе, если воспользоваться дорогой, проложенной сквозь лѣсъ 30 лѣтъ назадъ Петромъ Великимъ.—Дорога успѣла нѣсколько зарости, но кустарникъ нетрудно вырубить. Ласси не пренебрегъ указаніями крестьянина. Дорогу отыскали и исправили. Генералъ Левендаль получилъ приказаніе опередить шведскій авангардъ. Маневръ русскимъ удался.—«Левенгауптъ пришелъ въ совершенное изумленіе», читаемъ въ рукописной исторіи ген. Завалишина. Въ «Запискахъ» Манштейна встрѣчается подтвержденіе описаннаго факта; но самъ Ласси умалчиваетъ о немъ въ своей реляціи, указывая лишь, что для обхода пришлось воспользоваться узкой дорогой, ведшей по скаламъ и болотамъ.—Генералъ-же Ал. Ил. Бибиковъ, составляя примѣчанія къ этой войнѣ, говоритъ, что обходная дорога была отыскана и указана фельдмаршалу бригадиромъ Краснощековымъ. Это-же последнее обстоятельство подтверждаетъ и составитель «Экстракта о военныхъ дѣйствіяхъ» [157]).

Какъ бы то ни было, но путь отступленія былъ отрѣзанъ, русскіе расположились у Хуплакса. Шведы принялись укрѣплять свой гельсингфорсскій лагерь. Гельсингфорсъ являлся въ то время мѣстомъ пребыванія Нюландскаго ландсгевдинга. Этотъ маленькій и довольно правильно распланированный городъ состоялъ, при-

мѣрѣ, изъ 300 деревянныхъ домовъ, хорошо построенныхъ по мѣстному образцу; нѣкоторые отличались даже красотой. Городъ обладалъ лучшею гаванью въ Финляндіи. Гельсингфорсъ имѣлъ 1.300 жителей. На площади Стурторьетъ, составлявшемъ центръ города, находилась деревянная церковь, построенная въ 1727 г., съ отдѣльно стоявшей колокольней, выведенной изъ булыжника; около церкви находилось кладбище; на сѣверѣ площади стояла ратуша (1726), гауптвахта, амбары и провіантскіе магазины.

Укрѣпленія города были немногочисленны и не отличались особенной силой; но сама по себѣ позиція, занятая шведами, оказалась крѣпкой, вслѣдствіе пресѣченной мѣстности и заливовъ, способствовавшихъ прикрытію фланговъ. На позиціяхъ выставлено было до 90 орудій. Лѣвый флангъ шведской арміи упирался въ Ульрикасборгскій мысъ, у нынѣшняго Брунспарка, а правый — оборонялъ перешеекъ и дорогу, ведущую къ Або. Проливъ между берегомъ и сѣверной частью острова Дегерьо завалили каменьями. Южные-же проходы между Скансландомъ (нынѣ Александровскимъ), Кунгсгольмомъ (Михайловскимъ) и Сандгамомъ (Лагернымъ) оставались загражденными со времени Петра Великаго, когда тутъ затоплены были ящики съ каменьями. Остальные проливы были свободны. Шведскій корабельный флотъ удалился къ Гангеудду. Фалькенгренъ со шведской галерной флотиліей не рѣшился защищать Гельсингфорса и отступилъ къ западу [158]. Шведская кавалерія страдала отъ недостатка фуража; войска терпѣли отъ усилившейся болѣзненности и упадка духа.

Между казаками и гусарами, отрѣзавшими путь отступленія къ Або, и отрядомъ маіора Шаумана произошла стычка, во время которой погибъ храбрый Краснощековъ. Объ этомъ участникъ войны — Савва Порхомовъ — пишетъ въ своихъ запискахъ: «И прошедъ наша армія впередъ версты четыре и видѣнъ былъ Гельсингфорсъ чрезъ заливъ и суда шведскія, изъ котораго мѣста посланъ бригадиръ Краснощекой съ казаками для провѣдыванія дороги отъ Гельсингфорса къ Або, чтобы шведовъ не выпустить изъ Гельсингфорса, гдѣ и наѣхалъ въ лѣса и болотами, маленькими дорожками, то отъ шведскихъ солдатъ оной Краснощекой уйти не могъ, — въ болотѣ лошадь увязла, то тутъ его солдаты ранили и взяли въ полонъ и привезли его въ Гельсингфорсъ къ генералу Левенгаупту» [159].

Едва гр. Ласси узналъ о плѣнѣ храбраго воина, какъ написалъ Левенгаупту, дабы «бригадиръ Краснощекой содер-

жалъ былъ какъ честный человѣкъ». Изъ отвѣтнаго письма шведскаго главнокомандующаго узнали, что бригадиръ «отъ ранъ умре» и вслѣдъ за этимъ тѣло его съ офицеромъ было прислано въ русскій лагерь [160]).

Задолго до прихода русскихъ, Гельсингфорсъ оставленъ былъ наиболѣе вліятельной частью его жителей, которые съ женами, дѣтьми и драгоцѣнностями бѣжали отчасти въ Стокгольмъ, отчасти на острова и въ лѣса.

Въ Гельсингфорсѣ шведы были заперты небольшой русской арміей. «Здѣсь мы очутились, какъ бы въ мѣшкѣ»,—пишетъ участникъ похода, графъ Хордъ. Черезъ два—три дня въ лагерѣ сталъ ощущаться недостатокъ въ сѣнѣ и соломѣ. Стали убивать лошадей, а часть ихъ отпустили на волю, и они достались въ добычу казакамъ. Жизненныхъ припасовъ было въ избыткѣ, потому что плавучій магазинъ стоялъ въ гавани, въ видѣ шведскихъ нагруженныхъ галеръ. Значительный недостатокъ ощущался въ дровахъ, почему въ Гельсингфорсѣ срывали нѣкоторые дома и увозили ихъ въ лагерь на топливо [161]).

Вообще положеніе шведовъ было безопасное. Но палъ духъ въ арміи. Солдаты, желавшіе сраженія и обманутые въ своихъ надеждахъ постоянными отступленіями, были озлоблены и среди нихъ рождалось подозрѣніе и презрѣніе къ начальству. Русскіе старались чрезъ развѣдчиковъ заманить къ себѣ финновъ, отвлечь ихъ отъ шведскихъ знаменъ и поселить среди нихъ сомнѣнія: съ этой цѣлью, между прочимъ, распространяли слухъ, что Императрица намѣрена сдѣлать герцога Голштинскаго княземъ самостоятельной Финляндіи. У большинства офицеровъ, повидимому, мысль о наступающемъ риксдагѣ заглушила всякое чувство воинской дисциплины и военнаго долга. Король приказалъ, чтобъ каждый полкъ, находившійся въ походѣ, выслалъ только одного офицера въ риксдагъ, и чтобы тѣ, которые являлись главой дворянскаго рода, уполномочили оставшихся дома родственниковъ занять свои мѣста въ рыцарскомъ домѣ. Несмотря на это, офицеры уже въ началѣ іюля толпами отправились на риксдагъ, одни съ разрѣшенія Левенгаупта, другіе, не спрашивая его согласія. Старшіе офицеры подавали дурной примѣръ. Поводья все болѣе и замѣтнѣе выпадали изъ слабыхъ рукъ Левенгаупта, особенно послѣ того, какъ нѣкоторые офицеры безнаказанно не исполнили его требованій. Въ концѣ кампаніи онъ жаловался, что офицеры неаккуратно представляли ему рапорты, и что они не достаточно были

повиновались ему. Онъ палъ духомъ и полагалъ, что его предали. Во время отступленія отъ Думарбю онъ разъѣзжалъ подъ пулями въ бѣломъ плащѣ и, казалось, въ отчаяніи искалъ смерти воина.

Фельдмаршалъ Ласси и генералъ Кейтъ, осмотрѣвъ позицію шведовъ у Гельсингфорса, убѣдились, что атака ея представляетъ большія трудности въ виду того, что приходилось наступать по дефиле, подверженному сильному огню шведскихъ батарей. Графъ Ласси замѣтилъ, что непріятель своими флангами примкнулъ къ заливамъ; впереди ихъ лагеря находилась крутая гора, вооруженная орудіями. Въ заливѣ виднѣлось не малое число ихъ судовъ. На консиліумъ былъ созванъ весь нашъ генералитетъ, рѣшившій, что атаковать рискованно. Непріятель былъ въ то же время окруженъ нашими силами и уйти онъ могъ только моремъ, если нашъ флотъ ему не воспрепятствуетъ. Шведамъ, очевидно, оставалось или уйти на судахъ, или «акордоваться», или, наконецъ, пробиться сквозь наши ряды [162]).

«Какъ я отъ всѣхъ пріѣзжихъ слышу и самъ сколько могу помнить, что Гельсингфорсская ситуація весьма крѣпка»,—писалъ А. Румянцевъ,—и потому фельдмаршала не обвиняли за то, что онъ не отважился на атаку.

Положеніе обѣихъ сторонъ заставляло желать мирнаго исхода. Отъ дезертира узнали, что «мира всѣ охотно желаютъ». О финскихъ полкахъ ходили слухи, что они при извѣстныхъ условіяхъ лучше готовы сдаться на аккорды, нежели драться. Начались переговоры о капитуляціи.

Итакъ, борьба воюющихъ сторонъ сосредоточилась около Гельсингфорса. Въ это время русскій флотъ имѣлъ случай оказать рѣшающее вліяніе на исходъ кампаніи, если бы во главѣ его не стоялъ адмиралъ Мишуковъ, проявлявшій систематическое пассивное сопротивленіе всѣмъ предъявленнымъ къ нему требованіямъ. По «всенижайшему разсужденію» гр. Н. Ѳ. Головина, шведскимъ кораблямъ, вошедшимъ въ Гельсингфорсскія шхеры, угрожали немалыя трудности, вслѣдствіе узкихъ выходовъ и входовъ. Но адмиралъ Мишуковъ,—придерживаясь своей прежней тактики «консиліумовъ», а также ссылаясь на неблагопріятные вѣтры и на отсутствіе провизіи,—не торопился и ничего полезнаго для хода дѣла не предпринималъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ ПЛАНУ.

I. Съ сухопутной стороны.

A—Корабельная пристань.
B—Арт[illegible]
C—Провіантскіе магазины.
D—Обвалившійся ретраншаментъ.
E—Вновь сдѣланные изъ брусьевъ бруствера, съ насыпкою земли.
F—Батареи, сдѣланныя на высокихъ каменныхъ горахъ.
G—Пушки поставленныя безъ укрѣпленій въ разныхъ мѣстахъ.
H—Линія, сдѣланная изъ рубленнаго лѣса, или засѣка.
I—Лѣсъ, вырубленный для открытія батарей и препятствія.

Лагерь шведской арміи.

K—Конные полки шведскіе.
L—Лейб-регименть шведскій и финскіе конные полки.
M—Шведскіе и финскіе драгунскіе полки.
N—Гвардія и артиллерія.
O—Шведскіе и финскіе пѣхотные полки.

Русскій лагерь.

P—Лагерь нѣкоторыхъ гренадерскихъ полковъ.
Q—Полковника Роговскаго гренадерскій
R—По[illegible] } [illegible]
S—[illegible]

II. Съ морской стороны.

a—Фарватеръ отъ Боргова къ Гельсингфорсу.
b—При оныхъ островахъ галеры россійскія состояли.
c—Шведская брандвахта.
d—Шведскій галерный флотъ.
e—Шведскіе прамы противъ тѣсныхъ проходовъ съ моря.
f—Батареи, построенныя Русскими по пріѣздѣ россійскаго галернаго флота.

[illegible] и маякъ.

h—Проходъ съ моря главнаго фарватера военнымъ и купеческимъ судамъ.

i—[illegible] сударемъ Петромъ Первымъ.

k—Нынѣ Шведами загружено каменьями, чтобы изъ того залива никакого не было прохода въ Гельсингфорскій заливъ.

l—Гдѣ россійскій галерный флотъ по взятіи Гельсингфорса стоялъ.

14 іюля 1742 г. капитанъ флота Бараковъ взялъ въ плѣнъ два шедшихъ изъ Гельсингфорса шведскихъ судна и захваченныя съ нихъ письма прислалъ въ адмиралтействъ-коллегію. «Въ тѣхъ письмахъ писалось о худомъ состояніи сухопутной и морской непріятельскихъ силъ... ибо финляндцы изъ арміи непрестанно бѣгутъ, а офицеры почти безъ остатку отъ полковъ въ Швецію ѣдутъ, а флотъ наипаче въ крайнемъ состоитъ безсиліи отъ многаго числа умершихъ и въ протчемъ отъ недостатку, и единымъ словомъ бѣдствіе свое за гнѣвъ Божій сами чувствуютъ». По письму шкипера Беткіера изъ Гельсингфорса господину Шварцу въ Стральзундѣ отъ 26 іюля видно, между прочимъ, что «въ Финляндіи шведы раззоряютъ свою землю больше, нежели непріятель». Въ письмѣ отъ 27 іюля г. Клопштоха изъ Гельсингфорса къ отцу въ Стральзундъ говорится: «рядовые люди съ охотою желали бы биться, но генералы ордера не имѣютъ, и когда принуждены были идти назадъ, то рядовые зубами скрыпѣли, такъ что пѣна у рта стояла, и плакали; да и много изъ офицеровъ, смотря на нихъ, принуждены были плакать». Общее положеніе шведовъ такимъ образомъ нѣсколько опредѣлилось.

Однако 26 іюля Головинъ посланъ къ Мишукову лейбъ-гвардіи премьеръ-маіора Соковнина, чтобы взять о флотѣ «обстоятельное извѣстіе». Почти въ то же время (29 іюля) Головинъ, разсмотрѣвъ вѣдомости Мишукова, донесъ Государынѣ, что у него «въ служителяхъ отъ убылыхъ болящихъ хотя и является недостатокъ, однако-жъ оный весьма малый» и «препятствія отъ него службѣ Вашего Императорскаго Величества быть неуповательно».

1-го августа, когда возвратился курьеръ гр. Головина отъ Мишукова и привезъ рапорты, графъ доложилъ Государынѣ, что въ нихъ «довольнаго резону не показано», такожъ и о «чаемыхъ къ поиску надъ непріятелемъ весьма полезныхъ случаяхъ».

Мишуковъ проявилъ, наконецъ, признаки движенія и написалъ (3 авг.), что стоитъ съ флотомъ въ готовности и какъ благополучныи вѣтеръ и погоду получитъ, то «для осмотру и поиску надъ непріятельскимъ флотомъ къ Гельсингфорсу, а то и... до Гангута слѣдовать будутъ». Такъ гласило сообщеніе. Фактически онъ тронулся къ мѣсту лишь 10 числа, а 13 августа вновь, «за сильными сѣверо-западными вѣтрами и за малоимѣніемъ воды», легъ на якорь между островами Наргеномъ и Суропи, причемъ часть судовъ (5) отправилъ въ Ревельскую гавань, «для исправ-

ленія оныхъ отъ течи и иныхъ поврежденій, а прочій флотъ - де довольствуется водою».

19-го августа графъ Головинъ получилъ извѣстіе отъ генерала и кавалера А. Румянцева изъ Выборга, что въ Гельсингфорскомъ заливѣ находится «разныя суда и близъ онаго лежатъ военныхъ 5 кораблей и весьма-бъ полезно было, ежели бы Ея Императорскаго Величества корабельный флотъ къ Гельсингфорсу приблизился и надъ непріятелемъ поискъ учинилъ».. Помощь флота являлась настоятельно необходимой, но адмиралъ Мишуковъ не былъ этимъ озабоченъ [163]).

Шведы были окружены. Прошло двѣ недѣли. 18000 русскихъ войскъ концентрически расположились передъ шведскими позиціями, отрѣзавъ имъ всякое сообщеніе съ внутренней Финляндіей. Только съ моря Левенгауптъ сохранилъ связь со Швеціей. Если бы адмиралъ Мишуковъ приблизился къ Гельсингфорсу, то армія шведовъ была бы совершенно заперта; но нашъ флотъ оставался въ бездѣйствіи около Ревеля. Прибыла только галерная флотилія и расположилась около Дегеръ-э. 24-го августа адмиралу Мишукову дано было знать, что наше дѣло требуетъ его прибытія къ Гельсингфорсу и онъ на «генеральномъ консиліумѣ» рѣшилъ слѣдовать туда «съ первымъ благополучнымъ вѣтромъ». Но это рѣшеніе сопровождалось большими оговорками и поясненіями. «Однако-жъ, какъ время стоитъ осеннее и ночи темныя, и по большей части ожидать дѣльно великихъ вѣтровъ; къ тому же оныя мѣста тѣсныя, а флотъ состоитъ въ немаломъ числѣ судовъ, и въ ночное и туманное время дрейфовать и лавировать за опасностію никакъ невозможно, того ради..... всему флоту приходить къ острову Наргену и ложиться на якорь». Такъ наши власти и не добились никакого содѣйствія со стороны Мишукова....

«Весьма сожалительно,—писалъ впослѣдствіи Ласси графу Головину,—что флотъ за незнаніемъ фарватера въ то время подойти къ Гельсингфорсу не могъ.... Когда бы нашъ флотъ сталъ въ виду города, то непріятельскія галеры изъ того узкаго мѣста должны-бъ были отступить и сухопутному ихъ войску не безъ великаго-бъ страху было».... Графъ Головинъ прибавляетъ, что Мишукову не нужно даже было входить въ заливъ, а надлежало только съ флотомъ приблизиться къ линіи непріятеля, т. е. показаться. Все это имѣло бы значеніе и заставило шведовъ отступить.

26-го августа Мишуковъ донесъ графу Головину, что нѣкоторые корабли были посылаемы къ Гельсингфорсу, но оттуда они къ флоту возвратились безъ дѣйствія съ непріятелемъ.

На Мишукова пытался воздѣйствовать также Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ кн. Долгорукова, предложивъ ему (29 авг. 1742 г.) возможно скорѣе отправиться къ Гельсингфорсу и устроить тамъ поискъ надъ непріятелемъ. 30-го августа Мишуковъ, не получивъ еще предложенія Совѣта, донесъ гр. Головину о своемъ намѣреніи идти къ Гельсингфорсу, для «утѣсненія непріятеля». Но 30-го же августа Головинъ получилъ уже извѣстіе о капитуляціи Гельсингфорса и сообщилъ въ тотъ же день объ этомъ Мишукову, все еще лежавшему на якорѣ у острова Наргена [164]).

Капитуляціи шведской арміи гр. Ласси добился безъ содѣйствія флота слѣдующимъ образомъ.

Изъ Гельсингфорса 12-го авг. 1742 г. Нолькенъ, сопровождавшій шведскія войска вдоль берега на своей яхтѣ, прислалъ ему письмо, выражая удивленіе, что операціи со стороны русскихъ «неотмѣнно продолжаются», что нынѣшняя война «иной видъ получила, нежели оная при своемъ началѣ имѣла», и пр.—Рѣчь явно клонилась къ «мирной негоціаціи» и Нолькенъ просилъ свиданія съ гр. Ласси для объясненія. Онъ готовъ былъ пріѣхать въ любое мѣсто «подъ пристойнымъ конвоемъ». Отвѣтъ гр. Ласси былъ уклончивый; онъ писалъ, что «толь меньше вижу, чтобъ при свиданіи между вашимъ превосходительствомъ и мною я въ состояніи находился въ чемъ-либо съ вами согласиться» [165]).

Нолькенъ, видимо, надѣялся свиданіемъ съ фельдмаршаломъ остановить дѣйствія нашей арміи.—По поводу этого «хитронисаннаго» письма, А. Румянцевъ донесъ Государынѣ: «хотя оный Нолькенъ, по сродной шведамъ гордости, не можетъ оставить своихъ на вѣтеръ основанныхъ угрозъ, но знатно при томъ великій страхъ имѣетъ» [166]).

Гр. Ласси предпочелъ переговоры съ главнокомандующимъ шведскою арміей. Изъ лагеря при Лилла Хуплаксъ (17 авг. 1742 г.) онъ отправилъ письмо къ генералу Левенгаупту, указывая, что держитъ гор. Гельсингфорсъ «взаперти», что шведское войско на сухомъ пути отрѣзано, что русскія силы превосходятъ ихъ, что «никакой иной ретирады» нѣтъ, кромѣ той, которую «ваше пре-

восходительство можетъ предпринять водою».—Земля будетъ разорена набѣгами нашей нерегулярной кавалеріи. Своими войсками вамъ ее не защитить. Вы навлечете на себя «плачъ и вопли бѣдныхъ страждущихъ обывателей». «Въ разсужденіе пріимите, что земля, съ обрѣтающимися въ оной крѣпостями Фридрихсгамомъ и Нишлотомъ, взята, кромѣ одного мѣстечка, на которомъ ваше превосходительство, съ состоящею подъ вашею командою арміей, заперты. Великое герцогство Финляндское почитай вовсе занято». На основаніи этого гр. Ласси предлагалъ «снисходительную капитуляцію» и ожидалъ «незамедлительнаго отвѣта» [167]).

На другой-же день гр. Левенгауптъ отвѣтилъ. Безъ «апробацій» онъ не могъ высказаться. Указалъ, что ведутся мирные переговоры, что онъ не можетъ быть отвѣтственнымъ за вопли и плачъ многихъ неповинныхъ...

Неизвѣстно, имѣли ли успѣхъ о переходѣ къ Ласси соблазнительныя его предложенія, распространявшіяся у Гельсингфорса среди начальниковъ и солдатъ финскихъ полковъ. Но, несомнѣнно, что равнодушіе къ службѣ высшаго шведскаго начальства замѣтно возрастало. Когда офицеры, не уѣхавшіе въ Стокгольмъ на риксдагъ, сказались больными, то Левенгаупту трудно было найти полковника, могущаго отправлять службу генералъ-маіора. Протоколъ военнаго совѣта показывалъ теперь совершенно другія имена, чѣмъ въ Кюмень-городѣ: капитаны несли службу полковыхъ командировъ. Равнодушіе шведовъ граничило съ явной измѣной. Здѣсь и тамъ стали раздаваться неясныя рѣчи о капитуляціи, на которую хотѣли склонить генераловъ. Пѣхотные офицеры обратились уже къ Буске, прося его передать генералъ-аншефу ихъ письменное прошеніе объ этомъ; но Буске офицеровъ не принялъ и прошеніе ихъ не прочелъ. За пѣхотными офицерами послѣдовали кавалерійскіе начальники, явившіеся къ Дидрону. 16 августа офицеры настолько подняли свои голоса, что ихъ заявленія походили на открытый бунтъ. Видно было, что Ласси не оставался безъ внушенія со стороны шведовъ, такъ какъ его адъютантъ Бестужевъ, прибывъ 17-го къ аванпостамъ шведскаго лагеря, сталъ предлагать имъ сдаться на честныхъ условіяхъ. Какъ образецъ шведамъ предлагали принять недавно заключенную капитуляцію Нейшлотскаго коменданта [168]).

Графъ Левенгауптъ созвалъ генералитетъ. Старый Буске вызывался встать во главѣ войска, чтобъ ударить на врага, находя, что лучше умереть съ мечомъ въ рукѣ, чѣмъ сдаться; но

другіе указывали на то, что нельзя достичь значительныхъ успѣховъ съ несогласной и негодующей арміей, начальство которой уже нѣсколько дней настаиваетъ на такихъ же предложеніяхъ, какія сдѣланы графомъ Ласси. Предвидѣли, что все болѣе забо-

ПЛАНЪ ГОРОДА ГЕЛЬСИНГФОРСА 1742 г.

A—[illegible]. B—ратуша. C—колокольня. D—гауптвахта. E—[illegible]ная пристань. H—[illegible]е магазины. I—Обвалившійся старый ретраншементъ. K—новые [illegible] изъ бревенъ съ насыпкою земли. L—батарея. M—пушки. N—шведская [illegible].

лѣвающая армія, какъ бы она ни была готова къ оборонѣ, къ осени неизбѣжно будетъ находиться еще въ болѣе затруднительномъ положеніи. Однако, безъ представленія всего вопроса на заключеніе правительства, никто не соглашался на капитуляцію; хотѣли предложить Ласси перемиріе на нѣсколько недѣль и испросить паспортъ для отправки курьера въ Стокгольмъ. Маіоръ

Горнъ, посылавшій съ письмомъ объ этомъ въ русскомъ лагерѣ, вернулся оттуда съ устнымъ заявленіемъ, что русскіе не могутъ дать отвѣта на предложеніе Левенгаупта и ожидаютъ отъ него иныхъ депешъ, такъ какъ предложеніе о перемиріи имѣетъ въ виду исключительно интересы одной Швеціи.

Графъ Левенгауптъ вновь созвалъ совѣтъ, на который собрались 26 офицеровъ и генералитетъ. Онъ сообщилъ имъ отвѣтъ Ласси и уговаривалъ не спѣшить[169]).

Среди этихъ переговоровъ изъ Стокгольма прибыли вице-адмиралъ Риддерстольпе и Каульбарсъ съ повелѣніемъ отъ короля, чтобы графъ Левенгауптъ и ген. Будденброкъ явились въ столицу и дали государственнымъ чинамъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ. Власть надъ арміей перешла въ руки Буске (Bousquet).

Престарѣлый генералъ Буске вѣрно служилъ шведской коронѣ съ тѣхъ поръ, какъ въ битвѣ при Фрауенштадтѣ, въ чинѣ капитана, попалъ въ плѣнъ къ шведамъ. Опытный и образованный онъ являлся воиномъ по призванію, о которомъ говорили, что у него львиное сердце. Теперь во главѣ шведской арміи находился начальникъ, который могъ служить прекраснымъ примѣромъ для подчиненныхъ, но было уже поздно...

Графъ Ласси подавалъ видъ, что намѣренъ обрушиться на шведскіе окопы и своими приготовленіями, вѣроятно, немало подѣйствовалъ на ослабѣвшій духъ осажденныхъ. 20 августа по первой дивизіи состоялся приказъ о томъ, что «завтрашняго числа армія Ея Императорскаго Величества... вѣроломнаго и гордаго непріятеля атаковать имѣетъ», при этомъ «подъ смертною казнію запрещается, чтобы ни единый вѣрноподданный Ея Императорскаго Величества не утрудился въ обдираніи побитыхъ мертвыхъ тѣлъ...»[170]). Переговоры о капитуляціи тѣмъ не менѣе продолжались и, наконецъ, 24 августа заключено было слѣдующее условіе:

Девять финскихъ полковъ или отправляются въ Швецію, или, сдавъ оружіе русскимъ комисарамъ, расходятся по деревнямъ. Шведская пѣхота, сохраняя оружіе, могла сѣсть на суда и плыть въ Швецію по русскимъ паспортамъ, выданнымъ фельдмаршаломъ Ласси, а кавалерія могла вернуться черезъ Торнео. Артиллерію и припасы Гельсингфорса подлежало сдать нашимъ комисарамъ.

26 августа русскіе гренадеры заняли городскіе посты Гельсингфорса, а наши войска расположились на позиціяхъ шведовъ. Русскимъ досталось 30 знаменъ, 90 орудій, 300 бомбъ, 650 пудовъ пороха, много снарядовъ и т. д. Манштейнъ утверждаетъ,

что если бы шведы не согласились на эту постыдную капитуляцію и русскіе атаковали ихъ расположеніе, то непремѣнно потерпѣли-бы пораженіе, вслѣдствіе выгодной и хорошо укрѣпленной ихъ позиціи». Это, конечно, не болѣе какъ предположеніе одного изъ очевидцевъ, но этой догадкѣ сильно противорѣчитъ все поведеніе шведскихъ войскъ въ теченіе описанной кампаніи.

Естественное любопытство побудило русскихъ и шведовъ воспользоваться послѣ капитуляціи случаемъ, чтобы осмотрѣть армію другъ друга. Начались взаимныя посѣщенія. «Расположеніе лагеря русскихъ,—пишетъ графъ Хордъ,—чрезвычайно удивило шведовъ, такъ великъ былъ контрастъ между ними. Войска и лошади русскихъ находились въ наилучшемъ состояніи; жизненныхъ припасовъ было въ излишествѣ; даже лавки имѣлись вокругъ главной квартиры, въ этой почти опустошенной странѣ; все это привлекло наше вниманіе и смущало насъ» [171]).

«Сегодня, 25 августа, стоялъ у Абоскаго пѣхотнаго полка,—читаемъ въ запискахъ Тибурціуса,—и слышалъ, какъ маіоръ Фокъ спрашивалъ у солдатъ, желаютъ ли они сопровождать его въ Швецію, или вернуться домой къ своимъ рутамъ; всѣ отвѣтили, что желаютъ отправиться домой. Такой же отвѣтъ полученъ былъ отъ всѣхъ финскихъ полковъ». Реляція графа фонъ-Ласси подтверждаетъ это обстоятельство. «Изъ финскихъ полковъ ни одинъ полкъ ѣхать въ Швецію не пожелалъ, а оставшіеся въ лагерѣ финскіе полки начали переходить къ россійскому лагеру и въ тотъ день ихъ перешло драгунскихъ три и пѣхотныхъ три же полка, а на другой день и достальные по смѣнѣ съ судовъ, которыхъ по званіямъ всѣхъ десять полковъ и оные въ подданство Ея Императорскаго Величества къ присягѣ приведены» и «въ домы отпущены» [172]). Всего людей въ тѣхъ полкахъ было 7019 человѣкъ, «изъ нихъ 94 офицера». Драгунскихъ лошадей—1789.

Неудачи продолжали преслѣдовать шведовъ: буря потопила нѣсколько ихъ судовъ, а противные вѣтры сильно затруднили плаваніе, во время котораго смертность росла и губила остатки арміи. — По сухому пути вернулось на родину только 1.200 человѣкъ кавалеріи.

Войска, возвращавшіяся въ Стокгольмъ, размѣстились на 47 судахъ, которые, слѣдуя другъ за другомъ, тянулись сквозь шхеры къ роднымъ берегамъ. «Всюду на галерѣ,—пишетъ очевидецъ,—было страшно грязно. Солдаты страдали кровянымъ поносомъ; снасти, палуба и кровати, все было испачкано кровяной

грязью и распространяло страшный смрадъ. Другой участникъ этого печальнаго похода, графъ Хордъ, указывъ на огромную потерю людей во время плаванія, выражаетъ увѣренность, что защита Гельсингфорскихъ позицій потребовала бы меньшихъ жертвъ.

23 сентября 1742 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ о томъ, чтобы, по силѣ учиненной въ Гельсингфорсѣ капитуляціи, отпускать шведскія военныя и ластовыя суда, кои будутъ случайно прибиты къ русскимъ берегамъ и предъявятъ паспортъ отъ генералъ-фельдмаршала Ласси. Исключеніе дѣлалось для тѣхъ судовъ, на которыхъ могутъ оказаться среди другихъ лицъ генералы Левенгауптъ и Будденброкъ, а также «регерунгсъ-ратъ» Нолькенъ. Эти суда повелѣвалось заарестовать, даже въ случаѣ предъявленія ими надлежащаго паспорта, и донести Двору или Сенату. Подобное же предписаніе получилъ и адмиралъ Мишуковъ [173].

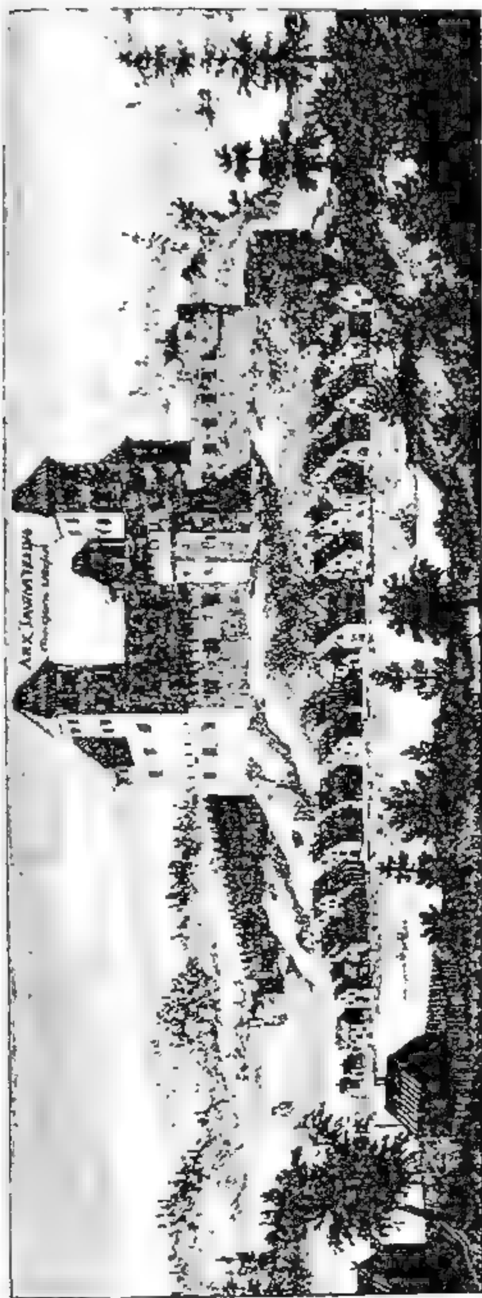
---

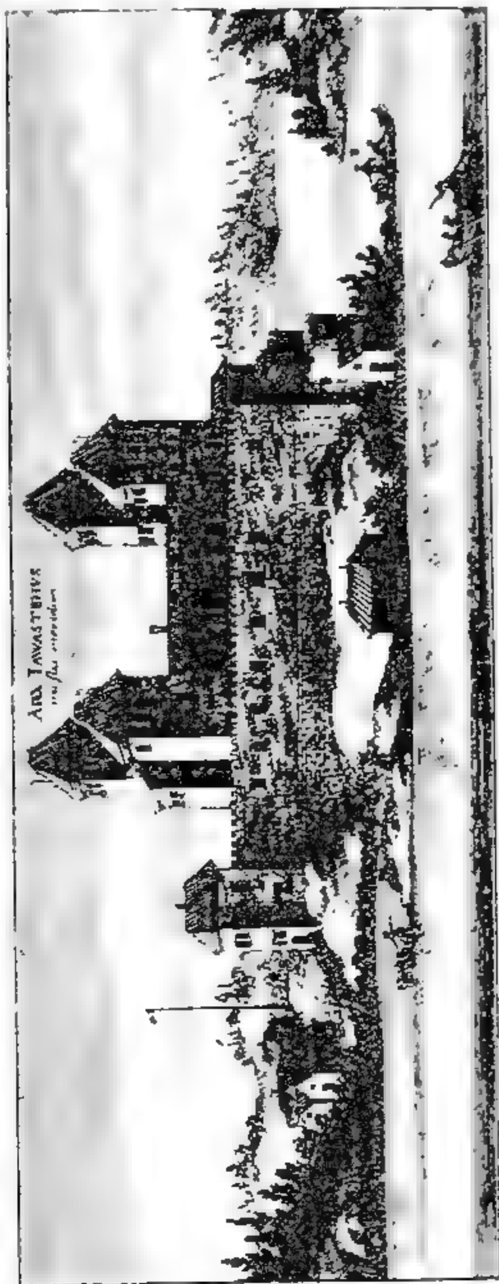
7 августа безъ осады сдалась князю Мещерскому крѣпость Нейшлотъ, съ гарнизономъ въ 225 чел., откуда ландсгевдингъ Саволаксъ-Карельской губ. Карлъ Эгалъ Стертенъ бѣжалъ въ Стокгольмъ.

Послѣднее изъ имѣвшихъ значеніе, укрѣпленное мѣсто въ Финляндіи, Тавастгусъ, сданъ русскимъ 26 августа, послѣ того какъ команда, напуганная паденіемъ Фридрихсгама, большею частью дезертировала. Гарнизонъ Тавастгуса (комендантъ М. Ф. Бинертъ, 9 офицеровъ и 243 нижнихъ чина) выразилъ, черезъ депутатовъ, желаніе вступить въ русское подданство, боясь, «напрасною храбростью» навлечь на себя гнѣвъ Ея Императорскаго Величества. «И тако,—писалъ гр. Ласси въ своей реляціи,—милостію всѣхъ благъ Подателя, Творца Бога, и Всевысочайшимъ Вашего Императорскаго Величества тщаніемъ, сіе Великое Княжество въ Высочайшее Вашего Величества подданство, съ великимъ мироломному непріятелю предъ всѣмъ умнымъ свѣтомъ вѣчнымъ стыдомъ и съ его чувствительнымъ убыткомъ, напротиву-же того, съ нашей стороны безъ всякаго въ людяхъ урону и кровопролитія, покорено и овладѣно».

Неудачи [illegible] Швецію и въ другомъ отношеніи. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ изъ Парижа княземъ Кантемиромъ (15 іюля 1742 г.; [illegible] Н. Θ. Г[illegible]ну), Франція считаетъ въ

обдственномъ положеніи. «Прусскій миръ сломилъ шею всѣмъ здѣшнимъ проектамъ... бѣдность народа и истощеніе казны та-





[illegible] ЗАМОКЪ, ОСНОВАННЫЙ [illegible]

ковы... что шведскій (дворъ) напрасно отсюда помощь ожидать будетъ, такъ что министерство шведское должно одно исправлять начатую свою шалость, и намъ обѣщается столь свободнѣйшее благоносиѣшеніе».

Кейтъ двинулся къ Або. И такъ какъ флоту Мишукова нечего было дѣлать у Гельсингфорса, то Кейтъ предложилъ ему устроить поискъ шведскихъ судовъ у Гангеудда. Въ то-же время Головинъ предписалъ Мишукову охранить ожидавшуюся Бѣломорскую эскадру. «Но Мишуковъ, около мѣсяца стоявшій за противными вѣтрами, теперь стоялъ за попутными... Да! за попутными!.. Идти въ сторону Гельсингфорса, отвѣчалъ адмиралъ, «точію весьма опасно, ибо вышерѣченными (попутными) вѣтрами, со всѣмъ флотомъ, ежели вѣтеръ не перемѣнится, отойти будетъ не можно»... Къ Гангеудду былъ посланъ одинъ корабль «для осмотра, подлинно ли тамъ непріятельскій флотъ», а такъ какъ отъ шкиперовъ не получалось извѣстій о Бѣломорской эскадрѣ, то консиліумъ постановилъ, что «никакой нужды не признается, чтобы всему флоту напрасно опасности воспріять».

Правительство вынуждено было еще разъ преподать главѣ флота самое элементарное правило службы. 26 сентября 1742 г. вице-адмиралъ Мишуковъ получилъ Высочайшій указъ, чтобы провѣдывать о шведскомъ флотѣ даже и въ томъ случаѣ, если отъ генералъ-фельдмаршала не прислано будетъ особаго приказанія [174]).

Правда, по «Экстракту, учиненному изъ содержанныхъ на кораблѣ эскадры Мишукова журналовъ», видно, что съ 23 іюня по 24 августа 1742 г. изъ 64 дней—42 дня были «противные и не малые вѣтры», когда эскадра должна была почти все время стоять на якорѣ. Тѣмъ не менѣе трудно безъ негодованія читать о дѣйствіяхъ адмирала Мишукова, остававшагося неуязвимымъ. Ему удалось какимъ-то образомъ исхлопотать Высочайшій указъ о томъ, чтобы отъ него, Мишукова, «журналовъ не требовать, и что опредѣлено было взять у него извѣстіе (черезъ Соковнина), то оставить», а ему, Мишукову, повелѣно поступать по инструкціи и по ордерамъ генералъ-фельдмаршала Ласси. Когда Мишуковъ безъ всякой причины удалился отъ береговъ Финляндіи къ Гогланду, и когда Государственная Адмиралтействъ коллегія строго потребовала отъ него объясненія, то онъ, ссылаясь на названный указъ, заявилъ, чтобы отъ него «такого извѣстія и журналовъ не требовать», а лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка премьеръ-маіору Соковнину, «по силѣ онаго указа», отправиться въ полкъ.

Гр. Н. Ѳ. Головинъ сильно не благоволилъ адмиралу Мишукову и настойчиво добивался провѣрки его дѣйствій.—Мишуковъ чувствовалъ это и прибѣгъ къ заступничеству барона Черкасова.

Въ своихъ письмахъ къ барону адмиралъ объяснялъ и оправдывалъ свои дѣйствія, и выражалъ въ то же время надежду, что Черкасовъ усмотритъ изъ этихъ объясненій «немилостиваго моего командира ко мнѣ злобу». Изъ этой частной переписки видно, что гр. Головинъ требовалъ отъ Мишукова флагманскихъ и капитанскихъ журналовъ и приказалъ сдѣлать изъ нихъ экстракты. Адмиралъ опасался, чтобы графъ по «злобѣ» не представилъ на него «какой лжи», почему всепокорнѣйше просилъ бар Черкасова: «ежели какія отъ него (графа), будутъ представленія», его, Мишукова, «милостію вашею гдѣ возможно охранить». Экстракты о дѣйствіяхъ флота были составлены и графъ Головинъ сдѣлалъ на нихъ свои замѣчанія, клонившіяся не въ пользу Мишукова.

Только въ маѣ 1762 г. этотъ сильный своими покровителями адмиралъ былъ, наконецъ, Императоромъ Петромъ III уволенъ отъ службы безъ прошенія и пенсіи, а въ декабрѣ того-же года Захаръ Дан. Мишуковъ скончался 78 лѣтъ отъ роду и «честно погребенъ» въ Александро-Невскомъ монастырѣ [175]).

9 сентября (1742 г.) генералъ-маіоръ графъ Брюсъ донесъ графу Ласси, что съ полками прибылъ въ Або «и отъ тамошняго магистрата купецкихъ и духовныхъ людей и прочихъ чиновъ учинена ему была зѣло многолюдная встрѣча и по объявленіи имъ Вашего Императорскаго Величества о протекціи Всемилостивѣйшаго указа съ великою радостью оной слушали». Того-же числа въ Або спокойно происходила многолюдная ярмарка, «безъ всякой опасности и помѣшательства торговли»... Присяга принималась также спокойно [176]).

24 сентября (1742 г.) князь Мещерскій донесъ гр. Ласси, что комендантъ Каяноборга выразилъ желаніе вступить «подъ Высочайшую Вашего Императорскаго Величества державу» и принести присягу. Онъ доставилъ ключи отъ цейхгаузовъ, и всѣ присягнули. Въ Каянобургской крѣпости оставлено было 200 чел. казаковъ, подъ командой полковника Орлова.

Носились смутные слухи о томъ, что посланные изъ городовъ и селеній Вестерботніи пріѣзжали въ (финляндскую) Эстерботнію, съ цѣлью разузнать у русскаго начальства, могутъ ли они, добровольнымъ подчиненіемъ, разсчитывать на такое же мягкое обращеніе, какое испытали тогда жители Эстерботніи. По мѣрѣ того, какъ русскіе успѣхи въ Эстерботніи достигли до самого Кеми, нашъ главнокомандующій, надѣясь на благопріятное настроеніе,

велѣлъ письмомъ уговорить градоначальство въ Торнео искать защиты русской императрицы. Но бургомистръ передалъ письмо начальнику шведскаго отряда Фрейденфельдту, и онъ отвѣтилъ на него ударомъ меча, покончившимъ съ попытками возбужденія населенія. Въ Кеми стоялъ русскій отрядъ въ 350 чел., преимущественно казаковъ. Жителей созвали для принесенія присяги императрицѣ. Но прежде, чѣмъ они успѣли послѣдовать призыву, Фрейденфельдтъ напалъ на русскихъ въ 2 часа утра (24 ноября 1742 г.), изрубилъ 50 чел., а остальныхъ отогналъ настолько далеко, насколько шведскія лошади въ состояніи были преслѣдовать, при чемъ шведы завладѣли запасомъ нашего сѣна и отобрали отъ 30 до 40 казацкихъ лошадей.

Такимъ образомъ сѣверная часть Эстерботніи была пока отрѣзана отъ русскихъ [177]). Остальная Финляндія находилась въ ихъ рукахъ.

По окончаніи войны, Правительствующій Сенатъ разсматривалъ предположеніе фельдмаршала графа фонъ-Ласси о расположеніи въ Финляндіи русскихъ войскъ на винтеръ-квартирахъ и при этомъ,—принявъ во вниманіе, что страна, «какъ отъ россійской, такъ и отъ шведской арміи не безъ разоренія была», и что фуражнаго довольствія тамъ не достаетъ,—опредѣлилъ оставить въ Финляндіи весьма незначительное число нашихъ войскъ. Часть казаковъ и калмыковъ рѣшено было расположить въ сторонѣ Олонца (въ Бѣлозерской провинціи), а грузинцевъ совершенно отпустить домой. Въ резолюціи сената между прочимъ значилось: «нонѣ же оные (грузинцы?) въ Финляндіи потребны были для разоренія непріятельскихъ деревень и прочихъ мѣстъ, а нынѣ уже къ тому нужды нѣтъ, ибо Финляндія вся пришла въ подданство Ея Императорскаго Величества». Галеръ въ Финляндіи для охраны береговъ оставлено было всего 24; онѣ находились въ Гельсингфорсѣ и Фридрихсгамѣ [178]). Остальныя силы (3 кирасирскихъ, 16 драгунскихъ и 33 пѣхотныхъ полка) вернулись въ окрестности Петербурга и въ Эстляндію, а часть драгунъ даже въ Москву для «урекрутированія». Корабельный флотъ зимовалъ въ Ревелѣ и Кронштадтѣ, а галеры частью въ Петербургѣ.

—

Капитуляціей въ Гельсингфорсѣ великая драма была окончена. Остальныя событія 1742 года интереса не вызываютъ, почему можно перейти къ нѣкоторымъ итогамъ.

Кампанія 1741—1742 г.г. была потеряна Швеціей. И неудивительно. «Я не видѣлъ и не помню похода,—говоритъ одинъ изъ участниковъ его,—въ которомъ вели бы себя менѣе умно и сдѣлано было больше ошибокъ». Еще рѣзче отозвался другой ея участникъ, Тибурціусъ. По его мнѣнію, «вся война представляется цѣпью глупостей, чтобъ не назвать ее измѣной». Въ томъ же смыслѣ высказались многіе менѣе извѣстные современники. «До того дошли, что непріятели никакого сопротивленія себѣ не видятъ, но имъ дали волю во всей землѣ до Фридрихсгама жечь и палить». «Нынѣ я увидалъ и вижу, и по кожѣ меня подираетъ, въ какой генеральный страхъ наши (шведскіе) люди пришли». «И всѣ домой и только мира желаютъ». «Начальники въ такой страхъ приведены, что и супротивленія чинить въ состояніи не находились». «Финляндія нынѣ совсѣмъ уже пропала». «Прежняя шведская слава весьма исчезла» и т. д.

ГРАФЪ П. П. ЛАССИ.

Иногда шведы отступали столь быстро, что въ теченіе нѣсколькихъ дней ихъ положеніе высматривалось при помощи зрительной трубки. У Гельсингекирки шведы застоялись; по нимъ дали выстрѣлъ изъ пушки, и они побѣжали въ безпорядкѣ. Финляндія была ими оставлена, потеряна...

Несомнѣнно, что кампанія велась шведами самымъ несообразнымъ образомъ. Объ этомъ двухъ мнѣній быть не можетъ.

Чувство національной гордости воинственныхъ и храбрыхъ шведовъ было оскорблено. Неудачи повергли населеніе въ уныніе. Общественное мнѣніе требовало наказанія виновниковъ гибельной войны. Но кто же они, главные виновники позора? Каждый опредѣлялъ ихъ по своему. Одни осуждали трусость финновъ, другіе винили Левенгаупта, третьи не могли слышать имени Будденброка.

Участникъ войны, графъ Хордъ, удрученный досадой и безпокойствомъ за положеніе шведовъ, сравнивалъ тѣхъ изъ нихъ,

которые жили въ началѣ (XVIII) столѣтія съ современниками печальнаго похода. «Сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Карлъ XII съ 8,000 шведовъ разбилъ 80.000 (?) русскихъ: правда, что образъ правленія долженъ влiять на характеръ и нравы общества и моральную невозможность совершать великія дѣла въ государствѣ, ставшемъ теперь добычей партій, каждый отдѣльный членъ которыхъ слѣдуетъ лишь своему произволу и тщеславію» [179]).

Пасторъ Тибурціусъ, также участникъ неудачнаго похода, первый изъ шведовъ написавшій обстоятельный очеркъ войны 1741—1742 г.г., первый же подвелъ итоги тѣмъ ошибкамъ, которые, по его мнѣнію, допущены были разными лицами. Его перечень не лишенъ односторонности. Какъ современникъ событій, онъ поддался общему мнѣнію, осуждавшему прежде всего несчастнаго Будденброка. Но тѣмъ не менѣе перечень недочетовъ, сдѣланный Тибурціусомъ, заслуживаетъ вниманія.

Карлъ Эмиль Левенгауптъ былъ,—пишетъ онъ,—безстрашный воинъ и честный шведъ, но слишкомъ добродушный человѣкъ, чтобъ управлять кучкой головорѣзовъ, и не достаточно хитрый, чтобъ замѣтить тайные ихъ замыслы. Кромѣ того, онъ никогда ничѣмъ не командовалъ, исключая своего полка; но тогда полагали, что Лагеркранцъ, Синклеръ и другіе старые опытные офицеры помогутъ ему своими совѣтами и услугами.

Первоначально Будденброкъ заслужилъ всеобщее довѣріе, и этимъ положено было начало всему тому несчастію, которое заставило Швецію, вмѣсто того, чтобы надѣяться на возвращеніе утеряннаго, опасаться утраты всей Финляндіи. Генералъ-лейтенантъ Будденброкъ, состоя временно главнымъ начальникомъ въ Финляндіи, измѣннически(?) дѣлалъ зло, а затѣмъ совратилъ графа Левенгаупта на ложный путь, чтобы такимъ образомъ легче прикрыть свои ошибки, допущенныя въ началѣ войны. Всѣ магазины, которые графъ Левенгауптъ надѣялся найти наполненными, были пусты. Будденброкъ слишкомъ поздно собралъ армію и слишкомъ поспѣшилъ переслать въ Россію декларацію о разрывѣ.

Когда генералъ-маіоръ Врангель прибылъ въ Вильманстрандъ и тамъ былъ атакованъ русскими, Будденброкъ, получивъ извѣстіе о положеніи дѣла, оставался цѣлыхъ два дня въ Кварнбюмальмъ, расчищая лѣсъ и выравнивая землю, а не воспользовался горячимъ желаніемъ людей сразиться съ непріятелемъ.

Въ своихъ обвиненияхъ, возведенныхъ на Будденброка, пасторъ Тибурціусъ совершенно неправъ. Въ 1853 г. профессоръ Гельсингфорсскаго университета Вил. Гарб. Лагусъ въ сочиненіи «Замѣтки о финской войнѣ 1741—1742 г.г.» (Anteckningar rörande 1741 och 1742 årens Finska krig) спеціально занялся изслѣдованіемъ дѣйствій Будденброка и документально доказалъ его невиновность.

Левенгаупту пасторъ Тибурціусъ еще приписываетъ слѣдующія ошибки. Главнокомандующій расположилъ всю армію около Фридрихсгама и тѣмъ изморилъ ее, вмѣсто того, чтобы размѣстить солдатъ въ Кюменьгородской губ. и Кареліи, гдѣ можно было получить все необходимое какъ для людей, такъ и лошадей. Арестъ полковника Лагеркранца, весьма любимаго и популярнаго въ арміи, вызвалъ большое негодованіе и обнаружилъ общее неудовольствіе. Левенгауптъ слишкомъ поздно собралъ армію, тогда какъ давно было извѣстно о приближеніи русскихъ силъ. Что касается защиты прохода у Мендолакса, то Тибурціусъ недоволенъ тѣмъ, что здѣсь расположили роптавшихъ финновъ, тогда какъ шведы лежали въ безопасномъ мѣстѣ за рѣкой Кюменью.

Въ Фридрихсгамѣ хотѣли взорвать пороховой погребъ и орудія; но такъ какъ погребъ взлетѣлъ раньше времени, то забыли исполнить все остальное, почему многое попало въ руки русскихъ.

За большими рѣками положеніе шведской арміи было прекрасное, но этими естественными и крѣпкими позиціями шведы не воспользовались. «Гельсингфорсъ находился за нами, а Або былъ прикрытъ. Поле было удобно для дѣйствій, на горахъ прекрасно можно было разставить орудія, но графъ приказалъ отступать», жалуется очевидецъ.

Послѣ постоянныхъ отступленій, раздраженіе людей естественно росло, шведскіе полки уменьшились благодаря болѣзнямъ, и ничего другого не оставалось сдѣлать, какъ отступать и капитулировать. У Гельсингфорса ждали атаки со стороны непріятеля, но онъ не настолько былъ глупъ,—продолжаетъ пасторъ,—чтобъ проливать кровь тамъ, гдѣ видѣлъ, что его противникъ находился уже въ тискахъ, въ которыхъ долженъ былъ погибнуть [180]).

Однако причины шведскихъ неудачъ не исчерпаны Тибурціусомъ. Онъ едва коснулся деморализаціи шведскихъ войскъ, а между тѣмъ, она являлась почти всеобщей. Приказанія часто

вовсе не исполнились и въ этомъ кроется одна изъ главныхъ причинъ шведскихъ неудачъ. Вопреки приказанію, Фребергъ оставилъ рѣдкую позицію при Мендолаксѣ. Караулы при Кельтисѣ и Аньяла, не смотря на письменное приказаніе оставаться на своихъ мѣстахъ, ушли по одному устному распоряженію полковника Фрейденфельта, не имѣвшаго, какъ было извѣстно, никакого права ими распоряжаться. Изъ Хусуля нужно было послать партію солдатъ за провіантомъ. Ихъ отправили безъ оружія въ Фридрихсгамъ, а въ лагерѣ оставили однихъ знаменщиковъ и небольшую стражу на мосту. Налетѣли казаки, и посланные дорого заплатили за свое непродолжительное удобство [181]).

Особенно велико было неповиновеніе во флотѣ.

Деморализація въ шведскихъ войскахъ была настолько велика, что нерѣдко малѣйшія случайности наводили на нихъ панику. Русскій участникъ войны, есаулъ Савва Пархомовъ, разсказываетъ, какъ на Аландскихъ островахъ, при приближеніи нашихъ галеръ, шведы бѣжали съ такой торопливостью, что не захватили съ собой зарѣзанныхъ барановъ, а кашу и горохъ вылили изъ котловъ на землю.

Другія болѣе существенныя причины шведскихъ пораженій прекрасно отмѣчены русскимъ участникомъ войны Ал. Ил. Бибиковымъ. Онъ пишетъ:

«Сія война, начатая шведами съ такимъ во всей Европѣ разглашеніемъ, что пріуготовленія для той учинены съ благоразумнымъ основаніемъ, а производимо будетъ съ чрезвычайною и стремительною силою, была съ ихъ стороны совершеннымъ противорѣчіемъ всѣмъ правиламъ и планамъ военныхъ дѣйствій. Не собравъ еще въ Финляндіи 10.000 человѣкъ, которыми бы можно было дѣйствовать, объявлена была уже война. Сей малый корпусъ не имѣлъ при себѣ ни осадной, ниже полевой артиллеріи; ибо находившагося при ономъ малаго числа полковыхъ пушекъ въ счетъ положить не можно; а магазейны ихъ такъ мало снабдены были хлѣбомъ, какъ и прочія ихъ распоряженія будто бы нарочно учинены были худо. Къ сему подлежитъ присовокупить мнимую ихъ геройскую гордость, основанную на побѣдахъ первыхъ лѣтъ владѣнія короля Карла XII и на тогдашнемъ маломъ регулярствѣ и неискуствѣ въ войнѣ Россійскихъ войскъ, вмѣсто чего приличнѣе бы имъ было воспомянуть состояніе Россійской и Шведской арміи послѣ 1709 году и до коликаго совершенства военная наука съ того времени въ Россіи достигла, а напротивъ того у шведовъ упала» [182]).

Къ довершенію всего, главнокомандующему среди войны не дали никакой власти, а при немъ учредили какой-то «уродливый военный совѣтъ», въ которомъ дѣла рѣшались по большинству голосовъ, причемъ глава арміи пользовался однимъ голосомъ, наравнѣ съ младшимъ полковникомъ. Въ совѣтѣ происходили безконечныя пренія, а иногда приходилось посылать его заключенія въ Стокгольмъ для утвержденія. Къ приходу того или другого рѣшенія, военныя обстоятельства могли существенно измѣниться. Можно-ли при такихъ условіяхъ винить армію и строго осуждать гр. Левенгаупта въ несчастномъ исходѣ кампаніи? [183]).

КАРЛЪ ЭМИЛЬ ЛЕВЕНГАУПТЪ [illegible]

Итакъ, ошибокъ допущено было много. Требовалось произвести обстоятельное и безпристрастное разслѣдованіе дѣла, но тутъ власти заспорили между собой. Дворяне желали, чтобъ всѣ военные вопросы были разслѣдованы и рѣшены законнымъ генеральнымъ военнымъ судомъ, учрежденнымъ Его Королевскимъ Величествомъ. Не смотря на это, организована была комиссія изъ государственныхъ членовъ риксдага (ständernas commission). Это произошло вслѣдствіе упрямства низшихъ сословій, особенно крестьянъ; они заставили на этотъ разъ дворянъ соображаться съ своими желаніями. Какъ крестьяне, такъ и горожане риксдага постановили, чтобы комиссія, составленная изъ представителей отъ всѣхъ четырехъ сословій, по принесеніи судейской присяги, разслѣдовала всѣ обстоятельства веденія войны. Представители духовенства на риксдагѣ находили достаточнымъ, чтобы депутаты каждаго сословія лишь присутствовали на совѣщаніяхъ военнаго суда. Рѣшеніе крестьянъ и горожанъ, очевидно, основывалось на недовѣріи къ дворянамъ, т. е. къ сословію, къ которому принадлежали всѣ члены военнаго суда, и которые поэтому могли скрыть истину, ради спасенія виновныхъ. Левенгауптъ и его друзья требовали, чтобы разслѣдованы были не только военныя операціи, но и политическая сторона событій, стоявшая въ прямой связи съ ходомъ военныхъ дѣйствій.

Слѣдствіе по дѣлу Левенгаупта производилось быстро и непрерывно, но едва ли можно сказать, что оно было безпристрастно. Члены комиссіи принялись за дѣло съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ. Кромѣ того, они оказались подъ воздѣйствіемъ депутаціи, присланныхъ изъ провинціи и настаивавшихъ на скорѣйшемъ наказаніи генераловъ, иначе крестьяне грозили не отпускать въ походъ оставшихся дома солдатъ. При такихъ условіяхъ мало было надежды на то, что разслѣдованіе чрезвычайнаго политическаго суда окажется безпристрастнымъ.

Противъ Будденброка негодованіе, повидимому, было сильнѣе, чѣмъ противъ Левенгаупта, не смотря на то, что онъ, въ качествѣ главнокомандующаго, много заботился о войскахъ, своимъ голосомъ въ военныхъ совѣтахъ отклонялъ постыдныя отступленія и совѣтывалъ мужественную оборону.—Ему поставили въ вину несчастіе при Вильманстрандѣ, которое его собственно и погубило. Полки, участвовавшіе въ этомъ сраженіи, считали, что онъ бросилъ ихъ въ жертву врагамъ, и шведы, кромѣ того, повѣрили въ самые ложные слухи о предательскихъ его сношеніяхъ съ непріятеломъ. Даже Тибурціусъ утверждалъ, что онъ переписывался съ Будденброкомъ—начальникомъ Выборга, тогда какъ въ этомъ городѣ никакого Будденброка не существовало. Врангель былъ болѣе Будденброка виновенъ въ пораженіи, но храбрость на полѣ сраженія сдѣлала его предметомъ общаго почитанія. Такимъ образомъ составилось общественное мнѣніе, которое потомъ выразилось въ приговорѣ комиссіи.

Правда, что Будденброкъ былъ плохо освѣдомленъ о предпріятіяхъ русскихъ и не понялъ ихъ намѣренія, однако это не заслуживало смертной казни, какъ не заслуживала ее и попытка генерала защитить Вильманстрандъ и Фридрихсгамъ. Повторенное въ смертномъ приговорѣ утвержденіе, что онъ своими представленіями зимою 1740—1741 г.г. способствовалъ объявленію войны, являлось совершенно несправедливымъ, но этому вѣрили только вслѣдствіе того, что онъ принималъ участіе въ военныхъ приготовленіяхъ на риксдагѣ 1739 г.

13 мая 1743 г. въ комиссіи производилось голосованіе о виновности Будденброка; большинство членовъ признало его заслуживающимъ лишенія жизни, чести и имущества. Будденброка казнили. Онъ мужественно встрѣтилъ смерть. Рѣшеніе судьбы Левенгаупта нѣсколько затянулось; приговоръ о немъ состоялся только 20 іюня потому, что друзья дали ему возмож-

ность убѣжать изъ заключенія. Но при переправѣ изъ Швеціи въ Германію онъ былъ задержанъ. Мотивы этого приговора были болѣе основательны.—Нельзя было отвергнуть, что Левенгауптъ «добровольно покинулъ крѣпость, проходы, страну и города»; но за то его попытка возложить часть отвѣтственности на начальниковъ флота и членовъ созванныхъ имъ военныхъ совѣтовъ заслуживала болѣе вниманія, чѣмъ она удостоилась. Левенгауптъ старался показать, что ходъ кампаніи въ значительной мѣрѣ опредѣлялся движеніями флотовъ, и что ихъ начальники не слѣдовали его приказаніямъ.

И Будденброкъ, и Левенгауптъ во многомъ провинились, но тѣмъ не менѣе они пали жертвою, главнымъ образомъ, установившагося тогда въ Швеціи дурного режима. Королевство сдѣлалось добычею политическихъ партій, каждый отдѣльный членъ которыхъ слѣдовалъ лишь своему произволу и своему тщеславію, какъ справедливо отмѣтилъ современникъ, графъ Хордъ. Члены провинившихся партій творили судъ надъ несчастными военачальниками.

Рѣшеніе комиссіи поэтому никого не удовлетворяетъ. Нѣтъ историка, который призналъ бы ея приговоръ правильнымъ. Она дѣйствовала явно лицепріятно. Она оправдала, напримѣръ, полковника Лагеркранца, трусливое мнѣніе котораго остается неизгладимымъ пятномъ въ совѣщаніи 1 марта 1742 г. Изъ его писемъ вытекаетъ, кромѣ того, что онъ за пенсію одновременно продался разнымъ партіямъ [184]).

Едва ли также можно вполнѣ согласиться съ выводами комиссіи о поведеніи финновъ. Въ числѣ протоколовъ комиссіи имѣется одинъ—отъ 9 іюля 1743 г.,—въ которомъ разсматривается поведеніе финскихъ войскъ и «финской» націи. Главными обвинителями финновъ во время разслѣдованія были графъ Левенгауптъ, генералъ Дидронъ и др. Когда неблагопріятные отзывы ихъ сдѣлались извѣстными путемъ печати, отдѣльныя лица и разныя депутаціи изъ Финляндіи выступили съ живѣйшими протестами. Въ Швеціи тогда рѣдко было слышно о «финской націи», но обстоятельства времени придали значеніе ея возраженіямъ и «признано было за лучшее,—какъ пишетъ Топеліусъ,—въ періодъ неспокойствія столькихъ элементовъ не раздражать противъ себя чувство чести финновъ. Въ этомъ указаніи—ключъ къ уразумѣнію снисходительныхъ выводовъ комиссіи о финнахъ и слабости ея мотивовъ.

Въ протоколѣ говорится, что никто не обвинялъ финскую націю въ нахожденіи «подъ вліяніемъ русскаго манифеста, и если случались неудовольствія въ финскихъ полкахъ, то причина ихъ кроется въ постоянныхъ отступленіяхъ арміи, разобщившей ихъ со своими домами; ихъ негодованіе, проявленное въ Фридрихсгамѣ, вытекало изъ предложенія оставить тамъ 500 финновъ не для того, чтобы сражаться, а чтобъ капитулировать. Комиссія изъ свидѣтельскихъ показаній, данныхъ подъ присягой, а также другими способами вполнѣ узнала, что рядовые и крестьяне въ странѣ по собственному побужденію предлагали сопротивляться непріятелю, и исполнили это на дѣлѣ, да кромѣ того охотно замѣняли ушедшихъ изъ полковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти полки были употреблены для самыхъ трудныхъ командировокъ и показывали полное желаніе стоять до послѣдняго человѣка, вплоть до того времени, когда шведская военная сила, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ, вызванныхъ ея начальниками, принуждена была капитулировать и очистить страну. Все это ясно показываетъ, что финская нація, какъ достохвальная и почтенная, не только въ послѣднюю войну, но и всегда прежде, оказывала постоянное усердіе, послушаніе и вѣрность шведской коронѣ, и бывшіе высокохвальные монархи, даже при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ и военныхъ тягостяхъ милостиво почитали мужество, неустрашимую храбрость и вѣрность этой націи и употребляли ее въ славнѣйшихъ побѣдахъ; въ виду сего, комиссія государственныхъ чиновъ находитъ, что никакого подозрѣнія относительно упомянутой финской націи не можетъ быть допущено, и тѣмъ менѣе мнѣніе бывшаго генерала Левенгаупта или кого либо другого должно умалить честь и добрыя свойства, коими упомянутая нація по настоящее время заслужила признательность Шведскаго государства» [185]).

Графъ П. П. Ласси дешево пожиналъ обильные лавры. Ему достался слабый противникъ и счастье сопровождало его начинанія. Въ очеркѣ Тибурція приведена своеобразная бесѣда, которую онъ велъ съ пасторомъ Бузовымъ передъ самымъ отъѣздомъ изъ Гельсингфорса, послѣ капитуляціи шведской арміи. Въ бесѣдѣ сдѣлана попытка общей оцѣнки кампаніи.

«За два часа до моего ухода на корабль,—пишетъ Тибурціусъ,—я былъ у шведскаго штабъ-пастора Убеккель, у котораго находился пасторъ (русскаго) генерала Левендаля, нѣкто Бузовъ (Buzou), уроженецъ Карлскроны, долго проживавшій въ Швеціи и потому

хорошо владѣлъ ея языкомъ. Съ нимъ я имѣлъ продолжительный и удивительный разговоръ, найдя въ немъ разумнаго, набожнаго и честнаго человѣка. Вздыхая, онъ прохаживался по комнатѣ и наконецъ спросилъ меня, почему мы убѣжали, и неужели шведы такъ трусятъ? Я отвѣтилъ, что никакой боязни нѣтъ, что люди, напротивъ, очень недовольны тѣмъ, что имъ не дали возможности сразиться, но, вѣроятно, генералы имѣютъ на то свои тайныя причины. Затѣмъ онъ спросилъ меня, извѣстно ли мнѣ, или знаютъ ли наши войска, насколько сильна русская армія? Думаю, отвѣтилъ я, что она едва ли сильнѣе нашей. Тогда онъ увѣрилъ меня, что въ ней находилось не болѣе 14.000 человѣкъ, и что русскіе очень опасались пораженія. Среди нихъ происходило соревнованіе и у Мендолакса они готовы были пожертвовать всей своей гвардіей. Большинство было недовольно правительствомъ и генералы, въ началѣ похода, находились въ опасности въ собственныхъ палаткахъ. Далѣе Бузовъ разсказывалъ, что русскіе изъ опасенія четыре раза отсылали назадъ свои подводы, когда мы показывали видъ, что намѣрены противиться. Онъ также говорилъ, что генералъ Ласси получилъ приказаніе отъ своего двора идти только къ Фридрихсгаму, или если счастье улыбнется, не далѣе Гегфорса. Я спросилъ: почему же генералъ, не смотря на приказаніе, пошелъ дальше? Онъ отвѣтилъ: когда мы пришли въ Фридрихсгамъ, то нашли тамъ несожженнымъ вашъ почтамтъ, а въ немъ много писемъ, предназначенныхъ къ отправкѣ въ Стокгольмъ и другія мѣстности королевства. Эту неотправленную почту отнесли къ генералу Ласси и въ ней находилось письмо, написанное нѣкимъ Лагеркранцемъ на вашей галерной флотиліи къ своей женѣ. Письмо вложено было въ конвертъ, адресованный къ почтмейстеру въ Фридрихсгамѣ, съ слѣдующимъ содержаніемъ: Такъ какъ времена теперь таковы, что нельзя писать правду, то я адресую его къ вамъ, какъ къ другу, который озаботится его вѣрной доставкой. Содержаніе письма было приблизительно слѣдующее: Мы живемъ въ жалкое время и имѣемъ плохихъ генераловъ, глупыхъ головъ, которые несправедливы къ хорошимъ и отважнымъ людямъ, назначаютъ офицерами конюховъ и мальчишекъ, и никогда не думаютъ о защитѣ страны, а когда приближается непріятель, то не противятся ему, такъ дойдутъ до самаго Гельсингфорса, а оттуда моремъ убѣгутъ въ Швецію и т. д. Это письмо отослали въ Москву и оттуда получено было приказаніе завершить дѣло. Онъ

(Бузовъ) еще прибавилъ: это письмо вы найдете распубликованнымъ во всѣхъ газетахъ, когда вернетесь домой».

Я спросилъ, какъ русскіе относятся къ смерти Краснощекова? «Они рады, что избавились отъ такого тирана».

«Капитанъ Древтельнъ подтвердилъ разсказъ Бузова, относительно письма Лагеркранца и сказалъ, что самъ видѣлъ это письмо. Онъ еще прибавилъ, что русскіе во всѣхъ лагерныхъ мѣстахъ, покинутыхъ нами, находили большія пачки съ извѣстіями о шведской арміи и изъ нихъ почерпнули полезныя свѣдѣнія о ея силѣ и положеніи [186]).

Бузовъ ужъ очень просто объяснилъ весь успѣхъ графа Ласси. Съ русской стороны проявлено было болѣе предусмотрительности и труда, чѣмъ это представилось духовнику нашего генерала. Русскій флотъ пришелъ въ большой упадокъ, но армія обладала хорошими боевыми качествами. Если русскому правительству и гр. Ласси было относительно легко дѣйствовать въ Финляндіи, то не объясняется ли это тѣмъ, что лишь за нѣсколько десятилѣтій до нихъ въ краѣ воевалъ Петръ Великій. Его уроками, вѣроятно, воспользовались теперь главные дѣятели войны 1741—1742 г.г. Задатки успѣха имѣлись какъ у полководца, такъ и у арміи: Ласси былъ извѣстенъ своей энергіей, распорядительностью и заботливостью о войскѣ, а войско это, будучи вполнѣ національнымъ, отличалось сплоченностью и хорошимъ снаряженіемъ.

VI.

Манифестъ 1742 г.

Вражда шведскихъ политическихъ партій ослѣпляла ихъ членовъ: для торжества своихъ видовъ и плановъ, часто узко эгоистическихъ, они готовы были жертвовать всѣмъ. Благодаря рѣзкой партійности, риксдагъ давно уже превратился въ ярмарку. «Всѣ торгуются,—писалъ еще въ 1726 г. нашъ чрезвычайный посолъ Долгорукій,—и одинъ про другого разсказываетъ, кому что дано: только смотрятъ, чтобы на судѣ нельзя было изобличить, ибо наказаніе—смертная казнь». Деньги—главный двигатель: золотомъ устанавливались рѣшенія риксдага. Этимъ-же оружіемъ велась борьба Франціи съ Россіей въ Стокгольмѣ.

Въ 1741 г. на политическихъ вѣсахъ Швеціи перетянуло французское золото. Франція прилагала всѣ старанія, чтобы побудить шляпъ къ войнѣ съ Россіей. «Наши друзья»—шапки, желая отомстить своимъ политическимъ противникамъ, стали спекулировать Финляндіей. «Шапки того мнѣнія,—значится въ депешѣ графа Бестужева отъ 5 марта,—что если иныя средства не помогутъ, нужно обезкуражить противниковъ отнятіемъ Финляндіи». Если дѣло дойдетъ до вмѣшательства другихъ державъ, то русское правительство можетъ объявить о своей готовности возвратить Финляндію, когда получитъ удовлетвореніе отъ шведскаго министерства и будетъ имѣть гарантію безопасности за будущее.—Члены шведской оппозиціи совѣтовали занять Финляндію русскими войсками; по прошествіи года,—говорили они,—легко будетъ овладѣть краемъ, такъ какъ населеніе, утомленное шведскими притѣсненіями, охотно покорится господству Россіи.—Шапки мирились съ мыслью, что потеряннаго по миру въ Ништадѣ не возвратить, да и вся остальная Финляндія рано или поздно перейдетъ могущественному сосѣду. По словамъ М. Бестужева, «добрые шведскіе патріоты» совершенно предоставляютъ усмотрѣнію

руского правительства, покорить Финляндію или оставить ее Швеціи.

Если «шапки,—утверждаетъ современный финляндскій историкъ Р. Даніельсонъ,—руководились подобными мыслями для достиженія мира съ Россіей, то они безупречны; но если они содѣйствовали отдѣленію Финляндіи отъ Швеціи только въ цѣляхъ пораженія своихъ противниковъ, то они не только измѣнники, но вмѣстѣ съ тѣмъ,—насколько это зависѣло отъ нихъ—они признавали за финскимъ народомъ право отказаться отъ соединенія со Швеціей и идти своей особой дорогой» [187]).

Но и господствовавшая шведская партія шляпъ не была озабочена судьбой Финляндіи: съ одной стороны она жила надеждой на возвращеніе завоеваній Петра Великаго, а съ другой—находила потерю или разореніе всей Финляндіи для Швеціи несущественной.

Все это учитывалъ гр. М. Бестужевъ. Онъ вѣрилъ шапкамъ. Еще лѣтомъ 1740 г. онъ,—очевидно съ ихъ же словъ,—упоминалъ о замѣченномъ большомъ недовольствѣ среди финновъ и утверждалъ, что они готовы перейти къ рускимъ, если начнется война. Въ слѣдующемъ году—въ донесеніи изъ Гамбурга—онъ высказалъ надежду на внутренніе безпорядки Швеціи, вслѣдствіе тайнаго недовольства, которое особенно велико въ Финляндіи. Послѣднія свѣдѣнія, вѣроятно, сообщены были Бестужеву Акселемъ Гюлленшерна, служившимъ въ Финляндіи.

Когда руское правительство поручило Бестужеву образовать въ Стокгольмѣ столь сильную рускую партію, чтобъ шведская политика не могла причинить Россіи опасности, то онъ отвѣтилъ, что ненависть къ Россіи такъ велика, что этого невозможно сдѣлать, и что въ Петербургѣ нельзя обезопасить себя со стороны Швеціи иначе, какъ установивъ «естественныя границы между обоими государствами у Sinus Botnicus».

«Конечно,—заявляетъ проф. Даніельсонъ,—недовольство въ Финляндіи было значительное.—Оно происходило отъ тягости приготовленія къ войнѣ и отъ причинъ національныхъ. Шведскій языкъ оставался офиціальнымъ и книжнымъ языкомъ края. Швеція поставляла должностныхъ лицъ для администраціи Финляндіи. На каждомъ почти риксдагѣ представители Финляндіи просили правительство назначать на судебныя и другія должности лицъ, знакомыхъ съ финскимъ языкомъ. Королевское постановленіе 16 марта 1739 года осторожно допускало исполненія этого

условія, но практика оставалась прежней, ибо, несомнѣнно, что правительство имѣло въ виду превращеніе Финляндіи въ чисто шведскую провинцію. Финляндскіе города много терпѣли вслѣдствіе торговой политики Швеціи, особенно въ началѣ періода свободы. Тайный комитетъ въ 1738 г. воспретилъ финнамъ употребленіе слово «нація», дабы между Швеціей и Финляндіей не было никакой разницы, такъ какъ жители ихъ составляютъ одинъ и тотъ-же народъ и имѣютъ одни и тѣ-же законы и устройства. Несомнѣнно также, что подобное запрещеніе косвенно свидѣтельствуетъ о пробужденіи у финновъ того времени національнаго чувства и о наличности тревоги у правительства, при обозначившемся различіи народностей въ государствѣ. Финны были чужды шведамъ по происхожденію и по языку. Географическое положеніе также мѣшало полному слiянію Финляндіи со Швеціей. Въ той постоянной борьбѣ, которую Швеція вела вмѣстѣ съ Финляндіей противъ Россіи, финны неизбѣжно почувствовали, что они составляютъ извѣстную политическую силу и это тѣмъ болѣе, что шведы нерѣдко бросали ихъ на произволъ судьбы, вызывали ихъ партизанскія дѣйствія, или давали имъ возможность формировать свои особые финскіе отряды и отдѣльныя ополченія. Все это не прошло безслѣдно въ дѣлѣ пробужденія народнаго самосознанія.

«И дѣйствительно, — пишетъ критикъ труда профессора Даніельсона,—потеря Финляндіи не составляла для Швеціи худшаго изъ золъ: это доказалъ расцвѣтъ края послѣ 1809 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ потеря Финляндіи служитъ доказательствомъ, какъ слабо были связаны между собою оба народа въ теченіе пяти столѣтій [188]).

Искры недовольства и во время войны 1741—1742 г.г. зловѣще сверкали то здѣсь, то тамъ. Война вновь главной своей тяжестью обрушилась на Финляндію, и населеніе, гдѣ могло, не скрывало своего чувства. Въ запискахъ современниковъ нерѣдко сквозитъ недоброжелательное отношеніе финновъ къ шведскимъ властямъ и шведскому пришлому войску.

«Въ началѣ кампаніи назначенъ былъ постой въ Гельсингфорсѣ, —читаемъ у пастора Тибурціуса. Горожане не оказались благосклонными. Наконецъ, офицеры и священникъ получили обѣдъ за 2 далера у гражданина Т., однако хозяинъ угостилъ ихъ больше ругательствами, чѣмъ ѣдой: въ страшныхъ выраженіяхъ онъ заявилъ особенное неудовольствіе противъ короля и государственныхъ чиновъ, объявившихъ войну».

«Недалеко отъ Гельсингфорса офицеры съ нѣсколькими солдатами укрылись отъ непогоды въ харчевнѣ, чтобъ немного обсушиться у большой печи; въ это время нѣкоторые изъ офицерскихъ денщиковъ, сопровождавшихъ ихъ изъ Гельсингфорса, взяли за плату немного сѣна въ пасторскомъ домѣ, напротивъ харчевни. Это раздражило населеніе и, несмотря на то, что подполковникъ приказалъ заплатить за все, посѣтители харчевни (krögarfolket) разразились ругательствами, въ которыхъ сказалось ихъ настроеніе. Да, они говорили, что готовы лучше помогать русскимъ, чѣмъ намъ, шведамъ. Удивленный подобной выходкой, я сказалъ: не можетъ быть, чтобы вы серьезно утверждали это, потому что ранѣе, въ петровскую войну, находившіеся здѣсь русскіе жгли, умерщвляли и страшно безобразничали, чего шведы, какъ ваши братья, не могутъ и не желаютъ сдѣлать. На это они съ горечью отвѣчали: «Тому виноваты были шведскіе сиссары, партизаны, сами же русскіе—хорошій народъ».

«22 сентября назначено было выступленіе, но мы, -продолжаетъ свой разсказъ шведскій пасторъ, — принуждены были остаться на мѣстѣ, потому что привезшіе насъ крестьяне, сбѣжали, а новыхъ почтовыхъ лошадей не выслали. Нельзя было найти ни одного земскаго полицейскаго; всѣ они скрылись въ лѣсахъ, а причиной тому была, какъ говорили Остъ и Вестъготская кавалерія, которая проходя здѣсь, била земскую полицію.

«Рано утромъ 23 сентября командировали мы солдатъ за лошадьми; въ лѣсу они нашли большое число лошадей и телѣгъ; открыли ихъ захваченные крестьяне, почему въ 9 часовъ мы были въ состояніи выступить и во время прибыли въ Борго, въ $2^1/_2$ миляхъ отъ Сиббо. Борго—довольно красивый городъ, но что особенно обрадовало насъ, такъ это то, что мы въ немъ нашли чрезвычайно хорошій народъ и честныхъ шведовъ. Здѣсь опять начались недоразумѣнія изъ за лошадей; старыхъ почтовыхъ лошадей болѣе не оказалось, а тѣхъ, которыя привели, квартирмейстеръ Лейбъ-Гвардейскаго полка силою отнялъ у ленсмана, да еще вдобавокъ выругалъ его» [189]).

Судебное разслѣдованіе по дѣлу ген. Дидрона установило, что его поваръ запрегъ въ возъ содержателя станціи въ мѣстечкѣ Мёрскомъ [190]).

Подобныя отношенія истекали отчасти изъ общаго недовольства финновъ войною, отчасти изъ народнаго антагонизма. Недовольство войной, особенно въ первое время, являлось всеоб-

щимъ среди населенія Финляндіи. Объ этомъ недовольствѣ финновъ шведское правительство, конечно, знало, такъ какъ жители не скрывали своихъ чувствъ. Нѣкоторыя финляндскія семейства бѣжали въ Стокгольмъ, гдѣ, какъ пишетъ Н. Тенгбергъ,—«говорили, что многіе финны готовы были промѣнять шведскій скипетръ на русскій». «Во время войны, читаемъ у того же изслѣдователя кампаніи 1741—1742 г.г., шведскимъ генераламъ трудно было получить необходимыя свѣдѣнія, тогда какъ русскимъ, сказывали, извѣстно было, благодаря крестьянамъ малѣйшія движенія шведской арміи». Другіе писатели прибавляютъ, что лучшія свѣдѣнія гр. Ласси получалъ отъ выборгскихъ гражданъ, которые, имѣя родственниковъ въ остальной Финляндіи, сносились со всѣми ея городами [191].

Н. Тенгбергъ высказываетъ предположеніе, что часть лагеря при Мартилла была сожжена и ограблена мѣстными крестьянами. О настроеніи населенія даетъ, наконецъ, весьма опредѣленное представленіе тотъ фактъ, что крестьяне въ тылу арміи, у Абборфорса, покушались сжечь мостъ, чтобы такимъ способомъ воспрепятствовать отступленію и принудить шведскую армію къ принятію боя [192]. Шведъ бросалъ чужія поля, финнъ терялъ родной пріютъ и отчій домъ.

Отношенія между финскими и шведскими войсками, также заставляли желать значительныхъ улучшеній. Эпизодъ, отмѣченный въ запискахъ Тибурціуса, въ данномъ случаѣ довольно поучителенъ. Одинъ изъ словоохотливыхъ офицеровъ финскаго полка, зная, что разговариваетъ съ пасторомъ шведской гвардіи, насмѣшливо отзывался о ней, и когда пасторъ долѣе не пожелалъ слушать его обидныхъ словъ и собирался уйти, офицеръ прибавилъ: могу сказать о гвардіи, какъ генералъ Дюрингъ выразился о своей невѣстѣ: Werf sie hinter meina-- sie ist nicht nüts [193].

Подобныя воззрѣнія неизбѣжно должны были мѣшать тѣсному и искреннему братству по оружію. Тормозило его, конечно, и поведеніе финскихъ воинскихъ частей во время этой войны. Медленно они собирались въ походъ изъ своихъ рутъ и рустгальтовъ. При Вильманстрандѣ они первыми покинули поле сраженія; подъ Фридрихсгамомъ роптали, по поводу возложенной на нихъ службы, находя, что она неравномѣрно распредѣляется между финскими и шведскими частями. Недовольные распоряженіемъ начальства,—большинство котораго происходило изъ шведовъ,—финскіе солдаты бросали ружья и разбѣгались по своимъ домамъ. Бѣгство ихъ

настолько развилось, что въ одинъ день изъ Нюландскаго полка дезертировало 31 человѣкъ. Иногда они сказывались больными, но болѣзнь ихъ была особаго рода: въ полной амуниціи они шли къ лодкамъ и отправлялись въ Гельсингфорсъ, или же, купивъ вина во флотѣ, напивались до пьяна и начинали рубить другъ друга. Наконецъ, подъ Гельсингфорсомъ финскіе полки отдѣляются отъ шведскихъ, приходятъ въ русскій лагерь и принимаютъ присягу. Имѣя передъ собою рядъ подобныхъ фактовъ, шведскій историкъ Н. Тенгбергъ вынужденъ былъ признать, что «поведеніе финскихъ полковъ у Вильманстранда, во время отступленія и при капитуляціи въ Гельсингфорсѣ не очень-то свидѣтельствовало о любви къ шведскимъ знаменамъ» [194]).

Всѣ указанныя отношенія имѣли свои корни въ прошломъ и не могли народиться въ одинъ день или въ теченіе одной кампаніи. Тутъ, очевидно, сводились старые счеты, разряжалось накопленное ранѣе недоразумѣніе.

Истинныя отношенія финновъ къ шведамъ, особенно въ періоды войнъ, не составляли тайны для русскаго правительства, и оно учитывало ихъ при своихъ политическихъ ходахъ и мѣропріятіяхъ военнаго времени.

Итакъ, съ одной стороны въ Финляндіи распространялось сознаніе, что она «оплотъ» шведскаго королевства, а съ другой— особенно послѣ несчастныхъ войнъ, когда финское населеніе оставлялось стокгольмскимъ правительствомъ безъ всякой военной поддержки, все болѣе и болѣе углублялись борозды національнаго недовѣрія и недовольствія. Съ теченіемъ времени шведы и финляндцы поняли, что между ними лежитъ не только Ботническій заливъ, но и нѣчто иное. Финны считали себя преданными шведскимъ королямъ, но въ то же время и угнетенными тѣмъ правительствомъ, ради котораго они жертвовали своей кровью....

Припомнимъ еще, что Левенгауптъ, перейдя границу и надѣясь приблизиться къ воротамъ столицы Имперіи, пытался смутить русское населеніе своими воззваніями, старался воздвигнуть между народомъ и властью возможное средостѣніе. Принявъ во вниманіе это обстоятельство, а также имѣя въ виду донесенія М. Бестужева изъ Стокгольма и указанныя отношенія финновъ къ шведамъ, Императрица Елизавета Петровна признала полезнымъ отвѣтить на воззваніе—воззваніемъ. Такимъ образомъ появился манифестъ 1742 года.

«Мы, Божіею милостію, Елисавета Первая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

«Объявляемъ симъ всѣмъ и каждому, а особенно государственнымъ чинамъ и жителямъ Княжества Финляндскаго.

«На какихъ несправедливыхъ основаніяхъ настоящая война уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ была замышляема Швеціею противъ Россіи, и наконецъ объявлена, и начата сею Короною, про то достаточно извѣстно всему свѣту, и легко поймутъ даже и всѣ тѣ шведскіе подданные, которые не совсѣмъ отказались отъ размышленія и внемлятъ голосу здраваго смысла. Почему и было бы совершенно излишнее распространяться здѣсь обо всемъ этомъ, такъ какъ самый ходъ войны, и видимое благословеніе Божіе, которое съ самаго начала даровано Господомъ русскому оружію, уже ясно доказали, что Богъ никогда не посылаетъ своего покровительства неправому предпріятію, и въ несправедливо начатой борьбѣ и раздорѣ ниспосылаетъ свою Божественную помощь только правому.

«Мы, при вступленіи Нашемъ на Нашъ отеческій Всероссійскій престолъ какъ по искреннему нашему желанію жить въ мирѣ и согласіи съ Нашими сосѣдями, и утвержденіемъ внутренняго и внѣшняго спокойствія привести Нашихъ подданныхъ въ болѣе и болѣе благоденственное и цвѣтущее состояніе; такъ и особенно по благорасположенію, которое Мы всегда питали къ граничащему съ Россіей Шведскому Государству и его жителямъ, не мало соболѣзновали о сей продолжительной войнѣ и о бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ вслѣдствіе того подданными обѣихъ странъ, такожде и о великомъ кровопролитіи; почему Нами усердно и употреблены были всѣ во власти Нашей находящіяся средства, чтобы прекратить эту войну и Богу противныя безполезныя распри, и возобновленіемъ мира возстановить прежнюю дружбу и утвердить, на прочныхъ основаніяхъ, всеобщую безопасность. Таковыя Наши искреннія намѣренія и доброжелательную готовность возможно содѣйствовать сему полезному дѣлу Мы всячески старались ясно доказать всевозможными со стороны Нашей уступками; прекратили на значительное время военныя операціи въ минуту самыхъ блистательныхъ успѣховъ Нашего оружія, и въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ напрасно ожидали мирныхъ предложеній со стороны Швеціи, оказывая между тѣмъ шведскимъ подданнымъ, при всякомъ встрѣчающемся случаѣ, всевозможную дружбу и всякія услуги, и дѣлая, однимъ словомъ, все, что могло служить къ возстановленію мира, въ надеждѣ, что сіи доказательства Нашихъ дружелюбныхъ намѣреній побудятъ

шведскую корону платить Намъ тѣмъ же, и наконецъ, черезъ совокупныя дѣйствія, и искреннее желаніе мира, можно будетъ во-время остановить дальнѣйшее распространеніе пагубныхъ бѣдствій, разореніе странъ и мирныхъ жителей, и всего прочаго, отъ войны происходящаго, зла, а также возстановить Богу пріятные миръ и согласіе.

«Въ такомъ Нашемъ благосклонномъ расположеніи Мы еще болѣе утвердились тѣмъ, что намъ не безъизвѣстно, что настоящая несправедливая война начата не по общему желанію и согласію всѣхъ государственныхъ чиновъ и подданныхъ Швеціи, но что значительное число ихъ имѣло совершенно иныя мысли и чувства; что они, принявъ по сему въ должное соображеніе пагубныя послѣдствія несправедливо начатой войны, всегда гнушались поступками и замыслами тѣхъ лицъ, которыя безъ стыда и совѣсти своевольно рѣшились разорвать свято заключенный вѣчный миръ, и для частныхъ цѣлей и удовлетворенія себялюбивыхъ видовъ непростительно жертвовали общимъ счастіемъ и благосостояніемъ отечества. И какъ очень естественно, что къ числу не желавшихъ войны принадлежатъ и жители Княжества Финляндскаго, то они имѣютъ тѣмъ больше повода желать скорѣйшаго окончанія войны, ибо они сами, ихъ страна и имущество при настоящей войнѣ совершенно невинно первые подвергаются жестокимъ бѣдствіямъ, и всякаго рода разоренія и потери претерпѣвать должны. Мы же въ таковыхъ ими претерпѣваемыхъ не-несчастіяхъ, по христіанскому состраданію, тѣмъ болѣе великодушно принимаемъ участіе, что, по Нашимъ миролюбивымъ склонностямъ, не имѣемъ ни малѣйшаго желанія и намѣренія распространять Нашу власть и дѣлать новыя завоеванія, и не требуемъ отъ Швеціи ничего, кромѣ продолженія добраго согласія и мира, почему, такъ какъ сія бѣдственная война и кровопролитіе должны, вопреки Нашего желанія, еще продолжаться и Наше доброжелательство и миролюбивыя склонности не имѣли желаннаго успѣха, отчего Мы и вынуждены снова послать Нашу армію въ предѣлы Финляндіи, то Мы и находимъ теперь нужнымъ, о таковыхъ Нашихъ намѣреніяхъ, а также и томъ, что сіи Наши войска посланы туда не для того, чтобы завоевывать или занимать что-либо, объявить симъ Нашимъ манифестомъ и декларацiей всѣмъ государственнымъ членамъ и жителямъ Княжества Финляндскаго. А также, доброжелательно представивъ всѣмъ и каждому изъ нихъ собственную пользу и пользу ихъ отечества, твердо

и нерушимо обѣщаемъ, что если они во время настоящей войны будутъ держать себя мирно и покойно, не будутъ принимать никакого участія въ военныхъ операціяхъ и во всѣхъ до сего касающихся предпріятіяхъ, не позволятъ употреблять себя для враждебныхъ дѣйствій противу Насъ и Нашихъ войскъ, а также не будутъ помогать чѣмъ бы ни было шведской арміи, но свое намѣреніе жить съ Нами, какъ съ добрыми сосѣдями, въ дружбѣ и согласіи, на дѣлѣ ясно докажутъ, то въ такомъ случаѣ помянутымъ государственнымъ чинамъ и жителямъ Княжества Финляндскаго съ Нашей стороны не будетъ причинено ни малѣйшаго вреда, и что всякій не только вполнѣ будетъ продолжать покойно владѣть своимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, не будетъ терпѣть какихъ бы то ни было притѣсненій, кромѣ того, будетъ всячески пользоваться Нашей протекціей, покровительствомъ и защитой, но Мы, сверхъ того, по Нашему искреннему расположенію, и какъ Мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія и намѣренія присваивать себѣ даже и шагу чужой земли, охотно дозволимъ и всячески содѣйствовать будемъ, чтобы помятое Княжество Финляндское могло достичь своей цѣли, если пожелаетъ освободиться отъ владычества Швеціи, чтобы ему и впредь, какъ въ настоящее время, чрезъ эгоистическіе виды нѣсколькихъ лицъ, не подвергаться опасностямъ губительной войны и первымъ бѣдствіямъ оной, и если оно захочетъ, какъ свободное и ни отъ кого не зависящее государство быть подъ собственнымъ, избраннымъ самими финляндцами правленіемъ, пользуясь всѣми къ тому относящимися правами, привилегіями и льготами, которыя, для ихъ собственной пользы и твердаго основанія ихъ независимости, будутъ ими признаны нужными и полезными, то Мы имъ, для защиты и охраненія таковыхъ ихъ новыхъ учрежденій, во всѣхъ случаяхъ, и когда только встрѣтится нужда, Нашимъ войскамъ усердно помогать будемъ, посылая имъ его, когда и сколько потребуется; а также и въ прочихъ ихъ просьбахъ, относящихся до всего могущаго содѣйствовать таковымъ ихъ намѣреніямъ, съ которыми они найдутъ нужнымъ обратиться къ намъ, обѣщаемъ охотно и съ милостивою благосклонностію помогать и содѣйствовать.

«Такимъ образомъ и чрезъ сіе средство Финляндія, когда она вышеупомянутымъ путемъ будетъ имѣть собственные законы и свой образъ правленія, сдѣлается границею и преградою между русскими и шведскими границами, чрезъ что именно и уничто-

жатся всѣ безпокойства и опасенія, которыя Швеціи причиняетъ близкое сосѣдство Русскаго Государства; почему и сама сія Корона, по справедливости, и если она дѣйствительно желаетъ впредь сохранять дружбу и доброе согласіе съ Россіею, не можетъ найти ничего дурнаго въ ономъ предложеніи.

«Впрочемъ Мы, съ Нашей стороны, для большаго удостовѣренія государственныхъ чиновъ Княжества Финляндскаго въ томъ, что всемилостивѣйше данное Нами имъ обѣщаніе свято соблюдено и исполнено будетъ, готовы завѣрить его самыми формальными удостовѣреніями и положительными доказательствами, какія они только сами пожелаютъ. Но если же, вопреки всѣмъ справедливымъ ожиданіямъ, сіе Наше доброе расположеніе и благое намѣрѣніе не будетъ съ готовностью принято Княжествомъ Финляндскимъ, и жители онаго, изъ неумѣстнаго упрямства, станутъ при настоящей войнѣ враждебно дѣйствовать противу Насъ и Нашихъ войскъ, и будутъ чѣмъ бы то ни было помогать шведской арміи, то Мы, хотя и противу Нашего желанія и склонности, будемъ вынуждены приказать разорить эту страну огнемъ и мечемъ. О чемъ Мы для надлежащаго свѣдѣнія и руководства всѣхъ и каждаго чрезъ сей Нашъ манифестъ опубликовать приказали.

«Данъ въ Москвѣ 18-го марта 1742 года [195]).

«ЕЛИСАВЕТЪ».

Препровождая этотъ манифестъ къ своему главнокомандующему, Императрица писала: «Понеже мы причину имѣемъ уповать, что чины и обыватели Герцогства Финляндскаго въ продолженіе нынѣшней войны, будучи они первые такому великому разоренію и опустошенію подвержены, не охотно видѣть и для того къ принятію тѣхъ способовъ, чрезъ которые отъ такого бѣдства и притерпѣнія освобождены быть могутъ иногда еще склонны будутъ. А шведы чрезъ такое финляндцевъ отъ нихъ отступленіе безъ сомнѣнія не мало отревожены быть могли-бъ, того ради мы не безполезно быть разсудимы, что, при нынѣшнемъ вновь выступленіи войскъ нашихъ въ Финляндію, тамо въ народѣ нѣкоторый манифестъ опубликовать, и черезъ оный тамошнихъ обывателей о нашей протекціи и благоволеніи, ежели отъ шведскаго подданства освободиться и въ непріятельскихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ противъ насъ никакого участія не взять, но въ тихости и въ покоѣ себя удержать хотятъ,—обнадеживать. Мы оный манифестъ здѣсь сочинили въ такой силѣ какъ (слово

неразборчиво) приложеннаго при семъ экземпляра купно съ переводомъ, усмотрите, вы имѣете приказать оный манифестъ въ С.-Петербургѣ на шведскій и финляндскій языкъ, къ чему иногда полицимейстерской канцеляріи совѣтникъ Гехтъ, да сенатскій секретарь Кронъ, или кого вы еще къ тому за способнаго найдете употребленъ быть можетъ,—перевесть, потомъ какъ на сихъ двухъ языкахъ, такъ и на нѣмецкомъ по приложенному при семъ переводу при Академіи Наукъ тайно напечатать. И напечатанные экземпляры черезъ приличные и удобные по вашему разсмотрѣнію и старательству способы надлежащимъ образомъ въ шведской Финляндіи между обывателями также при шведской арміи обнародить и публиковать. Вы сами наилучше знаете, какимъ образомъ въ томъ поступить и какіе въ томъ способы употреблять и для того произведенія того дѣла вашему попеченію рекомендуемъ, а ежели сей манифестъ желаемо дѣйство возымѣетъ и финляндцы на учиненное имъ предложеніе поступая къ Вамъ съ какими требованіями отзовутся, то вы по обстоятельствамъ дѣла и по усмотрѣнію истиннаго имъ въ томъ намѣренія всякое потребное защищеніе и вспомоществованіе во всемъ, ежели къ наилучшему полученію нашего при томъ намѣренія служить можетъ имъ показывать, а при томъ сюда и къ намъ обо всемъ происходящемъ всегда доносить имѣете, еже всѣ наипаче вашему радѣтельному распоряженію и доброму искусству передаемъ. И токмо сіе еще прибавить имѣемъ, что сіе дѣло до времени и до воспослѣдуемой публикаціи какъ собой разумѣется, въ тайнѣ содержано, слѣдовательно при переводѣ и напечатаніи онаго манифеста потому же поступлено быть имѣетъ, и Мы пребываемъ вамъ впрочемъ Императорской милостью благосклонны. Данъ въ Москвѣ марта 20 дня 1742 г. Подпись: Елизаветъ [196]).

Для правильнаго толкованія, мы привели въ дословной передачѣ два важнѣйшіе документа того времени.

Мысль объ отторженіи Финляндіи отъ Швеціи возникла, какъ мы видѣли, въ Стокгольмѣ. Ее подсказали шведы партіи шапокъ. Русское правительство, воспринявъ внушенную мысль, разсчитывало на недовольство финновъ шведскимъ режимомъ. Кромѣ того, эта мысль сама по себѣ являлась для русскихъ вполнѣ естественной. На нее наводила близость Финляндіи, которая къ тому-же географически была болѣе связана съ Россіей, чѣмъ съ Швеціей.

Коллегія иностранныхъ дѣлъ предписала адмиралу Головину (3 мая 1742 г.) напечатать манифестъ въ типографіи Академіи

Наукъ, въ количествѣ тысячи экземпляровъ, на финскомъ, шведскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и возможными способами распространить его среди населенія. Ясно, что русское правительство, прибѣгая къ обѣщаніямъ, изложеннымъ въ манифестѣ, желало повліять на финновъ и притупить остріе ихъ враждебности къ Россіи. Это обыкновеннѣйшiй пріемъ военнаго времени и съ этой точки зрѣнія прежде всего необходимо оцѣнивать манифестъ. Правительство хотѣло задобрить населеніе края, въ которомъ приходилось воевать русскимъ.

Манифестъ составили въ мартѣ. Въ іюнѣ фельдмаршалъ Ласси перешелъ границу. Дойдя до Гельсингфорса, онъ распространилъ среди финскихъ войскъ свѣдѣнья о намѣреніи Императрицы устроить герцога Голштинскаго княземъ самостоятельной Финляндіи. Вѣсть объ этомъ, впрочемъ, опередила его. Манифестъ распространился по странѣ съ рѣдкой быстротой. Головинъ отпечаталъ еще 2.000 экз.

Раздраженіе противъ Императрицы было такъ сильно, что нѣкоторые члены государственнаго совѣта Швеціи изъ мести желали сдѣлать ее ненавистной собственнымъ подданнымъ, разоблаченіемъ ея сношеній съ Нолькеномъ и Шетарди; но другіе отсовѣтовали столь непоправимо оскорбить ее, пока еще имѣлась надежда на миръ. Исподволь ей старались дать понять, что Швеція, своимъ согласіемъ на перемиріе, заслуживала лучшаго обращенія, что правительство королевства избѣгало непримиримыхъ отвѣтовъ, которыхъ Россія заслуживала, сдѣлавъ войну ожесточеннѣе и отсрочивая миръ. Кончилось тѣмъ, что король отвѣтилъ на манифестъ Елизаветы Петровны растянутымъ объясненіемъ, въ которое старался ввести оправданія своихъ военныхъ дѣйствій и коментаріи своихъ отношеній къ Россіи. Получилось очень скучное и блѣдное писаніе, которое никакого вліянія на населеніе произвести не могло. Король дѣлаетъ ссылку на декларацію о причинахъ войны и отсылаетъ къ этому документу своихъ подданныхъ, желающихъ убѣдиться въ справедливости его дѣйствій и въ злостныхъ намѣреніяхъ русскихъ. Непріятель, прибавляетъ онъ,—до сихъ поръ не могъ опровергнуть выставленныхъ въ шведской декларации доводовъ. Король сообщаетъ, что намѣренъ обнародовать еще болѣе подробный перечень причинъ, побудившихъ его воевать съ Россіей. Далѣе ведутся счеты и пререканія съ Елизаветой Петровной: она предложила перемиріе, она сказала, что въ первые дни своего царствованія не желаетъ проливать крови, она объ-

щала быть справедливой и снисходительной при переговорахъ о мирѣ. Но всѣ эти обѣщанія не исполняются. Напротивъ, государыня первая прервала перемиріе, хотя Франція уже бралась быть посредницею. Король же все время высказывалъ согласіе вступить въ переговоры о мирѣ. Его армія вошла въ русскіе предѣлы и имѣла возможность проникнуть еще далѣе. Дѣло подъ Вильманстрандомъ заставило русскихъ удалиться, при приближеніи шведскихъ войскъ. И даже теперь король со спокойной совѣстью всячески готовъ доказать свое миролюбіе, готовъ потушить пламя войны. Далѣе онъ доказываетъ, что война начата была съ дружнаго согласія чиновъ риксдага. Въ заключеніи слѣдуютъ выраженія увѣренности, что его подданные въ Швеціи и Финляндіи дадутъ единодушный отпоръ дерзкому врагу, отомстятъ ему за несправедливости и угнетенія, и что русскіе на границѣ его владѣній встрѣтятъ твердый оплотъ противъ всякихъ насилій. Какъ только время года позволитъ переправить шведскую силу черезъ границу, король обѣщаетъ показать, что кровавыя угрозы императрицы будутъ сведены къ нулю [197]).

На манифестъ ретиво ополчился еще Кюменьгородскій ландсгевдингъ Шернстедтъ; онъ опубликовалъ объявленіе, въ которомъ говорилъ: «пусть даже Россія и исполнитъ свои большія обѣщанія, — для чего у нея нѣтъ ни желанія, ни средства, — но можетъ ли все это быть поставлено рядомъ съ потерею души, блаженства, чести и славы». Онъ молилъ своихъ «возлюбленныхъ братьевъ и земляковъ: закройте глаза и уши передъ такими соблазнами, и лучше убѣгайте не надолго съ своимъ имуществомъ въ лѣса и пустыни, пока пройдетъ буря, и уговорите своихъ собратій сдѣлать то же самое, чтобъ жестокій врагъ не могъ найти для себя добычи, которой онъ ищетъ, и такимъ образомъ, по необходимости, вынужденъ будетъ оставить васъ въ покоѣ». Но Шернстедта глубоко огорчало то, что крестьяне, которые столько разъ въ предыдущемъ году оказывали неустрашимую храбрость, теперь посылали депутатовъ къ русскимъ начальникамъ, съ просьбой оказать покровительство. Смѣлый поступокъ Шернстедта во время войны тѣмъ болѣе обращалъ на себя вниманіе, что всѣ остальные начальники губерній оказались или безсильными, или трусами [198]).

Представители иностранныхъ державъ обратили вниманіе на манифестъ и слѣдили за его воздѣйствіемъ на населеніе Финляндіи. Кн. Антіохъ Кантемиръ просилъ графа Головина сообщить

ему «слѣдствіи послѣдняго опубликованнаго въ Финляндіи манифеста Ея Императорскаго Величества отъ 18 марта, который здѣсь (въ Парижѣ) не гораздо понравился и чаю отчасти поводомъ былъ вышеупомянутаго предложенія о перемиріи» (сдѣланнаго французскимъ дворомъ въ іюнѣ 1742 г.) [199]).

Въ апрѣлѣ 1742 г. К. Вейчъ писалъ лорду Картерету: Царица распространила между жителями Финляндіи манифестъ. «Смыслъ и цѣль этого акта— пригласить финляндцевъ къ отторженію отъ шведскаго подданства и къ водворенію новой формы правленія, дабы Финляндія, управляемая собственнымъ герцогомъ или главою, могла служить преградою между Россіей и Швеціей, между тѣмъ какъ, оставаясь соединенною съ Швеціею, она при всѣхъ столкновеніяхъ Россіи съ Швеціею, всегда будетъ подвергаться вторженіямъ, служить театромъ войны».... Если жители на это согласны, Императрица обѣщаетъ имъ свое покровительство, въ противномъ случаѣ вынуждена разорить всю страну огнемъ и мечемъ... «Онъ вѣроятно не произведетъ желаемаго впечатлѣнія, да—полагаю—здѣшній дворъ на это и не расчитываетъ, а только счелъ умѣстнымъ отвѣтить на манифестъ Левенгаупта»... [200]).

Русскій историкъ войны 1741—1743 г.г., ген.-м. Завалишинъ, упомянувъ о разсылкѣ «объявленія» по Финляндіи, прибавляетъ, что «финны, по сю сторону Кюмени обитающіе, хотя и не много умны, не ясно выразумѣли всю важность дѣлаемаго имъ внушенія и какъ будто предвидѣли, что, пріемля обнадеживанія Россіи, тѣмъ повинуются законной своей государынѣ». Первымъ послѣдствіемъ всего этого было то, что Левенгауптъ, провѣдавъ о таковомъ расположеніи финновъ, пересталъ имъ довѣрять и вслѣдствіе сего лишился одного изъ способовъ полученія свѣдѣній о русской арміи. «Сіе немало послужило къ пріобрѣтенію надъ нимъ послѣдовавшихъ успѣховъ» [201]).

Манштейнъ увѣряетъ, что на значительную часть финляндцевъ манифестъ произвелъ большое впечатлѣніе и поэтому явился причиною того, что во время похода на нихъ въ шведской арміи смотрѣли недовѣрчиво. Несомнѣнно, что искусно написанный и широко распространенный манифестъ возбудилъ общее вниманіе и надѣлалъ много шуму. «И хотя финляндцы не оставили прежнихъ своихъ властей, -пишетъ военный историкъ Зотовъ,—но довѣренность между ними и шведами уже исчезла съ тѣхъ поръ».— -Таково первое и очень важное послѣдствіе манифеста 1742 г. Второе не менѣе значительно. Манифестъ своимъ обѣщаніемъ

снисходительнаго обращенія съ мирными финнами весьма существенно помогъ дѣлу оккупаціи края.

Изъ лагеря при Куппись-бру-бю графъ Ласси, 14 іюля 1742 г., обратился съ воззваніемъ къ пасторамъ Саволакской и Нюландской губ., предлагая имъ оглашать манифестъ Императрицы, высылать къ нему депутаціи, уговаривать населеніе не сноситься со шведами. При указанныхъ условіяхъ, безопасность каждаго будетъ гарантирована и всѣмъ розданы охранные листы.

Первоначально часть привилегированныхъ классовъ бѣжали въ Швецію. Но послѣ манифеста отношенія къ русскимъ замѣтно измѣнились. Въ Фридрихсгамѣ, Борго и другихъ мѣстахъ населеніе довѣрчиво обращалось къ гр. Ласси, выражая покорность и прося покровительства. Всѣхъ приводили къ присягѣ и отпускали домой съ охранными грамотами. Въ реляціи изъ лагеря при Перно-киркѣ, гр. Ласси доносилъ, между прочимъ, что «здѣшніе обыватели въ подданство Вашего Императорскаго Величества день ото дня приходятъ, между которыми были присланы депутаты Боргоскаго уѣзда, отъ Сюсминскаго погоста, да отъ Нюландскаго и Тавастъ-Густскаго уѣздовъ, а каковы съ ними присланы были письма, съ оныхъ переводъ всенижайше при семъ прилагаю» [202].

Первое прошеніе, подписанное нѣсколькими дворянами, бывшими военными, духовенствомъ и нѣкоторыми крестьянами, исходило изъ прихода Сюсме (средней Финляндіи) и гласило: «Высокоучрежденный господинъ рейхсъ-графъ и генералъ-фельдмаршалъ, Милостивый государь.

«Какъ изданной Пресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Императрицы Всероссійской всемилостивѣйшій манифестъ, отъ 18-го минувшаго марта, здѣсь въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и въ Тавастъ-Густскомъ дистриктѣ извѣстенъ учинился, коимъ Ея Императорское Величество Всемилостивѣйше объявлять изволитъ, еже и самая истина есть, что никто изъ обывателей сія земли никогда войны не хотѣлъ, и на оную не соизволялъ, которую Швеція противъ Россіи предпріяла, но отправленными уполномоченными на сеймъ весьма тому супротивляясь, усильно требовали, дабы мы въ согласіи и дружбѣ съ великимъ и сильнымъ Всероссійскимъ Имперіемъ пребывать могли, то всѣ здѣшніе жители такой Ея Императорскаго Величества къ сей землѣ имѣющей высокой Императорской милости всеусердно порадовались, и вслѣдствіе сему какъ шляхетной и духовной, такъ и крестьянской чины при своихъ домахъ и имѣніи остались въ твердомъ и несомнѣнномъ на-

дѣяніи, что мы, по Высочайшей помянутой Ея Императорскаго Величества намъ обѣщанной милости, при безопасности живота и имѣнія нашего сооблюдены будемъ; а нынѣ всевышній Богъ праведное Ея Императорскаго Величества оружіе противъ шведскаго войска благословилъ, еже мы съ своей стороны за милостивыя всемогущаго Бога знаки и защищенія поставляемъ и признаваемъ. Чего ради мы единодушно усердное наше желаніе распростираемъ, дабы Ея Императорскаго Величества оружіе и далѣе процвѣтали къ славѣ Ея Императорскаго Величества и сильной Россійской Имперіи; еще жъ мы всѣ обыватели въ семъ Сіеменскомъ приходѣ и Тавастъ-Густскомъ дистриктѣ обязуемся со всякою подданническою ревностію и послушаніемъ, по крайней силѣ и возможности, Ея Императорскому Величеству вспомогать, и тако высокоурожденнаго господина рейхсъ-графа и генерала-фельдмаршала нижайше просимъ, да благоволитъ высокоурожденный господинъ рейхсъ-графъ и генералъ-фельдмаршалъ намъ такую милость показать, дабы мы сими нашими депутатами милостивѣйшіе ваши охранные листы на сей Сіеменской приходъ порознь для показанія Россійско-Императорскимъ войскамъ, или казакамъ по приближеніи ихъ получить могли, чтобъ тѣ партіи отъ Императорскаго войска, кои въ сіи мѣста посланы быть могутъ, намъ въ животѣ и имѣніи вреда не чинили, но въ настоящей нашей нынѣшней земской экономіи безпрепятственно дали намъ исправляться. И хотя мы отъ нашихъ жилищъ въ нѣкоторомъ удаленіи обрѣтаемся, дабы слѣдующіе за Императорскою арміею казаки съ нами злѣ не поступали, однако жъ васъ высокоурожденный господинъ рейхсъ-графъ и генералъ-фельдмаршалъ нижайше просимъ не вмѣнить намъ сего запротивно, а особливо здѣсь увѣдомленось, что высокоурожденный господинъ рейхсъ-графъ и генералъ-фельдмаршалъ, по имѣющей своей къ намъ безоружнымъ обывателямъ милости, благосклонное увѣщаніе къ тому подали, пока мы упрошенныхъ охранныхъ листовъ не получимъ, о чемъ паки всенижайше прося, съ наивящшимъ послушаніемъ и униженностію до гроба пребудемъ.

«Высокорожденный господинъ рейхсъ-графъ и генералъ фельдмаршалъ,

«За себя и именемъ всѣхъ Сіеменскаго приходу обывателей, нижайше послушнѣйшіе слуги». (Слѣдуютъ подписи).

Второе прошеніе было подано отъ восьми различныхъ приходовъ, большей частью расположенныхъ въ Нюландской и Тавастгусской губерніяхъ. Оно гласило: «Нюландскаго и Тавастъ-

Густскаго уѣздовъ, высокорожденный господинъ графъ и генералъ-фельдмаршалъ. Милостивый государь!

«Вашему высокографскому сіятельству всенижайше о нашемъ бѣдномъ и сожалѣтельномъ состояніи представляемъ живущія въ нижеписанныхъ селахъ и приходахъ, генерально и каждый дворъ особливо. Какимъ образомъ мы при сихъ времянъ обращеніяхъ всякими налогами отягощены, такъ что весьма изнуренныхъ себя видимъ, ежели ваше высокографское сіятельство, какъ по христіанскому сожалѣнію, такъ и по изданнымъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшимъ манифестамъ и обнадеживаніямъ (на которыя мы весьма положились), къ намъ милосердія своего не покажете. Мы же притомъ по нашей бѣдной возможности всенижайше тому себя подвергаемъ, что Ея Императорское Величество на насъ соизволитъ милостивѣйше положить: токмо бы мы отъ жестокихъ казацкихъ и гусарскихъ поступковъ въ животѣ, въ имѣніи и въ свободномъ промыслѣ нашемъ всещедро пощажены и въ милостивую Ея Императорскаго Величества протекцію и защищеніе приняты были, къ чему у вашего высокографскаго сіятельства высокосклонныхъ охранныхъ листовъ по приложенной росписи за себя и братіевъ нашихъ съ сими депутатами нижайше просимъ; инако же мы въ своей настоящей земской экономіи, которая по сіе время весьма запущена была, во все разоримся. Ожидая на сіе милостиваго услышанія, съ глубочайшимъ почтеніемъ пребываемъ,

«Вашего высокографскаго сіятельства всенижайшія послушныя слуги,

«Какъ шляхетныя, такъ подлыя всѣхъ нижеписанныхъ селъ и дворовъ Нюландскаго и Таваста-Густскаго дистриктовъ».

Среди подписавшихся видны имена дворянъ, пастора, викарія и отставныхъ офицеровъ.

Въ реляціяхъ главнокомандующій не разъ отмѣчаетъ принятіе подданства группами мѣстнаго населенія. Такъ, въ рапортѣ гр. Ласси отъ 4 іюля 1742 г., изъ лагеря при р. Кимисъ, имѣется указаніе, сдѣланное со словъ финновъ, что многіе изъ населенія проявляли склонность къ русскому подданству, почему гусарамъ и казакамъ было подтверждено «жителей, кои ружьемъ не противятся, не токмо не побивать и не грабить, но и жилищъ ихъ не жечь и не разорять».

Донесеніе гр. Ласси отъ 21 іюля 1742 г. даетъ основаніе предположить, что къ склоненію мѣстныхъ обывателей въ под-

данство русскія власти относились довольно заботливо. 24 іюля 1742 г., изъ лагеря при Кувшисѣ, гр. Ласси доносилъ: «Изъ здѣшнихъ жителей, каждаго дни не малымъ числомъ ко вступленію въ подданство Вашего Императорскаго Величества сюда приходятъ, между которыми состоятъ пасторы и отставные офицеры, и по учиненіи имъ о бытіи въ подданствѣ Вашего Императорскаго Величества надлежащей присягѣ, обратно въ ихъ домы съ данными манифестами и публикаціями отпускаются, причемъ салвогвардіи листы имъ, о нечиненіи имъ разореній, всѣмъ даются». Общій порядокъ былъ таковъ: приходившіе мѣстные жители приводились къ присягѣ и отпускались по домамъ «съ манифестами и публикаціями». По бумагамъ А. Румянцева до 20 іюля 1742 г. ихъ явилось 170 чел. Отдѣльно явилось два депутата (Лапптреской кирки) Нильсъ Юрансонъ и Генрикъ Бузъ и имъ даны на весь уѣздъ 11 салвогвардій по числу деревень. Съ 21 по 24 іюля присягнуло еще 92 человѣка. Полковой аудиторъ Юганъ Гирнъ заявилъ, что буде Финляндія «достанется подъ протекцію Россійской Имперіи, то и онъ подъ тою-же протекціею быть желаетъ». Такое же заявленіе сдѣлано имъ о полковникѣ шведскаго Выборгскаго драгунскаго полка. 3-го августа 1742 г. къ А. Румянцеву вновь явилось 207 чел. финновъ. Ихъ отпустили домой съ билетами или свидѣтельствами для лучшаго охраненія отъ «своевольствъ гусарскихъ и казачьихъ». «Подъ высокославную Ея Императорскаго Величества державу шведскихъ финновъ въ подданство пришло и къ присягѣ приведено въ Выборгѣ» по 10-е августа 1742 г.—всего 504 чел. Кромѣ того генералъ А. Румянцевъ удостовѣряетъ (23 авг. 1742 г.), что въ Выборгъ и Вильманстрандъ много приходило финновъ для принесенія вѣрноподданнической присяги. А. Румянцевъ выдалъ болѣе двухъ тысячъ охранныхъ листовъ. Кейту и Левашеву явилось 478 чел.—Въ Фридрихсгамѣ Кейтъ привелъ къ присягѣ 388 чел. [203]).

Изъ свѣдѣній, которыя имѣлись въ распоряженіи Тенгберга, по манифесту въ Лапптрескѣ присягнули 230 крестьянъ, 14 привилегированныхъ лицъ, 19 солдатъ и 6 ремесленниковъ. 40 поименованныхъ лицъ не присягнули «по болѣзни».—«Pastor in loco Porthanus» удостовѣрилъ, что всѣ жители приняли вѣрноподданство; въ числѣ подписавшихся находилось 16 драгунъ, которые отмѣчены какъ «дезертиры» [204]).

По мѣрѣ того, какъ русскія войска подвигались въ глубь Финляндіи, довѣріе къ нимъ росло, и депутаціи умножались.

13 сентября пробстъ изъ Писальмъ Генрихъ Гельсингіусъ сообщилъ графу, что распространилъ манифестъ среди своихъ сослуживцевъ и друзей въ Каянской губерніи и Эстерботніи и, какъ на результаты своей дѣятельности, пробстъ указывалъ на надежду сдачи Каянаборга и на бывшую депутацію отъ губерніи, которая просила о помилованіи и защитѣ. На встрѣчу русской власти выходили еще двое гражданъ изъ Улео.

Комиссаръ изъ Якобстада и Педерсъ-ö Захарій Даль въ 1742 г. послалъ Императрицѣ всепредапнѣйшее поздравленіе съ новымъ годомъ, называя себя ея подданнымъ, ея оружіе побѣдоноснымъ, ея личность священной [205]).

Въ октябрѣ 1742 г. представители Нюландскаго и Абоскаго дистрикта и Эстерботніи обратились къ гр. Ласси, съ просьбой разрѣшить отправить свои депутаціи къ Императрицѣ. Правительствующій сенатъ заслушалъ донесеніе фельдмаршала о томъ, что «Нюландскаго ланцъ-гауптъ-маншавства изъ отставныхъ финскихъ офицеровъ также изъ обывателей и пасторы просятъ, дабы позволено было имъ депутацію къ Высочайшему Ея Императорскому Величеству двору послать, яко въ нашемъ пришедшимъ въ подданство съ поздравленіемъ и прошеніемъ о своихъ нуждахъ, признали онаго Нюландскаго ланцъ-гауптъ-маншавства обывателямъ также и отъ Абовскаго и отъ Стербоцкаго ланцъ-гауптъ-маншавства такія прошенія будутъ во отправленіе ко двору Ея Императорскаго Величества депутатствъ позволить, только бъ тѣ депутаты были изъ такихъ, кои въ тѣхъ ланцъ-гауптъ-маншествахъ знатнѣе другихъ находятся и о томъ къ нему генералу-фельдмаршалу и кавалеру графу фонъ-Лассіи послать указъ».

Нѣкій гражданинъ въ Гельсингфорсѣ присягнулъ Елизаветѣ въ ратушѣ 15 декабря 1742 г. и обязался уплатить 6-ую часть своего имущества, въ случаѣ, выселится изъ края. Одинъ финнъ отрекся 20 ноября отъ всякихъ сношеній съ шведами и обязался открывать ихъ замыслы [206]).

«Молодые люди Юлистароскаго капелянскаго прихода (Ylistaro kapell) отъ 12 лѣтъ и старше присягнули на вѣрность Ея Императорскому Величеству 6 января 1743 года»; слѣдующіе дни присягали «деревни Каукола, Торкола и Топпарла».

«Въ слѣдующую затѣмъ зиму (1743 г.) какъ привилегированныя сословія, такъ и крестьяне Финляндіи, повидимому, почти повсюду присягнули вѣрности не только Императрицѣ, но и будущему наслѣднику престола».

Присягало не только населеніе, но и мѣстныя власти. Извѣстно, что въ стапельномъ городѣ Гельсингфорсѣ 4 марта 1743 г., въ мѣстной киркѣ, принялъ присягу оберъ-комиссаръ Гельсингфорской губерніи Генрихъ Іоганъ Тунцельманъ-Эдлеръ-фонъ-Адлерфлугъ на вѣрность службы, какъ подданный русской Императрицы. При присягѣ, въ качествѣ свидѣтеля, присутствовалъ «работникъ слова» (Arbetare i ordet) Аксель Гельсинбергъ.

Въ присягѣ, которую произносило покоренное населеніе. Императрица Елизавета Петровна называлась самодержавной, и ничего не говорилось о политическомъ положеніи Финляндіи.

Въ прошеніяхъ, которыя подавали гр. Ласси, нѣтъ намека на самостоятельность Финляндіи. Политическая сторона манифеста обходится молчаніемъ представителями приходовъ. Финляндскій историкъ говоритъ, что жители прихода Сюсме надѣялись лишь, что герцогъ Голштинскій, котораго они уже величаютъ «своимъ возлюбленнымъ королемъ и господиномъ», будетъ возведенъ на шведскій престолъ.

Тотъ же писатель утверждаетъ, что гарнизонъ Тавастгуса капитулировалъ ради герцога Голштинскаго. Мы этихъ указаній не нашли. Представители города Улеоборга и сѣвернаго прихода Іiо (Jjo) просили коменданта Нейшлота, кн. Мещерскаго, устранить всякое насиліе. Они говорятъ далѣе въ своихъ прошеніяхъ, что узнали о рѣшеніи Императрицы возвести на шведскій престолъ герцога Голштинскаго и выражаютъ свою готовность подчиниться такому рѣшенію. Генералъ А. Румянцевъ, находившійся тогда въ Выборгѣ, получивъ эти прошенія, направилъ ихъ въ Москву, прося Императрицу указать, какой отвѣтъ долженъ послѣдовать на подобныя прошенія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они будутъ поступать изъ мѣстъ, которыя Государыня не предполагаетъ подчинять своей державѣ. Румянцевъ повидимому полагалъ, что населеніе всѣхъ мѣстностей скоро выскажетъ свое мнѣніе относительно предложенной самостоятельности. Но этого не случилось.

Въ сентябрѣ явились въ Выборгъ два духовныхъ лица изъ Саволакса, Сигнеусъ и Аргеландеръ, съ цѣлью просить Румянцева объяснить, не будетъ ли герцогъ Голштинскій согласенъ взять Финляндію подъ свою защиту и быть монархомъ этой страны, которая по смыслу манифеста должна быть возвышена въ автономное государство. Таковъ первый отзвукъ на мысль манифеста о самостоятельности Финляндіи. Проповѣдники высказали

свое мнѣніе чиновнику Кромпейну, такъ какъ къ Румянцеву не имѣли доступа. Черезъ Кромпейна Румянцевъ отвѣтилъ, что коль скоро Финляндія будетъ завоевана русскимъ оружіемъ, то только одной русской Императрицѣ принадлежитъ право распоряжаться будущностью края, а такъ какъ Царица и герцогъ близкіе родственники, то для финновъ должно быть безразлично, будутъ ли они подъ господствомъ той или другого.

Около этого времени русскому правительству пришлось впервые послѣ манифеста высказаться по вопросу о томъ, какъ оно желало бы устроить политическое положеніе Финляндіи. 28 августа на имя Румянцева послѣдовалъ рескриптъ. Онъ главнымъ образомъ касался требованій, которыя имѣлось въ виду предъявить при заключеніи мира, куда Румянцевъ посылался однимъ изъ представителей Россіи. При этомъ заходитъ рѣчь и о самостоятельности Финляндіи. Императрица заявляетъ, что она готова исполнить данныя ею въ манифестѣ обѣщанія, если земскіе чины Финляндіи этого дѣйствительно желаютъ, и если потребныя для этого средства могутъ быть ими представлены. Но она сомнѣвается, чтобы земскіе чины высказали подобное желаніе, въ виду бѣдности страны, да и шведы навѣрное только въ крайнемъ случаѣ дадутъ свое согласіе. Если это дѣло осуществится, то оно будетъ причиной вѣчной ссоры между Россіей и Швеціей, и первая принуждена будетъ, въ случаѣ присоединенія Финляндіи, держать тамъ значительное число войскъ, какъ для того, чтобъ отразить нападеніе со стороны Швеціи, такъ и съ цѣлью обезпечить себѣ вѣрность земскихъ чиновъ.

Донесеніе Румянцева по поводу прошеній жителей Улеоборга и прихода Іио побудилъ наше правительство еще разъ вернуться къ вопросу. Императрица, подписывая манифестъ, и давая инструкцію Румянцеву для веденія мирныхъ переговоровъ, одинаково оставалась при убѣжденіи, что финнамъ выгоднѣе состоять въ непосредственномъ подчиненіи Россіи, такъ какъ они могли видѣть, что всѣ подвластныя Имперіи народности пользовались своими прежними правами и свободами. Соотвѣтственно такому взгляду, повелительница и теперь продолжаетъ настаивать, въ отвѣтѣ Румянцеву (28 окт. 1742 г.), главнымъ образомъ на томъ, что автономія Финляндіи возможна только подъ покровительствомъ Россіи. Слѣдовательно, при первой необходимости перехода отъ словъ манифеста къ практическому ихъ осуществленію, русское правительство опредѣленнѣе выразило свои мысли о томъ, какъ оно пред-

ставляетъ себѣ будущее политическое положеніе Финляндіи, когда само населеніе возьметъ его въ свои руки.

Отвѣтъ явился нѣсколько уклончивымъ, но другого и ожидать нельзя было. Россія предлагала оказать Финляндіи свое содѣйствіе при извѣстныхъ условіяхъ. Между тѣмъ она не видѣла, чтобъ финляндцы съ своей стороны сдѣлали что-либо опредѣленное для своей самостоятельности, и чтобы они чѣмъ-либо облегчили Россіи веденіе войны со Швеціей. Что-же оставалось дѣлать русскому правительству? Гарантировать прежде всего свои интересы.

Вскорѣ русскому правительству пришлось встрѣтиться съ новой попыткой практическаго осуществленія обѣщанія манифеста. 18 октября состоялось земское собраніе или своего рода сеймъ (landtdag) въ главномъ городѣ Або. Это собраніе образовалось изъ выборныхъ представителей всѣхъ четырехъ сословій—дворянства, духовенства, горожанъ и крестьянъ—но только отъ Абоскаго и Бьернеборгскаго округа и они не могли, слѣдовательно, считаться представителями всей Финляндіи. Несмотря на это, они старались выступить, какъ дѣйствительные представители народа и выбрали депутацію изъ двухъ членовъ отъ каждаго сословія, которая должна была отправиться въ Москву къ Императрицѣ и ходатайствовать, чтобъ герцогъ Голштинскій былъ назначенъ великимъ княземъ Финляндіи. Этотъ шагъ собранія вызвалъ недоумѣніе тогдашняго представителя гражданскаго управленія въ краѣ, генерала Якова Кейта. Онъ сдѣлалъ запросъ Ласси, и получилъ указаніе удержать депутацію, пока не получится спеціальное повелѣніе отъ Двора.

При наличности рескрипта отъ 28 августа и правительственнаго разъясненія отъ 28 октября (1742 г.), Румянцевъ далъ знать Кейту 7 ноября, что, такъ какъ Финляндія завоевана оружіемъ, то жители не могутъ уже болѣе ссылаться на манифестъ, изданный прошедшей весной, почему всякимъ депутаціямъ воспрещается отправленіе въ Москву. Кромѣ того Кейтъ вполнѣ справедливо указалъ собранію, что ему, какъ окружному представительству, никоимъ образомъ не подлежитъ высказывать желанія отъ имени всей страны. Наконецъ, въ виду близкаго родства между Императрицей и герцогомъ Голштинскимъ нѣтъ большой разницы, будутъ ли финны подданными русскими или подданными герцога.

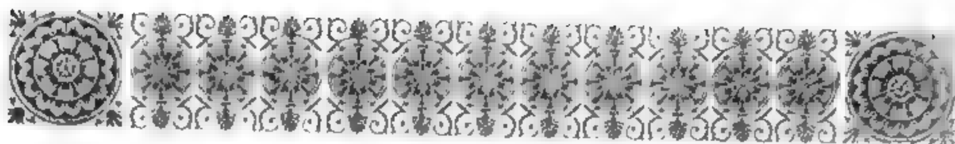
Собраніе поняло, что ему оставалось поручить своимъ депутатамъ добиваться только облегченія податей и налоговъ.

Кейтъ-же, какъ онъ самъ пишетъ, при удобныхъ случаяхъ напоминалъ всѣмъ, что Финляндія является уже покоренной страной, въ которой Императрица распоряжается по своему усмотрѣнію. На основаніи этого принципа устанавливались всѣ отношенія къ Финляндіи. Присяга повсемѣстно приносилась Императрицѣ, какъ русской самодержавной Государынѣ.

Мѣстные жители коснулись еще однажды манифеста при слѣдующей обстановкѣ. Представители духовенства, чиновничества и разныхъ городскихъ должностей Эстерботніи собрались въ г. Вазѣ. Отъ нихъ потребовали присяги. Представитель духовенства заявилъ при этомъ, что присягнутъ только при условіи разрѣшенія имъ сослаться на удостовѣреніе Императрицы, сдѣланное въ ея манифестѣ отъ 18 марта [207]).

Нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣ завоеванія пограничной между Швеціей и Россіей страны русское правительство отказалось отъ высказанной въ манифестѣ мысли о самостоятельности Финляндіи. Въ періодъ войны русскія власти не встрѣтили той поддержки со стороны финляндцевъ, которая ставилась условіемъ особой заботы объ ихъ странѣ, а потому попытки нѣкоторыхъ финновъ послѣ того поднять вопросъ и привести его въ исполненіе, не встрѣтили со стороны русскихъ должнаго сочувствія. Съ краемъ обращались какъ съ русскимъ завоеваніемъ, какъ со страной, принадлежащей къ Имперіи. А присяга Императрицѣ и великому князю, которую русское правительство потребовало какъ отъ крестьянъ, такъ и господъ, вѣроятно въ извѣстной мѣрѣ безпокоила и связывала совѣсть.

Въ ноябрѣ 1742 г. молодой герцогъ Голштинскій принялъ въ Москвѣ православіе и объявленъ былъ, подъ именемъ Петра Ѳеодоровича, наслѣдникомъ Всероссійскаго престола. Финны должны были присягнуть ему, какъ наслѣднику, и такимъ образомъ прекратились послѣднія надежды и предположенія о немъ, какъ о монархѣ самостоятельной Финляндіи.



VII.

Русское господство въ Финляндіи.

Въ октябрѣ 1742 года Ласси уѣхалъ въ отпускъ въ Ревел. сдавъ камандованіе А. Румянцеву.

Но вскорѣ (въ ноябрѣ того-же года) начальствованіе надъ войсками въ Финляндіи перешло въ руки Кейта, а А. Румянцеву пришлось отправиться въ Або, для веденія мирныхъ переговоровъ.

Русскіе заняли Финляндію. Желаніе шведскаго правительства, высказанное во многихъ предписаніяхъ финляндскимъ властямъ, заключалось въ томъ, чтобы должностныя лица края оставались на своихъ мѣстахъ, гдѣ, болѣе чѣмъ прежде, нуждались въ поддержаніи порядка, и наступала надобность въ ихъ знаніяхъ и благоразуміи.—Но память о пережитомъ во время «Великой Разрухи» или Великой Сѣверной войны (Stora ofreden), говорятъ финляндскіе писатели, была слишкомъ свѣжа, чтобы послѣдовать совѣтамъ изъ Стокгольма, и уже 23 іюля ландскамериръ и ландсъ-секретарь въ Гельсингфорсѣ, завѣдывавшіе дѣлами области во время отсутствія ландсгевдинга Гюлленшерна, объявили, что, въ виду грозящей крайней опасности, они должны уйти въ Або или Швецію. Подобнымъ же образомъ поступили высшія должностныя лица повсюду въ Финляндіи. Когда русскіе приблизились къ Або, члены гофгерихта, служащіе въ губернскомъ правленіи, университетскіе учители и большинство духовенства покинули страну. Нѣсколько раньше епископъ Фаленіусъ возбудилъ въ консисторіи вопросъ, насколько удобно духовенству бѣжать изъ края; при этомъ только старшій пасторъ финскаго прихода въ Або, профессоръ Іоганъ Валеніусъ, указалъ, что долгъ пасторовъ оставаться на своихъ мѣстахъ. Въ предписаніи отъ 12 августа правительство раздѣлило его мнѣніе и выразило свое удовольствіе по этому поводу; но сослуживцы Валеніуса тѣмъ не менѣе бѣжали, и онъ одинъ остался на своемъ посту. Младшія должностныя лица послѣдовали примѣру старшихъ.—Купцы и горожане въ значительномъ числѣ искали

убѣжища въ Швеціи. Крестьяне вообще не выселялись. Только годъ спустя часть аландцевъ и жителей юго-западныхъ шхеръ прибыли въ Швецію. Изъ списковъ эмигрантовъ видно, что переѣхавшихъ въ Швецію въ октябрѣ 1742 г. было только 192 отдѣльныхъ лицъ или семействъ; но затѣмъ выселеніе продолжалось, и съ каждымъ судномъ, уходившимъ изъ южной Финляндіи въ Стокгольмъ, слѣдовало нѣкоторое число бѣглецовъ. Даже въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ, когда переправа на парусныхъ судахъ сдѣлалась опасной и трудной, переселеніе не прекращалось. Въ апрѣлѣ 1743 г. число внесенныхъ въ списки возросло до 488, но послѣ сего лишь немногіе прибыли въ Швецію, отчасти, вѣроятно, вслѣдствіе того, что существовали прочные виды на близкій миръ, отчасти потому, что, узнавъ миролюбивое поведеніе русскихъ, перестали опасаться ихъ; въ іюлѣ 1743 г. число эмигрантовъ дошло до 508. Дѣти и прислуга въ списки не заносились.

Такимъ образомъ ясно, что бѣгство было далеко не всеобщимъ. Покинули свои мѣста преимущественно высшіе чиновники края и лица привилегированныхъ сословій. Нѣкоторымъ въ это время предстояло принять участіе въ засѣданіяхъ открывшагося риксдага.

Когда въ Гельсингфорсѣ русскіе генералы узнали о готовившемся переселеніи изъ Або, туда отправили нѣсколько драгунскихъ полковъ; они прибыли въ городъ 29 августа, въ то время, какъ колокола созывали къ вечернѣ. Служба не состоялась. Народъ позвали въ ратушу, гдѣ ему прочитали манифестъ Императрицы и принята была вѣрноподданническая присяга. Больше недѣли спустя, 7-го сентября, прибылъ туда генералъ Кейтъ; его сопровождали генералы Стоффельнъ (von Stoffeln) и Брюсъ съ большимъ отрядомъ драгуновъ. Настоятель финскаго прихода, профессоръ Іоганъ Валеніусъ, а съ нимъ духовенство и магистратъ, пошли прибывшимъ навстрѣчу до Пемара (Pemar) (у Виста, т. е. 27 верстъ отъ Або). На слѣдующій день конница гренадеровъ вошла въ городъ попарно съ еловыми сучьями на шапкахъ въ знакъ побѣды.

Въ 1742 г., когда возникъ вопросъ о назначеніи Кейта начальникомъ войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи, то въ Кабинетъ Ея Величества повелѣно было представить изъ военной коллегіи свѣдѣнія о томъ, въ какомъ году и какимъ чиномъ онъ принятъ въ россійскую службу, и копію заключенныхъ съ нимъ кондицій. Изъ этихъ справокъ видно, что въ 1728 г. въ верховномъ

тайномъ совѣтѣ слушали меморіалъ, поданный въ коллегію иностранныхъ дѣлъ отъ «полномочнаго Шпанскаго министра Дука Делиріа», въ которомъ «онъ рекомендовалъ для службы Ея Императорскому Величеству генералъ-маіора Кейта, «породою изъ Шкодіи (Шотландіи), знатной фамиліи, который былъ въ службѣ короля Шпанскаго лѣтъ съ десять, но понеже онъ вѣры аглинской, то за то болѣе въ Гишпаніи службу продолжать не можетъ. Въ 1734 г. Кейтъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1738 г. въ генералы полные». Иныхъ свѣдѣній въ военной коллегіи не оказалось. Между тѣмъ извѣстно, что Яковъ Кейтъ родился въ 1696 г. въ Шотландіи. Дѣтство его протекло въ шотландскомъ замкѣ на берегу суроваго сѣвернаго моря. Въ Эдинбургскомъ университетѣ онъ пополнялъ свое образованіе. Несмотря на свой протестантизмъ, Кейтъ принялъ сторону католическаго короля Якова III въ его борьбѣ за

ГЕНЕРАЛЪ ЯКОВЪ КЕЙТЪ.

престолъ. Участіе въ этой партійной борьбѣ лишило девятнадцатилѣтняго Кейта его имущества и правъ. Братья поселились въ Парижѣ, гдѣ Яковъ Кейтъ настолько усердно отдался наукамъ, что сдѣлался членомъ Академіи. Во время пребыванія Петра В. въ Парижѣ, Кейтъ представлялся Монарху и просилъ о принятіи его въ русскую молодую армію, но получилъ рѣшительный отказъ. По другой, едва-ли достовѣрной, версіи, Петръ В. пригласилъ Кейта на службу, но тотъ, будучи поклонникомъ Карла XII, не пожелалъ сражаться противъ него. Кейтъ вновь всталъ подъ знамена короля Якова; новая

неудача побудила Кейта искать убѣжища въ Голландіи, откуда онъ отправился въ Римъ, а затѣмъ въ Мадридъ, гдѣ служилъ въ войскахъ Филиппа, участвуя въ неудачной осадѣ Гибралтара, который испанцы пытались отнять у Англіи. Еще разъ онъ обратился къ родинѣ, но тамъ поставили условіемъ командованія полкомъ наемныхъ солдатъ принятіе католичества. Цѣной отреченія отъ своей церкви Кейтъ не пожелалъ купить мѣста. Щедро награжденный королемъ Испаніи и заручившись рекомендаціями, Кейтъ, лѣтомъ 1729 г., прибылъ въ Кронштадтъ.—Изысканное воспитаніе и благородный характеръ скоро выдвинули его при русскомъ дворѣ. Ему дали въ командованіе два полка, а затѣмъ послѣдовательно ставили во главѣ Измайловцевъ (въ учрежденіи полка коихъ онъ принималъ непосредственное участіе), московскаго гарнизона, и въ 1739 г. дѣлаютъ инспекторомъ всѣхъ войскъ. Въ этомъ званіи тридцатишестилѣтній генералъ объѣзжаетъ границы Азіи и Польши, путешествуетъ вдоль Волги и Дона. Въ подвѣдомственныхъ ему частяхъ вводится порядокъ и справедливость. Впослѣдствіи, подъ начальствомъ своего соотечественника Ласси, онъ участвовалъ въ походѣ къ Рейну противъ Франціи, а подъ начальствомъ Миниха, находясь въ теченіе двухъ часовъ подъ страшнымъ огнемъ Очакова, былъ раненъ, и, если избѣжалъ смерти, то только благодаря преданности своихъ солдатъ. Раненому Кейту пришлось распоряжаться здѣсь дѣйствіями 20 тысячнаго отряда. Императрица наградила его чиномъ генерала-отъ-инфантеріи и подаркомъ въ 5 тысячъ руб. Рана побудила его отправиться въ Парижъ за медицинской помощью къ знаменитому хирургу. Императрица навѣстила больного передъ отъѣздомъ, сказавъ ему, что охотнѣе готова потерять 10 тысячъ войска, чѣмъ генерала Кейта. Прусскій Король Фридрихъ Вильгельмъ I въ Берлинѣ прислалъ за больнымъ собственныя носилки, желая увидѣть шотландскаго героя. Послѣ мира съ Турціей, Кейта назначили правителемъ Украины, а послѣ смерти Анны Іоанновны онъ командовалъ частью войскъ, расположенныхъ въ Петербургѣ.

Кейтъ былъ средняго роста, смуглолицый, съ высокимъ лбомъ и орлинымъ носомъ. Густыя брови оттѣняли каріе глаза. Осанка его внушала уваженіе и довѣріе. Жилъ скромно. Держался правилъ строгой честности. Его происхожденіе выработало въ немъ самоувѣренность и замкнутый характеръ. Согласно воззрѣніямъ своего времени, онъ служилъ ради доблести и чести. Ставъ подъ

знамена того или другого государства, онъ честно обнажалъ мечъ въ его пользу и безупречно отстаивалъ его интересы. Въ 1737 г. Минихъ донесъ Императрицѣ: «Кейтъ такой генералъ, котораго поступки и поведеніе одушевлены вѣрностью къ престолу, храбростью и благородствомъ: нельзя ни въ чемъ попрекнуть его характера». Когда Елизавета Петровна вступила на престолъ, Кейтъ немедленно привелъ войска къ присягѣ и устроилъ въ ихъ средѣ празднества. Назначенный начальникомъ Финляндіи, Кейтъ поселился въ Або [208]).

Со словъ путешественника Берха, мы узнаемъ, что Або того времени былъ довольно значительный городъ, состоялъ большею частію изъ деревянныхъ домовъ, причемъ только нѣкоторые оказались выкрашеными красною краской, какъ это принято въ шведскихъ городахъ. Встрѣчалось также не мало каменныхъ низкихъ домовъ съ желѣзными ставнями. Тѣ дома, которые приходились на перекресткахъ, имѣли обрѣзанные углы, а ворота устроены были на подобіе ниши, что казалось весьма страннымъ, но однако имѣло свои удобства, потому что съ обѣихъ улицъ одинаково было близко къ входу въ лавки, которыя обыкновенно помѣщались въ этихъ домахъ, и потому легко отыскивались всѣми.

Для своего времени Або являлся довольно значительнымъ городомъ и насчитывалъ до 6 тыс. жителей. Або переживалъ то «доброе старое время», когда горожане вставали въ 5 ч., обѣдали въ 12 и кончали свои занятія въ 8 ч. вечера. На большихъ общественныхъ собраніяхъ, исключая свадебъ и увеселительныхъ поѣздокъ, мужчины и женщины держались отдѣльно. Правда, женщина рвалась уже изъ своего тѣснаго замкнутаго круга, но ея попытки не проходили безъ осужденія и протестовъ. Ландсгевдингомъ Або состоялъ въ 1741 г. Икскуль, и, какъ старый царедворецъ, старался водворять вокругъ себя обычаи стокгольмскаго двора.

Съ наступленіемъ войны, сотни семействъ со своимъ имуществомъ покинули городъ и переправились на Аландъ или въ Стокгольмъ. Архивы и драгоцѣнности были вывезены или запрятаны въ безопасныя мѣста. Странѣ угрожала серьезная опасность, ибо король могъ быть замѣненъ русской Императрицей. При

такихъ условіяхъ бѣгство для служащихъ граничило съ измѣной, но надъ этимъ не задумывались. Крикъ: «русскіе идутъ!» приводилъ ихъ въ ужасъ. Чаще, чѣмъ прежде, взоры жителей обращались къ старому собору —безмолвному свидѣтелю (съ 1292 г.) протекшихъ столѣтій. Поколѣніе за поколѣніемъ воспѣвало хвалу Всевышнему. Звуки его органа казались теперь болѣе привлекательными, чѣмъ когда-либо. Сюда оставшіеся жители устремлялись за утѣшеніемъ. Подъ громъ войны молитва сдѣлалась теплѣе. Сколько разъ этотъ соборъ былъ ограбленъ непріятелемъ, страдалъ отъ пожаровъ и разила его молнія. Пожаръ 1681 года сильно попортилъ соборъ, но его возобновили. Башня была плоха, алтарь сдѣланъ изъ дерева, выложенъ мраморомъ и вызолоченъ. Въ ризницѣ Абоскаго собора лежала на столѣ большая шведская библія 1703 года, которую подарилъ православный священникъ. Въ библіи собственноручно на латинскомъ языкѣ довольно пространно изложилъ, какъ онъ, послѣ основательнаго изученія религіи, нашелъ въ ней много заблужденій по вопросу о почитаніи иконъ, по обращеніямъ къ святымъ, по упованію на силу собственныхъ дѣлъ и т. д. За подобныя мысли, отъ которыхъ онъ по совѣсти не могъ отречься, былъ заключенъ въ тюрьму, но затѣмъ освобожденъ Императоромъ Петромъ I и назначенъ полковымъ священникомъ при русской арміи въ Финляндіи. Въ соборѣ совершали богослуженія какъ шведскій, такъ и финскій приходы [209]).

Въ Або генералъ русской службы Кейтъ сталъ извѣстенъ, какъ «снисходительный и высокочтимый начальникъ». Яковъ Кейтъ соединялъ рѣдкое благодушіе со строгостію начальника, и потому его полюбили и подчиненные, и жители. Въ древнемъ (съ 1157 г.) главномъ городѣ Финляндіи генералъ Кейтъ принялъ временно управленіе краемъ и сталъ организовать разсѣянныя учрежденія. Въ началѣ русскіе не знали, какъ устроиться, и произошла нѣкоторая двойственность власти, ибо старшій начальникъ Ласси оставался въ Гельсингфорсѣ, но онъ вѣдалъ преимущественно военнымъ дѣломъ. Вскорѣ онъ вернулся въ Петербургъ.

Распоряженія Кейта отличались особой заботливостію о населеніи и исходили изъ желанія облегчить тягости его положенія.

Въ нѣмецкой біографіи Кейта (составленной Франгагеномъ-фонъ-Энзе) говорится, что солдаты привели къ нему, вмѣстѣ съ другими плѣнными, извѣстную красавицу Эву Мертенъ (Merthen),

которая вскорѣ овладѣла сердцемъ генерала. Она была дочерью бургомистра въ Або, Карла Мертена; отецъ ея, назначенный ассессоромъ

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОРЪ ГОРОДА АБО, ОСНОВАНЪ ВЪ [illegible] НЪ ВЪ 1300 Г.

гофгерихта, вскорѣ умеръ (1743 г.), и дѣвушка осиротѣла. Кейтъ нанялъ ей учителей изъ Россіи. Общественныя предубѣжденія помѣ-

шали генералу жениться на ней, хотя онъ нѣжно любилъ ее.— Установившаяся связь сдѣлалась предметомъ общихъ разговоровъ, и жало злословій, конечно, не пощадило ее; тѣмъ не менѣе она сдѣлалась посредницею между Кейтомъ и своими согражданами и постоянной ихъ заступницей. Ева Мертенъ была прозвана «герцогиней Финляндіи», что достаточно опредѣляетъ ея значеніе. Она сопровождала Кейта послѣ мира въ Россію и далѣе во время его жизни, богатой военными подвигами, окончившимися на службѣ у Фридриха Великаго. Впослѣдствіи она вышла за Страсбургскаго коменданта Рейхенбаха и умерла въ 1811 г. [210]).

Надо полагать, что эта сердечная привязанность Кейта къ финляндской дѣвушкѣ не прошла безслѣдно въ его отношеніяхъ къ Финляндіи. Но, помимо того, благородство и возвышенность взглядовъ составляли отличительныя черты этого воина. Онъ умѣлъ уважать непріятеля, сложившаго оружіе, онъ зналъ цѣну дисциплинѣ. Быть можетъ также гористая и озерная Финляндія напомнила ему родную суровую Шотландію...

Населеніе скоро присмотрѣлось къ русскимъ, лично убѣдилось въ ихъ дисциплинированности и гуманности и настолько прониклось довѣріемъ къ нимъ, что большими массами изъ окрестностей съѣзжалось на очередную ярмарку въ Або.

У горожанъ не имѣлось основанія жаловаться на русскихъ, и, если бы не постой и снабженіе ихъ продовольствіемъ, Або не зналъ бы объ ихъ существованіи.

Финляндцы очень скоро освоились съ своимъ новымъ положеніемъ, созданнымъ завоеваніемъ, и русское правительство въ короткое время правленія Кейта пріобрѣло много друзей. «Край сей былъ бы неблагодаренъ,—читаемъ въ мѣстномъ изданіи «Мнемозинъ»,— если-бы не отдалъ всѣмъ Россійскимъ генераламъ и начальникамъ должной похвалы за великодушіе, дисциплину и справедливость». Среди прочихъ генераловъ Кейтъ сдѣлался незабвеннымъ.

Для Финляндіи было бы счастіемъ, — читаемъ у мѣстнаго историка,—если бы Кейтъ остался главнымъ ея начальникомъ. Но Правительствующій сенатъ, разсматривая въ сентябрѣ 1742 г. представленіе графа Ласси о разныхъ предметахъ завоеваннаго края, «разсудилъ Ея Императорскому Величеству представить», чтобы ландсгевдингомъ назначить ген.-м. ф. Кампенгаузена, въ виду того, что онъ при Петрѣ Великомъ «въ нѣкоторыя знатныя коммиссіи употребляемъ былъ», причемъ, для поощренія, пожаловать его генералъ-поручикомъ и опредѣлить жалованье изъ фин-

ляндскихъ доходовъ. Кампенгаузену разрѣшалось избрать въ Финляндіи городъ для жительства, по его усмотрѣнію: «а въ командѣ (подчиненіи) ему состоять Правительствующаго сената». Затѣмъ его личному усмотрѣнію предоставлено было избраніе лагмановъ изъ Лифляндскаго и Эстляндскаго дворянства, а также изъ финляндскихъ жителей. Избранныхъ кандидатовъ онъ обязанъ былъ представить на конфирмацію сената; прочихъ чиновъ онъ имѣлъ право утверждать самъ [211]).

Иванъ Бальтазаръ фонъ-Кампенгаузенъ (Johann Balthasar) родился въ Эстерботніи (1689 г.) и ранѣе служилъ въ канцелярской коллегіи Его Королевскаго Величества въ Стокгольмѣ, почему шведская система управленія была ему хорошо извѣстна. Учился въ рижскомъ лицеумѣ, участвовалъ въ Полтавской баталіи, состоялъ при Карлѣ XII въ Бендерахъ. Затѣмъ, въ 1711 году, онъ перешелъ на русскую службу и поселился въ имѣніи около Риги. Первоначально Кампенгаузену пришлось быть не только гражданскимъ начальникомъ, ландсгевдингомъ, но и президентомъ гофгерихта, канцлеромъ академіи, епископомъ и старшимъ бургомистромъ [212]). Дѣятельность И. Б. Кампенгаузена въ Финляндіи сдѣлалась обширной, такъ какъ онъ вѣдалъ всѣмъ, что касалось экономіи, правосудія и церкви; онъ отправлялъ всѣ королевскія обязанности, раздавалъ королевскіе паспорты, назначалъ судей другихъ должностныхъ лицъ и пр.

Въ срединѣ октября (1742 г.) Кампенгаузенъ прибылъ въ Кюменьгородскую губ., а оттуда постепенно направлялся къ западу, приводя въ порядокъ, по дорогѣ, правительственныя дѣла страны. 2-го января 1743 г. онъ пріѣхалъ въ Або, послѣ чего Кейтъ оставилъ свое правленіе и остался начальникомъ войскъ, а фонъ Кампенгаузенъ принялъ всѣ остальныя дѣла. Раздѣленіе власти на военную и гражданскую было произведено въ особой заботѣ о благосостояніи Финляндіи.

Профессоромъ Валеніусомъ новый генералъ-губернаторъ описывается такъ: «Имѣлъ хорошія качества, но желалъ показать свое усердіе русской коронѣ, былъ вспыльчивъ, имѣлъ безпокойный нравъ и нечистую возбужденную совѣсть, почему, кажется, противъ своего убѣжденія сдѣлалъ то зло, которое совершилъ» (så att han tycktes göra hvad ondt han gjorde emot öfvertygelse).

Первоначально русской власти въ силу необходимости пришлось назначать на разныя гражданскія должности чиновъ войска, но по мѣрѣ возможности офицеры устранялись изъ администраціи, и она передавалась въ руки лицъ, болѣе знакомыхъ съ краемъ. Первый проектъ объ этомъ составилъ гр. Ласси. Высшихъ должностныхъ лицъ онъ желалъ получить изъ Петербурга, а на низшія должности—назначать изъ мѣстныхъ жителей. Правительствующій Сенатъ одобрилъ такое предложеніе, и въ силу его состоялось указанное назначеніе Кампенгаузена генералъ-губернаторомъ Финляндіи, Аланда и Эстерботніи. Низшія мѣста, по указу Императрицы, замѣщались финнами. Шведовъ она запретила назначать. Наши власти заботились о томъ, чтобы ко всѣмъ дѣламъ, которыя касались народа, приставлены были лица, знакомыя со своеобразными учрежденіями, обычаями и языкомъ страны. Этому наиболѣе соотвѣтствовали офицеры бывшей финской арміи, которые, согласно капитуляціи при Гельсингфорсѣ, пользовались полнымъ окладомъ жалованья и были освобождены отъ военной службы; этимъ лицамъ давались теперь разнообразныя порученія, какъ-то: осматривать дороги и мосты, организовать почтовое вѣдомство, сопровождать транспорты и проч. При генералъ-губернаторѣ находились двѣ канцеляріи: одна шведская, другая русская. Офиціальнымъ языкомъ оставался шведскій языкъ. Изъ русскихъ учрежденій писали, конечно, по русски. Во всей администраціи держались шведскихъ законовъ и порядковъ, въ той мѣрѣ, въ какой они не нарушали интересовъ Ея Императорскаго Величества Повелительницы Россіи. Желаніемъ русскихъ было привести въ движеніе прежній шведскій механизмъ и при его посредствѣ возстановить порядокъ. Только высшія лица администраціи края были поставлены въ зависимость отъ русскихъ учрежденій. Главные коммисары и другіе чиновники обычно присягали въ присутствіи начальниковъ русскихъ войскъ. Отъ прибалтійцевъ, призванныхъ на должности въ Финляндіи, требовали знаніе шведскаго языка. Это показываетъ, что русскіе желали примѣниться къ прежнему укладу мѣстной жизни и возможно оберечь нужды жителей. И дѣйствительно, «интересы финскаго народа соблюдались; этого нельзя отрицать», пишетъ изслѣдователь эпохи «Малой Разрухи» [213]).

У Кампенгаузена проявлялась придирчивость, но онъ любилъ порядокъ и стоялъ на стражѣ закона. Некомпетентныхъ лицъ онъ къ должностямъ не допускалъ. Всѣмъ разрѣшено было

обращаться непосредственно къ нему съ жалобами, какъ къ высшему представителю русской власти. Правившій Кюменьгородской провинціей, Кромпеинъ, не проявлялъ склонности къ той кротости и гуманности, которыя желательны были русскому правительству, и Кампенгаузенъ, видимо, удвоилъ свое наблюденіе за нимъ. Кромпейнъ пожелалъ, напримѣръ, взять крестьянъ на работы по возведенію предназначеннаго для него казеннаго дома, но Кампенгаузенъ воспретилъ эту мѣру, указывая на лишенія, понесенныя крестьянами отъ войскъ [214].

ЗАМОКЪ Г. АБО, ОСНОВАНЪ ОКОЛО

Простереть далѣе вниманіе и заботливость къ вчерашнему врагу едва-ли возможно. За всякую нечестность, допущенную при сборѣ контрибуціи и вопреки присягѣ, русская власть грозила смертной казнью. Другой видный представитель русской власти, генералъ Киндерманъ, оставленный во главѣ администраціи Эстерботніи, проявилъ особую строгость въ соблюденіи порядка и рѣдкую благосклонность по отношенію къ населенію, которое часто и охотно обращалось къ нему со своими жалобами и просьбами.

Прежде всего русское господство утвердилось въ Саволаксѣ, куда, уже въ началѣ августа 1742 г., послали правительственнаго чиновника и священника изъ Выборга для приведенія населенія къ присягѣ. Посланные имѣли при себѣ 500 присяжныхъ листовъ и обязаны были знать мѣстный языкъ. Въ Саволаксѣ и Кареліи въ 22 приходахъ вѣрноподданническую присягу приняли всего 9.608 чел. Они отмѣчены были на присяжныхъ листахъ, отосланныхъ въ Россію. Отсутствовало около 400 чел. Приводившимъ къ присягѣ содѣйствовали немдеманы и пасторы.

Съ Восточной Финляндіи русскіе начали также свою организаціонную работу. Главная власть сосредоточивалась здѣсь сначала въ рукахъ генерала А. И. Румянцева, жившаго въ Выборгѣ. Ему, до пріѣзда въ край Кампенгаузена, былъ подчиненъ Кромпейнъ. Послѣ сдачи 8 августа Нейшлота, кн. Мещерскій сдѣлался не только комендантомъ крѣпости, но и начальникомъ округа. Онъ энергично собиралъ нужные припасы и отбиралъ у населенія оружіе, розданное Шеристетомъ. Всего было возвращено 590 ружей, 388 штыковъ и 334 шашекъ. Въ должности коменданта онъ вскорѣ былъ замѣщенъ Давыдовымъ. Въ Тавастгусѣ военная и гражданская власти были объединены въ рукахъ полковника Рязанова.

Какъ во «время великой разрухи», такъ и теперь намѣревались поставить «законниковъ», которые въ одно и то же время были бы и ландсгевдингами, и судьями. Въ силу необходимости, въ нѣсколькихъ губерніяхъ опредѣлены были одновременно съ законниками, такъ называемые, оберъ-коммисары вмѣсто прежнихъ ландсгевдинговъ. Этихъ новыхъ чиновниковъ набирали частью изъ Эстляндіи, частью изъ жителей самой Финляндіи. Лагманомъ и начальникомъ управленія Тавастъ-Нюландской губерніей назначили нѣкоего Тунцельмана Эдлеръ-фонъ Адлерфлутъ, родомъ изъ Дерпта, онъ-же назывался оберъ-коммиссаромъ. Оберъ-коммиссаромъ Кюменьгородской губ. назначили ландскамерира изъ Выборга Карла Кромпейна, который своей резиденціей избралъ Валькіалягордъ (Walkiala gård), потому что Вильманстрандъ лежалъ въ развалинахъ. Ландсгевдингомъ Абоской и Бьернеборгской губ. остался самъ Кампенгаузенъ. Эстерботнія же на всю зиму предоставлена была какъ въ гражданскомъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ управленію фонъ Киндермана; въ началѣ весны для военныхъ дѣлъ туда послали лагманомъ Якова Хугберга, бывшаго маіора финскихъ войскъ.

Порядокъ старательно водворялся во всемъ и при томъ мѣрами самыми разумными и справедливыми. Вотъ тому новое доказательство. При отправленіи на подводахъ провіанта изъ Гельсингфорса въ Або между командированными изъ полковъ чинами и обывателями происходили несогласія, вслѣдствіе незнанія русскими мѣстнаго «обыкновенія» и языка. Подъ вліяніемъ угрозъ, обыватели бросали подводы и разбѣгались. Другихъ подводъ командированные люди въ деревняхъ недоставали.—Чтобы впредь подобной «конфузіи» не происходило, ландсгевдингъ фонъ-Кампен-

гаузенъ предложилъ имѣть финскаго оберъ-офицера при одной тысячѣ кулей и по одному мѣстному унтеръ-офицеру при каждой сотнѣ подводъ, а «для смотрѣнія надъ обывателями и подводами» меньшаго числа имѣть выбранныхъ старостъ изъ мужиковъ («изъ лучшихъ крестьянъ»). При такихъ условіяхъ, начальникъ края полагалъ, что провіантъ будетъ перевозиться «безъ всякой конфузіи». Такъ дѣлалось во времена шведскаго владѣнія. Оберъ- и унтеръ-офицеровъ надлежало оплачивать. Затрата небольшой суммы устраняла безпорядокъ и замедленіе въ перевозкѣ. Этихъ же финскихъ оберъ- и унтеръ-офицеровъ Кампенгаузенъ предлагалъ приставить къ присмотру за вывозкой лѣса для строенія галеръ [215]).

Разрушенныя церкви и общественныя зданія возстановлялись, мосты и дороги вновь устраивались, и туда, гдѣ народъ, вслѣдствіе войны или неурожая терпѣлъ нужду, доставляли хлѣбъ изъ продовольственныхъ магазиновъ русской арміи. Даже въ незначительнѣйшихъ дѣлахъ старались удовлетворить общественное мнѣніе, почему можно сказать, что русское правительство желало продолжать свое завоеваніе путемъ симпатій. Предыдущіе риксдаги въ Стокгольмѣ сильно ограничили, напримѣръ, полупраздники и дни апостоловъ, и это ограниченіе оскорбляло старинные обычаи и понятія народа. Изъ всеподданнѣйшаго донесенія А. Румянцева (отъ 25 окт. 1742 г. изъ Выборга) видно, что финнамъ разрѣшено было праздновать апостольскіе дни. Чинамъ гофгерихта сохранили жалованье. Предполагалось еще выдавать изъ магазиновъ заимообразно провіантъ, но, вслѣдствіе безнадежности его возвращенія, эта мѣра была оставлена [216]).

Въ церковномъ управленіи въ началѣ произошелъ замѣтный безпорядокъ, потому что оба епископа, Фаленіусъ изъ Або и Даніэль Юсленіусъ изъ Борго, и многіе члены консисторіи скрывались въ Швеціи. Этимъ положеніемъ дѣлъ хотѣла воспользоваться для расширенія своей епархіи Выборгская консисторія. Императрица повелѣла Кампенгаузену организовать церковныя дѣла во всемъ завоеванномъ великомъ княжествѣ совершенно самостоятельно. Для церковнаго управленія была учреждена одна общая консисторія въ Або; предсѣдателемъ назначили профессора Валеніуса, который въ то же время исправлялъ должность епископа обѣихъ епархій. Главнымъ начальникомъ управленія, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго, оставался Кампенгаузенъ. Централизація власти вызывалась военнымъ положеніемъ края.

Къ чести русскихъ приходится отмѣтить, что они съ особой осмотрительностью вмѣшивались въ духовныя дѣла Финляндіи. Постановленія русской власти въ этой области носили временный характеръ. Правда, во главѣ церковнаго управленія оставался генералъ-губернаторъ, но при первой же возможности онъ сосредоточилъ всѣ духовныя дѣла въ консисторіяхъ, куда, съ разрѣшенія Императрицы, и обращались со своими нуждами мѣстные дѣятели и жители.

Само собою разумѣется, что не всѣ учрежденія въ теченіе одного года могли быть вполнѣ организованы, а многое было сдѣлано наполовину. Однако высшій судъ страны, который теперь назывался «Императорскій» Абоскій гофгерихтъ, приведенъ былъ въ нѣкоторый порядокъ; взамѣнъ бѣжавшихъ членовъ назначены были новые, частью изъ младшихъ чиновниковъ того-же учрежденія, частью изъ судебныхъ учрежденій провинцій. Кромѣ того отыскивали еще нѣсколькихъ подходящихъ господъ въ Выборгской губерніи. Они являлись уроженцами Финляндіи, но послѣ «великой разрухи» сдѣлались подданными Россіи, какъ напримѣръ Гюлленгофъ (Gyllenhof), Будбергъ и др. Руководительство гофгерихтомъ поручено было герадсгевдингу Ленеусу, въ званіи вице-президента.

Труднѣе было вновь возстановить университетъ. Изъ описанія Берха извѣстно, что университетъ въ Або имѣлъ три академическихъ аудиторіи, изъ которыхъ одна была перегорожена и докторомъ Спёрингомъ превращена въ theatrum anatomicum. Остальныя по объему были обширнѣе, чѣмъ того требовало малое число студентовъ, рѣдко достигавшее до 300 чел.). Королевскихъ стипендіатовъ было 60, что составляло лишь половину Упсальскихъ стипендіатовъ. Профессорскій гонораръ былъ ничтоженъ, вслѣдствіе бѣдности большинства студентовъ. Докторъ Спёрингъ жаловался, что studium medicum въ этомъ университетѣ находился въ полномъ пренебреженіи, и еслибъ онъ читалъ только медицину, то у него не было-бы аудиторіи; но благодаря philosophiam experimentalem онъ привлекалъ молодежь, интересующуюся приборами и опытами [217]).

Въ началѣ войны большинство университетскихъ преподавателей бѣжало въ Швецію. Однако нѣкоторые изъ профессоровъ оставались въ Або, и Кейтъ уже осенью назначилъ въ университетъ другихъ подходящихъ лицъ, почему по крайней мѣрѣ каѳедры, необходимыя для образованія духовныхъ лицъ, были замѣщены. Кейтъ оказался настолько расположеннымъ къ университету, что даже удалившіеся профессора сохранили свое жалованье.

Вообще всѣ мѣропріятія правительства показывали, что не намѣрены были отступиться отъ завоеваннаго края. Всѣ жители должны были присягнуть на вѣрноподданство Императрицѣ и когда 7-го ноября 1742 г. герцогъ Петръ Голштинскій (Готторпскій) объявленъ былъ наслѣдникомъ Россійскаго престола, подъ именемъ Петра Феодоровича, финны и ему должны были принести вѣрноподданническую присягу. Для приведенія къ присягѣ по странѣ разосланы были чиновники и пасторы. Присягали всѣ, даже несовершеннолѣтніе. Въ Або приводилъ къ присягѣ полковникъ Каминовъ. Его невидный и оборванный отрядъ выстроился на площади города.—Приведеніе къ присягѣ не являлось насиліемъ, придуманнымъ только для финляндцевъ. Когда въ 1757 г. русская армія находилась въ Восточной Пруссіи, то мѣстное населеніе также было приведено къ присягѣ русской Императрицѣ, а область обращена въ русское генералъ-губернаторство.

Едва прекратилось дѣйствіе оружія, русскіе стали принимать мѣры къ охраненію населенія. Въ концѣ октября генералъ «маіоръ» Киндерманъ донесъ А. Румянцеву, что, согласно условію, заключенному съ полковникомъ Фрейденфельтомъ, шведы отправились водою изъ Эстерботніи, а ихъ лошади (658)—вокругъ Синуса Ботника; при этомъ ген. Киндерманъ потребовалъ, чтобы «крестьянамъ никакой обиды не чинилось» [218]).

———

До русскихъ, по Финляндіи прослѣдовали шведы и всюду оставили свой замѣтный слѣдъ. «Сія земля собираніемъ на непріятельскую армію провіанта и фуражу немало опустошена» [219]), къ тому-же сѣнокосные луга «большею частью и пашни потравлены». Снятіе хлѣбовъ производилось плохо, «ово за страхомъ» отъ нашихъ жили въ лѣсахъ, «ово» непріятелемъ изъ домовъ были выгоняемы; лошади отбирались подъ тяжести и артиллерію [220]).

«Разоренная уже до начала войны двухлѣтнимъ содержаніемъ значительнаго корпуса шведскихъ войскъ, Финляндія, при окончаніи ея, дошла до страшной нищеты».

Разорителями Финляндіи явились сами шведы. Въ ужаснѣйшую распутицу они привели свою армію въ движеніе и эта армія «женщины потребляли жизненные соки Финляндіи», писалъ проф. Фр. Сигнеусъ. Это замѣчаніе подтверждаетъ шведъ, графъ Седер-

крейцъ, который разсказываетъ, какъ шведскіе полки отбирали всѣхъ крестьянскихъ лошадей. «Вопли несчастнаго края противъ такихъ дѣйствій, и жестокость,—о которой доносили въ походѣ, что даже крестьяне и коронные служители запрягаемы были въ телѣги, когда лошади падали,—не могли дойти до высшаго правительства». «И эти ужасы насилія,—продолжаетъ проф. Фр. Сигнеусъ,—производились не упоеннымъ побѣдою вождемъ торжествующей арміи, а графомъ Карломъ Эмилемъ Левенгауптомъ и его подчиненными» [221]).

Крестьяне въ Финляндіи были истязуемы прежде всего собственными войсками, вслѣдствіе чего по общимъ жалобамъ (Kongl. Resol. på Allm. besvär),—согласно королевской резолюціи, послѣдовавшей уже послѣ войны (10 сен. 1743 г.),—было постановлено, «что Королевское Величество съ неудовольствіемъ узналъ объ обращеніяхъ и жестокостяхъ, причиняемыхъ противъ его вѣрныхъ подданныхъ въ Финляндіи ея собственнымъ войскомъ, почему должно быть произведено разслѣдованіе дѣла». Уже въ началѣ войны крестьяне жаловались, что имъ не уплачивалось за все то, что они поставляли для арміи; вслѣдствіе чего другой резолюціей по общимъ жалобамъ (1 сент. 1741 г.) было постановлено, «что надлежитъ разслѣдовать, сколько всего въ дѣйствительности не уплачено, и кто въ томъ виновенъ, чтобы заставить уплатить слѣдуемое сполна». Крестьянамъ не скоро пришлось воспользоваться тѣмъ, что имъ по праву причиталось. Изъ генералъ-губернаторскаго отчета отъ 8 дек. 1751 г. риксдагу видно, что крестьяне въ Сиббо жаловались, на невыдачу имъ вознагражденія за казенную почтовую гоньбу и налоги во время войны. По этому поводу ландсгевдингъ заявилъ, что не только Сиббо, но и вся губернія чувствуетъ эти убытки. Изъ резолюціи по общимъ тяжбамъ также вытекаетъ, что «за доставки во время войны еще до сихъ поръ не вездѣ уплачено». Все это слѣды дѣйствія шведскихъ войскъ [222]).

Для арміи повелѣно было заготовить 2.848.480 пудовъ сѣна. Въ поставкѣ его сначала принимала участіе одна только Эстерботнія. Но этого сѣна не хватило. Потребовались дополнительныя поставки. Гдѣ сѣна не имѣлось, предлагали замѣнить его овсомъ и ячменемъ. Поставка сѣна оказалась очень тяжелой повинностью, вслѣдствіе тѣхъ злоупотребленій, которыя широко тогда практиковались. Немдеманъ (засѣдатель уѣзднаго или лагманскаго суда) изъ Лойма Э. Чильманъ сопровождалъ пар-

тію подводъ съ сѣномъ изъ Абоскихъ приходовъ въ Тавастгусъ и удостовѣряетъ, что крестьяне, доставившіе сѣно, по цѣлымъ недѣлямъ ожидали пріемщиковъ. Когда, наконецъ, они являлись, то принуждали бѣдныхъ крестьянъ сдавать три и четыре пуда за одинъ. Безъ взятокъ сдача не производилась. Подкупъ, видимо, былъ въ большомъ ходу. Крестьяне оказывались настолько притѣсненными, что не всегда осмѣливались даже просить квитанцій. За недогадливость къ врученію взятокъ крестьянъ избивали. Въ Тавастгусѣ, говорили крестьяне, не осталось болѣе ни справедливости, ни честности. Чильмана, за сдѣланныя возраженія, арестовали и отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій онъ спасся только бѣгствомъ [223]).

Не менѣе тяжелыми явились шведская постойная и подводная повинность. Войска расквартировывались преимущественно вдоль дорогъ и въ городахъ. Войска пользовались помѣщеніемъ, отопленіемъ и освѣщеніемъ. За все это полагалось незначительное вознагражденіе, но его или вовсе не выдавали, или приходилось ожидать долгіе годы. Пребываніе шведскихъ войскъ въ предѣлахъ Финляндіи являлось тяжкимъ наказаніемъ для населенія еще вслѣдствіе самовольничанія солдатъ. Войска не жалѣли крестьянъ. Шведскіе солдаты взламывали двери крестьянскихъ избъ и брали все, что въ нихъ находилось. Отъ страха жители разбѣгались по лѣсамъ и пустырямъ, чтобы не подвергнуться насилію. Шведы часто обходились съ Финляндіей какъ съ непріятельской страной [224]).

Еще болѣе изнурялись крестьне исполненіемъ разнаго рода подводной повинности. Изъ каждой губерніи лошади требовались сотнями и тысячами. На нихъ совершались многочисленные переѣзды и перевозки безъ перерыва. Лошади падали. Хозяева ихъ страдали отъ голода и холода, отъ несправедливостей и отсутствія всякой гуманности.

Шкиперовъ привлекали къ перевозкѣ припасовъ изъ Швеціи въ Финляндію.

14 Іюля 1741 г. состоялся королевскій указъ о томъ, чтобы не прибѣгать къ насильственной вербовкѣ. Власти имѣли въ виду предоставить поступленіе въ войска сверхкомплекта добровольному усмотрѣнію каждаго. Но эти правила стали нарушаться въ самомъ началѣ войны, когда сразу потребовали на службу двойное противъ положеннаго число людей. Сверхъ назначеннаго брали въ Нюландской и Тавастгусской губ. Но особенно круто и

принудительно требовалъ людей и средствъ Кюменьгородскій губернаторъ Шерисгедтъ, напоминавшій главнокомандующаго предыдущей войны Нирода.

Жалобы на шведскія притѣсненія и неполученіе вознагражденія раздавались съ разныхъ сторонъ. Жаловались королю, риксдагу, губернаторамъ. Все напрасно. Насилія и безпорядки не прекращались. Все оставалось въ прежнемъ видѣ до прихода русскихъ [225]).

Финскія войска также дурно вели себя на родинѣ въ дни борьбы съ Россіей. Въ воспоминаніяхъ Тибурціуса записано: «пока шведы стояли въ Веккелаксѣ, все оставалось въ цѣлости, плетни, дома и проч. сохранялись неприкосновенными, но какъ только ихъ смѣнили финны, плетни оказывались разобранными и сожженными, полы выламывались, уничтожались печныя задвижки, разбивались стекла». И во многихъ другихъ случаяхъ видно было, что финны «въ собственномъ своемъ краѣ были хуже непріятеля; а затѣмъ все свалили бы на шведовъ, и поднялся бы общій крикъ о тѣхъ, кто начали войну» [226]).

Русскія власти, напротивъ, принялись за упорядоченіе внутренняго устройства Финляндіи и всѣми средствами старались облегчить мѣстному населенію перенесеніе невзгодъ войны.

Въ приказѣ (dagorder), помѣченномъ Купписъ Бро-бю (Kuppis Bro-by), около рѣки Кюмени, 14 іюля 1742 г., русскій главнокомандующій де-Ласси возобновилъ обѣщанія манифеста 18 марта о томъ, что жители Финляндіи, если они будутъ вести себя «хорошо и спокойно» («stilla och roliga»), не потерпятъ никакого вреда.

Безцѣльныя насилія никогда не были въ духѣ русской арміи; Кейтъ, Ласси и другіе ея вожди чуждались ихъ и отдавали самыя строгія приказанія казакамъ и калмыкамъ, которые пользовались особенно дурной славой среди мѣстнаго населенія. И только финляндцы, страдавшіе въ періоды многочисленныхъ шведско-русскихъ войнъ, склонны были вѣрить разнымъ нелѣпостямъ о дикости русскихъ. Вотъ два образчика. Разсказывали среди нихъ, что «во время пребыванія русскихъ въ Або, однажды калмыки, вступившіе въ городъ съ казаками въ день ярмарки, разъѣзжая по улицамъ, остановились у дома Сиркена и, вонзивъ клячѣ въ грудь длинный ножъ, дудками высосали кровь; а потомъ распоровъ лошади брюхо, бросили ее тамъ-же на съѣденіе собакамъ» [227]). Со времени Великой Сѣверной войны среди финновъ ходили слухи о

томъ, что калмыки морили дѣтей и съѣдали ихъ. «Отъ многихъ русскихъ офицеровъ я узналъ, пишетъ шведъ-графъ Хордъ, что Красноще́ковъ сильно пьянствовалъ, и по природѣ своей былъ до того жестокъ, что иногда, для забавы, заставлялъ приводить къ себѣ десятками плѣнныхъ, которымъ отрубалъ головы саблей, желая лишь, показать свою ловкость».

Исторія устанавливаетъ рядъ фактовъ иного характера. 2 августа 1743 г. послѣдовалъ указъ, которымъ повелѣвалось: «всѣхъ преступниковъ изъ шведовъ за убійства и грабежъ не казнить натуральною смертью, но, по отсѣченіи правой руки у виновнаго, вырѣзавъ ноздри, ссылать его въ вѣчную работу» [228]).

[illegible]

Финляндскій историкъ Ирье-Коскиненъ долженъ былъ признать, что строгая военная дисциплина въ русскихъ войскахъ, сдерживавшая нижнихъ чиновъ отъ насилій, явилась величайшимъ благодѣяніемъ для страны. У историка Швеціи Malmström'a читаемъ: Вообще русскіе обращались съ необычайной для нихъ снисходительностью и человѣчностью; за исключеніемъ первыхъ набѣговъ казаковъ, упоминается лишь о немногихъ насиліяхъ надъ жителями края [229]).

Особенно добрую память въ Финляндіи оставили по себѣ генералы Кейтъ и Киндерманъ; послѣдняго подчиненные ему драгуны шутя называли «кумиромъ эстерботнійцевъ», а на Кейта солдаты жаловались, что онъ къ нимъ строже относился въ Финляндіи, чѣмъ дома. «Едва-ли русское войско могло быть въ отчизнѣ содержимо такъ строго, какъ у насъ» [230]). Говорятъ, что недовольные этимъ склонили ген. Брюса жаловаться на Кейта Императрицѣ [231]). О Кампенгаузенѣ также можно сказать одно хорошее. Его правленіе показываетъ, что русская власть намѣревалась охранить силу законовъ во всѣхъ дѣлахъ. Лишь нѣкоторые единичные случаи поли-

тическаго подозрѣнія побудили нашихъ властей прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости. Тяжелое обращеніе вынесъ старшій пасторъ (капелланъ) въ Малаксѣ, Яковъ Викаръ, когда его по недоразумѣнію отправили (на мѣсяцъ) въ заключеніе въ Абоскій шлоссъ.—Оказалось, что эстерботнійскій землемѣръ, его однофамилецъ, въ письмѣ къ своей дочери въ Швецію, тайно сообщалъ о состояніи русской арміи и спеціально объ ея слабости. Но и это дѣло разрѣшилось къ общему довольствію. Виновникъ же успѣлъ скрыться. Русскіе вообще не выказывали мелочнаго подозрѣнія. Народъ и солдаты сходились довольно хорошо, а въ Або зимою офицеры устраивали блестящіе балы, украшеніемъ которыхъ являлись мѣстныя барышни.

Шведъ Альготъ Скарúнъ (Algot Scarin). состоявшій профессоромъ въ Або, писалъ въ 1744 г. своему другу въ Швецію, что ни одинъ русскій не позволилъ себѣ такого насилія противъ населенія, какое было учинено шведами. Не было-бы удивительно, если-бъ финская нація оказала большее расположеніе своему сосѣду, чѣмъ къ своимъ собственнымъ собратіямъ.

Проф. гельсингфорсскаго университета Ф. Сигнеусъ, собравшій обширный матеріалъ по войнѣ 1741—1743 гг., но написавшій лишь вступленіе къ своему изслѣдованію, пришелъ къ такому же заключенію, какъ современникъ войны Скаринъ: «Горько сознаніе — но горечь заключается въ истинѣ его,—что «естественные защитники Финляндіи (т. е. шведы) иногда, даже обычно, поступали гораздо суровѣе, нежели русскіе, имѣвшіе оправданіе своего поведенія въ строгихъ правахъ войны, которой они не желали» [232]).

Даже одинъ изъ современныхъ намъ финскихъ историковъ, К. О. Линдеквистъ, произведя общую оцѣнку періода войны при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, призналъ, что эта война оставила въ Финляндіи менѣе печальную память, чѣмъ предыдущая.

Народъ страдалъ единственно отъ содержанія русскаго войска, которое мѣстами ложилось тяжелымъ бременемъ, хотя значительныя облегченія дѣлались, смотря по обстоятельствамъ.

Прежде всего въ виду бѣдности Финляндіи большинство нашего войска было отправлено назадъ въ Россію. Въ Финляндіи осталось не больше 9000 чел., которыхъ размѣстили по разнымъ губерніямъ. По инымъ подсчетамъ, число окупаціонныхъ войскъ

доходило до 14 или 15 тыс. Болѣе другихъ пострадала отъ войны Кюменьгородская губернія, и она была совершенно освобождена отъ постоя. Въ Тавастландію послали только одинъ драгунскій полкъ, начальникомъ котораго состоялъ полковникъ Рязановъ, временно управлявшій губерніей. Тѣ-же мѣстности, на которыя можно было ожидать нападеніе со стороны Швеціи, т. е. побережье западной Нюландіи, Або и Бьернеборгская губернія, Аландъ и Эстерботнія, были снабжены болѣе значительными русскими силами.

10 сентября 1742 г. Сенату было доложено всеподданнѣйшее донесеніе генералъ-фельдмаршала гр. ф.-Ласси, въ которомъ онъ указывалъ на то, что «въ прежде бывшую» (при Петрѣ В.) войну со шведами, когда Финляндія была завоевана, «для сборовъ съ земли коронныхъ доходовъ» опредѣляемы были ландсгевдингъ или лагманъ и другіе «земственные правители». Теперь опять явилась надобность въ нихъ, но такъ какъ онъ (гр. Ласси) ихъ не имѣетъ, то проситъ опредѣлить знающихъ людей для производства «сборовъ безъ всякаго упущенія». Но тутъ же обращаетъ вниманіе Императрицы, къ которой обращается съ ходатайствомъ, что многіе тамошніе жители разорены, во-первыхъ, шведской арміей, бравшей у нихъ скотъ и пр., и русскими войсками, несмотря на «крѣпкое за ними наблюденіе». Въ виду этого, гр. Ласси просилъ этимъ людямъ «нѣкоторое облегченіе учинить», и, до назначенія ландсгевдинга и другихъ земскихъ управителей, сборовъ съ земли не брать, кромѣ провіанта и фуража.

Сенатская контора въ свою очередь предлагала въ Выборгѣ и его окрестностяхъ поискать комисарскихъ и земскихъ писарей, знающихъ шведскій и финскій языки [223]).

Затѣмъ Сенатъ предписалъ Кампенгаузену представить вѣдомости о томъ, какіе денежные и прочіе доходы собирались съ жителей края въ шведскія времена, «что нынѣ съ нихъ сбирать надлежитъ» и опредѣлить, кто изъ нихъ, вслѣдствіе разоренія отъ войны, не въ состояніи платить и какія можно будетъ устроить для нихъ облегченія. Все это Кампенгаузену надлежало сдѣлать по совѣщаніи съ мѣстными земскими управителями и представить въ Сенатъ на «опробацію». До этой опробаціи, разрѣшалось собирать только одинъ провіантъ и фуражъ, «а кромѣ того ничего съ нихъ не брать».

Земскіе комисары ставились въ подчиненіе Кампенгаузену. Сенатской конторѣ надлежало дать имъ по этому поводу инструк-

цію, но ее онъ обязанъ былъ сообразить съ мѣстными условіями.

Этотъ актъ, подписанный княземъ Долгорукимъ, кн. Ив. Трубецкимъ, кн. Черкасскимъ, гр. Чернышевымъ, Андр. Ушаковымъ, кн. Куракинымъ, Алексѣемъ Бестужевымъ-Рюминымъ, Александромъ Нарышкинымъ и др. и утвержденный затѣмъ Императрицею, показываетъ, какъ справедливо и какъ заботливо наше правительство отнеслось къ финляндцамъ. Если Кампенгаузенъ, Кейтъ, Киндерманъ и др. проявили большую заботу о краѣ, то она прежде всего была предписана имъ съ высоты престола.

Кампенгаузенъ отыскалъ поземельныя или оброчныя книги и по нимъ обложилъ жителей податями для арміи [234]). Такимъ образомъ населеніе не произвольно было обложено, а по извѣстной нормѣ, примѣнительно къ порядку, существовавшему въ краѣ.

Подати остались, слѣдовательно, тѣ-же, что въ шведское время, съ тою только разницею, что подушныя подати (bevillningarna) прекратились. Въ Эстерботніи на содержаніе войска употребляли собственно земельныя подати, что служило большимъ облегченіемъ для крестьянъ. Во многихъ мѣстахъ народу приходилось уплачивать требуемое провіантомъ, сѣномъ и повинностью перевоза.

Въ виду того, что Кампенгаузену приказано было Сенатомъ установить способы содержанія войска «по совѣщанію съ мѣстными земскими управителями», въ городѣ Вазѣ созвано было мѣстное земское собраніе. Это земское собраніе, единственное въ своемъ родѣ за тѣ времена, состоялось въ Вазаской ратушѣ, въ теченіе первой недѣли октября 1742 г. Послѣ принятія присутствующими присяги, генералъ ф.-Киндерманъ отъ имени Императрицы обѣщалъ управлять губерніей по шведскимъ законамъ. Извѣстно еще, что въ Кюменьгородской губерніи состоялось совѣщаніе 3 декабря 1742 г. въ присутствіи Кампенгаузена, пасторовъ и коронныхъ чиновниковъ.—Здѣсь предложено было брать личный налогъ съ болѣе зажиточныхъ и присутствовавшіе на это согласились. Въ другихъ губерніяхъ не совѣщались съ населеніемъ въ такомъ порядкѣ; но всюду старались слѣдовать указаніямъ справедливости и дѣйствующаго закона. Въ Або Кейтъ сообщилъ особымъ объявленіемъ, что онъ два раза въ недѣлю, въ положенные часы, принимаетъ прошенія и жалобы населенія.

Возстановить полную картину сбора контрибуціи не возможно, при отрывочности наличныхъ данныхъ. Извѣстно приблизительно, что Киндерманъ взялъ съ Эстерботніи 13.066 талеровъ

серебромъ, 4,968 четвертей овса и 264,530 пудовъ сѣна, 2,030 четвертей муки и ржи. Но и относительно этихъ цифръ въ счетахъ и книгахъ наблюдаются противорѣчія.

Но зато имѣется длинный рядъ распоряженій и прочно обоснованныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что русскіе обходились съ финнами при сборѣ контрибуціи и всякихъ налоговъ въ высшей степени добросовѣстно и гуманно.

Размѣръ контрибуціи былъ опредѣленъ, но въ виду бѣдности населенія, ее нигдѣ полностью не взыскали. «Большая часть налоговъ осталась не собранной», читаемъ у финскаго писателя. Всюду оставались большія недоимки. Въ одной изъ наиболѣе богатыхъ губерній—Нюландской—едва собрали одну треть. Въ Абоской губерніи получили одну четвертую часть налоговъ и $^2/_3$ лагманскихъ сборовъ. Въ другихъ губерніяхъ собрали еще меньше. Особенно щадили мѣстности, расположенныя вдоль большихъ дорогъ, зная что они пострадали при прохожденіи войскъ. Уже въ 1742 г. въ Вильманстрандскомъ округѣ были прощены нѣкоторые налоги. Въ 1743 г. тамъ же сложили постоянныя подати съ земли и требовали лишь личный налогъ и лагманскія (судейскія) деньги. Русская власть воспретила въ уплату налоговъ опустошеніе усадебъ, уводъ скота или отнятіе жизненныхъ припасовъ. Съ разныхъ сторонъ поступали ходатайства объ освобожденіи отъ налоговъ. Заявленія провѣрялись, и при удостовѣренной бѣдности Кампенгаузенъ слагалъ недоимки. Онъ не разъ въ своихъ инструкціяхъ по сбору податей и налоговъ предписывалъ справедливость и кроткое обхожденіе. Правда, этотъ приказъ сохранялся въ секретѣ, и даже воспрещено было говорить, что онъ исходилъ отъ генералъ-губернатора, но обязательность его отъ этого не уменьшалась. Если-бы онъ сдѣлался въ свое время общеизвѣстнымъ, то пришлось бы упразднить сборщиковъ податей и отъ населенія въ казну не поступило бы ни одного талера. Другое секретное предписаніе, отданное Кромпейну, требовало, чтобы сборы производились сообразно съ достатками каждаго. Народъ слышалъ угрозы и строгія приказанія, но они не приводились въ исполненіе [235]).

Результатъ такого гуманнаго отношенія къ населенію не трудно предвидѣть. Онъ обозначенъ въ слѣдующихъ строкахъ финскаго писателя. «Въ виду бѣдности и желанія возможно щадить народъ, русскимъ приходилось въ большинствѣ случаевъ содержать свои войска въ краѣ на собственныя средства».

На замиренныхъ жителей, сейчасъ-же по приводѣ ихъ къ присягѣ, возлагалась обязанность довольствовать фуражемъ наши воинскія части.

Кирхшпили (приходы) заготовляли сѣно, какъ контрибуцію. Но тѣ, которые при этомъ отягощали жителей болѣе положеннаго, штрафовались. «Сія на нихъ, финновъ, положенная нынѣ контрибуція весьма невелика,—писалъ А. Румянцевъ 10 августа 1742 г. изъ Выборга Государынѣ,—а хотя по разореніи многихъ деревень и разбѣгѣ крестьянъ не очень много онаго фуража соберется, однако и то малое дѣло въ будущую зиму вспомоществовать въ довольствіи кавалеріи имѣетъ» [236]).

Болѣе другихъ имѣли основаніе жаловаться жители шхерныхъ приходовъ въ юго-западной Финляндіи. Весной 1743 г. русскіе начали постройку галеръ, съ цѣлью усилить свой флотъ, на случай возможнаго столкновенія съ непріятелемъ. Населеніе въ шхерахъ и юго-западной Финляндіи было принуждено возить строевой лѣсъ и исполнять поденщину, въ качествѣ плотниковъ; даже изъ Эстерботніи взяли крестьянъ, извѣстныхъ своимъ искусствомъ въ судостроеніи.

Такова версія финляндскихъ историковъ, напримѣръ, М. Шюбергона. По обыкновенію они не договорили весьма существеннаго. Галеры дѣйствительно приказано было строить, но русское правительство сразу озаботилось тѣмъ, чтобы не требовать болѣе того, что можно, «чтобы людямъ разоренія не было» [237]).

Установилось это правило такимъ образомъ:

Въ собраніи Правительствующаго Сената обсуждался вопросъ о судахъ, потребныхъ для продолженія кампаніи. При этомъ графъ Ник. Ѳедоровичъ Головинъ указалъ, что въ прежнюю (Петровскую) войну со Швеціей построено было въ Финлядніи немалое число галеръ. Въ заготовленіи лѣса и постройкѣ ихъ принимали участіе солдаты разныхъ полковъ. Адмиралтейство присылало мастеровъ и подмастерьевъ, а на нѣкоторыя работы употреблялись финны и шведскіе арестанты. Въ виду такой справки, 5 февраля 1743 г., въ присутствіи Императрицы, постановлено было: повелѣть генералу Кейту и генералъ-поручику ландсгевдингу фонъ Кампенгаузену сыскать въ Финляндіи удобныя мѣста для постройки, заготовить лѣса на 50 пѣшихъ и на 12 конныхъ галеръ. Послѣднія должны были вмѣщать не менѣе 40 лошадей каждая. По усмотрѣнію Кейта, слѣдовало назначить изъ полковъ солдатъ и командировъ; по соглашенію съ ландсгевдин-

гомъ, допустить тамошнихъ обывателей «помогать» людьми и лошадьми, а Адмиралтейской коллегіи отправить въ Финляндію, безъ всякаго замедленія, мастеровъ и подмастерьевъ. — Генералу Кейту «для плотничныхъ-же работъ опредѣлить изъ полковъ-же солдатъ; кузнецовъ, столяровъ и пильщиковъ опредѣлить изъ тамошнихъ финновъ; желѣзо, конопать, смолу и прочее, что въ тамошнихъ крѣпостяхъ сыскать можно, употребить въ дѣло». Въ заключеніе повелѣвалось: «а обывателямъ, которые при вывозѣ лѣса и при строеніи тѣхъ галеръ будутъ, справясь ежели напередъ сего бывшемъ при такихъ работахъ заработанныя деньги даваны, то и нынѣ давать» [238]).

Галеры строились, слѣдовательно, не только обывателями, но и нашими солдатами). Изъ Гельсингфорса, гдѣ ихъ не строили, высланы были въ Або пѣхотные солдаты, чтобы не изнурять населенія. Разный матеріалъ приказано было пріобрѣтать за надлежащую плату, такую, какая «при шведскомъ владѣніи состояла». Мѣщанъ и мужиковъ поощряли «денежною заплатою и провіантомъ». Имъ давались «крѣпкія обнадеживанія, что денежною заплатою и провіантомъ оные удовольствованы будутъ». Работниковъ имѣли по договору и за условленное вознагражденіе.

Смола доставлялась изъ разныхъ мѣстъ, и ее накуплено было болѣе 6 тыс. бочекъ, стоимостью отъ 10 до 16 талеровъ за каждую. Доски получались отъ Бьернеборгскихъ купцовъ, которые доставляли ихъ морскимъ путемъ. Пакля привозилась изъ Нюландіи. Желѣзо—съ заводовъ Тейо и Коски. Рабочихъ набирали ото всюду. Способныхъ тогда брали «безъ всякихъ разсужденій». За работами наблюдали унтеръ-офицеры. Работы шли не ходко. Въ Або построили всего 6 галеръ. Шведы своими набѣгами старались препятствовать постройкѣ судовъ; иногда имъ удавалось сжечь матеріалъ и увести въ плѣнъ рабочихъ, иногда рабочіе сами дезертировали [239]).

Когда русскіе явились обладателями Финляндіи, они привлекли часть ея населенія къ исполненію одной государственной повинности. Среди жителей «Оболенской» (Абоской) провинціи и Эстерботіи рѣшено было произвести наборъ, для укомплектованія нашего флота матросами. Гр. Ласси исходилъ въ этомъ важномъ дѣлѣ изъ слѣдующихъ соображеній. Ему стало извѣстно, что прежде Финляндія ежегодно давала для флота до 400 человѣкъ, «знающихъ матросское искусство». Для содержанія и пропитанія матросовъ по ихъ бостелямъ, край былъ раздѣленъ на Оболенскій

(Абоскій) и Аландскій дистрикты и по числу главнѣйшихъ островов (Паргасъ, Кимито, Нагo, Корпо и др.). Они ставили и содержали матросовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда корона требовала также изъ Эстерботіи матросовъ, она ставила «отъ трехъ одного человѣка». Матросы, во время нахожденія на службѣ въ русскомъ флотѣ, должны были получать надлежащее жалованье, если же они оставались въ бостеляхъ, то имѣли право на извѣстное обезпеченіе (2 бочки ржи и 2 талера деньгами). Чтобы возможно облегчить повинность, а также обезпечить лицъ «по ихъ знаемости тѣхъ островов» и по ихъ привычкѣ «къ морскому хожденію», гр. Ласси, зная, что многіе бостели разорены, проектировалъ возвратить бостели тѣмъ, которые ихъ имѣли прежде, а тѣмъ, у которыхъ ихъ вовсе не было, дать для «ихъ удобства, нѣкоторое награжденіе».—Все это дѣлалось въ разсчетѣ, что «гораздо болѣе своею волею во флотѣ службы просить будутъ». Въ Эстерботніи, — говорилъ гр. Ласси,—и другихъ мѣстахъ, съ которыхъ прежде не производилось (постояннаго) сбору матросовъ, «а платили (обыкновенно) вмѣсто оныхъ деньгами, нынѣ, разсуждаю, тѣхъ дистриктовъ обыватели, за ихъ разореніемъ съ лучшею охотою дать могутъ матросовъ, нежели деньгами». Этихъ людей гр. Ласси имѣлъ въ виду удовлетворить средствами изъ мѣстныхъ доходовъ и отправить въ Петербургъ, а по окончаніи кампаніи тѣхъ изъ матросовъ, которые не пожелаютъ продолжать службы, отпустить «на прежнія ихъ жилища, дабы черезъ то онымъ лучшую охоту къ службѣ во флотѣ можно придать». Имѣлось также въ виду брать матросовъ съ «купецкихъ судовъ» именно потому, что комерціи у нихъ во время войны не было [240]).

Большей справедливости и заботливости къ своимъ врагамъ едва-ли можно проявить по обстоятельствамъ военнаго времени. Всѣ предположенія гр. Ласси удостоились утвержденія правительства, при чемъ въ Высочайшемъ указѣ было объявлено: «а съ которыхъ провинцій не сбирано, съ тѣхъ и нынѣ не брать». Для пріема людей откомандировали двухъ морскихъ офицеровъ, а на довольство тѣхъ матросовъ адмиралтейской коллегіи надлежало выдать генералу Кампенгаузену 2 тысячи «рублевъ» [241]).

Наборъ матросовъ для русскаго флота шелъ крайне неуспѣшно. Ихъ явилось очень незначительное число. На Аландѣ ихъ собралось болѣе: но шведы, придя туда ранѣе русскихъ, увезли ихъ съ собой. Жители шхеръ, увѣренные, что къ нимъ

трудно проникнуть, не обращали вниманія на русскія объявленія. Въ маѣ 1743 г. матросовъ, набранныхъ въ Финляндіи, во флотѣ числилось всего 116 человѣкъ. Въ августѣ въ Петербургъ прислали еще 102 человѣка. (По другимъ свѣдѣніямъ всего 310 чел.). Но такъ какъ кампанія успѣла окончиться и съ шведскою короною былъ заключенъ миръ, то родился вопросъ: что съ ними дѣлать? Рѣшено было означенныхъ финскихъ матросовъ содержать и жалованьемъ довольствовать, а тѣмъ временемъ навести справки, какихъ они городовъ и дистриктовъ, очевидно, съ цѣлью роспуска ихъ по домамъ [242]).

Финскій историкъ утверждаетъ, что большая часть этихъ матросовъ дезертировала [243]).

Въ военное время, ямская повинность явилась, пожалуй, одной изъ труднѣйшихъ. Въ лошадяхъ для своихъ подводъ нуждались какъ шведы, такъ и русскіе. Послѣ сраженія при Вильманстрандѣ шведы заставляли крестьянъ тащить ихъ повозки. Русская армія, отойдя далеко отъ границы и занявъ обширную территорію, естественно, нуждалась въ большомъ количествѣ лошадей. Одна доставка хлѣба для войскъ Восточной Финляндіи требовала до 850 лошадей. Изъ Кексгольма черезъ Нейшлотъ провіантъ отправлялся въ Каяну и Улеоборгъ. До Або и Гельсингфорса припасы доставлялись на судахъ, но далѣе, при отправкѣ ихъ къ Тавастгусу и другимъ мѣстамъ, требовались опять лошади. Помимо того, войска часто передвигались. Фохты, немдеманы и даже сами комиссары разъѣзжали по губерніи, отыскивая лошадей. Отбывшихъ ямскую повинность старались щадить. Крестьяне, спасаясь отъ ямской повинности, укрывались въ лѣса. Убѣгавшихъ иногда наказывали пятью парами прутьевъ. Бывали случаи, когда фохтамъ, за недоставку лошадей, грозили даже «лишеніемъ жизни, чести и имущества».

Уже въ октябрѣ 1742 г. гр. Ласси приказалъ устраивать постоялые дворы по дорогѣ изъ Або въ Гельсингфорсъ, Фридрихсгамъ и Выборгъ. Другая почтовая дорога пролегала черезъ Эстерботнію до Улеоборга. Крестьянъ, занятыхъ почтовой гоньбой, освобождали отъ другихъ повинностей, согласно указа Сената отъ 12 окт. 1742.—По дорогѣ изъ Вильманстранда черезъ Тавастгусъ и далѣе слѣдовали преимущественно курьеры, отправляемые полномочными министрами, ведшими мирные переговоры въ Або. Когда въ Або ѣхалъ ген. Румянцевъ, то 200 лошадей было сосредоточено въ Вильманстрандѣ и 200—на второй половинѣ пути.

За порядкомъ на постоялыхъ дворахъ наблюдали офицеры. Начиная съ сентября 1742 г., была учреждена особая должность директора почтоваго вѣдомства. Дороги были испорчены уже шведами, часть мостовъ разрушена и сожжена. Для ремонта пути крестьяне вызывались даже съ далекаго сѣвера.

Кромѣ общихъ для всего края повинностей существовали еще нѣкоторыя мѣстныя спеціальныя. Такъ, напримѣръ, гр. Ласси приказалъ возстановить укрѣпленія Корсгольма; въ разныхъ частяхъ края было построено до 12-ти хлѣбопекаренъ; въ Або обязали горожанъ дать заимообразно и временно для госпиталя постельныя принадлежности [244]).

При всѣхъ стѣсненіяхъ, давались и льготы. Разрѣшили вывезти нѣкоторые грузы въ Голландію и Любекъ. Финляндцы были освобождены отъ морской пошлины. Внутреннюю таможню, которая не оплачивала даже своихъ чиновъ, отмѣнили.

Два обывателя Якобстада заявили русскимъ властямъ, что они строятъ фрегатъ въ 115 футъ длины, на которомъ можно имѣть 60 орудій. Они разсчитывали продать судно купцамъ, торговавшимъ съ Испаніей и Остъ-Индіей. Теперь они просили взять фрегатъ въ русскій флотъ или-же разрѣшить имъ сбыть его въ Ригу или Ревель. Адмиралтействъ-Коллегіи приказано было осмотрѣть фрегатъ и, если окажется пригоднымъ, взять его во флотъ, «заплативъ деньги по настоящей цѣнѣ». Корабельный мастеръ, освидѣтельствовавъ судно, призналъ его непригоднымъ для русскаго флота и Адмиралтействъ-Коллегія постановила «обывателямъ дать на волю продать въ Ревель или Ригу тамошнему купечеству» [245]).

Съ плѣнными,—пишетъ финляндецъ К. О. Линдеквистъ,—наблюдается болѣе мягкое обращеніе, чѣмъ во время Петра Великаго. Правительство Елизаветы Петровны старалось облегчить ихъ участь, и если тѣмъ не менѣе случалось, что плѣнные претерпѣвали невзгоды и страданія, то причинялись они безъ вѣдома властей. Только часть жителей гор. Вильманстранда была уведена въ плѣнъ; другіе обыватели взятыхъ финляндскихъ крѣпостей и городовъ этой участи болѣе не подвергались.—Впослѣдствіи даже солдатамъ разрѣшалось поселяться въ своихъ мѣстахъ жительства. Арестовывались иногда только подозрительныя личности. Подъ

охраной войска, плѣнные доставлялись къ мѣстамъ назначенія. Часть ихъ была оставлена въ Петербургѣ, часть отправлена въ Ревель, но большинство ихъ разселили внутри Россіи. Передвиженія эти, по условіямъ того времени, представляли большія трудности. Въ письмѣ плѣннаго офицера, отправленномъ изъ Валдая 18 ноября 1741 г., говорится, что ему приходится жить среди умирающихъ людей, такъ какъ сильная лихорадка и кровяной поносъ ежедневно уносили отъ 20 до 30 жертвъ. Изъ 1.100 человѣкъ, находившихся въ его партіи, осталось въ живыхъ едва ли болѣе двухсотъ, но и они большею частью больны. Причиной такой смертности и болѣзненности являлась тѣснота: люди помѣщались, какъ сельди въ бочкѣ, и имъ приходилось дышать ядовитыми испареніями больныхъ.

Подполковникъ графъ Васаборгъ изъ того-же Валдая обратился съ письмомъ (отъ 21 ноября 1741 г.) къ гр. Ласси и указываетъ на то, что плѣннымъ пришлось 6 недѣль остановиться на одномъ мѣстѣ, вслѣдствіе большого скопленія больныхъ, причемъ три и четыре офицера жили вмѣстѣ съ конвойнымъ, крестьяниномъ и его малолѣтними дѣтьми, такимъ образомъ въ одномъ помѣщеніи сосредоточивалось всего отъ 10 до 15 человѣкъ. Въ виду этого онъ просилъ графа Ласси похлопотать, дабы офицеровъ отдѣляли отъ солдатъ, и чтобы новые конвойные проявляли менѣе строгости. По докладѣ графа Ласси этихъ обстоятельствъ Императрицѣ, послѣдовалъ указъ отъ 1 декабря 1741 г., повелѣвшій избѣгать всякихъ безпорядковъ при перевозкѣ плѣнныхъ. Офицерамъ разрѣшено было ранѣе другихъ отправиться въ Москву; воспрещалось оскорблять ихъ: въ пути надлежало оказывать имъ хорошій уходъ и отводить приличныя помѣщенія. Графъ Васаборгъ содержался сперва очень хорошо въ Петербургѣ; но онъ позволилъ себѣ дерзкія сужденія о правительствѣ и русскомъ народѣ, почему его выслали изъ столицы [246]).

Плѣнные финляндцы были распредѣлены главнымъ образомъ въ Москвѣ, ея окрестностяхъ, а также въ Коломнѣ и Серпуховѣ. По поручительствамъ плѣннымъ разрѣшалось свободно проживать и служить у частныхъ лицъ и опредѣляться на казенныя работы.

Правительство имѣло въ виду настолько смягчить участь плѣнныхъ, чтобы побудить ихъ къ добровольному поступленію на службу въ Россіи.—Отношеніемъ отъ 15 сентября 1741 г. Правительствующій Сенатъ былъ увѣдомленъ, что въ средѣ плѣнныхъ

нѣкоторые выразили уже желаніе опредѣлиться на службу Императрицы. Такія лица немедленно выдѣлялись изъ числа прочихъ плѣнныхъ, причемъ имъ выдавалось по одному и даже по два рубля, сверхъ установленныхъ суточныхъ, «дабы прочіе, при видѣ того, также соблазнялись къ поступленію на службу». Изъявившихъ согласіе отправляли въ самые дальніе полки, исключая расположенныхъ на границѣ Турціи и Польши, и Остзейской команды.

Правительство, охотно принимая на службу финляндцевъ и возвращая офицерамъ и солдатамъ шпаги, не прибѣгало ни къ какимъ принудительнымъ мѣрамъ. Напротивъ, даже до окончанія войны, оно разрѣшало желающимъ возвращеніе на родину и приказало немедленно отправлять ихъ по мѣсту жительства, въ сопровожденіи охраны.

Когда первоначально (18 окт. 1742 г.) въ Сенатѣ возникъ вопросъ объ увольненіи плѣнныхъ финляндцевъ, то постановлено было предварительно освѣдомляться черезъ генералитетъ въ Финляндіи, «подлинно-ли они тѣхъ мѣстъ, какъ въ сказскахъ ихъ показано»; но такія справки требовали много времени, а между тѣмъ, «по разсужденіи» того-же Сената, выдачей имъ денегъ и провіанта, «наносился напрасной казенной убытокъ», а посему Сенатъ приказалъ «всѣхъ шведскихъ плѣнныхъ финскихъ жителей», офицеровъ и солдатъ, и «прочихъ военныхъ чиновъ людей», которые службы Ея Императорскаго Величества принять не пожелаютъ, также «чухонъ и крестьянъ мужеска и женска пола», отпускать въ Финляндію «съ надлежащимъ въ провожаніи конвоемъ», «который отъ города до города давать отъ Губернскихъ и Воеводскихъ Канцелярій», предоставлять имъ ямскія подводы и прогонныя деньги изъ Штатсъ-Конторы. Все это дѣлалось на томъ основаніи, что жители, находившіеся въ Финляндіи и перешедшіе въ русское подданство, «при прежнихъ своихъ жилищахъ находятся», а потому было бы несправедливо лишать плѣнныхъ права вернуться на родину въ свои дома [247]).

Естественная предосторожность побуждала правительство брать съ каждаго отпускаемаго обязательство,—съ угрозою при нарушеніи его лишиться жизни,—не сражаться въ теченіе текущей кампаніи противъ русскихъ. Распоряженія относительно освобожденія плѣнныхъ были отправлены 8 декабря 1742 г. генералу Кейту. Въ этомъ объявленіи говорилось, «что всѣ шведскіе плѣнные, указавшіе на свое финляндское происхожденіе» и же-

лающіе возвратиться на родину, могутъ быть отправляемы въ Финляндію, хотя-бы они и не изъявили желанія поступить на службу Ея Величества, но выразили лишь готовность принять присягу вѣрности. Принятіе присяги являлось обязательнымъ. Конвой сопровождалъ плѣнныхъ до границы у Вильманстранда. Иные воспользовались разрѣшеніемъ правительства и возвратились домой, иные остались въ Россіи.

Согласно «со втораго на десять» артикула мирнаго трактата въ Або (7 авг. 1743 г.), военноплѣнные могли «безъ всякаго выкупа» отправиться на родину. До границы они имѣли право пользоваться «безденежно» подводами. Это же правило распространялось и на всѣхъ «во время сей войны въ здѣшнемъ Великомъ Княжествѣ (Финляндіи) навербованныхъ и взятыхъ людей», которые теперь могли «безъ помѣшательства» или остаться, или отправиться домой [248]).

Выполненіе всѣхъ этихъ правилъ, видимо, сопровождалось значительными осложненіями, такъ какъ переписка по освобожденію плѣнныхъ и матросовъ продолжалась долго послѣ заключенія мира. Правительство требовало справокъ о томъ, не приняли-ли плѣнные православія, и ранѣе полученія удостовѣренія по этому вопросу не выдавало имъ паспортовъ. Принявшихъ православіе на родину не отпускали. Выдача указанныхъ удостовѣреній представила разныя затрудненія, почему шведскій посланникъ І. К. Дюрингъ (I. Cz. Düring) хлопоталъ о томъ, чтобы безпрепятственно отпускали всѣхъ, о которыхъ не имѣется подлежащихъ свѣдѣній. Повидимому правительство уважило это ходатайство. Позже (въ 1745 г.) шведскій министръ фонъ Боркъ, между прочимъ, указывалъ, что плѣнныхъ принуждали къ принятію православія. На это послѣдовало возраженіе Великаго Канцлера, что православная церковь не признаетъ принужденій, а лишь добровольное соглашеніе, а потому считаетъ обвиненіе лишеннымъ основанія. Историкъ Финляндіи, занявшійся вопросомъ о плѣнныхъ, склоненъ заключить, что если по отношенію къ нимъ допускались какія-либо несправедливости, то это дѣлалось помимо правительства и ихъ слѣдуетъ приписать произволу частныхъ лицъ [249]).

Тѣмъ финнамъ, которые эмигрировали въ Швецію, или отправились туда на риксдагъ, было объявлено, что они черезъ полгода должны вернуться и присягнуть Императрицѣ, если желаютъ сохранить свое имущество. Въ Швеціи, кромѣ чиновниковъ, искали

убѣжища около 500 частныхъ семействъ. Русскіе не только не признали нужнымъ конфисковать имущества скрывшихся, но, напротивъ, взяли его подъ свой надзоръ, до возвращенія владѣльцевъ. Брошенныя усадьбы были сданы на аренду желающимъ, а плата взималась русскими. Оставленныя имущества обыкновенно описывались въ присутствіи немдемановъ, русскихъ офицеровъ, пасторовъ или другихъ и сдавались на храненіе довѣреннымъ лицамъ. Желавшимъ получить обратно свое имущество надлежало вернуться до 1 мая 1743 г. Таково было первое постановленіе русскихъ, широко опубликованное. согласно указа Елизаветы Петровны. Повидимому, возвратились немногіе. Однако, имущество не конфисковалось. Вѣроятно, по ходатайству Кампенгаузена, срокъ возвращенія былъ продленъ до 1 августа, по особой милости Ея Величества, изложенной въ постановленіи Правительствующаго Сената отъ 27 мая 1743 г. Такимъ образомъ послѣдовало новое положеніе о бѣжавшихъ. Но въ августѣ былъ уже заключенъ миръ, и потому новая угроза лишилась всякаго значенія [250]).

Но и этого мало.

Кейтъ предложилъ уплатить населенію убытки, причиненные во время войны русскими, а графъ Ласси проектировалъ выдавать крестьянамъ изъ русскихъ запасовъ хлѣба на пропитаніе и для посѣва. Оба предложенія были уважены русскою властью. Строго наблюдали лишь за тѣмъ, чтобы помощь получали лица, дѣйствительно нуждавшіяся въ ней. Для этого собирались справки и свѣдѣнія отъ немдемановъ и пасторовъ, требовалось, чтобы поручители гарантировали возвращеніе хлѣба [251]). Подобная гарантія и наблюденіе за крестьянами являлись тѣмъ болѣе необходимыми, что они проявляли большую склонность къ винокуренію. Русская власть строго воспретила его и тѣмъ оказала, конечно, истинное благодѣяніе населенію, склонному къ пьянству, ведшему, въ свою очередь, къ несчастіямъ и злодѣяніямъ. Киндерманъ настолько строго преслѣдовалъ винокуреніе, что грозилъ ослушникамъ присылкой гусаръ для разслѣдованія.

Такъ какъ солдаты финскихъ полковъ, послѣ гельсингфорской капитуляціи, по принесеніи ими присяги, распущены были по домамъ, то возникъ естественно вопросъ, не имѣется ли возможности извлечь изъ нихъ какую-либо пользу.

Сперва родилась мысль «приговаривать» ихъ, не желаютъ ли поступить на дѣйствительную службу, «дабы они съ земли не туне

жалованіе и провіантъ получали». Правительствующій Сенатъ прежде всего высказался противъ того, чтобы ихъ опредѣлять въ русскіе полки, расположенные въ Финляндіи, и чтобы ихъ не неволить, такъ какъ это «будетъ тамошней землѣ озлобленіе». Кромѣ того, сенатъ указалъ, что весь планъ противорѣчитъ гельсингфорской капитуляціи, по которой они распущены по домамъ. Всѣмъ ясно было, что финскіе солдаты не могли выступить во время войны противъ своего отечества. Наконецъ, опредѣленіе въ наши полки чужого элемента представляло извѣстную опасность: финны могли давать нашему непріятелю «подлинныя извѣстія». Лучше было ихъ довольствовать землею попрежнему; а если опредѣлять вновь на службу, то въ полки, расположенные внѣ Финляндіи.

Въ октябрѣ 1742 г. ген. А. Румянцевъ донесъ Правительствующему Сенату, что офицеры и солдаты, отпущенные по домамъ послѣ капитуляціи и по принесеніи присяги, а также вдовы умершихъ и убитыхъ финскихъ воиновъ требуютъ денежное и хлѣбное содержаніе отъ крестьянъ, какъ это установлено было во время шведскаго владѣнія. Обыватели отказались исполнить ихъ требованія.

Возникло сложное дѣло. Русское правительство старалось удовлетворить просителей и для этого требовало отъ Кампенгаузена справки, «поскольку крестьянъ на человѣка приписано и почемъ съ нихъ хлѣба и денегъ на каждаго человѣка положено». Но свѣдѣній этихъ русской власти не удалось добыть, «понеже послѣ шведовъ здѣсь въ (Або) никакихъ вѣдомостей ни о чемъ не осталось» [252]).

Графъ Ласси, держался того мнѣнія, что просьбы финскихъ солдатъ, офицеровъ, а также вдовъ лицъ, погибшихъ на войнѣ, нѣтъ надобности удовлетворять, такъ какъ коронные бостели опредѣлялись вмѣсто жалованья тѣмъ, которые состояли на дѣйствительной службѣ. Доходъ съ бостелей надлежало собирать въ казну, а вдовамъ, въ ихъ крайней бѣдности, помочь лишь въ видѣ милости Ея Императорскаго Величества.

Сдержать воинской дисциплиной ни въ мирное, ни въ военное время всѣхъ конечно невозможно. Нарушенія закона всегда бывали и неизбѣжно будутъ. Случаи грубыхъ выходокъ наблюдались, разумѣется, и во время нахожденія русскихъ въ Финляндіи. На Аландѣ русскіе солдаты, ограбивъ лодку съ товарами, потопили находившихся въ ней 8 или 10 человѣкъ. Но русскія власти не

были склонны мирволить подобнымъ злодѣямъ и двое изъ нихъ сейчасъ же были повѣшены: одинъ на мачтѣ судна, дабы шведы узнали, что преступленіе не осталось безнаказаннымъ, а другой—на мѣстѣ совершенія преступленія. Остальные подверглись менѣе строгимъ взысканіямъ. Вообще-же случаевъ русскаго произвола было немного и потому вполнѣ можно довѣрить заявленію Тавастгусскаго губернатора (отъ 3 окт. 1743 г.), гласившему, что «произволъ русскихъ не былъ слишкомъ тяжелъ». Все показывало, что наше правительство особенно похвальнымъ образомъ заботилось о заживленіи ранъ, причиненныхъ войной [253]).

Ласси рекомендовалъ «накрѣпчайше подтвердить» русскимъ войскамъ въ Финляндіи, что мѣстнымъ обывателямъ ни разоренія, ни обидъ чинить не будутъ, «дабы чрезъ то не подать случаю тѣмъ обывателямъ къ уходу въ Швецію», а лагманамъ и прочимъ земскимъ правителямъ подтверждалось, чтобы они, «кромѣ положенныхъ доходовъ, взятокъ и прочаго излишняго не брали, чрезъ чтобъ тѣ обыватели не могли напрасно приведены быть къ пущему разоренію» [254]).

Наиболѣе пострадала та мѣстность, по которой совершались многочисленныя передвиженія шведскихъ и русскихъ войскъ, т. е. побережная полоса; окупація-же въ западныхъ губерніяхъ миновала безъ особаго вреда. 9 мая, между прочимъ, объявлено при паролѣ «о нечиненіи отъ солдатъ отнюдь во время слѣдованія въ шхерахъ обывателямъ обидъ и раззореній подъ опасеніемъ немалаго штрафа».

При паролѣ 14 іюня 1743 года было приказано, «чтобъ, по силѣ именного блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго указа, во время съ шведами войны, подъ смертною казнью, кирокъ разорять, а паче жечь, отнюдь никто не дерзалъ, подъ опасеніемъ по оному смертной казни». Неоднократно приказывалось и подтверждалось «накрѣпко, чтобъ въ бытность въ пути обывателямъ никакихъ обидъ и разоренія отнюдь чинено не было, подъ опасеніемъ жесточайшаго штрафа» [255]).

Въ октябрѣ 1742 г. русское правительство приняло мѣры, чтобы купцы, отправлявшіеся изъ Петербурга въ Выборгъ « и далѣе» (въ Финляндію) при проѣздѣ, какъ водою, по шхерамъ, такъ сухимъ путемъ, «тамошнимъ обывателямъ никакихъ обидъ не чинили и безденежно у нихъ ничего не брали» [256]).

Въ ноябрѣ того-же года послѣдовалъ указъ объ осмотрѣ на бранвахтахъ «маркитентеровъ» и другихъ проѣзжающихъ, «и

имѣютъ ли они отъ жительствующихъ на берегу Лифскомъ и на островахъ Финляндскихъ мужиковъ чего пограбленнаго».

Императрица предписала Кейту наблюсти за тѣмъ, чтобы со стороны войскъ не причинялось населенію какой-либо несправедливости.

Указъ Елизаветы Петровны отъ 10 ноября 1742 г. предписываетъ Кейту соблюдать особую гуманность. Если вы замѣтите, — говорится въ этомъ замѣчательномъ актѣ, — или до васъ дойдетъ свѣдѣніе, что кто-либо изъ жителей извѣстной мѣстности, очутившись подъ вашею властью, проявитъ непріязнь или непослушаніе, вамъ надлежитъ всѣми средствами мягкаго обращенія побудить его къ подчиненію и послушанію. Если это не повліяетъ, и если окажутся люди явно враждебные и станутъ оказывать помощь непріятелю, они должны быть судимы по военнымъ законамъ, но и въ подобныхъ случаяхъ вамъ вмѣняется въ обязанность строго наблюдать, чтобы съ нашей стороны не было дано какихъ-либо поводовъ къ подобному непослушанію или бунту [257]).

Ясно, что наши власти сдѣлали все, что могли, для облегченія участи финляндцевъ и если не всегда въ этомъ успѣвали, то въ виду разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ: не было людей, желавшихъ имъ помочь, нельзя было достать надлежащихъ свѣдѣній и т. п.

Для опредѣленія взаимныхъ отношеній во время войны немалый интересъ представляетъ сочиненіе неизвѣстнаго автора того времени, изложенное въ формѣ разговора двухъ солдатъ. — Одинъ изъ нихъ, между прочимъ, говоритъ, указывая на то, что долго простояли въ пустомъ мѣстѣ, гдѣ «не можно на пищу ничего достать». «А видимъ по островамъ финскаго скота шатается много безъ пастуховъ, и жителей въ деревнѣ нѣтъ, а брать его не велятъ, и отъ такова недовольствія въ полкахъ весьма больныхъ умножилось, да и мрутъ, а главные наши командиры о довольствіи нашемъ не стараются, и въ хорошія мѣста не приводятъ... Если бы такимъ образомъ случилось шведамъ войти въ наши россійскія мѣста, то бы они по своей гордости и къ намъ зависти не точію скотъ нашъ не пощадили, но и женъ и дѣтей нашихъ мучительски обругали и церковь осквернили, какъ то въ прежде бывшую войну отъ нихъ въ Малороссіи было»...

Передъ уходомъ изъ края, Кампенгаузенъ желалъ дать всѣмъ удовлетвореніе за обиды, причиненныя войсками. Особымъ объявленіемъ онъ вызывалъ къ себѣ тѣхъ, которые по какимъ-либо причинамъ не покончили счетовъ съ войсками.

— —

Говорятъ, что русскіе, къ концу своего пребыванія въ Финляндіи, сдѣлались болѣе раздражительными и строже стали обходиться съ населеніемъ. Удивляться этому не приходится, такъ какъ въ краѣ готовился обширный заговоръ, рабочіе убѣгали съ постройки галеръ, матросы уклонялись отъ набора и т. п. Пасторъ Валеніусъ оправдываетъ русскихъ, говоря, что они не безъ основанія подозрѣвали финновъ. Извѣстно, что одинъ пасторъ укрывалъ шведскую шайку, другой—корреспондировалъ съ шведскимъ партизаномъ, одинъ фохтъ сталъ на сторону народа и содѣйствовалъ его сопротивленію русской власти, другой—въ г. Борго—не только отказался дать лошадей офицеру, но еще ограбилъ его.

Причина большого заговора противъ русскихъ крылась не столько въ тягостяхъ разныхъ контрибуціонныхъ повинностей, какъ въ желаніи финновъ сбросить русское владычество и въ сознаніи, что русскіе обезсилили себя, отославъ главныя свои части изъ Финляндіи. Въ концѣ 1742 г. шведскому правительству было донесено, что отъ 50 до 60.000 чел. финновъ могутъ быть немедленно вооружены, если изъ Швеціи вышлютъ моремъ отъ 3 до 4-хъ тыс. чел., оружіе и прочіе припасы. Планъ внезапнаго уничтоженія русской арміи обдумывался въ концѣ 1742 и въ началѣ 1743 г.г. Финскія войска также вызывались напасть на русскихъ. Затѣмъ надѣялись захватить русскіе провіантскіе магазины и аммуницію въ Або, Гельсингфорсѣ и Тавастгусѣ, и, наконецъ, казну, хранившуюся въ домѣ кригскомисара Коллина.

Зачинщикомъ тайнаго плана называли адъюнкта абоской академіи Исаака Росса, но ближайшихъ свѣдѣній объ этомъ не имѣется. Народное возстаніе, поддержанное вторженіемъ Фрейденфельта въ Эстерботнію и нападеніемъ на Аландъ, могло обѣщать значительный успѣхъ, если-бы имѣлась въ распоряженіи достаточная военная сила. Но ея не было.

Шведы считали, что русская сила, начиная съ марта 1743 г., не превышала 2.000 чел., разбросанныхъ въ Эстерботніи, и 5.000 въ остальной Финляндіи. Но указывалось затѣмъ, что русскіе, опасаясь осложненій, увеличили свои войска присылкою нѣсколькихъ полковъ.—Говорили, что надѣялись поднять крестьянъ, путемъ пасторскихъ подстрекательствъ. Имѣлось въ виду произвести рѣзню на святой недѣлѣ, когда русскіе особенно предаются бражничеству и разгулу. Разсчитывали, что русскіе гусары, и особенно венгерскій полкъ, перейдутъ на сторону финновъ, вслѣдствіе своего недовольства невыдачей имъ жалованья.

Ходили еще слухи, что триста человѣкъ, подъ командой одного поручика, скрывались въ лѣсу. Швеція внимательно прислушивалась къ движенію, такъ какъ ей важно было помѣшать русскимъ перейти весной въ Вестерботнію. Выполненіе этого плана открывало русскимъ путь въ Швецію. О существованіи подобнаго плана шведы заключили изъ той описи лодкамъ, которая была произведена русскими, и изъ тѣхъ наборовъ, кои они производили среди матросовъ. Шведы предполагали, что финскіе полки возстановлялись для гребли на галерахъ, предназначенныхъ для опустошенія шведскихъ береговъ. Пронесся, наконецъ, слухъ, что русскій дворъ, не считая себя болѣе въ состояніи удержать Финляндіи, отдалъ якобы приказаніе изрубить до ухода всѣхъ молодыхъ мужчинъ и увести въ рабство женъ и дѣтей. Разныя лица, званія которыхъ не дозволяли имъ принять открытаго участія въ этихъ замыслахъ, были однако освѣдомлены о нихъ и подговаривали другихъ къ выполненію плана, совѣтуя лишь осторожность и согласованіе своихъ дѣйствій съ указаніями изъ Швеціи. Седеркрейцу—одному изъ представителей Швеціи на конгрессѣ въ Або—приказано было сообщаться съ финнами, готовящимися къ возстанію. Шведскій историкъ Н. Тенгбергъ разсказываетъ, что Седеркрейцу принадлежитъ совѣтъ выступить одновременно во всѣхъ пунктахъ, въ началѣ мая, пока флотъ Россіи не успѣетъ показаться въ морѣ, и прогнать русскихъ изъ Финляндіи быстрѣе, чѣмъ они туда пришли.

По другимъ версіямъ, напротивъ, шведское правительство остановило замыслы, чтобы не ухудшить положенія Финляндіи, ибо снисходительное обращеніе съ нею обѣщано было русскими, подъ условіемъ совершенно мирнаго поведенія населенія.

Маленькое революціонное движеніе обозначилось въ окрестностяхъ г. Або, гдѣ захваченъ былъ казенный фохтъ и отправленъ на шведскія галеры. Мѣстные драгуны, кажется, знали о планѣ, такъ какъ изъ Петербурга послѣдовало предписаніе предать ихъ гофгерихту.—Состоявшійся миръ пресѣкъ дальнѣйшія разслѣдованія дѣла.

Надо полагать, что заговоръ не имѣлъ широкаго распространенія, потому что часть благоразумныхъ и спокойныхъ финляндцевъ разсуждала подобно пастору Серениусу, сказавшему, между прочимъ, въ своей проповѣди (дек. 1743 г.): «Не бойтесь ихъ (русскихъ). Послѣ того своеволія, которое возобладало у насъ, мы все-таки имѣемъ болѣе порядка и ожидаемъ отъ нихъ большаго, чѣмъ отъ

многихъ изъ своихъ. Не презирайте ихъ. Ибо они явились сюда не по собственной волѣ, а призваны нашимъ верховнымъ правительствомъ... Словомъ: они присланы Богомъ, чтобы убѣдить насъ въ нашемъ высокомѣріи и безпорядочности, кои нельзя было смирить инымъ способомъ...» [258]).

---

20 августа 1742 г. въ Швеціи собрался риксдагъ; онъ продолжался до 12 сентября 1743 г. Представители Финляндіи, не смотря на войну, собрались въ обычномъ числѣ; не взирая на бѣдствія, которыя обрушила на нихъ партія шляпъ, они остались ей вѣрны. За несчастный исходъ войны партія свалила вину на генераловъ Левенгаупта и Будденброка, которыхъ возвели на эшафотъ. Оба безсердечно и невинно были казнены.

Слѣдующимъ большимъ очереднымъ дѣломъ риксдага явился вопросъ о престолонаслѣдіи. Королева Ульрика Элеонора умерла, не оставивъ наслѣдниковъ. Нить жизни стараго и больного короля Фридриха могла ежечасно оборваться, и нужно было подумать о преемникѣ. Намѣчено было два кандидата: партія шляпъ выдвигала герцога Голштинскаго, партія шапокъ стояла за датскаго кронпринца Фридриха, избраніе котораго могло продлить военное положеніе. Избраніе перваго было въ интересахъ финляндцевъ, такъ какъ оно содѣйствовало къ скорѣйшему миру съ Императрицей Елизаветой Петровной. Но въ это время герцогъ Голштинскій Петръ Ульрихъ былъ избранъ будущимъ Повелителемъ Россіи и его кандидатура такимъ образомъ отпала.

Шляпы остановились на принцѣ младшей Голштинской линіи—Адольфѣ Фридрихѣ—герцогѣ-епископѣ Любскомъ. Довольная этимъ, Императрица Россіи согласилась предложить Швеціи выгодныя условія мира. Въ мартѣ 1743 г. разгорѣлась борьба между партіями. Братья Вреде особенно горячо высказались за Адольфа Фридриха. Фабіанъ Вреде грозилъ даже отпаденіемъ Финляндіи отъ Швеціи, если она сдѣлается датскою. Смыслъ его заявленія таковъ: Финскій народъ сохранитъ вѣрность, пока у него будетъ надежда остаться за Швеціею; но когда шведы хотятъ сдѣлаться датчанами, то Финляндія будетъ навѣки оторвана отъ Швеціи, потому что Россія силою удержитъ завоеванныя ею области, и финнамъ въ этомъ случаѣ лучше добровольно признать владычество Россіи». Подобныя заявленія, а еще болѣе

надежды на успѣхъ начатыхъ уже мирныхъ переговоровъ, склонили три высшихъ сословія въ пользу Адольфа Фридриха.

До созыва риксдага и ранѣе Абоскаго мира финляндцами велась замѣтная агитація въ пользу Голштинскаго принца.

Университетскіе преподаватели съ береговъ рѣки Ауры, большею частью находившіеся въ Стокгольмѣ, съ неослабнымъ интересомъ и напряженіемъ слѣдили за ходомъ событій. Одинъ изъ ихъ среды принялъ участіе въ начатой борьбѣ финляндскихъ дворянъ противъ датскаго кандидата на шведскій престолъ. Это былъ извѣстный въ то время профессоръ исторіи Абоскаго университета Альготъ Скари́нъ. Онъ выступилъ въ Стокгольмѣ съ публичной лекціей, въ которой, между прочимъ, заявилъ, что слѣдовало бы, прежде чѣмъ помышлять о новомъ датскомъ союзѣ, хорошенько осмотрѣться, дабы «вмѣсто того, чтобъ избавиться отъ внѣшняго врага, не повергнуть государство, какъ внутри такъ и извнѣ, въ горшѣе безпокойство, не причинить ему новаго угнетенія и не вызвать болѣе тяжелаго преслѣдованія». Русскіе переросли какъ Швецію, такъ и Данію, почему лекторъ рекомендовалъ осторожность, чтобы не быть опрокинутыми такимъ могущественнымъ сосѣдомъ. Скаринъ не отвергалъ, что власть Россіи угрожала сѣвернымъ сосѣдямъ, но онъ былъ пораженъ тѣмъ, что державы, которыя такъ заботились о равновѣсіи въ Европѣ, совсѣмъ не думали о равновѣсіи между сѣверными государствами. Скаринъ полагалъ, что сосѣднія державы, имѣвшія свою торговлю и расположенныя у Балтійскаго моря, никогда не согласятся на новый союзъ (Швеціи съ Даніей). Россію слишкомъ встревожило бы подобное объединеніе и оно дало бы поводъ для новыхъ враждебныхъ дѣйствій. Скаринъ не довольствовался тѣмъ, что указалъ на возможность потери Финляндіи; онъ подчеркнулъ значеніе этой потери и малую надежду когда-либо вернуть потерянное. Онъ сказалъ: «Вредъ, который союзъ Финляндіи съ Россіей причинилъ бы не только Стокгольму въ торговомъ и хозяйственномъ отношеніи, но и всему государству въ отношеніи его силы и значенія, можетъ каждый предвидѣть и чувствовать. Кому не извѣстно, что жители въ обоихъ Великокняжествахъ (innevånarena af bägge Storfurstendömena) гораздо выгоднѣе поставлены въ своемъ союзѣ по вопросу о защитѣ, чѣмъ объединенныя Данія и Швеція. Оплотъ страны въ этихъ мѣстностяхъ уже раньше находился въ рукахъ русскихъ. И если входы, особенно въ Гельсингфорскую гавань, неизбѣжно будутъ укрѣплены, и такимъ образомъ

стоянка для русской морской армады обезпечена, къ чему нація давно стремилась, то все это, особенно при вѣрности жителей, послужитъ къ защитѣ страны, и нечего будетъ и думать о какихъ-либо большихъ преимуществахъ и силѣ. И естественно, что въ такомъ случаѣ Финляндіи и Россіи легче будетъ защищаться противъ Даніи и Швеціи, чѣмъ этимъ послѣднимъ, при посредствѣ транспортовъ, перевозимыхъ черезъ обширное и открытое море, для нападенія на союзниковъ. Свойство Норвегіи и Финляндіи и мѣстоположеніе этихъ обѣихъ странъ относительно Швеціи намъ не безызвѣстно. А также и то, какъ тщетно Швеція старалась завоевать Норвегію. Но еще труднѣе будетъ взять Финляндію, если нація свыкнется съ русскимъ игомъ, и она забудетъ о шведскомъ правительствѣ. Не говорю о другихъ обстоятельствахъ, которыя подтверждаютъ то же самое...» [259]).

Въ то время, когда волны партійной борьбы на рикедагѣ поднялись особенно высоко, финны стали хлопотать о возмѣщеніи своихъ убытковъ, причиненныхъ послѣдней войной. Въ августѣ 1742 г. въ Швеціи учреждена была комиссія подачи помощи переселенцамъ (flyktingskomission), т. е. тѣмъ, которые во время войны эмигрировали изъ Финляндіи. Комиссія состояла подъ предсѣдательствомъ Л. І. Эренмальма. Устроили церковный сборъ и сборъ пожертвованій по особымъ книжкамъ. Поступленія оказались недостаточными.

Въ Швеціи въ это время сознали, что Финляндія въ періодъ войны была брошена почти на произволъ судьбы. Кромѣ того стали опасаться за ея отпаденіе. Въ шведахъ пробудилось сочувствіе къ финнамъ, которое не ослабѣвало затѣмъ лѣтъ десять.

Чтобы облегчить составленіе и подачу жалобъ и заявленій, рикедагъ далъ право финнамъ, прибывшимъ въ Стокгольмъ, собираться на особыя сходки, называвшіяся «сходками націи» (nationens sammankomster); благодаря этому образовалась корпорація, которая въ дѣлахъ того времени извѣстна подъ именемъ «финскаго общества». На прошенія и ходатайства всякаго рода финны всегда были очень подвижны. Поданныя ими петиціи скоро стали столь многочисленны, что онѣ едва могли разсматриваться обыкновеннымъ порядкомъ на рикедагѣ, почему предложено было организовать спеціальную «финскую депутацію» (finsk besvärsdeputa-

tion) для принятія жалобы и для дачи заключеній, какими средствами наилучшимъ образомъ удовлетворить просителей.

Рѣшеніемъ этихъ вопросовъ занято было 30 человѣкъ.— Финны жаловались на то, что ихъ страна сперва пострадала отъ шведской арміи, а затѣмъ безъ особой нужды оставлена была непріятелю, въ чемъ сами жители были совершенно неповинны. Они просили вознагражденія за провіантъ и содѣйствіе продовольствію шведскихъ войскъ, просили льготъ по освобожденію отъ налоговъ, взывая при этомъ къ братскому чувству и христіанской любви; они указывали, что цѣль, почему люди объединяются въ общества, заключается въ предоставленіи каждому его члену безопасности и благополучія, и что всѣ тѣ, которые образуютъ государство, съ первой минуты обязались внутренно быть другъ другу въ помощь и содѣйствіе, а также нести одинаковую долю той тягости, которую возлагаетъ на нихъ общество. Вслѣдъ за этимъ послѣдовали новое представленіе, новыя прошенія и счеты. Города просили объ освобожденіи отъ всякихъ налоговъ и поборовъ на 10—12 лѣтъ.

Величайшимъ затрудненіемъ для удовлетворенія всѣхъ претензій являлось отсутствіе денегъ. Никто не могъ указать источника для возмѣщенія убытковъ.

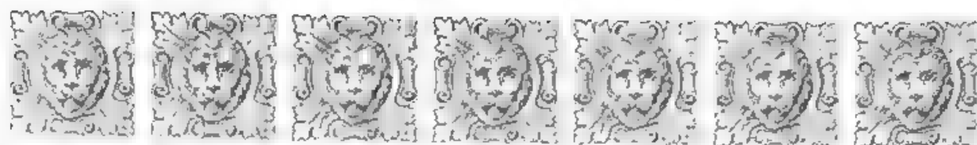
Финляндскихъ бѣглецовъ нашли возможнымъ освободить отъ чрезвычайныхъ податей и другихъ личныхъ уплатъ.

Едва сдѣлалось извѣстнымъ, что предварительные переговоры закончились, какъ былъ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи еще одной депутаціи по финскимъ дѣламъ для обсужденія всего, касающагося возстановленія прежняго порядка въ странѣ, оказанія воспособленія земледѣлію, хозяйственной части и т. п.—Эта депутація, получившая названіе «депутаціи по упорядоченію финскихъ дѣлъ» («deputationen öfver Finska ärendernas reglerande»), состояла изъ 15 членовъ, въ большинствѣ финскихъ представителей риксдага; она собралась въ первый разъ 13 іюля 1742 г., подъ руководствомъ ландсгевдинга Эстерботніи, графа Густава Крейца, и продолжала свои работы до окончанія риксдага.

Создалась наконецъ еще «депутація по упорядоченію». Здѣсь Эстерботнія хлопотала о пріобрѣтеніи стапельнаго права для своихъ городовъ. Денежной поддержки просили Саволаксъ и Карелія, какъ наиболѣе почувствовавшія несчастія послѣдней войны. Эта депутація завела рѣчь объ учрежденіи ссудныхъ магазиновъ (lanemagasin), о раздѣленіи на судебные и административные

округа, объ устраненіи малонаселенности путемъ вызова колонистовъ изъ Швеціи. Но такъ какъ у депутаціи не имѣлось достаточно времени для рѣшенія столь важныхъ вопросовъ, то она просила объ учрежденіи хозяйственной комиссіи (ekonomie-kommission). Въ одной запискѣ, внесенной въ «депутацію по упорядоченію», «финскіе жители» выразили живѣйшее увѣреніе въ своей лояльной преданности государству, но въ то-же время упомянули о томъ, что они должны бы пользоваться защитой и доброжелательствомъ въ такой-же мѣрѣ, какъ и остальные граждане. Какъ въ продолженіе послѣдней «несчастно окончившейся войны, такъ и прежде финны мужественно, вѣрно, съ честнымъ усердіемъ и всякимъ послушаніемъ служили своимъ властямъ», но они также надѣятся, что будутъ, «наравнѣ со шведами, съ одинаковой милостію, правомъ и благосклонностію защищаемы».

Финляндцы такими путями выпросили себѣ столько льготъ, что шведскому правительству разными способами и ухищреньями пришлось вскорѣ отобрать нѣкоторую ихъ часть.



VIII.

Война и миръ 1743 г.

Въ маѣ 1742 г. Нолькенъ посѣтилъ Москву, и съ этого времени сталъ питать надежду на то, что подготовительные шаги къ мирнымъ переговорамъ сдѣлаетъ Россія. Въ Стокгольмѣ ждали, что Неплюевъ привезетъ королю Фридриху офиціальное возвѣщеніе о вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны, а оставленный при русскомъ дворѣ капитанъ Дрентельнъ прибудетъ съ извѣстіемъ о мѣстѣ, избранномъ для переговоровъ, и съ именами представителей, назначенныхъ Россіей. Нолькенъ, обѣщавшій въ іюлѣ вернуться въ Москву, отправился въ Финляндію, чтобъ быть подъ рукой, въ случаѣ Россія дѣйствительно предложитъ начать переговоры [260]).

Перлюстрація была тогда въ большомъ ходу во всей Европѣ; слѣдили, конечно, и за Нолькеномъ. Изъ Москвы Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ 12 мая 1742 г. писалъ отъ имени Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ адмиралу гр. Головину, чтобы письма и пакеты, присылаемые «изъ непріятельской земли отъ шведскаго генерала Левенгаупта» въ Москву къ Нолькену, отдавались почтъ-директору (Ашу) «съ такимъ наставленіемъ, чтобы онъ такія письма и дѣла искуснымъ и безпримѣтнымъ образомъ распечатавъ какъ то, что въ цифрахъ писано такъ и прочее все списавъ и потомъ паки оныя письма хорошенько и такъ, чтобъ никакъ узнать было неможно запечатавъ, со взятыми съ того копіями вашему сіятельству отдавалъ» [261]). Прибавимъ кстати, что подобныя же мѣры предосторожности были приняты и по отношенію къ депутаціи, прибывшей въ Россію съ увѣдомленіемъ о выборѣ наслѣдника шведскаго престола. По пріѣздѣ къ русскому Двору графа Николая Бунде, барона Отто Гамильтона и Фридриха Шефера, адмиралъ получилъ повелѣніе принять ихъ «и приставить къ нимъ такого человѣка, кто-бъ зналъ шведскій и прочіе иностранные языки, яко нѣмецкій, французскій, дабы

онъ былъ при томъ, какъ они съ кѣмъ говорить будутъ, и васъ о томъ репортовалъ, а безъ него никто съ ними изъ посѣтителей въ Петербургѣ говорить допущенъ не былъ и такъ ихъ содержать до Нашего прибытія» изъ Москвы [262]).

Шведы мирныхъ переговоровъ въ 1742 г. еще не желали, а имѣли въ виду лишь затянуть время, что старательно скрывали отъ русскихъ. Даже тогда, когда они потеряли Фридрихсгамъ, члены государственнаго совѣта не усматривали необходимости измѣнять своихъ воззрѣній на дѣло и вносить поправки въ тѣ требованія, которыя были заготовлены риксдагомъ для предъявленія Россіи, такъ какъ шведская армія пораженія не потерпѣла, и флотъ оставался цѣлымъ. Только тогда, когда Левенгауптъ изъ Малаго Абборфорса запросилъ, долженъ-ли онъ стоять до послѣдняго человѣка, государственные совѣтники съ душевнымъ прискорбіемъ рѣшили, вопреки прежде высказаннаго желанія государственныхъ чиновъ, принять ништадскій миръ, какъ основу переговоровъ; лучше, разсуждали они, будетъ подвергнуть себя немилости риксдага, чѣмъ исполненіемъ его предписаній погубить королевство. Король выразилъ лишь желаніе, чтобъ тотъ, кто отъ его имени руководилъ войной, подписалъ также и миръ. Къ этому времени устранены были всѣ тренія по принятію титула русской монархини. Нолькенъ находился при шведской арміи и отступалъ вмѣстѣ съ нею.—Онъ увѣдомилъ графа Ласси, что ожидаетъ только русскаго паспорта, чтобы договориться съ княземъ Черкасскимъ объ условіяхъ встрѣчи съ русскимъ представителемъ въ Выборгѣ. Нолькену отвѣтили пустыми фразами и гр. Ласси продолжалъ наступленіе [263]).

Капитанъ Дрентельнъ вернулся, наконецъ, изъ Москвы съ письмомъ отъ князя Черкасскаго къ Нолькену, въ которомъ говорилось, что Швеція надлежитъ предложить мѣсто конгресса, назначить полномочныхъ, и безъ посредниковъ обсудить главный трактатъ, условія котораго, конечно, могутъ быть измѣнены въ случаѣ успѣховъ русскаго оружія. Послѣ этого Ласси увѣдомилъ Нолькена, что генералъ Румянцевъ, назначенный для переговоровъ съ нимъ, находится въ Выборгѣ. Нолькена отозвали въ Стокгольмъ, для врученія ему новыхъ инструкцій.

Уполномоченными Швеціи назначены были государственный совѣтникъ Седеркрейцъ и Нолькенъ, получившій титулъ статсъ-секретаря. Прибывшихъ въ Або шведскихъ уполномоченныхъ русскіе начальники встрѣтили очень вѣжливо; имъ засвидѣтель-

ствовали также свое почтеніе университетъ, гофгерихтъ и магистратъ. Изъ русскихъ представителей въ городѣ еще никого не было, но наши генералы намекали министрамъ о дружелюбіи къ Швеціи императрицы и о вліяніи избранія наслѣдника престола на ходъ переговоровъ о мирѣ. Русскими уполномоченными на Абоскомъ конгрессѣ были Александръ Ивановичъ Румянцевъ и, по вліянію Лестока, генералъ-аншефъ баронъ Люберасъ.

23 января прибылъ въ Або Румянцевъ и сперва одинъ повелъ переговоры, такъ какъ генералъ Люберасъ лежалъ больной въ Петербургѣ; но уже въ срединѣ февраля и онъ былъ на мѣстѣ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ РУМЯНЦЕВЪ

Переговоры о мирѣ затянулись вслѣдствіе того, что къ нимъ присоединенъ былъ вопросъ объ избраніи для Швеціи наслѣдника престола. Такая искусственная связь двухъ различныхъ дѣлъ крайне не нравилась засѣдавшему въ Стокгольмѣ риксдагу. Если эта связь дѣйствительно имѣется,—говорили члены риксдага,—то можно поручить представителямъ въ Або пріисканіе короля, или-же подождать открытія навигаціи, и тогда русскіе, явясь сюда, посадятъ кого-нибудь на престолъ.

Частное письмо, отправленное изъ Стокгольма 1—12 сентября 1742 г., свидѣтельствовало, что духовенство и горожане риксдага были склонны къ миру. Въ виду неблагопріятныхъ извѣстій изъ Финляндіи, въ Швеціи опасались ея потери. Кромѣ того, весьма распространенъ былъ страхъ возможнаго посѣщенія россійскими войсками самой Швеціи, почему по берегу залива возводились батареи и снабжали ихъ орудіями [264]).

Румянцевъ подчинился сварливому конгрессъ-секретарю Неплюеву, чрезъ котораго вынужденъ былъ вести сношенія со шведами. Люберасъ, зная шведскій языкъ, вступалъ въ непосредственныя сношенія съ Седеркрейцомъ и Нолькеномъ. Вообще Люберасъ выказывалъ болѣе склонности къ миру, чѣмъ Румянцевъ. Послѣ пріѣзда Любераса, русскіе сдѣлались сговорчивѣе. Они, между прочимъ, сознались, что Россія уже въ 1739 году рѣшила, въ случаѣ нападенія на нее, для будущей своей безопас-

ности, завладѣть Финляндіей. Теперь подобное требованіе они признали несообразнымъ. Наконецъ, Люберасъ довѣрчиво намекнулъ, что Румянцевъ не находится въ особенно хорошихъ отношеніяхъ съ русскими властями, и что наше правительство съ своей стороны охотно отказалось бы отъ избранія епископа любскаго на шведскій престолъ, лишь-бы добиться большихъ завоеваній, но императрица обѣщала уже Карлу Петру Ульриху—(который, тронутый ея слезами, согласился сдѣлаться наслѣдникомъ русскаго престола),—провести избраніе его родственника въ Швеціи. Для достиженія этой цѣли она готова была возвратить Финляндію и обѣщать Адольфу Фридриху Голштинскому помощь въ его борьбѣ съ враждебной партіей. Пререканія объ избраніи наслѣдника продолжались долго между преставителями конгресса.

Вопросъ о замѣстителѣ трона служилъ также яблокомъ раздора между партіями на риксдагѣ. Лагеркранцъ не соглашался добиваться мира посредствомъ отсрочки избранія. Въ страстной и необузданной рѣчи онъ излагалъ свои возраженія. Должно-ли,—спрашивалъ онъ,—основывать избраніе короля на особыхъ стеченіяхъ обстоятельствъ (conjuncturer), на покупкѣ мира, или на чемъ-либо другомъ? «Мы такимъ образомъ самые жалкіе рабы во всей вселенной; это также означаетъ, что мужество, честь и достоинство Свеи и Гета потеряны. Сдадимъ лучше государство на аукціонъ, восклицалъ ораторъ. Въ такомъ случаѣ я желаю, чтобъ избраніе отложено было до наступленія страшнаго суда». Если желаютъ купить миръ, пожертвовавъ честью, то можно-ли вообще надѣяться на пустыя изъявленія пословъ непостояннаго русскаго правительства? Если же имѣется въ виду только свобода государства, то время кажется настало, если обратить вниманіе на положеніе внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ. Наступающей весной можно изъ Эстерботніи въ Швецію перебросить военную силу, которая, быть можетъ, имѣла бы послѣдствіемъ ультиматумъ Россіи. Всякія второстепенныя намѣренія слѣдуетъ оставить; желаніе исчислить всѣ послѣдствія было бы не мудростью, а высокомѣріемъ. Тотъ Богъ, который отыскалъ пастуха Давида, можетъ даровать намъ и Карла IX, XI или XII [265]).

Представители Россіи и Швеціи съѣздали въ Або, но договориться не могли, почему наше правительство рѣшило побудить

Стокгольмъ принять условія мира. Для этого приходилось перенести войну на берегъ Швеціи. Отсюда становится яснымъ постановленіе нашего сената (5 фев. 1743 г.): «Съ помощью Божіею главное дѣйство въ кампаніи 1743 г. противъ мироломнаго непріятеля шведа надлежитъ по большей части и почти все флотомъ производить». —Но флотъ не былъ въ порядкѣ. По штату въ немъ полагалось около 9 тысячъ чел., но,—доносило начальство,—на лицо такого экипажа не состояло, а изъ наличныхъ 4 тыс. новобранцевъ никто «на морѣ въ дальнихъ практикахъ не бывалъ», почему за добрыхъ матросовъ ихъ нельзя было признать. Для пополненія недочета предлагалась петровская мѣра: переименовать въ матросы нѣсколько армейскихъ полковъ. Указомъ сената велѣно набирать матросовъ въ Финляндіи «такимъ образомъ, какъ оное при шведскомъ владѣніи чинено было, и сверхъ того, которые на купеческихъ судахъ имѣются матросы, не обходя никого брать». Забили тревогу и стали принимать экстренныя мѣры, чтобы достичь «наисильнѣйшихъ дѣйствъ», а при вскрытіи льда «ничего не мѣшкавъ» отправить корабли.—Производство флотскихъ офицеровъ было усилено; въ Кронштадтъ искусственно привлекали рабочихъ, обновили начальство и т. п.

БАРОНЪ ІОГАНЪ ЛЮДВИГЪ ФОНЪ-ЛЮБЕРАСЪ

Прежде на работы сгонялись силою; но, какъ писалъ генералъ-маіоръ Румянцевъ, изъ сего выходитъ только «народное отягощеніе, безъ всякаго плода». Къ тому же плата отъ казны—4 р. 50 к. въ мѣсяцъ—являлась скудной. Рабочихъ приказано болѣе «силою не держать», а перейти къ добровольному договору. Однако, сенатъ, объявляя о добровольномъ наймѣ, прибавилъ, что «кромѣ Кронштадта они нигдѣ работы не сыщутъ» [266]).

Проектъ плана кампаніи 1743 г. былъ составленъ фельдмаршаломъ Ласси. Основная его идея заключалась въ томъ, чтобы,—послѣ общаго сосредоточенія войскъ въ окрестностяхъ Або,—высадить пѣхоту гребной флотиліи въ Швецію, на «Стокгольмскую сторону», подъ прикрытіемъ корабельнаго флота [267]).

Начальство надъ флотомъ передано было президенту адмиралтействъ-коллегіи гр. Николаю Өедоровичу Головину, выражавшему

недовольство медлительностью Мишукова. Гр. Головинъ — сынъ знаменитаго сподвижника Петра Великаго — генералъ-адмирала Ѳ. А. Головина. Онъ началъ службу волонтеромъ во флотѣ Голландіи и Англіи. Былъ чрезвычайнымъ посломъ при шведскомъ дворѣ. Занималъ рядъ другихъ видныхъ постовъ, пока не сдѣлался президентомъ адмиралтействъ-коллегіи. При всѣхъ правительствахъ онъ держался въ милости, что составляло удѣлъ лишь немногихъ вельможъ. Ставъ во главѣ флота, онъ написалъ начальникамъ ревельской и бѣломорской эскадры:... «всеусердно желаю... благополучнаго успѣха и счастія, и лучшей чести, а не безчестія, не такъ какъ въ прошедшей кампаніи было, дабы какъ флоту россійскому, такъ и себѣ славу достать могли».

По сухопутнымъ войскамъ также послѣдовалъ рядъ распоряженій. Оберъ-офицеровъ освободили, ради собственнаго исправленія къ настоящей войнѣ, отъ вычетовъ изъ жалованья. Воспрещены были увольненія въ отставку. Полки сосредоточивались ближе къ театру войны. Ямскія подводы разрѣшалось брать неволею. А главное — именнымъ указомъ 11 февраля 1743 года — повелѣвалось по всему государству, не исключая Финляндіи, произвести рекрутскій наборъ, «не чиня никакихъ зачетовъ, дабы всѣ вѣрноподданные равную тягость несли»[268]). Страшной грозой проходилъ указъ о рекрутскомъ наборѣ по Россіи. По воскресеньямъ онъ повторялся въ городахъ и селахъ, въ церквахъ и на ярмаркахъ, чтобы никто не могъ отговориться его незнаніемъ. «Съ купечества, крестьянъ, дворцовыхъ, ясашныхъ, черносошныхъ, синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ, церковныхъ, иновѣрцовъ и разночинцовъ, съ трехъ сотъ тридцати душъ требовался одинъ человѣкъ». Набирать слѣдовало здоровыхъ, отъ 20 до 35 лѣтъ. Поставку рекрутъ надлежало произвести въ два мѣсяца. Кто уклонялся отъ службы при посредствѣ членовредительства, тѣхъ «бить кнутомъ», вырѣзать ноздри и ссылать въ каторжную работу. «Бить нещадно кнутомъ» и тѣхъ пріемщиковъ, которые брали взятки. Рекрутъ кормить такъ, чтобъ они безвременно не помирали. Таковъ былъ духъ времени. Заколачиваніе палками на смерть было обычнымъ явленіемъ, напримѣръ, въ прусской арміи Фридриха Вильгельма I.

Съ открытіемъ рекрутскаго набора начиналась покупка и продажа людей. Человѣкъ въ началѣ шведской кампаніи стоилъ сто рублей.

Наборъ распространенъ былъ и на побѣжденную Финляндію. Рекруты отсюда, по распоряженіи Ласси (отъ 16 марта), посту-

нали въ матросы; во флотъ брали также людей съ купеческихъ судовъ. Тѣ и другіе, по окончаніи войны, буде не захотятъ продолжать службы (а Ласси въ томъ сомнѣвался), могутъ возвратиться домой.

Впослѣдствіи Петръ Ив. Шуваловъ ввелъ новый порядокъ отправленія рекрутской повинности. Десять великороссійскихъ губерній были раздѣлены на пять частей, и эти части, по очереди, должны были укомплектовывать армію. Этимъ была значительно облегчена рекрутская повинность. Для предупрежденія побѣговъ ввели печальной памяти обычай—брить лобъ. Послѣ безпорочной восьмилѣтней службы рядовой, по желанію, отпускался домой. Жалованіе рекрута было 50 к. въ мѣсяцъ, плюсъ провіантъ [269]).

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ѲЕДОРОВИЧЪ ГОЛОВИНЪ

Военныя дѣйствія шведовъ 1743 года начались тѣмъ, что полковникъ Марксъ фонъ Вюртембергъ, въ концѣ марта, съ отрядомъ въ тысячу человѣкъ, переправился на Аландъ и захватилъ этотъ островъ у незначительнаго передоваго русскаго поста капитана Мансурова. [270])

Въ общей картинѣ Аландскаго архипелага, гдѣ открылись военныя дѣйствія, наблюдалась нѣкоторая своеобразность. Отмѣтимъ ее. «На Аландѣ имѣлись хорошія пастбища, а слѣдовательно и запасы молока, о чемъ свидѣтельствовалъ доставляемый оттуда въ Швецію сыръ. Однако главный доходъ крестьянъ получался отъ ловли салаки и рубки дровъ; во время войны послѣдній доходъ значительно уменьшился, такъ какъ лѣса и даже цѣлые церковные приходы выжигались». «Жители очень бѣдны,—отмѣтилъ путешественникъ; живутъ въ плохихъ избушкахъ, двери которыхъ такъ низки, что верхній косякъ доходитъ до подбородка мужчины, а порогъ до колѣнъ, почему очень трудно войти въ избу. У нихъ въ обычаѣ много излишнихъ привѣтствій и поклоновъ; эти обычаи переносятъ на работы, которыя производятся поэтому очень мед-

леніе. Доказательствомъ ихъ бѣдности можетъ служить и то, что они не употребляютъ сальныхъ свѣчей (исключеніе при гостяхъ), а сухія лучины, которыя они называютъ pärta, хотя подобное освѣщеніе употребляется въ большей части Финляндіи, но составляетъ большое неудобство для путешественниковъ, которые почти задыхаются отъ дыма, если они стоятъ въ избѣ: обстоятельства побуждаютъ ихъ поэтому сидѣть на лавкахъ» [271]).

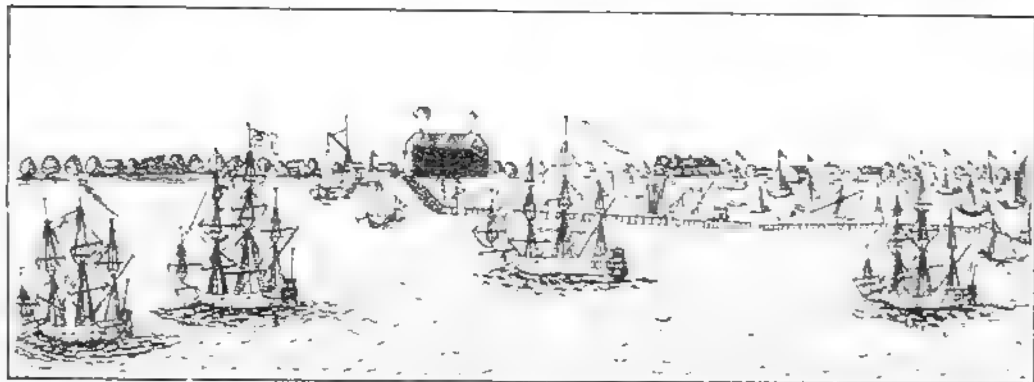
Нападеніемъ шведовъ на Аландъ, планъ русскихъ былъ разстроенъ. Шведы получили значительныя преимущества: они могли угрожать высадкой къ сѣверу отъ Або, могли корабельнымъ флотомъ занять входъ въ шхеры у Гангеудда и, наконецъ, отряды Кейта и Ласси могли быть разобщены и разбиты по частямъ.

Фрейденфельдту надлежало дѣйствовать въ Эстерботніи. Въ началѣ апрѣля онъ продвинулся къ югу, вытѣснилъ русскихъ изъ Ійо и подошелъ къ Келло, откуда тревожилъ наши отряды въ самомъ Улеоборгѣ. Въ то время, когда ледоходъ мѣшалъ здѣсь военнымъ дѣйствіямъ, Фрейденфельдтъ поспѣшилъ назадъ въ Умео, чтобъ ускорить перевозку оттуда остальныхъ войскъ. Но тамъ онъ наткнулся на большое затрудненіе. Подчиненный ему Гельсингскій полкъ (Helsinge regemente) уже въ мартѣ получилъ приказаніе выступить походомъ въ Вестерботнію. Но духъ возмущенія успѣлъ овладѣть этой окраиной и крестьяне въ Гельсинге во многихъ мѣстахъ не соглашались отпустить своихъ солдатъ, а тѣ въ свою очередь не исполнить приказанія о выступленіи. Только 360 чел. послѣдовали за своимъ полковникомъ до Ратана — сила слишкомъ незначительная, чтобъ съ нею произвести высадку въ тылу русскихъ. Поэтому Фрейденфельдту пришлось измѣнить свой планъ: онъ послалъ часть гельсингцевъ и вестерботнійцевъ для усиленія войскъ сѣверной Эстерботніи. Самъ же онъ намѣревался черезъ Ботническій заливъ привести отрядъ наѣздниковъ, но слишкомъ рискованно пустился въ наносный ледъ; его корабли были затерты льдинами, самъ онъ и большая часть его спутниковъ потонули (20 мая) [272]).

Походъ русскихъ 1743 года начался весной при весьма торжественной обстановкѣ. 3 Мая галерный флотъ, состоявшій изъ 34 галеръ и 68 канчебасовъ, на которыхъ было посажено 9 пѣхотныхъ полковъ, стоялъ передъ зимнимъ «домомъ» Императрицы.

Галера Ласси, украшенная флагами и вымпелами, помѣщалась въ срединѣ. Государыня изъ адмиралтейства отправилась на галеру главнокомандующаго, гдѣ слушала «Всемогущему Богу молебенное пѣніе». «Для добраго начатія дѣла», она повѣсила на шею Ласси крестъ съ частицами мощей и вручила ему брилліантовый перстень. Офицеры были допущены къ рукѣ. Раздались выстрѣлы и троекратно крики: «виватъ». 7-го Мая Императрица посѣтила флотъ въ Кронштадтѣ, гдѣ все шло по апробанному церемоніалу. При первомъ попутномъ вѣтрѣ (8 мая) всѣ снялись съ якоря.

Въ указѣ графу Н. Ѳ. Головину (отъ 24 апрѣля) предписано было идти къ Ламеланду и атаковать непріятеля даже съ равными силами. 12 мая Ласси пришелъ въ Фридрихстамъ, гдѣ



ВИДЪ КРОНШТАДТА

учредилъ запасный магазинъ; 23 числа главнокомандующій находился въ Гельсингфорсѣ.

Въ числѣ подготовительныхъ мѣръ къ дальнѣйшему походу было приказано: «обрѣтающемуся нынѣ въ Финляндіи лантъ-гевдингу генералъ-поручику фонъ-Кампенгаузену, черезъ имѣющіяся рѣки и переправы мосты заблаговременно велѣть починить и въ добрую исправность привесть черезъ тамошнихъ обывателей, понеже и въ шведское владѣніе на нихъ то было положено, дабы во время маршированія полковъ ни малѣйшей остановки послѣдовать не могло» [273]). По другому ордеру, данному фонъ-Кампенгаузену, ему надлежало «приложить крайнее стараніе» къ отысканію лоцмановъ.

Начальникъ шведской галерной эскадры Фалькенгренъ напалъ 20 мая на русскую галерную эскадру при Корпо.

Въ отрядѣ генерала Кейта (10 мая 1743 г.) «на прамахъ, галерахъ и ластовыхъ судахъ сухопутныхъ и морскихъ служите-

лей» состояло всего 5.070 человѣкъ, изъ нихъ сухопутныхъ 4.495 человѣкъ.

Усмотрѣвъ еще ранѣе непріятеля, генералъ-аншефъ, лейбъ-гвардіи подполковникъ и кавалеръ Кейтъ (6 мая 1743 г.) учинилъ въ своемъ присутствіи консиліумъ, на которомъ положено было: слѣдовать къ Юнгферзунду, и, чтобы не дать непріятелю усилиться и не потерять времени, замѣтивъ его желаніе приблизиться, «безъ отлагательства атаковать», имѣя въ виду наше превосходство въ численности прамъ, коихъ у насъ было двѣ, а у него одна.—Кейтъ замѣтилъ, кромѣ того, что «солдатство весьма храбро и охотными себя оказываетъ». Произошло сраженіе. 23 мая отъ генерала Кейта былъ полученъ «пріятный рапортъ», изъ котораго узнаемъ, что утромъ 20 числа шведскій галерный флотъ «имѣлъ къ россійскому галерному флоту разныя движенія». Непріятели сблизились, и открылась пушечная стрѣльба съ шведскихъ галеръ и прамы. Кейтъ приказалъ отвѣчать пушечной пальбой съ прамъ. Нѣкоторыя шведскія галеры, видимо, пострадали; замѣчено было, что галера адмирала «два раза съ немалою конфузіей за острова ретировалась, знатно будучи повреждена отъ ядеръ».—По исправленіи поврежденій, она вновь вступала въ бой. Кончилось тѣмъ, что шведскія галеры, «оставя свое отважно передъ начатое россійскихъ галеръ атакованіе», отступили.—Мѣстоположеніе не позволило у Корпо выставить суда, кромѣ двухъ прамъ, почему генералъ Кейтъ приказалъ заранѣе на окрестныхъ высотахъ воздвигнуть двѣ «съ брустверкомъ батареи» и поставить на нихъ всего восемь орудій, снятыхъ съ галеръ. Эти батареи особенно содѣйствовали побѣдѣ, ибо наши галеры совершенно лишены были возможности дѣйствовать на плесѣ за прамами.—Въ сраженіи съ шведской стороны участвовала одна прама и 18 галеръ. Шведы ушли. За ихъ движеніемъ наблюдали наши шлюпки [274]).

Въ сраженіи при Корпо большое значеніе имѣли прамы. Современникъ оставилъ описаніе этого типа судовъ, и надо полагать, что русскія прамы ничѣмъ существеннымъ не отличались отъ шведскихъ. Видѣнная Тибурціусомъ шведская прама представляла изрядную крѣпость. Она, конечно, совершенно непригодна была для плаванія или для дальняго буксированія. Снаружи кругомъ по краямъ, она была снабжена сундуками, наполненными воздухомъ, которые держали на поверхности всю эту тяжелую громаду. Сколько-бы прама ни была пробита пулями, ей

не угрожала опасность затонуть. Передняя и задняя части прамы были высоко приподняты и на этихъ возвышенiяхъ устанавливались небольшiя орудiя. Эти платформы прекрасно снабжались многосложными желѣзными брусьями, на которыхъ держалась деревянная крыша, покрываемая красною мѣдью, благодаря чему праму можно было считать защищенной отъ бомбъ. Бока прамы устраивались гораздо ниже; съ каждой ея стороны ставились 10 двадцати-четырехъ-пудовыхъ желѣзныхъ пушекъ. Внутри находилась лѣстница, на которой можно было стоять, а сзади ея помѣщался валъ съ мушкетами. Посерединѣ прамы стояла 40 пудовая мортира для метанiя бомбъ, почему въ узкихъ водахъ трудно было имѣть дѣло съ подобной машиной [275]).

Позицiя у острова Соттунга осталась за русскими, но Кейтъ, съ бывшими у него войсками, не рѣшался атаковать шведовъ на Аландѣ. Потери русскихъ при Корпо были незначительны.

Ласси, узнавъ затѣмъ, что шведскiй флотъ (въ 18 вымпеловъ), подъ начальствомъ адмирала фонъ Утфаля, сосредоточился у Гангеудда, приказалъ графу Н. Ѳ. Головину атаковать его, но президентъ коллегiи на это не рѣшился, имѣя 13 вымпеловъ. Головинъ искусно укрывался за рѣшенiями консилiумовъ и ловко пользовался данной ему инструкцiей, которой онъ предостерегался отъ «газардованiя» и, кромѣ того, ему вообще рекомендовалось «движенiе флотовъ имѣть съ надлежащимъ береженiемъ людей и кораблей». Всякое-же смѣлое наступательное дѣйствiе неизбѣжно являлось «газардованiемъ» и сопряжено было съ опасностью утери команды и судовъ. Мѣшали ему, какъ и его предшественнику, болѣзни во флотѣ, темныя и длинныя ночи, недостатокъ провизiи и т. п.

Въ началѣ iюня шведскiй флотъ, послѣ ничтожной перестрѣлки съ нашими судами, ушелъ въ Карлскрону, «благодаря отъ всего сердца графа Головина,—какъ пишетъ генералъ-маiоръ Завалишинъ,—что онъ ихъ отпустилъ съ цѣлыми руками и ногами пользоваться жизнью и тѣмъ, чѣмъ Богъ благословилъ». Непростительная ошибка Утфаля! Не уйди онъ домой, а останься у Ганге, русскiй флотъ Ласси и Кейта не могли бы соединиться и результатъ кампанiи былъ бы иной. Соединенныя же силы Ласси и Кейта составили 70 галеръ съ 20.000 корпусомъ.

Итакъ Головинъ бездѣйствовалъ и не атаковалъ шведовъ при Гангутѣ. Головинъ ссылался и на плохiя суда и на постановленiе консилiума. Безъ консилiума тогда въ нашемъ флотѣ ничего не

предпринималось, не смотря на заявленіе Елизаветы Петровны: «этихъ безплодныхъ совѣтываній въ нынѣшнюю кампанію столько было, что, наконецъ, самое слово совѣта омерзитъ»[276]).

Въ теченіи войны 1741—1743 г.г. русскій флотъ рѣшительно ничѣмъ хорошимъ себя не проявилъ. Корабли были плохи. Команды на столько слабы, что не могли вытащить своего якоря изъ воды и обрубали канаты. Насколько несостоятельной оказалась шведская армія, настолько же предосудительнымъ было дѣйствіе нашего флота.

По уходѣ шведскаго флота, путь къ Аланду былъ открытъ. Фельдмаршалъ Ласси этимъ отлично воспользовался и требовалъ, чтобы флотъ графа Н. Ѳ. Головина прибылъ къ Аланду, но онъ удалился къ Рогервику. Съ острова Ламеланда Ласси намѣревался перейти на шведскій берегъ; но графъ Головинъ не явился къ нему на помощь[277]).

Чтобы дорисовать характеристику графа Головина, прибавимъ, что его запросили (5 іюля 1743 г.) именнымъ указомъ о возможности отправленія нашей эскадры для прикрытія, вмѣстѣ съ шведскимъ флотомъ, транспорта вновь избраннаго короннаго наслѣдника изъ Стральзунда въ Карлскрону.—Головинъ началъ съ указанія на наступавшее осеннее время и предстоявшія темныя ночи. Адмиралтействъ - коллегія предписываетъ немедленно снабдить суда графа Головина провизіей и крейсировать съ эскадрою ближе къ шведскимъ и датскимъ портамъ. Адмиралъ отвѣчаетъ, что генеральный консиліумъ рѣшилъ отправить въ море лишь нѣсколько судовъ, а остальныя вести въ Кронштадтъ для починки. Ему вновь (24 авг.) именнымъ указомъ предлагается идти съ флотомъ къ Карлскрону, на что адмиралъ упорно заявляетъ, «что въ повелѣнный вояжъ до Карлскроны идтить флоту никакъ невозможно», почему онъ послалъ для развѣдокъ одинъ фрегатъ «Россія»[278]).

Успѣхи русскаго оружія въ финскихъ шхерахъ для жителей Аланда,—которые годъ тому назадъ подчинились русскимъ, но при наступленіи шведовъ присоединились къ нимъ, — явились, конечно, непріятными, такъ какъ имъ пришлось пережить чувство страха пасть жертвами непріятельскаго мщенія. К выселенію побуждало прежде всего само шведское правительств многочисленными публикаціями «съ угроженіемъ, что отъ россійскаго войска имѣютъ быть всѣ побиты и разорены». Аландцы массами поэтому побросали родину и искали убѣжища въ Швеціи.

Въ одномъ спискѣ значится 3.852 человѣка, которые, въ теченіе 4 дней, имѣли квартиру и продовольствіе на общественный счетъ Стокгольма [279]).

Такъ какъ гр. Ласси удалось соединить свои войска съ пѣхотою Кейта (въ половинѣ іюня), то теперь все было готово къ выполненію плана высадки на шведскій берегъ. Дѣло останавливалось только за бездѣйствіемъ корабельнаго флота гр. Головина.

Конгрессъ тянулся съ января 1743 г. Въ февралѣ Императрица повелѣла русскимъ вельможамъ (ихъ было 21 чел.) подать свои мнѣнія объ условіяхъ мира со Швеціей. Большинство высказалось за присоединеніе Финляндіи. Изъ этихъ мнѣній заслуживаютъ вниманія слѣдующія. Фельдмаршалъ кн. Долгорукій находилъ, что изъ Финляндіи можно уступить только каменистую, отдаленную, нехлѣбородную Эстерботнію. Къ этому мнѣнію примкнулъ и фельдмаршалъ Ласси. Если же рикcдагъ изберетъ въ наслѣдники престола герцога Голштинскаго, епископа Любскаго,— то еще Абоскую область. Фельдмаршалъ кн. Трубецкой держался того воззрѣнія, что слѣдовало удержать всю Финляндію. Этого требовали слава оружія, а также благополучіе и безопасность Имперіи. Опасность исходила отъ близости границы. Уступить Финляндію значило въ слѣдующей войнѣ опять имѣть противъ себя финновъ. Во всякомъ случаѣ онъ требовалъ Гельсингфорса и Нейшлота. Такое рѣшеніе было по душѣ также адмиралу Головину, въ томъ случаѣ, если нельзя установить живую границу по Ботническому заливу. Онъ напомнилъ, что Императрица нѣсколько разъ высказала свое желаніе устроить изъ Финляндіи барьеръ между Швеціей и Россіей. Князь Трубецкой останавливался также на соображеніяхъ объ удовлетвореніи Швеціи денежною суммою и о томъ, чтобы выговорить условіе, дабы Финляндія была отдѣльнымъ государствомъ подъ властію нейтральнаго государя. Эту же мысль, хотя нѣсколько въ иной формѣ, высказалъ вице-канцлеръ гр. Бестужевъ-Рюминъ. Онъ началъ съ того, что отстаивалъ условія uti possidetis—т. е. сохраненія того, чѣмъ кто владѣетъ въ моментъ заключенія договора. Онъ прибавилъ, что Россія желаетъ не расширенія владѣній, не умноженія доходовъ, а тишины на сѣверѣ. Если же эти условія не пріемлемы, то установить въ Финляндіи такую форму правленія, которая бы

устранила съ обѣихъ сторонъ непріятельскія столкновенія, на что исходатайствовать отъ другихъ государствъ гарантію. Бестужеву казалось, что финляндцевъ такое рѣшеніе особенно удовлетворитъ, освобождая ихъ въ то же время отъ мстительности шведовъ. Тайный совѣтникъ Бревернъ былъ противъ присоединенія Финляндіи, находя, что Швеція вновь будетъ добиваться ея возвращенія, а другія державы не останутся равнодушными къ такому расширенію русскихъ границъ. Для защиты Финляндіи нужно будетъ содержать въ ней много войска, въ виду ея обширности, а въ то же время она не въ состояніи прокормить ихъ; на финскія же войска надѣяться нечего. Графъ Михаилъ Бестужевъ совѣтовалъ поступить по примѣру Петра Великаго: удержать Финляндію, уплативъ за нее деньги. Перечисливъ нѣкоторыя другія свои условія, онъ прибавилъ: если ихъ нельзя исполнить, то назначить епископа Любскаго владѣтельнымъ княземъ Финляндіи подъ русскимъ покровительствомъ. По мнѣнію стат. сов. Веселовскаго, было бы желательнымъ, въ случаѣ нельзя удержать за собой всей Финляндіи, объявить ее самостоятельнымъ государствомъ, подъ управленіемъ собственнаго князя, или же республикой [280]).

Уполномоченные въ Або долго пререкались о земельныхъ уступкахъ. Проницательная Царица не допустила французскаго посредничества въ переговорахъ о мирѣ; она мыслила и дѣйствовала исключительно по внушеніямъ вице-канцлера Бестужева и его помощника Бреверна, которые Франціи не любили. Въ апрѣлѣ дѣло переговоровъ стояло такъ дурно, что готово было рушиться, и русскіе думали, что гордаго врага можно усмирить только силою оружія. Но въ то же время Императрица сильно желала возведенія на шведскій престолъ епископа Любскаго, и всѣ напряженно ожидали мира.

Еще до сообщенія о готовности государственныхъ чиновъ Швеціи избрать наслѣдникомъ престола Адольфа-Фридриха, русскіе уполномоченные въ Або заявили, что, какъ только такая склонность будетъ проявлена, они дадутъ опредѣленный отвѣтъ о тѣхъ условіяхъ мира, на какія можно согласиться. Наконецъ Люберасъ сказалъ, что за избраніе епископа можно возвратить только Эстерботнію, но, при выраженномъ шведами изумленіи, Румянцевъ прибавилъ, что можно отдать и Бьернеборгскую губ. съ Аландомъ. Люберасъ по секрету намекнулъ шведамъ, что можно добиться лучшихъ условій, хотя едва ли границей согласятся сдѣлать рѣку Кюмень. На конференціи, созванной 5 апрѣля, довольно

открыто заявили, что можно ожидать еще дальнѣйшихъ уступокъ; но шведское правительство запросило немало: за избраніе епископа оно требовало возвращенія всей Финляндіи. 11 апрѣля опять прибылъ курьеръ изъ Петербурга къ русскимъ, послѣ чего они объявили, что теперь находится въ гостяхъ у шведовъ, иначе говоря, Императрица уступила и Абоскую губернію до самаго Ганге.

Не успѣли еще новыя представленія шведовъ дойти до Елизаветы, какъ отослано было въ Або увѣдомленіе, что возвращается Карелія, Саволаксъ и Тавастладъ, а удерживается лишь Нюландія и Кюменьгородская область, но все это въ предположеніи, что будетъ избранъ герцогъ Адольфъ-Фридрихъ. Его избраніе Императрица изъ деликатности не приписывала себѣ, а ставила въ зависимость отъ свободнаго выбора государственныхъ чиновъ. Подобнымъ пріемомъ Елизавета Петровна хотѣла показать, что въ ея намѣреніе входитъ лишь обезпеченіе Россіи отъ будущихъ нападеній.

СЕДЕРКРЕЙЦЪ.

Насталъ уже май. Переговоры въ Або пріостановились въ ожиданіи новыхъ указаній изъ Петербурга и изъ Стокгольма. 20 мая новая конференція происходила подъ гулъ орудій, сверкавшихъ при Корно. Корно отстоялъ отъ Або 7 или 8 миль. Всѣ ожидали исхода сраженія. 24 часа Кейтъ продержалъ ихъ въ томительномъ ожиданіи. Шведы не могли допустить, чтобъ русскій генералъ такъ долго не донесъ о побѣдѣ, если она досталась ему. Шведы, узнавъ о побѣдѣ, заговорили о раздѣленіи Кюменьгородской области между коронами и просили русскихъ довести до свѣдѣнія Императрицы ихъ просьбу о возвращеніи Нюландіи. Когда Румянцевъ и Люберсъ сообщили, что нѣтъ надежды на уступку Нюландіи, Бестужевъ замѣтилъ: «худые пророки». Шведы не хотѣли сообщить объ этомъ государственнымъ чинамъ изъ опасенія, что они тотчасъ послѣ такого извѣстія приступятъ къ избранію наслѣдника престола [281]).

Дѣлу мира помогъ Седеркрейцъ. Онъ въ прежнее время находился въ большой милости у Елизаветы Петровны и теперь, по совѣту самихъ посредниковъ мира, написалъ письмо, доставленное въ ея собственныя руки, въ которомъ онъ, льстя ея тщеславію, умолялъ возстановить миръ на сѣверѣ. Говорятъ, что это письмо ускорило рѣшеніе Императрицы отказаться отъ требованія Нюландіи. Объ этомъ Седеркрейцъ и Нолькенъ были увѣдомлены 1 іюня, но съ прибавленіемъ, что Россія вмѣсто того желаетъ удержать за собой не только Кюменьгородскій округъ, но и весь Саволаксъ и Карелію.

Шведскіе уполномоченные упорствовали въ своихъ домогательствахъ. Имъ приказано было уѣхать и сложить всю отвѣтственность за дальнѣйшее кровопролитіе на Россію, если ихъ ультиматумъ объ уступкѣ Кюменьгородской губ. до западнаго рукава рѣки не будетъ принятъ. На представленія озадаченныхъ русскихъ, Седеркрейцъ и Нолькенъ снисходительно обѣщали затянуть приготовленія по своему отъѣзду настолько, чтобъ Императрица, просившая скорѣе сообщить ей, довольны ли шведы предложенными условіями, имѣла возможность прислать новыя указанія. И опять Люберасъ подалъ имъ надежду на благопріятный исходъ ихъ домогательствъ.

Швеція, казалось, находилась въ тискахъ: съ одной стороны гремѣли русскія орудія при Корпо, съ другой—слышался шумъ броженія далекарлійцевъ. Но представители Швеціи не могли не видѣть страннаго поведенія Россіи: она распиналась за чужіе интересы и ради кандидатуры епископа любскаго отдавала одну часть своихъ завоеваній за другой.

12 іюня русскіе представители въ свою очередь грозили отъѣздомъ, если Швеція не согласна уступить, вмѣстѣ съ Кюменьгородской губ., или Нюландію, или Нейшлотскую губернію. 14 іюня состоялась конференція, съ цѣлью формальнаго роспуска конгресса, при чемъ Румянцевъ проронилъ замѣчаніе о томъ, что и прерванные конгрессы возобновлялись. Конгрессъ былъ распущенъ. Русскіе и шведы ожидали паспортовъ, но первые явно давали понять, что готовы на дальнѣйшія уступки. Когда 15 числа всѣ собрались у Седеркрейца, русскіе отказались, sub spe rati, отъ притязаній на Саволаксъ, выговаривая для императрицы только г. Нейшлотъ и шлоссъ съ берегомъ озера. Шведы также на свой рискъ положили уступить шлоссъ и городъ. Въ это время гр. Ласси съ флотомъ миновалъ Ганге. Это обстоятельство побудило Седеркрейца и Нолько-

кена не ставить болѣе затрудненій, особенно послѣ того, какъ Румянцевъ, нѣсколько разъ приложившись къ кресту, удостовѣрилъ приказаніе Императрицы не дѣлать дальнѣйшихъ уступокъ. Согласіе было, наконецъ, достигнуто. Немедленно послали въ армію приказаніе прекратить враждебныя дѣйствія [282]).

Общее впечатлѣніе отъ обзора занятій на конгрессѣ складывается не въ пользу стойкости нашихъ представителей. Объясненіе кроется, очевидно, въ томъ вліяніи, которое оказывалъ на нихъ русскій Дворъ.

Изъ Або Румянцевъ писалъ однако А. Бестужеву, что лучше война, чѣмъ «безчестный и нерезонабельный миръ». Но когда Императрицѣ указали однажды на Румянцева, какъ на человѣка способнаго вести иностранныя дѣла, Елизавета Петровна сказала: «можетъ быть онъ добрый солдатъ, да худой министръ».

Итакъ стороны, наконецъ, договорились. «Свѣйскій король уступилъ... въ совершенное непрекословное вѣчное владѣніе и собственность»... изъ Великаго Княжества Финляндскаго провинцію Кюменегородъ, съ находящимися въ «оной городами и крѣпостями Фридрихсгамъ и Вильманстрандъ, и сверхъ того часть кирхшпиля Пюттиса, по ту сторону и къ востоку послѣдняго рукава рѣки Кюмени или Келтиса обстоящую, который рукавъ между большимъ и малымъ Аборфорсомъ течетъ, а изъ Саволакской провинціи городъ и крѣпость Нейшлотъ съ дистриктомъ и со всѣми принадлежностями и правами».

Предложеніе Швеціи объ уступкѣ Кексгольма и Выборга, съ уплатою 3 милл. вознагражденія за военныя издержки, съ негодованіемъ отвергнуто Ея Величествомъ.

«Въ уступленныхъ, какъ напредь сего Нейштадскимъ, такъ и нынѣшнимъ мирнымъ трактатомъ, земляхъ, не имѣетъ никакое принужденіе въ совѣсти введено быть, но паче Евангелическая вѣра, кирки и школы, и что къ тому принадлежитъ, на такомъ основаніи, на какомъ при послѣднемъ Свѣйскомъ Правительствѣ были оставлены, и содержаны будутъ, однакожъ въ оныхъ и вѣра Греческаго исповѣданія, впредь, такожъ свободно и безъ всякаго помѣшательства отправлена быть можетъ и имѣетъ.»

«Ея Императорское Величество Всероссійское обѣщаетъ при томъ, что какъ всѣ жители прежде присовокупленныхъ по Нейштадскому миру ко Всероссійской Имперіи, Провинціи Эстляндія, Лифляндія и острова Эзеля, такъ и вновь пріобрѣтенной Кюменегородской провинціи города и крѣпости Нейшлота съ дистрик-

томъ принадлежащія обыватели Шляхетные и не Шляхетные, и въ тѣхъ провинціяхъ обрѣтающіеся города, магистраты, цѣхи и цунфты, при ихъ подъ Свѣйскимъ Правленіемъ имѣвшихъ привиллегіяхъ, обыкновеніяхъ, правахъ и справедливостяхъ, постоянно и непоколебимо содержаны и защищены будутъ.»

Послѣ этого 1 августа состоялось подписаніе прелиминарнаго мира, который былъ окончательно утвержденъ въ Або 27 августа 1743 года. Уступленные земельные участки не являлись столь значительными, чтобы положеніе Швеціи вслѣдствіе этого поколебалось; но нравственное вліяніе совершившихся событій было велико.

Швеція начала войну безъ всякаго повода и тѣмъ не менѣе условія «вѣчнаго мира» не сдѣлались для нея обременительными потому, что въ это время въ Стокгольмѣ состоялось избраніе въ преемники бездѣтному королю Фридриху I—родственника Императрицы Елизаветы Петровны принца Голштинскаго (Готторпскаго) Адольфа Фридриха, носившаго титулъ епископа Любскаго. Онъ являлся братомъ умершаго жениха Елизаветы Петровны.

Уступленная Россіи область равнялась 226 кв. геогр. милямъ, была бѣдна и во время войны совершенно истощена.

Война стоила Швеціи около 11 милл. рублей и около 40.000 чел., изъ нихъ отъ болѣзней во флотѣ умерло до $7^1/_2$ тыс.

Россія такимъ образомъ никакихъ существенныхъ выгодъ не пріобрѣла: три ничтожныя крѣпости и земельныя пріобрѣтенія, конечно, вознаградить ея не могли. Положенія своего въ международномъ отношеніи она этой войной не подняла.

Вся Финляндія находилась въ нашихъ рукахъ. Но о безопасности Петербурга мы не позаботились, а заняты были обезпеченіемъ шведскаго престола. Родственный русскому двору претендентъ былъ водворенъ, но онъ же явился главнымъ тормазомъ всей нашей политики въ Швеціи. Чтобы поддержать голштинскую партію, пришлось подкупать и интриговать, т. е. дѣйствовать неразборчивыми средствами, вслѣдствіе чего симпатіи націи не были пріобрѣтены. Представители же Голштиніи, занявъ престолъ, не могли поддерживать интересовъ Россіи, такъ какъ нельзя было забыть, что она явилась виновницей недавнихъ униженій Швеціи.

Миръ со Швеціей заключенъ былъ не безъ стараній недавняго пришельца и случайнаго дѣятеля Лестока, который направлялъ всѣмъ этимъ дѣломъ изъ Петербурга. А его чувства и мысли едва ли были заняты исключительно нуждами Россіи.

Заключеніе мира населеніе города Або привѣтствовало, какъ милость Провидѣнія и отпраздновало торжественно. Очевидецъ разсказываетъ, что миръ объявленъ былъ при звукахъ трубъ и литавровъ, музыки и стрѣльбы изъ пушекъ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Генералъ Люберасъ, жившій въ зданіи гофгерихта, повѣсилъ на стѣнѣ огромную картину, на которой было изображено двѣ протянутыя другъ къ другу руки, съ подписью: «миръ и вѣчный союзъ» (Pax et Aeternum foedus»). На площади Або возвышалась огромная пирамида, сложенная изъ пшеничныхъ булокъ. Рядомъ стоялъ огромный, покрытый скатертью, столъ, а на немъ находилось лишь одно блюдо, но зато какое! На горѣ Пуолала горѣлъ огромный костеръ, и на немъ жарился большой, хорошо откормленный быкъ, облитый масломъ. Когда онъ прожарился, русскіе солдаты притащили его на саняхъ къ площади, при громкихъ кликахъ ура; быка съ позолоченными рогами поставили на столъ во всю его величину, гарнированъ онъ былъ жаренными утками съ позолоченными клювами. Народъ, торжествуя, вращался вокругъ колоссальнаго блюда, запахъ котораго ощущался по всей площади. Не упустилъ народъ посѣтить также домъ Седеркрейца у собора, гдѣ вино лилось по тонкимъ трубочкамъ, подъ которыя жаждующая толпа подставляла шапки и посуду [283]).

[illegible]

Не зная о заключеніи мира, наше правительство подтвердило свое запрещеніе пропускать въ Россію шведовъ, вслѣдствіе того, что каммергеръ стокгольмскаго двора (Норденфельтъ) пробрался въ Петербургъ по паспорту рудокопа. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что миръ будетъ подписанъ, наше правительство приняло между прочимъ мѣры къ скорому и секретному вывозу изъ Финляндіи захваченной шведской артиллеріи, при этомъ дорожили, конечно, не чугунными, а мѣдными орудіями.

Курьеры скакали тогда верхомъ (послѣ 1760 г. они стали ѣздить). Когда Петербургъ узналъ о мирѣ, Казанскій [illegible]

наполнился именитыми сановниками. Парадирующіе полки вытянулись линіями на площади. По прибытіи въ соборъ Императрицы, оберъ-секретарь сената прочелъ особое заявленіе о «приращеніи высочайшей славы ея величества», о «благополучіи ея имперіи», о «сосѣдственной дружбѣ». Далѣе слѣдовалъ молебенъ. По окончаніи его, когда Императрица вышла изъ церкви, народное привѣтствіе слилось съ музыкой, барабаннымъ боемъ, колокольнымъ звономъ, бѣглымъ ружейнымъ огнемъ войскъ, или, какъ тогда выражались — пальбой «изъ мелкаго ружья», пальбой артиллеріи съ судовъ и крѣпости [284]). Весь день гудѣли колокола. По улицамъ ѣздилъ кортежъ конной гвардіи; во главѣ его находился генералъ-маіоръ съ лавровою вѣтвію, за нимъ слѣдовалъ хоръ литаврщиковъ и трубачей. На главныхъ перекресткахъ секретарь оглашалъ объявленіе о мирѣ. Вечеромъ въ лѣтнемъ саду всѣ вмѣстѣ съ Императрицею «веселились до полудни, при игранной и спѣванной итальянской преизрядной музыки». Девять дней кряду городъ былъ иллюминованъ.

Особамъ, имѣвшимъ въѣздъ ко двору, данъ былъ балъ и при этомъ въ «галереи Императорскаго Дома,—какъ говорилось въ описаніи его въ прибавленіи къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» (1743 г.),—былъ пріуготовленъ, болѣе нежели на сто паръ, зѣло пребогатой, на подобіе партера и пренарядно семью фонтанами и разными оранжерейными деревьями и цвѣтами, со множествомъ свѣчъ и хрустальныхъ малыхъ и бѣлаго воску горящихъ лампадъ, столъ». Столы украшались еще «сахарными пирамидами». Ужинъ происходилъ «при играніи преизрядной италіянской воспѣванной музыки». Устроены былъ также маскарадъ, иллюминація и «преизрядный фейэрверкъ, при которомъ, какъ верховныхъ, такъ и водяныхъ ракетъ, лусткугелей и другихъ огненныхъ машинъ множественное число зжено было»...

Черезъ годъ главное торжество по случаю мира происходило въ присутствіи Императрицы въ Москвѣ. 15-го же сентября въ Петербургѣ опять состоялся молебенъ. Епископъ Стефанъ произнесъ напыщенный панегирикъ и въ немъ «всѣ матерьнія попеченія о Россіи новой Юдифи пространно показалъ и изъяснилъ». Затѣмъ слѣдовали пальба, балъ, маскарадъ, фейерверки и пр. Балы и пиры у шведскихъ и русскихъ пословъ происходили нѣсколько дней. У графа Седеркрейца лилось вино; генералы Румянцевъ и Люберасъ на досчатыхъ возвышеніяхъ поставили

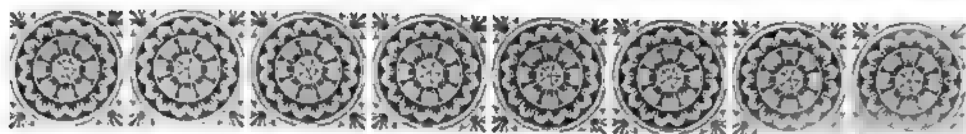
двухъ жареныхъ быковъ съ позолоченными рогами, а доставшему рога опредѣлили награду [285]).

Главные дѣятели войны Ласси и Кейтъ были щедро награждены брилліантовыми шпагами, табакерками, добавочными окладами. Румянцеву—за переговоры въ Або—пожаловано графское достоинство. Впослѣдствіи Ласси былъ генералъ-губернаторомъ Лифляндіи и умеръ въ Ригѣ (въ 1751 г.).

Торжество увѣковѣчено золотой медалью; на одной сторонѣ—портретъ государыни, на другой—рѣка Кюмень, на ней мостъ, изъ облаковъ протянуты двѣ руки съ лавровымъ вѣнкомъ, и въ немъ связаны государственные гербы Россіи, Швеціи и Голштиніи. Въ надписи значилось: «крѣпчайшимъ союзомъ, въ память заключеннаго съ Швеціей вѣчнаго мира въ Або 1743 года, августа 7-го дня» [286]).

Вслѣдъ за ратификаціей мира, русскія войска начали выходить изъ Финляндіи и въ первыхъ числахъ октября (1743 г.) они очистили страну.

Въ 1744 году, генваря 14-го, Сенатъ испрашивалъ не соизволитъ ли Государыня Императрица утвердить представленное тогда новое «учрежденіе» о новозавоеванныхъ въ Финляндіи провинціяхъ,—«сочинить вновь губернію»—Выборгскую—«для вѣчной Ея Императорскаго Величества славы и незабвенной памяти»; Сенатъ представлялъ первымъ губернаторомъ—«за достойнаго» ген.-л. князя Юрія Репнина, съ однимъ «губернаменстъ-ратомъ». Послѣдовала Высочайшая резолюція: «Быть по сему» [287])



IX.

Послѣ войны.

Едва заключенъ былъ миръ, какъ часть русскихъ войскъ, подъ начальствомъ Кейта, получила повелѣніе на галерахъ слѣдовать въ Швецію. Адмиралу Головину велѣно было съ флотомъ отправиться въ Карлскрону. Причина такихъ распоряженій была слѣдующая.

Узнавъ объ исходѣ переговоровъ въ Або, Данія стала вооружаться, имѣя въ виду получить обратно Шлезвигъ. Шведское правительство просило у Россіи помощи: оно желало, чтобы русскій флотъ появился вблизи Зунда, а Архангельская эскадра—въ Нѣмецкомъ морѣ противъ Норвегіи и зимовала въ шведской гавани Марштрандѣ. «Время позднее,—сказалъ Бестужевъ,—развѣ людей поморить и флотъ разорить; къ тому же въ чужой гавани, кромѣ опасности (отваги) содержать зиму не въ однѣ сто тысячъ рублевъ станетъ». Шведскіе уполномоченные въ Або просили еще о высылкѣ сухопутнаго войска. Вся это затѣя не нравилась А. Бестужеву. По его мнѣнію, «сіи скоропостижныя голштинскія угрозы впутать могутъ въ новую войну, которая будетъ безъ всякой прибыли».

Императрица повелѣла (22 авг. 1743 г.) созвать совѣтъ, дабы «апробовать», какъ помочь Швеціи и сохранить нашу честь и наши государственные интересы. «Консилій» рѣшилъ дать немедленно предписаніе генералу Кейту слѣдовать, съ находящимися подъ его командой войсками, прямо къ Стокгольму и тамъ зимовать. Генералу сказано было, чтобы въ Швеціи «ни у кого въ командѣ не быть, развѣ какъ у самого короля шведскаго и токмо отъ Его Величества указы получать». Генералу Кейту надлежало съ 10.000 челов. на 29 галерахъ и 25 кончебасахъ «безъ малѣйшаго укоснѣнія» выступить въ походъ, дабы не быть задержаннымъ «позднимъ годовымъ временемъ».

«Нынѣ», повелѣніемъ отъ 7 сентября, за «собственною Ея Императорскаго Величества рукою» «указали мы оному генералу Кейту на выше писанныхъ галерахъ итить въ Стокгольмъ и тамъ зимовать».

20 сентября флотилія подняла паруса, предварительно «отдѣливъ галеру и два кенчебаса для препровожденія оберъ-комисcара арміи съ денежной кассой и еще два другихъ (кончебаса), для нагрузки мѣдной монеты, переданной генер. Кампенгаузеномъ финляндской контрибуціи»[288]). «Никто, кромѣ Кейта, не справился бы съ подобной экспедиціей; ему приходилось бороться не только съ противными вѣтрами, бурями и холодомъ, но даже съ флотскими офицерами, которые часто заявляли о невозможности плаванія въ такую позднюю пору. Онъ принималъ возраженія, совалъ ихъ въ карманъ не прочитанными и приказалъ дать сигналъ къ отплытію»[289]). Все предвѣщало осложненія. Шведы не могли отнестись къ чужому войску дружелюбно; въ Стокгольмѣ нельзя было размѣстить всего корпуса;большая дороговизна на мѣстѣ и запозданіе нашихъ галіотовъ съ хлѣбомъ рисовало темную будущность...—Такъ какъ Швеціи грозила войной Данія, то ген. Кейтъ получилъ секретный указъ (23 сентября 1743 г.), что онъ «наиглавнѣйше» посланъ для поддержанія у шведовъ внутренней тишины, и чтобы въ походъ противъ датчанъ не выступалъ.

7 и 10 сентября графъ Головинъ получаетъ два царскихъ повелѣнія слѣдовать къ шведской крѣпости Карлсарона для устрашенія Даніи. Сперва онъ отвѣтилъ донесеніемъ о томъ, какъ во флотѣ отпраздновано было тезоименитство Государыни, а черезъ нѣсколько дней прибавилъ, что выступитъ въ походъ, «ежели вѣтры не воспрепятствуютъ». Штормъ мѣшаетъ отплытію эскадры и Головинъ, настаивая на своемъ, доноситъ, что рѣшено оставить въ морѣ семь кораблей,а съ остальными возвратиться въ Кронштадтъ. Мѣра терпѣнія Императрицы переполнилась и она выразила (26 сент.) свое «неудовольствіе и удивленіе». «Того ради повелѣваемъ вамъ, какъ скоро сей указъ получите, немедленно съ флотомъ въ море выступить... А для чего вы не по силѣ Нашихъ указовъ поступали о томъ вамъ отвѣтствовать». Но Головинъ не смущается и продолжаетъ прикрываться ссылками на «жестокіе» вѣтры, во время которыхъ легко можно флотъ Ея Величества «растерять», и такъ какъ онъ всѣ подобные «газардные случаи» предупредилъ, то флотъ у него въ цѣлости. Однако, указывая на болѣзни и ста-

рость, прибавляетъ, что «нынѣ меня въ нестояніи нахожу не токмо командиромъ быть, ниже подъ командою, мочи моей нѣтъ».— Головинъ сходитъ на берегъ и намѣренъ ѣхать въ Петербургъ, но получаетъ весьма рѣзкаго характера указъ, отправиться немедленно въ Ревель, гдѣ его присутствіе при эскадрѣ признается «необходимо надобно». Тѣмъ не менѣе Головинъ слѣдуетъ сухимъ путемъ изъ Ревеля до Нарвы....

Въ сочиненіи Кирхгофа «Вліяніе морской силы въ Балтійскомъ морѣ» имѣется указаніе, что адмиралъ Головинъ былъ преданъ суду за то, что не атаковалъ шведскаго флота при Гангеуддѣ въ то время, когда Ласси со своими галерами могъ оказать ему значительную помощь. Головинъ оправдывался ссылкою на морской законъ Петра В., въ которомъ говорилось, что русскимъ не слѣдуетъ вступать въ бой со шведами иначе, какъ при условіи явнаго надъ ними превосходства въ силахъ, дабы на два шведскихъ корабля приходилось по три русскихъ.— Головинъ былъ оправданъ. Шведы судили Утфаля и наказали его лишеніемъ полугодоваго содержанія.

Охлажденіе императрицы и двора заставили графа Николая Федоровича Головина испросить въ 1744 г. отставку. Онъ избралъ мѣстомъ жительства Гамбургъ, гдѣ скончался 15 іюля 1745 г.—Гр. Головинъ завѣщалъ все свое движимое имущество одной шведкѣ и двумъ прижитымъ съ нею дѣтямъ; но Государыня именнымъ указомъ закрѣпила все за законною его супругою и дочерью [290]).

Его замѣнилъ контръ-адмиралъ Баржъ, который, немного покрейсировавъ около Гангеудда, за недостаткомъ провіанта, и за наступленіемъ морозовъ возвратился въ Ревель. Кейтъ, не смотря на ноябрьскія бури и ропотъ части экипажа, доставилъ въ Швецію свой отрядъ и 400 тыс. руб. субсидіи. 12 Октября 1743 г. эскадра Кейта прибыла къ берегамъ Швеціи у Фурзунда, откуда онъ сейчасъ же отправился въ Стокгольмъ.

30 ноября 1743 г. Ростовскій и Казанскій полки торжественно вошли въ Стокгольмъ, съ музыкою и распущенными знаменами. «Старый король выражалъ большое удовольствіе, и всѣ удивлялись бодрому и военно-храброму виду солдатъ, которые, несмотря на продолжительное и трудное пребываніе на галерахъ, шли бодро и въ хорошемъ порядкѣ. Король сказалъ: «Я очень доволенъ, что прежде смерти имѣю счастіе видѣть передъ собою и подъ своею командою войска столь могущественной и славной

императрицы, и въ случаѣ нужды я никому не уступлю чести командовать ими». Получая отъ Корфа и Кейта грамоту императрицы, король поцѣловалъ ее [291]).

Ген. Кейтъ былъ радушно принятъ королемъ, восхвалявшимъ дружбу Ея Величества — повелительницы Россіи. Такъ какъ нашего представителя при стокгольмскомъ дворѣ въ данное время не было, то Кейту вскорѣ предписано было (11 дек. 1743 г.) имѣть за всѣми дѣлами «бдѣнное смотрѣніе». «И подъ рукою искусснымъ образомъ сондировать» особенно мнѣніе короля и короннаго наслѣдника. Кейтъ поселился въ Стокгольмѣ.

Отрядъ, сильно пострадавшій отъ дурной погоды во время перехода, расположили сперва въ приходѣ Эленабю. Затѣмъ гренадеръ перевели въ Нючепингъ, а другихъ расположили въ Зюдерманландіи, въ Нордчепингѣ и въ Эстраготландіи. Трудно-больныхъ водворяли въ стокгольмскихъ госпиталяхъ. Галеры поставили въ удобной гавани Стекѣ, въ 2-хъ м. отъ Стокгольма. Провіантъ выдавался изъ коронно-шведскихъ магазиновъ. Окрестное дворянство отнеслось къ нашимъ войскамъ весьма предупредительно и въ нѣкоторыхъ случаяхъ помогало имъ. Какъ отнеслись къ нимъ другія сословія—неизвѣстно. Знаемъ только, что 2 декабря 1743 г. состоялся особый королевскій указъ, которымъ объявлялось всѣмъ вѣрноподданнымъ, что «нѣкоторая часть изъ подлыхъ безъ разсужденія», вмѣсто пріязни непристойнымъ порядкомъ, какъ словами, такъ и дѣломъ «противности» россійскимъ военнымъ людямъ оказываютъ. Между тѣмъ русское войско явилось по требованію короля и шведскихъ государственныхъ чиновъ. А посему повелѣвалось проявлять учтивость, пріязнь и всю самовозможную ласковость» и напоминалось, что это дисциплинированное войско все «на готовыя деньги покупаетъ и настоящею цѣною» за все уплачиваетъ. Наконецъ, за нарушеніе сего королевскаго предписанія, устанавливались штрафы и предлагалось безъ ясныхъ доказательствъ жалобъ не вчинять [292]).

Кейтъ отличался предусмотрительностью и даже въ мелочахъ строго соблюдалъ достоинства ввѣреннаго ему русскаго отряда. Ожидая возможныхъ совмѣстныхъ дѣйствій нашего войска со шведскимъ, онъ испросилъ у императрицы указанія, слѣдуетъ ли уступать правый флангъ шведамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда будутъ въ походѣ, и когда самъ король приметъ начальствованіе надъ арміей. Послѣдовалъ отвѣтъ: «гвардіи королевской правую руку уступать, а у прочихъ шведскихъ войскъ оную вамъ брать надлежитъ».

Укомплектованіе нашихъ войскъ весной не потребовалось.

Такъ какъ Данія отказалась тревожить Швецію и внутренные безпорядки затихли, то указомъ 10 іюля 1744 г. Кейту предписано было вернуться тѣмъ путемъ, который онъ признаетъ «за наиспособнѣйшій». Сборнымъ пунктомъ онъ назначилъ урочище Романсо, откуда на 96 судахъ разныхъ наименованій всѣ переправились въ Ревель.

[illegible]

Здѣсь намъ приходится разстаться съ храбрымъ, умнымъ и симпатичнымъ генераломъ Кейтомъ.

Онъ подалъ (въ 1747 г.) въ отставку и съ него, подъ угрозой ареста, требовали подписку ни прямо, ни косвенно не служить противъ Россіи, а при нарушеніи обѣта будетъ подлежать суду по русскимъ военнымъ законамъ. Объясняется это тѣмъ, что Военная Коллегія его не любила, а гр. А. П. Бестужевъ—Рюминъ оставался недоволенъ его дѣйствіями. Двадцать лѣтъ служилъ Кейтъ въ Россіи, любилъ военное дѣло, всюду вводилъ хорошій порядокъ и всѣми былъ любимъ. Штабъ и оберъ-офицеры приходили прощаться съ нимъ. «Зѣло было удивительно», что иностранецъ такую заслужилъ честь, «что съ нимъ со слезами прощались». И онъ въ свою очередь не могъ сдержаться и плакалъ.

Въ Сентябрѣ 1747 г. Кейтъ былъ принятъ Фридрихомъ II Великимъ на прусскую службу и получилъ званіе фельдмаршала и должность губернатора Берлина. Его знанія использованы были теперь для выгодъ нѣмецкаго государства. Въ военныхъ вопросахъ, касавшихся Россіи, совѣтъ Кейта имѣлъ, конечно, особое значеніе. Шведская кронпринцесса обратилась съ письмомъ къ королю, прося его прислать заключеніе Кейта о томъ, какъ наилучшимъ

способомъ и съ наименьшими силами возможно было бы защитить Финляндію. Кейтъ высказался, и его планъ черезъ короля былъ переданъ Швеціи.

Въ октябрѣ 1758 г. Кейтъ (63 лѣтъ отъ роду) былъ убитъ въ сраженіи при Hochkirch'ѣ. Онъ упалъ на руки беззавѣтно преданнаго ему слуги-англичанина, но въ пылу сраженія тотъ былъ отброшенъ отъ своего господина, и побѣдители (кроаты) преслѣдовавшіе прусаковъ, прошли по трупу убитаго фельдмаршала. Трупъ былъ затѣмъ ими же ограбленъ. Неузнанный, нагой, прикрытый однимъ плащемъ, его на тачкѣ, вмѣстѣ съ другими убитыми, привезли въ сельскую церковь. Когда австрійскій полководецъ Даунъ вошелъ въ церковь съ офицерами и откинулъ плащъ, ген. Ласси воскликнулъ: «Это лучшій другъ моего отца— Кейтъ». Даунъ приказалъ похоронить героя съ воинскими почестями. Черезъ годъ трупъ перевезли въ Берлинъ...

Его храбрость и его доброе сердце обезпечили ему хорошую память въ потомствѣ [293]).

Съ уходомъ Кейта изъ Стокгольма, политика Швеціи рѣзко стала мѣняться не въ пользу Россіи. Государственный Совѣтъ Швеціи не пожелалъ болѣе слѣдовать указаніямъ изъ Петербурга. Ставленникъ Россіи—Адольфъ Фридрихъ—поддержалъ Совѣтъ. Слабѣвшій король Фридрихъ I потерялъ всякое значеніе. Центромъ политической жизни сдѣлался молодой дворъ, въ которомъ выдающуюся роль сталъ играть изящный гр. Карлъ Густавъ Тессинъ. Партія шляпъ вновь подняла голову, а съ ней усилилось непріязненное отношеніе къ Россіи. Врагъ Швеціи—Алексѣй Бестужевъ— сдѣлался канцлеромъ и повелительнымъ тономъ сталъ добиваться воздѣйствія русской власти на королевство. Баронъ Іоганъ Альбрехтъ ф.-Корфъ, назначенный въ 1746 г. нашимъ представителемъ въ Стокгольмъ, оказался покорнымъ орудіемъ канцлера. А король шведскій, мать котораго была Курляндской принцессой, изволилъ называть Корфа «полуземлякомъ» [294]). Подобно гр. А. Бестужеву, баронъ Корфъ надѣялся, что финскіе депутаты риксдага подчинятся его руководству, но этотъ «глупый и невѣжественный народъ» предпочелъ противниковъ Россіи. Съ 1747 г. (т. е. послѣ назначенія генералъ-губернатора Розена) надежды барона Корфа на неудовольствія финновъ снова возросли и онъ даже полагалъ, что они «ждутъ случая отдѣлиться отъ Швеціи». Но свѣдѣнія его агентовъ оказались ложными. Наслѣднику шведскаго престола отъ имени Елизаветы Петровны дано было указаніе не слѣдовать совѣтамъ гр. Тессина,

мѣшающимъ установленію добрыхъ отношеній между сосѣдними государствами. Такое вмѣшательство во внутреннія дѣла Швеціи возбудило общее неодобреніе и сильный отпоръ, сдѣланный въ національномъ объявленіи о томъ, что сословія добровольно избрали Адольфа-Фридриха наслѣдникомъ престола. Партія шляпъ вновь отдалась подъ покровительство Франціи и неудовольствіе барономъ Корфомъ возросло въ такой мѣрѣ, что наше правительство замѣнило его гр. Никитой Панинымъ (въ маѣ 1748 г.).

БАРОНЪ І. А. ф.-КОРФЪ.

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ родился въ Данцигѣ въ 1718 г.; дѣтство его прошло въ нѣмецкомъ городѣ Перновѣ. Въ царствованіе Анны Іоанновны мы видимъ его въ конной гвардіи, а въ первые годы царствованія Елизаветы Петровны онъ игралъ уже при дворѣ столь замѣтную роль, являясь соперникомъ Разумовскаго и И. И. Шувалова, что его—молодого человѣка—назначили посланникомъ въ Данію. Въ 1747 г. его перевели изъ Копенгагена въ Стокгольмъ, гдѣ онъ пробылъ почти 12 лѣтъ на трудномъ посту представителя Россіи. Въ интересахъ послѣдней было препятствовать возстановленію въ Швеціи самодержавія. Это повело къ соперничеству съ Франціей.

Въ то время, когда въ Швеціи находился Бестужевъ, Россія, согласно Ништадскому миру, имѣя право и долгъ («какъ изволили милостиво указать шапки») поддерживать шведскую форму Правленія, хотѣла послать въ Финляндію войска.—Финляндію подумывали тогда или превратить въ пустыню или, подъ тѣмъ или инымъ видомъ, отдѣлить отъ Швеціи [295]).

Подъ предлогомъ желанія поддержать свободную шведскую форму Правленія, русское правительство теперь вновь вмѣшалось во внутреннія дѣла Швеціи. Отъ имени Императрицы Елизаветы министръ Панинъ внесъ 18 января 1749 г. въ государственный совѣтъ письменное заявленіе (декларацію) о томъ, что Императрица узнала о склонности Швеціи, послѣ смерти Фридриха I, измѣнить

систему управленія, а потому она выражаетъ, что такое мѣропріятіе является вреднымъ для спокойствія на сѣверѣ и можетъ вынудить ее къ принятію зависящей отъ нея мѣры, для сохраненія въ Швеціи прежней Формы Правленія и недопущенія единовластія.

Позднѣе, въ августѣ 1749 г., послѣдовало новое заявленіе, въ которомъ Императрица увѣдомляла, что она рѣшила какъ только старый больной король Фридрихъ I скончается, ввести въ Финляндію русскій отрядъ, на тотъ случай, если попытаются измѣнить Форму Правленія, безъ единогласнаго соглашенія сословій. Въ то же время носились слухи о значительныхъ русскихъ вооруженіяхъ. Нѣсколько русскихъ полковъ было сосредоточено въ Выборгѣ.

Въ Финляндіи шведское правительство возобновило должность генералъ-губернатора, забытую съ прошлаго столѣтія. На эту должность назначили гр. Густава Фридриха ф.-Розенъ (Rosen), стараго воина, спутника Карла XII въ Турцію. Онъ получилъ инструкцію опредѣлить значеніе разныхъ мѣстностей края въ стратегическомъ отношеніи, составить карты, наблюсти за поселенной системой, составить проектъ учрежденія постоянной милиціи въ Шведской Кареліи, побудить крестьянъ выставить резервныхъ людей (vargeringsmanskap), присмотрѣть за крѣпостными работами и т. п. Ясно, что шведское правительство проникнуто было стремленіемъ поднять оборонительныя силы Финляндіи, создавъ изъ нея болѣе прочную стѣну противъ Россіи.

Генералъ-губернаторъ фонъ-Розенъ во время этихъ натянутыхъ отношеній былъ занятъ проектами защиты Финляндіи, но кромѣ того на него возложили новую задачу, разоблачать тѣ замыслы, которые затѣвались Россіей. Русскій посланникъ Панинъ и особенно его секретарь финскаго происхожденія Иванъ Симолинъ, дѣлали все, что могли, чтобы раздачею денегъ и иными средствами вербовать сторонниковъ Россіи, и потому естественно, что ихъ вниманіе особенно было обращено на пограничную землю—Финляндію. Однако, въ Финляндіи они имѣли еще меньшій успѣхъ, чѣмъ въ Швеціи, и гр. Розенъ и ландсгевдинги время отъ времени доносили, что въ краѣ все спокойно. Нѣсколько лицъ сдѣлались предметомъ судебнаго преслѣдованія, но, какъ оказалось, совершенно не основательно. Настоятель въ церкви въ Воно—Томасъ Паккаленіусъ—осенью 1748 г. былъ заподозрѣнъ въ сочувствіи русскимъ; но подозрѣніе не подтверди-

лось: доказано было, что онъ велъ совершенно невинную переписк съ однимъ родственникомъ, жившимъ въ русскихъ владѣніяхъ. Послѣ двухлѣтняго судебнаго разбирательства Паккаленіусъ былъ оправданъ.

При Панинѣ началъ большую политическую интригу нѣкто Фреденшерна. Не смотря на то, что Панинъ его поддержалъ, вся затѣя никакой пользы Россіи не принесла. Но въ виду того, что Фреденшерна яркій прототипъ мѣстныхъ политическихъ авантюристовъ XVIII в. — расцвѣтъ коихъ проявился въ лицѣ Г. М. Спренгтпортена,—полезно разсказать о планѣ сего типичнаго финляндскаго измѣнника времени Елизаветы Петровны.

Адамъ Шютцъ, возведенный въ дворянство въ 1726 г. подъ именемъ Фреденшерна, родился въ Выборгѣ въ 1685 г.; былъ президентомъ Свеа гофгерихта; умеръ въ 1772 г.; обладалъ большими познаніями, какъ должностное лицо. Онъ принималъ участіе въ дѣлѣ водворенія свободнаго правленія. Его воззрѣнія совпадали со взглядами другихъ руководителей партіи шапокъ.

Когда въ январѣ 1749 г. Панинъ подалъ свою первую декларацію шведскому правительству, надворный совѣтникъ Фреденшерна со слезами на глазахъ благодарилъ русскаго представителя. Фреденшерна спросилъ, могутъ-ли патріоты разсчитывать на помощь Императрицы, если они постараются предупредить занятіе престола наслѣднымъ принцемъ. Панинъ отвѣтилъ, что сейчасъ не можетъ точно высказаться по этому вопросу, такъ какъ никто изъ патріотовъ раньше открыто не говорилъ о такомъ планѣ. Панину хотѣлось, чтобы починъ въ дѣлѣ принадлежалъ шведамъ.

Чтобъ покончить съ господствомъ шляпъ въ Швеціи, Фреденшерна, между прочимъ, проектировалъ слѣдующее: Россія должна занять своими войсками Финляндію и объявить себя ея властелиномъ. Это легко исполнить, вслѣдствіе неудовольствія, питаемаго финнами къ притѣснителямъ-шведамъ, особенно въ періоды войны, когда бѣдные финны бываютъ обложены тройными противъ Швеціи тягостями. Лишь немногіе лучшіе люди Финляндіи получали какую-нибудь почетную должность, и рѣдко случается, чтобъ финнъ былъ представленъ въ Швеціи къ чину; не говоримъ уже о стѣсненномъ положеніи, въ которое поставлена финляндская торговля со Швеціей. Это настроеніе, подкрѣпленное воспоминаніями о дружественныхъ отношеніяхъ русскихъ въ послѣднюю войну, стало бы, по мнѣнію Фреденштерна, еще болѣе прочнымъ и

глубокимъ, если-бъ русская Императрица соблаговолила въ изданной прокламаціи шведской и финской націямъ удостовѣрить:

что единственная цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобъ не допускать нововведеній въ Форму Правленія или какого-либо насильственнаго притѣсненія свободы и привилегій государства и чиновъ риксдага;

что не имѣетъ въ виду препятствовать членамъ риксдага въ ихъ стремленіяхъ къ улучшенію и безопасности государства, а напротивъ, по возможности способствовать имъ;

что ни для себя, ни для какой-либо иностранной державы пяди земли шведской или финляндской пріобрѣтать не станетъ;

что не будетъ требовать контрибуціи за понесенные расходы во время похода въ Финляндію и Швецію;

что Императрица, послѣ того, какъ шведское государственное устройство будетъ налажено и она сама получитъ полное удовлетвореніе отъ шведскаго министерства, немедленно отзоветъ свои войска; а также,

что она каждому гарантируетъ улучшенную систему и Форму Правленія.

Далѣе Фреденшерна (въ своемъ Unvorgreiflicher Entwurf) даетъ детальныя стратегическія указанія, какимъ образомъ слѣдуетъ русскимъ (и датскимъ) войскамъ вести себя, чтобы преодолѣть всѣ препятствія на сушѣ и на морѣ. Если возможно будетъ,— продолжаетъ авторъ меморіала,—походъ противъ Финляндіи долженъ начаться безотлагательно въ трехъ направленіяхъ: черезъ Нейшлотъ, черезъ Кельтисъ-стрёмъ (Keltis Ström) и Дегербю [296]. Успѣхъ будетъ вполнѣ обезпеченъ, такъ какъ генералъ-губернаторъ края ненавидимъ населеніемъ и не пользуется довѣріемъ войска, край-же, безъ проходовъ и крѣпостей, открытъ для нападенія. Когда финскіе полки будутъ обезоружены, потребуется оставить въ Финляндіи не болѣе 5—6.000 русскаго войска.

Вышеупомянутыя русскія прокламаціи должны быть распространены во всемъ краѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, чтобъ Императрица въ письмѣ къ королю, повторила свое увѣреніе дружественныхъ намѣреній и въ особенности просила его, возможно скорѣе, созвать риксдагъ въ Швеціи.

Въ то-же время свободная торговля между финнами и шведами не должна прекращаться, что подыметъ довѣріе шведскаго народа къ Россіи.

Замысловатая записка Фреденшерна - классическій примѣръ изворотливости. Въ ней нѣтъ ни одного слова, которое намекало-бы

на намѣреніе колпаковъ шапокъ взять на себя иниціативу великаго переворота. Но этой именно иниціативы и ожидало отъ нихъ русское правительство. Обѣ стороны подталкивали другъ друга къ принятію рѣшительныхъ мѣръ, но никто не трогался съ мѣста [197].

Осенью 1749 г. Фреденшерна, принявъ подарокъ въ 1.000 червонцевъ, въ переговорахъ съ Панинымъ дополнилъ свой планъ новымъ предложеніемъ: если только Императрица приведетъ въ исполненіе свою декларацію и займетъ Финляндію войсками, то возможно было-бы созвать сеймъ великаго княжества. Страна имѣетъ тѣ-же основные законы, какъ и Швеція, и государственное устройство такимъ образомъ зависитъ «отъ добровольнаго согласія свободной и независимой націи».

[illegible]

По изслѣдованію профессора Р. Даніельсона, гр. Панинъ воспринялъ эту идею и сталъ составлять комбинацію объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи. Въ своемъ донесеніи правительству онъ указывалъ на исторію Финляндіи, откуда слѣдуетъ, что страна, не столько посредствомъ оружія, сколько по добровольному соглашенію была присоединена къ Швеціи. Поэтому она освобождается отъ своего союзнаго положенія, коль скоро Швеція перестанетъ исполнять свой долгъ. Сеймъ въ Финляндіи также не представляетъ ничего новаго, потому что въ предыдущихъ столѣтіяхъ подобныя собранія земскихъ чиновъ являлись довольно обыкновенными. Принимая во вниманіе, что Финляндія можетъ опасаться войны съ Россіей, и что французская партія крайне слаба въ краѣ, Панинъ предлагалъ объявить финскому собранію земскихъ чиновъ, что они должны рѣшиться защищать сами свою свободу, и если не успѣютъ

въ своихъ домогательствахъ, то порвать соединеніе съ Швеціей. Графъ Панинъ, хотя и сочувствовалъ извѣстному направленію и внялъ Фреденшерна, но былъ уменъ и остороженъ. Онъ, видимо, держался того мнѣнія, что вообще невозможно добиться отдѣленія «сей націи» отъ подданства Швеціи и присоединенія ея къ имперіи. Правительство наше съ своей стороны тѣмъ не менѣе не оставляло, кажется, мысли о созданіи для Финляндіи новаго положенія. Оно не забывало также манифеста, изданнаго во время послѣдней войны. Но никакой инициативы оно на себя взять не желало, повторяя, что станетъ соблюдать требованія Ништадскаго трактата. Иное дѣло, если-бъ финляндцы, утѣсняемые злонамѣренной партіей Швеціи въ своихъ правахъ и вольностяхъ, рѣшили черезъ депутатовъ обратиться къ русскому правительству, прося заступничества; тутъ они встрѣтили бы сочувствіе и получили бы помощь. Ихъ охотно приняли бы въ русское подданство, или готовы были бы создать изъ Финляндіи особую политическую единицу, состоявшую подъ покровительствомъ Россіи, при чемъ финляндцамъ готовы были предоставить выбрать себѣ самостоятельнаго главу съ русскою лишь «апробаціею», или, какъ гласитъ текстъ секретнаго рескрипта отъ 22 ноября 1749 г.: «вы можете имъ (финнамъ) всѣ тѣ авантажи обѣщать, кои они токмо резонабельно отъ насъ потребовать могли бы, ежели они прямо въ подданство нашей Имперіи придти похотятъ. Мы также не отречемся, но готовы будемъ то сдѣлать, чтобы они весьма особливымъ княжествомъ отдѣлены были, особливаго герцога по ихъ выбору съ нашею апробаціею имѣли, и только подъ нашей протекціею находились» [298]). Короче, къ нимъ относились чрезвычайно сочувственно и доброжелательно.

Такимъ образомъ задача Панина сводилась къ тому, чтобы склонить Финляндію къ отдѣленію отъ Швеціи, безъ предварительнаго нападенія со стороны Россіи, или къ присылкѣ депутаціи, съ ходатайствомъ о покровительствѣ императрицы. Ему было дано понять, что этимъ онъ оказалъ бы большую услугу и проявилъ необычайную ловкость.

Чтобъ достичь подобной цѣли, онъ, согласно даннаго ему рескрипта отъ 30 ноября 1749 г., не только долженъ былъ обѣщать финнамъ исполненія всѣхъ ихъ основательныхъ требованій, при условіи, что они будутъ русскими подданными, или же Финляндія будетъ автономнымъ княжествомъ, подъ русскимъ покровительствомъ, но на его усмотрѣніе правительство предоставляло также

послать въ Финляндію эмиссара и на покрытіе потребныхъ для этого издержекъ отпустило 50.000 рублей. Рекомендовалось объяснить финнамъ разницу въ положеніи русскихъ и шведскихъ подданныхъ: первые живутъ въ мирѣ, безъ притѣсненій и безъ внѣшнихъ опасностей, послѣдніе, напротивъ, обложены тяжелыми податями, притѣснены соперничествующими партіями, а главное—имъ угрожаетъ внѣшнее нападеніе, при которомъ финны будутъ первыми его жертвами.

Польщенный оказаннымъ довѣріемъ, Панинъ объяснялъ въ своемъ донесеніи отъ 11 января 1750 г., какимъ способомъ можно будетъ достичь цѣли. Для того, чтобъ начать дѣло, Панинъ хотѣлъ сперва навести разныя справки въ архивахъ, вызвать изъ Финляндіи въ Стокгольмъ одного или двухъ надежныхъ людей, для доклада ему о положеніи финскихъ дѣлъ и о вліятельныхъ тамъ лицахъ. Когда это будетъ сдѣлано, можно будетъ приступить къ образованію активной партіи въ Финляндіи.

Единственное мѣропріятіе, къ которому рѣшился прибѣгнуть сотрудникъ Панина (Симолинъ) заключался въ томъ, что онъ отыскалъ, сбившагося съ пути герадсгевдинга Війкмана и отправилъ его съ русскими воззваніями въ Финляндію. Іоганнъ Генрихъ Війкманъ былъ бургомистромъ въ Брагестадѣ и судьей въ Саволаксѣ, а также состоялъ представителемъ Брагестада на риксдагѣ 1738 г.; затѣмъ, дѣла его запутались и за хорошее вознагражденіе онъ взялся дѣйствовать въ Финляндіи, въ цѣляхъ Симолина. Въ апрѣлѣ 1750 г. онъ отправился въ Финляндію, захвативъ съ собой нѣсколько экземпляровъ русской декларацiи, чтобъ раздать ее населенію, и кромѣ того обѣщалъ завербовать дворянина, духовное лицо и крестьянина, которые должны были отправиться въ Петербургъ, въ качествѣ депутаціи, съ цѣлью просить императрицу созвать съѣздъ, дабы онъ воспрепятствовалъ возстановленію суверенитета въ Швеціи. Какъ видно изъ судебнаго дѣла, Війкманъ ничего не сдѣлалъ для достиженія цѣли. На судѣ онъ объяснилъ «что нѣтъ преступленія въ томъ, чтобъ надуть русскаго». Но его окончательно погубила переписка съ Симолинымъ, секретаремъ Панина, изъ которой можно было заключить, что онъ занимался измѣнническои агитаціей. Его присудили къ смерти и въ сентябрѣ 1751 г. казнили.

Столь-же маловажное значеніе имѣли и нѣкоторыя другія темныя попытки подобнаго рода: идея финской самостоятельности мерещилась лишь въ немногихъ и довольно ограниченныхъ головахъ.

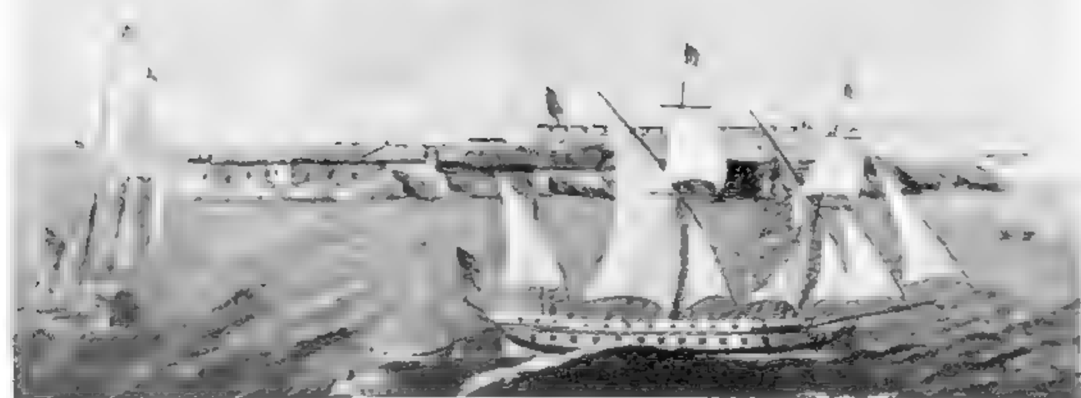
Черезъ годъ Панину пришлось донести, что предложенной ему задачи онъ не въ силахъ выполнить, и что иноземному послу трудно стоять во главѣ партіи.

Фреденшерна ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы императрица, при вступленіи ея войска въ Финляндію, объявила о своемъ полномъ нежеланіи ни расчленять, ни отнять ни пяди земли у Швеціи и Финляндіи. Россіи предоставлялось только благодѣтельствовать и при томъ совершенно безкорыстно. Какую-же пользу извлекала въ такомъ случаѣ имперія? Она должна была содѣйствовать торжеству партіи шапокъ надъ партіей шляпъ. И для этого государству предлагаютъ лить кровь и золото своихъ подданныхъ.

Столь наивно Россія не могла, конечно, отнестись къ проекту Фреденшерна. Гр. Никита Панинъ былъ рѣдкій по уму дипломатъ, чтобы возиться съ утопіями или дѣтски-незрѣлыми проектами. Россія, пытаясь вмѣшаться въ дѣло, имѣла въ виду: или увеличить число своихъ подданныхъ, или создать изъ Финляндіи политическую единицу подъ своимъ покровительствомъ. Фреденшерна, какъ политическій дѣлецъ, также долженъ былъ это понимать, и въ такомъ случаѣ его планъ, какъ финляндца—планъ измѣнника, какими-бы оговорками онъ не сопровождался. Такими-же измѣническими предложеніями являлись и проекты другихъ членовъ партіи шапокъ, желавшихъ русскаго завоеванія Финляндіи, въ періодъ нахожденія М. Бестужева въ Стокгольмѣ.

Дѣльцы типа Фреденшерна въ Финляндіи не вымирали. Мы ихъ встрѣтимъ въ изобиліи среди аньяльскихъ заговорщиковъ (1789 г.) и въ той группѣ эмигрантовъ, которые въ царствованіе Александра I образовали шведскую колонію въ Петербургѣ. Они смѣло шли къ осуществленію своихъ фантастическихъ плановъ. Въ реальной политикѣ Екатерины II они встрѣтили должный отпоръ, но космополитическія стремленія вѣнценоснаго ученика Лагарпа явились благодарной почвой для развитія вредныхъ для Россіи домогательствъ. Въ Спренгтпортенѣ мы вновь узнаемъ Фреденшерна, но болѣе политически созрѣвшаго и изворотливаго.

...вращеніи областей, утерянныхъ по Ништадскому миру, въ Швеціи болѣе не думали. Но зато весьма серьезно заня-



лись упроченіемъ оборонительныхъ средствъ Финляндіи. Давно уже родилось сознаніе необходимости укрѣпленія финляндскихъ форпостовъ, но дѣло откладывалось за неимѣніемъ денегъ. Теперь рѣшено было поставить Финляндію въ такое положеніе, чтобы она могла въ теченіе значительнаго времени отражать нападеніе собственными силами. За осуществленіе этого плана взялись два выдающихся дѣятеля, гр. Гансъ Генрихъ фонъ-Ливенъ и подполковникъ артиллеріи Августинъ Эренсвердъ.

Впереди г. Гельсингфорса раскинутъ цѣлый рядъ острововъ: на югъ отъ нихъ растилается Финскій заливъ, а на сѣверѣ, благодаря имъ, образовалась обширная и глубокая гавань, удобная для большого флота. Въ 1550 г. Густавъ Ваза обратилъ вниманіе на природныя удобства этой мѣстности и пожелалъ основать здѣсь городъ. Но избранный имъ для этой цѣли песчаный островъ Сандгамнъ не понравился жителямъ и они скоро перебрались на материкъ, къ устью рѣки Ванды, гдѣ и заложили «Гельсингъ-Форсъ». Въ 1616 г. Густавъ Адольфъ посѣтилъ новый городъ и открылъ въ немъ экстренное засѣданіе шведскаго риксдага. Однако и тутъ мѣстныя условія оказались недостаточно благопріятными, почему при королевѣ Христинѣ, въ 1639 г., городъ былъ перенесенъ Перомъ Браге верстъ на 5 къ западу и послѣ этого Гельсингфорсъ остался на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ красуется и развивается въ настоящее время.

Съ военной точки зрѣнія на указанную мѣстность впервые обратилъ вниманіе Петръ Великій.—31 мая 1713 г. онъ составилъ «Пункты о настоящей кампаніи, какимъ образомъ оную продолжать» и въ нихъ прежде всего было сказано: «Гельсингфорсъ весьма надобно укрѣпить... также одинъ корабельный входъ (гдѣ могутъ непріятельскіе корабли къ Гельсингфорсу съ лѣвой стороны пройти) засыпать каменьемъ» [299])....

16 іюля гр. Θ. М. Апраксинъ сообщалъ Боцису, что, на мѣстѣ сожженнаго Гельсингфорскаго посада, начали строить крѣпость, а 19 іюля генералъ адмиралъ доносилъ Государю, что «первые острова, гдѣ большой корабельный ходъ по обѣ стороны, людьми осажены, и редуты, гдѣ пристойно дѣлать начали и чаемъ съ Божіею помощью въ скорости поспѣемъ, только, Государь, кромѣ того устье, гдѣ кораблямъ ходить можно, осмотрѣли два устья глубокихъ, и каковую крѣпость начали стороить посылаю до Вашего Величества съ артилернымъ подполковникомъ Геникомъ чертежи, который оныя устья и гдѣ заложена крѣ-

ность осматривалъ и о всемъ Вашему Величеству устно донесеть.

«Ежели, Государь, изволишь при другихъ устьяхъ дѣлать редуты и батареи, то не чаемъ и до сентября мѣсяца скрѣпить; работа превеликая—рубить все изъ брусья и землю надобно навозить не изъ ближнихъ мѣстъ, а на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надлежитъ дѣлать крѣпость, земли ничего нѣтъ, и пушекъ надобно число довольное....

«Есть и третье устье, воды 12 футъ, которое, по нашему мнѣнію, крѣпить не надобно, малыми кораблями ничего сдѣлать не могутъ, а большимъ пройти немочно».

«Ежели Ваше Величество за какимъ случаемъ прибытіемъ сюда изволишь умедлить, то о строеніи здѣсь крѣпости и о укрѣпленіи устьевъ изволь Ваше Величество указать чрезъ подполковника Геника» [300]).

Надо полагать, что работа велась очень спѣшно, такъ какъ уже 5 августа того 1713 г. Государь, прибывъ въ Гельсингфорсъ, осматривалъ работы по возведеніи батарей, защищавшихъ входъ въ гавань. Тогда же Государь писалъ кн. Меньшикову изъ Гельсингфорса: «Отсель новаго писать не имѣю ничего, токмо что здѣшній изрядный гавань укрѣпили также и фортецію сдѣлали»...... Здѣсь-же, въ Гельсингфорсѣ, по просьбѣ всѣхъ чиновъ арміи Петръ Великій принялъ чинъ генералъ аншефа «за понесенные какъ во всѣхъ прошедшихъ, такъ и въ томъ 1713 г., многіе труды въ воинскихъ дѣлахъ» [301]).

Съ этого времени гельсингфорская гавань и позиція, съ прилегавшими къ ней островами, пріобрѣла особое значеніе. Такимъ образомъ задолго до возведенія здѣсь Свеаборга, островная позиція играла важную роль въ военныхъ операціяхъ Петра Великаго. Событія кампаніи 1713 г. и особенно 1741—1743 г. г. видимо побудили шведовъ окончательно избрать мѣсто передъ Гельсингфорсомъ опорнымъ пунктомъ будущихъ своихъ дѣйствій. Россія своимъ утвержденіемъ на Балтійскихъ берегахъ явилась серьезной угрозой тѣмъ шведскимъ провинціямъ, которыя отдѣлялись отъ нея водами Sinus'a Botnicus'a, и, очевидно, прежде всего Финляндіи. Швеціи ставилась поэтому серьезная задача: укрѣпить свои провинціи, находившіяся за моремъ.

У шведовъ мысль создать изъ Гельсингфорса укрѣпленный пунктъ впервые была высказана въ 1723 г., т. е. вскорѣ послѣ мира въ Ништадѣ. Шведы оцѣнили теперь береговое положеніе

Гельсингфорса и возможность снабженія арміи запасами съ моря. Отсутствіе средствъ помѣшало осуществленію столь нужнаго для нихъ плана. По той же причинѣ желанія особой комиссіи сократились до крайне скромныхъ размѣровъ; она предложила для начала, при входѣ въ Гельсингфорсъ, съ цѣлью прикрытія военныхъ судовъ, построить лишь одинъ редутъ.—Король съ своей стороны предписалъ находившемуся въ Финляндіи генералу Стакельбергу, для обезпеченія Гельсингфорса, отправить туда изъ Стокгольма нѣсколько галеръ и другихъ судовъ.

Въ 1734 г. вновь усиленно заговорили о необходимости укрѣпленія Гельсингфорса; вниманіе военныхъ властей на этотъ разъ привлекла коса, выдающаяся въ море. Прекрасную гавань признали удобной для расположенія всего галернаго флота.—Новый планъ особенно поддерживалъ генералъ Стакельбергъ, справедливо исходя изъ того положенія, что вся Финляндія со стороны моря открыта для непріятеля, который можетъ приплыть въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, какъ изъ Петербурга, такъ и изъ Лифляндіи. Береговую полосу Финляндіи естественно было поэтому укрѣпить. Другіе находили полезнымъ, въ видахъ обезпеченія своего господства въ Финляндіи, имѣть тамъ для шведскаго флота хорошо укрѣпленный портъ. Этой цѣли какъ нельзя лучше удовлетворяла Гельсингфорская гавань, которая могла вмѣстить половину всей Стокгольмской эскадры.

Депутаты риксдага признали всѣ приведенныя указанія справедливыми и въ то же время находили желательнымъ перемѣщеніе шхернаго флота въ Гельсингфорсъ, но предварительно,—говорили они,—надо укрѣпить возвышенности и острова, окружающіе городъ. А такъ какъ для этой цѣли требовалось нѣсколько бочекъ золота, а его не имѣлось, то проектъ пришлось опять отложить.

Въ 1737 г. генералъ Аксель Левенъ повторилъ старыя соображенія о необходимости Швеціи имѣть въ Финляндіи, для обезпеченія за собой этой провинціи, такую укрѣпленную гавань, въ которой можно было-бы высаживать войска, выгружать транспорты, завести магазины, построить арсеналы и пр. Секретная Комиссія 1738 г. и оборонительный департаментъ съ своей стороны признали еще разъ подобную гавань вполнѣ необходимой для Финляндіи, но отъ словъ къ дѣлу не перешли.

Въ 1739 г. комиссія по крѣпостямъ постановила возвести фортификаціонныя сооруженія около самаго города Гельсингфорса, въ томъ числѣ нѣсколько небольшихъ шанцевъ на о-вахъ Лон

гернѣ и Варгшерѣ [302]). Однако и это постановленіе, за неимѣніемъ средствъ, не было приведено въ исполненіе.

Послѣ мирнаго договора въ Або, въ 1743 г. военный инженеръ Вержино представилъ новый проектъ укрѣпленія Гельсингфорской гавани. Но въ это время находился уже въ обращеніи наиболѣе замѣчательный изъ всѣхъ плановъ долгаго періода, протекшаго съ Ништада до мира въ Або—проектъ Эренсверда.

Полковнику Г. Г. Ливену (H. H. Liewen), подполковнику Эренсверду и еще одному офицеру было поручено произвести, въ теченіи лѣта 1747 г., тщательныя разслѣдованія въ Финляндіи. Затѣмъ они подали свое заключеніе, которое положено было въ основаніе крѣпостныхъ плановъ, утвержденныхъ королемъ 9 ноября подъ именемъ одного изъ «всеподданнѣйшихъ проектовъ Эренсверда о созданіи плацдарма у Гельсингфорса», послѣ чего Эренсверду, хотя и офицеру артиллеріи, поручено было съ большими полномочіями руководить новыми постройками [303]). Риксдагъ постановилъ отпускать ежегодно на постройку Свеаборга по 16 бочекъ золота, въ теченіе четырехъ лѣтъ.

Знаменитый строитель Свеаборгской крѣпости Августинъ Эренсвердъ родился въ Вестманландѣ въ 1710 г.; онъ былъ сыномъ одного изъ самыхъ выдающихся воиновъ Карла XII. Въ раннемъ возрастѣ онъ поступилъ въ артиллерію и во время продолжительныхъ путешествій пріобрѣлъ обширныя познанія, почему 30 лѣтъ отъ роду онъ былъ уже секретаремъ академіи наукъ. Въ 1741—1742 г.г. онъ участвовалъ въ финской войнѣ, въ 1745 г. сопровождалъ армію Фридриха II, а въ 1746 г. занималъ мѣсто среди дворянъ въ рыцарскомъ домѣ, гдѣ, благодаря своимъ выдающимся качествамъ и общественному положенію, вскорѣ сдѣлался однимъ изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ партіи шляпъ. Августинъ Эренсвердъ былъ особенно богато одаренъ отъ природы; одновременно онъ проявилъ таланты поэта и живописца; онъ легко усваивалъ почти всѣ науки и художества; отличался высокимъ безкорыстіемъ, почему, несмотря на то, что милліоны проходили черезъ его руки, онъ жилъ и умеръ бѣднякомъ. При своей несловоохотливости, онъ отличался особеннымъ богатствомъ мыслей [304]). Возведеніе крѣпости Свеаборга сдѣлалось великой цѣлью его жизни; здѣсь онъ проявилъ много энергіи, проницательности и патріотизма.

Въ своемъ проектѣ Августинъ Эренсвердъ исходилъ изъ того положенія, что вести зимнюю кампанію въ безплодной и мало-

населенной Финляндіи являлось безполезнымъ дѣломъ. Единственнымъ возможнымъ театромъ военныхъ дѣйствій въ Финляндіи, по его мнѣнію, оказывалась береговая ея полоса. На ней онъ и сосредоточилъ все свое вниманіе. Далѣе онъ разсуждалъ такъ: доставка помощи людьми и всякими средствами ложилась на обязанность Швеціи, для чего она должна была обезпечить за собою обладаніе моремъ. Это въ свою очередь вело къ необходимости созданія не только сильнаго боевого флота, но и прочнаго убѣжища для него на финскомъ берегу. Въ выводѣ получалось требованіе построить такую крѣпость, которая могла-бы служить опорой для арміи и флота. «Такъ какъ Швеція, — писалъ Эренсвердъ,—имѣла для поддержки Финляндіи единственно только водный путь, и никакая война съ ней не могла вестись иначе, какъ вдоль побережья, то ясно, что для плацдарма въ Финляндіи, который долженъ лежать на берегу, удобнѣйшимъ мѣстомъ являлся Свеаборгъ съ Гельсингфорсомъ».—Свеаборгъ — Гельсингфорсъ и сдѣлался краеугольнымъ камнемъ первоначальнаго проекта Эренсверда. Онъ мечталъ единовременно располагать «галерною эскадрою, пограничною крѣпостью и легкими войсками» и все это ему хотѣлось «связать во-едино во взаимномъ соперничествѣ при оборонѣ Финляндіи». Эта двойная крѣпость должна была служить опорой и складомъ арміи, а также убѣжищемъ и гаванью для флота. Она должна была служить преградой на главной береговой дорогѣ. Около города имѣлось въ виду разбросать еще нѣсколько мелкихъ укрѣпленій.

Августъ Эренсвердъ.

Въ 1747 г. на островахъ производилась вырубка лѣса. Работы-же по общему плану Эренсверда начались въ 1748 году и продолжались съ большимъ успѣхомъ до 1750 г., когда политическій горизонтъ со стороны Россіи омрачился нѣсколькими тучами. Запрошенный тогда строитель крѣпости отвѣтилъ

рона ея должна ограничиться Варгшерскими островами, гдѣ достраивались Густавсвердскія укрѣпленія. Въ первый же годъ на островахъ было возведено много деревянныхъ службъ: казармъ, лазаретовъ, пекаренъ, вѣтреныхъ мельницъ, бань и т. п.—Твореніе Эренсверда успѣшно возводилось, благодаря тому, — какъ онъ самъ выразился, — что природа на этихъ островахъ создала все, кромѣ стѣнъ.

По общему плану Эренсверда предлагалось укрѣпить еще Ловизу (Дегербю) и Свартгольмъ, а также перешеекъ между озерами Пейяне и Весіярви. Въ Тавастгусѣ намѣчался складочный пунктъ для провіанта и фуража. — Безлюдные и бѣдные Саволаксъ и Карелія не удостоились особой заботы знаменитаго строителя.

Что касалось собственно Свеаборга, то здѣсь имѣлось въ виду укрѣпить важнѣйшіе острова Кроноберсгкаго рейда или Гельсингфорской гавани. Такъ какъ Финляндія собственными силами отстаивать своей территоріи не могла, то въ строящейся Свеаборгской крѣпости мѣстныя войска и флотъ должны были имѣть временное укрытіе, въ ожиданіи прихода подкрѣпленій изъ Швеціи; въ то-же время требовалось, чтобы Швеція получила въ проектированной крѣпости и гавани удобное мѣсто для высадки своихъ силъ. Этимъ условіямъ должна была удовлетворить крѣпость, возведенная на островахъ. Согласно указаннымъ требованіямъ и созидалъ свое твореніе Эренсвердъ.

Цитадель *Густавсвердъ* возведена на самой высокой скалѣ Варгшера и предназначалась для защиты входа въ гавань и обстрѣливанія сосѣдняго острова Скансланда, дабы не допустить непріятеля укрѣпиться на немъ. Здѣсь взрывались скалы и такимъ образомъ пріобрѣтался нужный строительный матеріалъ. Кирпичъ при возведеніи стѣнъ вовсе не употреблялся. Стѣны дѣлались отъ 1, 2 до 3 метровъ высоты и затѣмъ еще насыпались сверху землей.—На Густавсвердѣ въ углу куртины находится мраморная доска съ надписью: «Эта доска, мои товарищи, прибита въ 1775 г. въ знакъ дорогой памяти о томъ, что ваше усердіе и единодушіе помогли мнѣ такъ скоро окончить эту постройку. Августъ Эренсвердъ». Въ другомъ углу куртины на доскѣ значилось: «Сила, трудъ и единодушіе Бьернеборгскаго и Тавастгусскаго полковъ создала ихъ родинѣ эту твердыню, а ихъ прилежаніе — этотъ памятникъ чести». — Судя по слѣдующей надписи, усерднымъ помощникомъ строителя Густавсверда явился капитанъ Іоганъ

Густавъ Киленбекъ: «Въ честь Киленбека,—значится на одной мраморной доскѣ,—который неутомимою рукою въ тяжелыя минуты помогъ мнѣ положить первый камень въ основаніе Свеаборга: онъ умеръ на работѣ, и Провидѣніе даетъ мнѣ возможность воздвигнуть ему въ благодарность этотъ памятникъ. Свеаборгъ 25 октября 1753 г. А. Э».—Очевидно, что въ воздаяніе за труды этого помощника Эренсверда, одно укрѣпленіе (теналь) названо «Киленбекъ». Такъ какъ въ надписяхъ отражена исторія Свеаборга, то приведемъ и остальныя, помѣщенныя по сторонамъ королевскихъ воротъ. Эти надписи гласятъ: «Здѣсь Король Фредерикъ приказалъ заложить первый камень въ 1748 г. и король Густавъ возложилъ послѣдній камень» (годъ не обозначенъ). «Свеаборгъ, который касается моря однимъ краемъ и берега своимъ другимъ, даетъ возможность мудрому господства надъ моремъ и землей». «Изъ пустыни эти Варгшерскіе острова превратились въ Свеаборгъ. Потомство, стой здѣсь самостоятельно и не надѣйся на помощь другихъ». На Густавсвердѣ была устроена печь для каленія ядеръ, зданіе непроницаемое для бомбъ, предназначенное для порохового магазина. Онъ вмѣщалъ до 63.000 килогр. (1.500 центнера) пороха. На островѣ Варгшеръ находился резервуаръ для хорошей воды, разсчитанный на гарнизонъ въ 10.000 человѣкъ.

Густавсвердъ считался сильнѣйшимъ укрѣпленіемъ всего Свеаборга.

На островъ *Скансландъ* строители крѣпости постоянно оглядывались потому, что онъ являлся единственнымъ пунктомъ, откуда можно было ожидать штурма Свеаборга. Въ лощинахъ Скансланда можно было укрыть отъ 5 до 6 тыс. человѣкъ. Одна изъ скалъ Скансланда явно командовала надъ Густавсвердомъ.—Въ виду этого, комиссія 1767 г. рекомендовала озаботиться укрѣпленіемъ Скансланда. Правительство видимо думало стать твердой ногой на этомъ островѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ заложенный имъ въ 1774 г. «равелинъ», который, однако, не былъ достроенъ.

На островѣ *Варгенъ* работы по возведенію укрѣпленій начались въ 1749 г. На немъ, внѣ цитадели, по плану замѣстителя Эренсверда—Спренгтпортена предполагалось построить нѣсколько укрѣпленій. Спренгтпортенъ хотѣлъ превратить Варгенъ въ сильнѣйшее укрѣпленіе всего Свеаборга.

Цитадаль, какъ и на Густавсвердѣ, возведена была изъ взорванныхъ скалъ. Одинъ бастіонъ достигалъ высоты 11,4 метра.

На Варгенѣ находилось шесть хлѣбопекарныхъ и три сушильныхъ печи, коневая мельница для перемола муки и коневая водокачка, а также обширный пороховой погребъ. На этомъ же островѣ обрѣлъ себѣ могилу знаменитый строитель крѣпости — Эренсвердъ.

Въ куртинѣ Гамельтонъ — Седеркрейцъ расположены были шлюзы къ сухому доку (60 метровъ въ квадратѣ и 6.6 метра глубиной). Изъ дневника Хюльфорса, путешествовавшаго лѣтомъ 1760 г., узнаемъ, что въ названномъ докѣ могло помѣститься до шести судовъ; входъ и выходъ въ докъ запирались особаго устройства паромомъ, по проекту инженера Тунберга. Галерный докъ былъ настолько великъ, что могъ вмѣщать въ себѣ одновременно до 20 галеръ. Въ 1767 г. лейтенантъ русской службы Стибольтъ, описывая Свеаборгъ, съ особымъ восторгомъ останавливается на сооруженныхъ докахъ (верфяхъ). Подводная часть галернаго дока устроена была въ камнѣ. Шлюзъ состоялъ изъ трехъ отдѣленій и, когда являлась необходимость выпустить воду изъ дока, «то надлежало снизу или сверху тронуть имѣющійся въ томъ шлюзѣ камень, который тотчасъ давленіемъ своимъ приводилъ сей шлюзъ въ дѣйство», и вода выливалась; все это требовало малаго усилія, «а посему и почитается противу прежнихъ изобрѣтеній искуснѣйшимъ и полезнѣйшимъ средствомъ». Искусно былъ устроенъ также докъ для фрегатовъ. При немъ находилось приспособленіе, при помощи котораго въ 24 часа и при содѣйствіи двухъ мельничныхъ лошадей, особо къ этому пріученныхъ, можно было высушивать докъ, направивъ воду въ помѣщеніе сосѣдняго дока. Вода зимой въ докахъ никогда не замерзала; это достигалось безпрестанною топкою двухъ каминовъ. Мельница, имѣвшаяся въ Свеаборгѣ, пилила стоячія бревна и доски, она выливала воду изъ доковъ, молола рожь и сама подтаскивала бревна для распилки, и все это могло производиться одновременно. Когда закончены будутъ всѣ укрѣпленія, — прибавляетъ Стибольтъ, — крѣпость Свеаборгъ можно почесть за наилучшую въ свѣтѣ»[305]). Мраморная доска указывала, что «безъ Тунберга Эренсвердъ не выстроилъ бы этого дока». Другая доска гласила: «Тунбергскій-докъ воздвигнутъ изъ бездны Дальскимъ и Эстготскимъ пѣхотными полками». — Внутренняя оборона Варгена признавалась менѣе хорошо оборудованной, чѣмъ на Густавсвердѣ.

На *Стура-Эстеръ-Сварто* постройки начались въ 1748 г. По первоначальному плану на этомъ островѣ предполагалось не-

много укрѣпленій и зданія для нуждъ гребного флота. Усиленныя работы поведены были лишь послѣ 1774 г., когда король Густавъ III утвердилъ полный планъ его вооруженія.—Многое изъ задуманнаго не было исполнено даже къ 1808 г.—Въ память Эренсверда здѣсь былъ заложенъ кронверкъ, въ 1750 г., въ присутствіи короля. На островѣ находилась конюшня на 48 лошадей.—Чтобы застраховать островъ отъ атаки открытой силы въ зимнее время

ПОСТРОЙКА СВЕАБОРГСКОЙ [illegible]

имѣлось въ виду укрѣпить еще горку. Противъ серьезной бомбардировки эта часть крѣпости вообще признавалась слабой.

Планъ укрѣпленія острова *Лилла-Эстеръ-Сварт-э* принадлежалъ Эренсверду. Въ 1774 г. планъ былъ дополненъ. Здѣсь желали имѣть все необходимое для нуждъ артиллеріи, какъ-то: разныя мастерскія, казематы, цейхгаузы и т. п.

Укрѣпленія ***Вестеръ-Сварт-э*** начаты были въ 1749 г. по плану Эренсверда. Верки здѣсь должны были заканчиваться «магазинами въ формѣ бастіоновъ», но они остались не возведенными. Островъ не былъ защищенъ отъ штурма открытою силою, а внутри загроможденъ разными постройками. Онъ считается самымъ слабымъ пунктомъ всего Свеаборга.

Укрѣпленія *Лонгерна* предназначались для обороны проливовъ, ведущихъ къ Гельсингфорскому рейду. Здѣсь планъ Эренсверда былъ выполненъ въ значительной его части; не возведенными остались лишь внутренніе верки.

Сообщеніе между островами крѣпости являлось довольно затруднительнымъ, почему предполагалось устроить каменные мосты. Съ моря Свеаборгъ считался недоступной крѣпостью. Въ зимнее же время его можно было взять штурмомъ, но для этого нужно было штурмовать единовременно всѣ его верки.

Въ 1750 г., неожиданно для Эренсверда, король утвердилъ измѣненія въ его первоначальномъ планѣ, которыя свелись къ воспрещенію дальнѣйшихъ работъ въ самомъ Гельсингфорсѣ на Ульрикаборгѣ и Скансландѣ. Отсутствіе денегъ, разросшіяся интриги и постоянныя колебанія правительства стали сильно тормозить продолженіе Свеаборгскихъ работъ. Дѣло дошло до того, что, послѣ поѣздки въ 1752 г. короля Адольфа-Фридриха въ Финляндію, онъ издалъ особый протоколъ, въ которомъ «въ самыхъ нелестныхъ выраженіяхъ критиковалъ осмотрѣнныя имъ крѣпостныя постройки въ Свеаборгѣ и доказывалъ полную почти ихъ ненадобность».—Не безъ извѣстнаго основанія указывалось при этомъ, что цѣлесообразнѣе было бы укрѣплять островъ Скансландъ, какъ господствующій своими высотами надъ укрѣпленными уже островами. Густавсвердъ король нашелъ запутаннымъ и тѣснымъ, амбразуры его узкими, а строительный матеріалъ плохимъ. Королю представлялось болѣе полезнымъ укрѣпить Ганге.

Во время этой поѣздки въ Финляндію, Король Швеціи и Императрица Елисавета Петровна обмѣнялись любезными привѣтствіями. «Въ презентъ» за увѣдомленіе о пріѣздѣ Короля выдано одному полковнику 2.300 р. —Тогда-же «на дорожный проѣздъ» отправленному отъ Императрицы Елисаветы съ поздравленіемъ полк. Мельгунову—1.000 р. [306]).

Враги Эренсверда не замедлили указать на недостаточно экономное расходованіе имъ денегъ. Строителю крѣпости пришлось писать обширное объясненіе. Сатирическія замѣчанія враговъ и обвиненія были имъ легко опровергнуты. Талантъ и справедливость восторжествовали.

Но партійная интрига не дремала. Съ 1765 по 1766 г., когда на рикедагѣ восторжествовала партія шляпъ, Эренсвердъ не только былъ отставленъ отъ работъ, но отъ него отняли даже командованіе надъ шхернымъ флотомъ.

Но вскорѣ особая крѣпостная комиссія признала его дѣйствія правильными. Насмѣшки умолкли, и пристыженные враги вынуждены были допустить его вновь къ работамъ и къ начальствованію надъ шхернымъ флотомъ.

Шесть острововъ—Лонгъ-эрнъ, Вестеръ-Свартъ-э, Лилла Эстеръ-Свартъ-э, Стура Эстеръ Свартъ-э, Варгъ-э, а также Густавъ Свердъ—были укрѣплены. Были устроены гавань для шхернаго флота, большой докъ, цейхгаузы, казармы и магазины. Работы производились поселенными войсками; позднѣе вербованными солдатами. Работало отъ 6 до 12 тыс. чел. Изъ многочисленныхъ помощниковъ Эренсверда выдѣлился инженеръ Тунбергъ [207]).

Въ 1750 г. вновь возведенныя укрѣпленія на островахъ передъ Гельсингфорсомъ получили гордое наименованіе опоры Швеціи—Sveas-borg—Свеаборгъ.

Со стороны материка никакихъ укрѣпленій не возводили, почему крѣпость оказалась доступной съ суши, какъ показала кампанія 1808 г.

Въ октябрѣ 1772 г. графъ Августинъ Эренсвердъ умеръ, достигнувъ фельдмаршалскаго чина. Этого «шведскаго Вобана» похоронили сперва въ гельсингфорской городской киркѣ; но въ 1783 г. Густавъ III приказалъ торжественно, въ своемъ присутствіи, перенести прахъ славнаго строителя Свеаборга въ созданную имъ крѣпость, гдѣ надъ его могилою по сей день сохраняется прекрасный памятникъ (твореніе стокгольмскаго скульптора Сергеля), украшенный военными атрибутами и надписью: «здѣсь покоится графъ Августинъ Эренсвердъ, фельдмаршалъ, кавалеръ и командоръ орденовъ Е. К. В., окруженный своими созданіями: свеаборгскими укрѣпленіями и армейскимъ флотомъ». На другой сторонѣ памятника значится: «По повелѣнію Густава III и по его идеѣ воздвигнутъ MDCCL XXXVIII (г. 1783) на вѣчную память заслугъ полководца и гражданина, вложившаго свои таланты и сердце на пользу родины». Памятникъ предназвачался также и для того, чтобы «одушевлять умъ и сердце любовію ко благу отечества». При указанныхъ обстоятельствахъ возникла крѣпость, составлявшая гордость Швеціи, пока на башнѣ ея развѣвался желто-синій флагъ.

Въ годъ смерти (1772) Эренсверда укрѣпленія Свеаборга были почти окончены, за исключеніемъ Вестеръ и Стура-Остеръ-Свартъ-э. Послѣ Эренсверда работами сталъ завѣдывать Яковъ Магнусъ Спренгтпортенъ. Въ 1791 г. генералъ-квартирмейстеръ и начальникъ ин-

женеровъ Маннершанцъ донесъ, что Свеаборгъ можно считать готовымъ для наступательной войны.—Общая стоимость работъ по Свеаборгскимъ укрѣпленіямъ опредѣлена въ 25 милліоновъ риксдалеровъ.

Такимъ образомъ возникло циклопическое сооруженіе, извѣстное подъ именемъ «Свеаборгъ», вызывающее до сихъ поръ удивленіе его посѣтителей. Свеаборгъ—величественный памятникъ военно-строительнаго искусства средины XVIII ст. Желаніе сохранить свои прежнія завоеванія побудило Швецію соорудить эту огромную крѣпость, но географическая необходимость въ извѣстной мѣрѣ предопредѣлила судьбу Финляндіи, а исторія утвердила ее. Потерю Финляндіи для Швеціи надо считать исторической неизбѣжностью.

Въ характерѣ Елизаветы Петровны—этой странной государыни—уживались и безпокойство, и лѣность, любовь къ веселью и показной интересъ къ дѣламъ. Иногда долгіе часы уходили на туалетъ, и указы мѣсяцами ожидали ея подписи. До конца своихъ дней она не знала, когда нужно было вставать, обѣдать, работать. Это была женщина властная, чувственная, набожная до религіозной экзальтаціи, суевѣрная. «Отъ вечерни она шла на балъ, а съ бала къ заутренѣ». Особенности русской природы сквозили во всемъ, и въ маломъ, и въ большомъ, въ царственныхъ дѣлахъ, и частной жизни. Во всемъ мѣшались культурныя начала Запада съ остатками отечественной старины. Она въ одно и то же время являлась послушной дочерью своего духовника Дубянскаго и французскаго танцмейстера Рамбура. Изъ пышныхъ залъ, гдѣ происходили балы, маскарады и куртаги, она уходила въ тѣсные и неряшливые покои, гдѣ двери плохо затворялись, гдѣ изъ оконъ дуло.

24 ноября 1742 г. Елизавета въ подмосковномъ селѣ Перовѣ была повѣнчана съ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, бывшимъ пастухомъ, а затѣмъ придворнымъ пѣвчимъ. Повѣнчаться уговорилъ суевѣрную и богомольную императрицу ея духовникъ, умный и ловкій Дубянскій, дабы охранить повелительницу отъ искателей ея руки—иностранныхъ авантюристовъ въ родѣ инфанта Португальскаго, принца Конти, графа Саксонскаго и др. Благодаря браку русская партія—Разумовскаго.

гр. Бестужева, архіепископа Льва Воронежскаго и др.—окрѣпла. Впослѣдствіи, когда императрица Екатерина II пожелала получить документы, удостовѣрявшіе этотъ бракъ, честный малороссъ гр. А. Г. Разумовскій сжегъ ихъ въ каминѣ.

Вступленіе на престолъ Елизаветы Петровны знаменовало собою торжество русскаго начала. До нея Россія захвачена была иноземцами. Для обрисовки положенія русскихъ того времени, характеренъ разговоръ двухъ солдатъ Симона и Якова, принадлежащій перу неизвѣстнаго автора [308]).

«...Былъ у насъ главнымъ командиромъ генералъ Ласcій, который нынѣ фельдмаршалъ, хотя иноземецъ, только человѣкъ добрый. Минихъ природный нѣмецъ и не нашей вѣры, сталъ жестоко съ нами, россійскими солдатами и съ офицерами, поступать... Вотъ стали у насъ оба фельдмаршалы иноземцы, чего съ начатія Россіи и при милостивѣйшемъ отцѣ нашемъ, императорѣ Петрѣ Великомъ, не было... Вотъ Петра Великаго законы начали уничтожать... Солдатъ не жалѣлъ иноземецъ, ибо не его крестьяне и не съ его деревни взяты... Не вѣчно думалъ въ Россіи жить. При Дворѣ въ то время кому было разсуждать? Главные правители нѣмцы... Россійскихъ генераловъ, сенаторовъ они тогда за людей не почитали. Въ полку ни одного россійскаго офицера не было. Нѣмцы всѣхъ россійскихъ дѣлъ управители стали, а въ Курляндіи гезелей и мясниковъ не много осталось—всѣ въ офицерахъ... Развѣ у васъ россійскихъ достойныхъ дворянъ не стало?.. А Биронъ правителемъ россійскаго государства: такъ у меня, братецъ, по кожѣ подрало, какъ медвѣжьимъ когтемъ... Минихъ арестовалъ Бирона... Рубитъ татаринъ татарина, а оба въ Россіи не надобны... Богъ Духомъ Своимъ Святымъ подалъ ей (дочери Петра Великаго) вырвать изъ чужихъ рукъ скипетръ отца ея и избавить отъ насилія и обиды, учиненной россійскому дворянству и всему народу»...

Въ тѣ времена иностранцевъ при дворѣ было такое множество, что указы о ношеніи, напримѣръ, траура печатались и по-русски, и по-нѣмецки [309]).

Положеніе, занятое иностранцами во дворцѣ, при Елизаветѣ Петровнѣ значительно измѣнилось. Изъ Швеціи писали: «что всѣ въ Россіи находящіеся иноземцы нынѣ противъ прежняго хуже почитаются и изъ службы отпускаются». Однимъ изъ вліятельнѣйшихъ иностранцевъ являлся Шетарди. Съ нимъ сношенія прервались скоро и рѣшительно. Онъ обнаружилъ склон-

ность вмѣшаться во внутреннія дѣла Россіи, чего не потерпѣлъ А. Бестужевъ-Рюминъ. «Министръ иностранный,—писалъ Ал. Бестужевъ,—есть яко представитель и дозволенный надзиратель поступковъ другого двора, для увѣдомленія и предостереженія своего государя о томъ, что тотъ дворъ чинитъ или предпринять вознамѣревается: однимъ словомъ, министра никакъ лучше сравнить нельзя, какъ съ дозволеннымъ у себя шпіономъ, который безъ публичнаго характера, когда гдѣ поймается, всякому наипослѣднѣйшему наказанію подверженъ». А. Бестужевъ вскорѣ путемъ перлюстраціи уловилъ Шетарди, который въ своихъ письмахъ сообщалъ о лѣни и легкомысліи Императрицы, о ея «слабости умственной», «плачевномъ поведеніи» и ужасной жаждѣ удовольствій и кокетства, побуждавшей ее по четыре раза въ день мѣнять туалеты. Женщина не могла конечно простить подобнаго отзыва о ней, и Шетарди приказано было въ 24 часа покинуть Петербургъ.

По своему образованію и характеру Елизавета не могла направлять всего обширнаго государственнаго механизма. Намѣренія ея были доброжелательныя, но исполнить ихъ не хватало воли. Въ 1742 году она сама начала принимать челобитныя, но вскорѣ приказала подавать ихъ въ соотвѣтственныя присутственныя мѣста. До 1753 г. смертная казнь была отмѣнена, но осужденнымъ къ политической смерти отсѣкали правую руку; послѣ этого времени остались кнутъ и вырываніе ноздрей. Отсутствіе воли и должной подготовки повели къ тому, что управлять стали довѣренные люди-сотрудники, которымъ не всегда легко удавалось получить подпись «Елисаветъ» на государственныхъ бумагахъ. По отсутствію воли она не могла войти въ сложныя международныя отношенія и предоставила ихъ хитросплетенія Бестужеву, а всѣ остальныя крупныя и мелкія дѣла и интриги проходили чрезъ ея интимный кабинетъ, гдѣ первенствовалъ голосъ Мавры Егоровны Шуваловой.

Важнѣйшими дѣятелями ея царствованія были: Петръ Ивановичъ Шуваловъ—человѣкъ большихъ способностей, но и большихъ недостатковъ, властолюбивый и корыстный. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ—большого образованія, рѣдкой нравственности, піонеръ въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи. Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ—cet enragé chancelier, какъ назвалъ его Фридрихъ Великій,—стоялъ во главѣ русской дипломатіи съ 1742 по 1757 г., очень способный практическій дѣлецъ. Онъ принималъ подарки отъ иностранныхъ дворовъ, но, какъ патріотъ, соблюдалъ инте-

ресы Россіи и «союзниковъ не покидать». Вель дѣла такъ, что не онъ нуждался въ иностранныхъ дворахъ, а они къ немъ искали доброжелателя и сторонника.

Вліятельный періодъ крупнаго дѣятеля заговора Лестока— продолжался лишь семь лѣтъ. Но затѣмъ его обвинили въ тайныхъ и невыгодныхъ для Россіи сношеніяхъ съ французскимъ, прусскимъ и шведскими дворами. Его пытали, но онъ мужественно выдержалъ ужасныя мученія и никого не выдалъ. Годъ провелъ въ тюрьмѣ и былъ сосланъ въ Угличъ.

Елизавета стремилась къ возстановленію учрежденій Петра Великаго. она хотѣла дать силу его указамъ, имѣла въ виду поступать въ его духѣ, но ничего полностью не достигла. Къ началамъ Петра Великаго и къ его національной политикѣ приблизилась мало, такъ какъ французское вліяніе въ воспитаніи, литературѣ и театрѣ становится преобладающимъ. Люди со средствами заводятъ французскія библіотеки и выписываютъ французскихъ гувернеровъ и гувернантокъ для своихъ дѣтей, а другіе отправляются учиться въ Парижъ [310]).

Во внѣшней политикѣ ея русское направленіе сказалось особенно опредѣленно. «Результатомъ ея было обращеніе Кенигсберга въ русскій губернскій городъ, чеканка въ немъ русской монеты и даже учрежденіе духовной миссіи съ архимандритомъ изъ города Данкова, причемъ въ 1760 г. былъ даже составленъ проектъ окончательнаго присоединенія восточной Пруссіи къ Россійской Имперіи, на которомъ Елизавета написала 30 апрѣля того же года: «быть по сему», оставивъ за собою право «удобныя средства искать по соглашенію съ республикою Польскою, полюбовнымъ соглашеніемъ и ко взаимному обѣихъ сторонъ удовольствію, сдѣлать о семъ королевствѣ другое опредѣленіе». Смерть императрицы въ 1761 г. и вступленіе на престолъ Петра III, воспитаннаго въ презрѣніи ко всему русскому и въ слѣпомъ поклоненіи Фридриху II, измѣнили все это [311]). «Отъ кончины Елизаветы Петровны послѣдовало спасеніе Пруссіи, и не попала она въ раздѣлъ». Кажется, фаворитъ Шуваловъ особенно хлопоталъ о присоединеніи занятой русскими войсками Восточной Пруссіи, тая желаніе носить титулъ «duc Prusse».

Французскій писатель Вандаль даетъ объ императрицѣ слѣдующій общій отзывъ: Елизавета Петровна чувствовала или, вѣрнѣе сказать, инстинктивно понимала истинныя выгоды своего государства. Она съ прискорбіемъ видѣла, что въ сосѣдствѣ съ нимъ

усиливается Пруссія, и потому хотѣла побороть ее. Она, въ виду того, что могло составить и славу и тревогу Россіи», предпочитала опираться на такую отдаленную державу, какъ Франція, не имѣющую прямыхъ притязаній на сѣверѣ, нежели на сосѣдей, за которыми приходилось бы зорко слѣдить и покупать ихъ подмогу дорогою цѣною. Политика Елизаветы не была плодомъ ни разсчетовъ, ни соображеній. Ея сочувствіе къ Франціи, ея расположеніе къ Людовику XV и ея ненависть къ Фридриху II замѣняли ей политическія начала и обусловливали образъ ея дѣйствій. Выходило такъ, что страсти ея давали политикѣ вѣрное направленіе, а сердечныя ея побужденія обращались на пользу ея народа и Европы. Она, то порывистая, то слабая, не обладала ни однимъ изъ тѣхъ качествъ, которыя свойственны мужчинамъ, и которыми блистала потомъ на престолѣ царей другая императрица. Она только женскою рукою исполняла глубоко обдуманныя политическіе планы своего отца. Ея недостатки—легкомысліе въ юности и безучастность въ послѣдніе годы жизни—очень часто брали верхъ надъ ея добрыми стремленіями [312]).

Елизаветинскій сенатъ проф. Градовскій назвалъ «управленіемъ важнѣйшихъ сановниковъ. «Неприлежаніе къ дѣламъ» Елизаветы повело къ тому, что сенатъ получилъ необычайную власть, его указы дѣлались законодательными актами, онъ раздавалъ чины и достоинства, деньги и деревни, онъ утѣснялъ другія учрежденія по своему капризу. Кромѣ того, онъ обладалъ высшей судебной властью. Никто безъ него не могъ приговаривать къ политической смерти. Сенатъ времени Елизаветы не думалъ объ общегосударственныхъ преобразованіяхъ, а удовлетворялъ текущія потребности по мѣрѣ ихъ возникновенія. Одно было отрадно—управляли русскимъ государствомъ русскіе люди. За это многое забывалось, и въ памяти народа Елизавета сдѣлалась популярной государыней.

Въ 1746 г. Елизавета воспретила всѣмъ, кромѣ дворянъ, покупать «людей и крестьянъ безъ земель и съ землями».

Положеніе дворянъ при ней улучшалось, но права крестьянъ уменьшались. Владѣльцы получили столь большія права надъ личностью и надъ имуществомъ крестьянъ, что они сдѣлались полною собственностью помѣщика.

Дворянству облегчена была возможность обученія своихъ дѣтей, и вообще дѣлу просвѣщенія удѣлено было вниманіе. Академія наукъ или десіансъ-академія, отдѣленная отъ академіи художествъ,

получила (1747 г.) регламентъ. Въ числѣ ея членовъ числился знаменитый Вольтеръ. Въ 1753 г. основанъ былъ въ Москвѣ первый россійскій университетъ. Въ указѣ при этомъ говорилось, что Петръ Великій погруженную въ глубину невѣжества Россію къ познанію истиннаго благополучія приводилъ, и по тому-же пути желаетъ слѣдовать дщерь его, императрица Елизавета Петровна. При ней-же Россія получила первыя гимназіи.

Въ Москвѣ основана была книгопродавческая палата. Въ 1756 г. явился въ Россіи театръ—тоже, какъ новое просвѣтительное начало, и положена была основа русской журналистикѣ, въ которой, къ слову сказать, считалось нужнымъ сообщать свѣдѣнія о частной жизни Вольтера.

Набожность Елизаветы вызвала въ ней ревность къ распространенію православія. Постройка церквей всячески поощрялась. Монастыри пользовались ея особымъ уваженіемъ. Къ раскольникамъ и сектантамъ проявлена была большая нетерпимость, приводившая нерѣдко къ безумному отчаянію и самосожиганію цѣлыми десятками. Въ видахъ огражденія православія, запрещено было изданіе духовныхъ книгъ, безъ дозволенія синода. При Елизаветѣ послѣдовало замѣчательное изданіе Библіи.

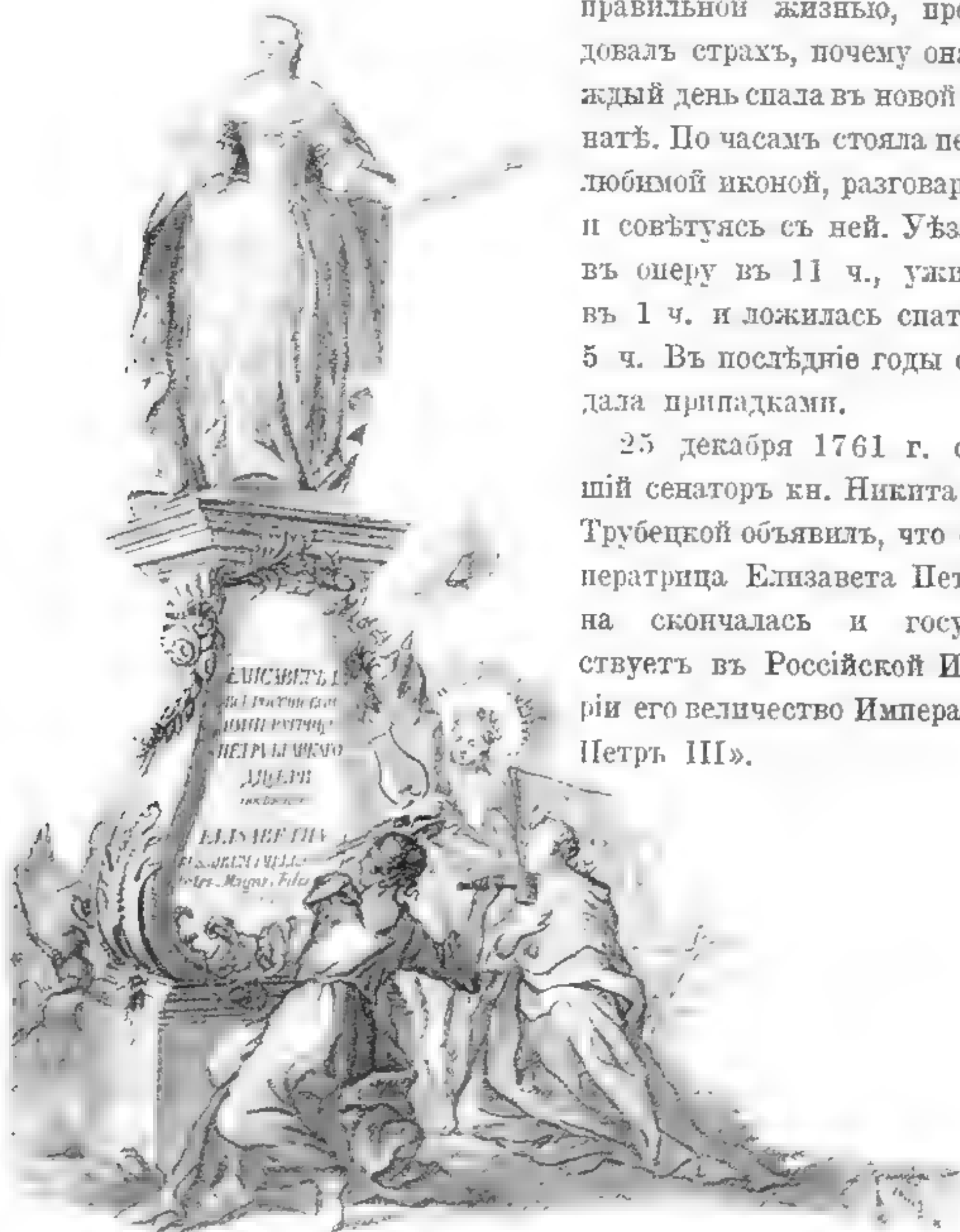
Торговля въ первые годы ея царствованія стѣснялась стремленіемъ правительства къ уменьшенію роскоши, которая особенно развилась въ одеждѣ и домашней обстановкѣ знатныхъ особъ при Аннѣ Іоанновнѣ. Для оживленія торговли озаботились учрежденіемъ двухъ банковъ.

Елизавета все свое царствованіе оставалась подъ страхомъ браушвейгской фамиліи. Вслѣдствіе этого Тайная канцелярія дѣятельности своей по «слову и дѣлу» не прекращала. Пытка оставалась единственнымъ средствомъ вымучиванія показаній, но не установленія, конечно, истины. За пытками слѣдовала обыкновенно ссылка въ Сибирь, въ Рогервикъ, или казематы Шлиссельбурга.

«Изъ мѣропріятій общаго значенія необходимо отмѣтить: уничтоженіе внутреннихъ таможенъ, стѣснявшихъ торговлю; учрежденіе купеческаго и дворянскаго банковъ; основаніе фабрикъ и заводовъ по многимъ отраслямъ промышленности, напримѣръ, суконной, полотняной, шелковой, красочной, шпалерной. М. В. Ломоносовъ имѣлъ привилегію къ основанію фабрики разноцвѣтныхъ стеколъ. Развито рудное дѣло и упорядочены соляное и лѣсное. Введено генеральное межеваніе. Южныя степи заселены сербами

(Новая Сербія) у крѣпости св. Елисаветы, комплектовавшими для русской службы гусарскіе и пандурскіе полки»[314]).

Елизавета была «умная, добрая, но безпорядочная и своенравная барыня XVIII в.», какъ характеризуетъ ее нашъ извѣстный историкъ В. О. Ключевскій, и царствованіе ея прошло не безъ славы и даже не безъ пользы.



Елизавету, истощенную неправильной жизнью, преслѣдовалъ страхъ, почему она каждый день спала въ новой комнатѣ. По часамъ стояла передъ любимой иконой, разговаривая и совѣтуясь съ ней. Уѣзжала въ оперу въ 11 ч., ужинала въ 1 ч. и ложилась спать въ 5 ч. Въ послѣдніе годы страдала припадками.

25 декабря 1761 г. старшій сенаторъ кн. Никита Юр. Трубецкой объявилъ, что «императрица Елизавета Петровна скончалась и государствуетъ въ Россійской Имперіи его величество Императоръ Петръ III».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Второе воззваніе гр. Карла Эмиля Левенгаупта содержитъ въ себѣ слѣдующее: «Объявляю чрезъ сіе во всенародное извѣстіе. Хотя мой всемилостивѣйшій монархъ, по причинамъ, объявленнымъ имъ въ манифестѣ, изданномъ по случаю объявленія войны Царю Русскому, а также изложеннымъ въ особой прокламаціи, къ русской націи, обнародованной позже, и нашелся вынужденнымъ двинуть ввѣренную моему начальству армію въ находящіяся подъ господствомъ Россіи провинціи, однако все это было сдѣлано только для того, чтобы враждебно дѣйствовать противъ военныхъ силъ, которыя будутъ сопротивляться арміи его величества, и тѣхъ, кои дозволятъ употреблять себя для вредныхъ предпріятій противъ Швеціи. И такъ какъ всемилостивѣйшее желаніе и непремѣнная воля его королевскаго величества, чтобы я всѣхъ тѣхъ, которые будутъ оставаться мирными и дружелюбными, всячески защищалъ отъ всѣхъ притѣсненій, такъ, чтобы они покойно могли оставаться въ своихъ домахъ и исправно, какъ послѣдуетъ, доставлять все нужное для продовольствія и содержанія арміи его королевскаго величества, то я и нашелъ нужнымъ объявить всѣмъ о таковой монаршей волѣ моего короля, чтобы всякій, до кого это касается, зналъ, какъ дѣйствовать, и тѣ, которые не захотятъ воспользоваться сею милостію его величества, моего всемилостивѣйшаго короля, но будутъ враждебно дѣйствовать противъ Швеціи и ея подданныхъ, или ввѣренной мнѣ арміи, оружіемъ или черезъ шпіонство, или же скроются изъ своихъ домовъ и будутъ отказываться доставлять нужное для продовольствія арміи, и исполнять слѣдуемыя повинности, потомъ сами бы себя винили, что съ ними будутъ поступать какъ съ врагами. Посему я отъ имени его королевскаго величества повелѣваю и приказываю всѣмъ состоящимъ въ шведской арміи, какъ начальству, такъ и нижнимъ чинамъ, чтобы они никого изъ русскихъ подданныхъ, какъ тѣхъ, кои занимаютъ важныя или небольшія должности (hohe oder niedrige Beamten), такъ и дворянъ, духовенство, монашествующихъ, мѣщанъ и крестьянъ, которые будутъ миролюбиво противъ насъ дѣйствовать (welche sich friedlich gesinnet erweisen), не смѣли притѣснять и наносить имъ какой-либо вредъ, какъ въ личномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи имущества, подъ опасеніемъ, за неисполненіе этого приказанія, строжайшей отвѣтственности и лишенія жизни.

К. Э. Левенгауптъ.

«**Manifest.** **Wij Elisabeth den Första, med Guds nåde Kayserinna och Sielfrådande Fru öfver hela Ryssland ets. etc. etc. Gior hvarjom och enom, i synnerhet Ständerne och Inbyggiarnom uti Stor-Furstendömet Finland, kunnigt och vitterligit:**

Uppå hvad för et orätrådigt Satt och Vijs å den Svanska Cronans sijda Kriget emot det Ryska Rijket, är uti några åhr mediteradt, som och värkeligen uthbrutit och begynt vordet, sådant kan hela världen och de svanska undersåtare sielfva, hvilcka icke heelt och hållit srtijda vilja emot et sundt fornufft och öfvervägande, noga bekandt vara. Det är så mycket onodigare vijdlyfftigt att berätta såsom igenom sielfva Krigets fortgång och därvijd, ifrån des första begynnelse; de Ryska vapen af Gud förlahnta valsignelse tydeligt och klart nog å daga lagdt, att Gud intet orättradigt företagande någonsin beskyddar, och uti de pa orättmätigt vijs påbegynta strider och tvedrackter, altijd den rätmätiga med sin machtiga hand och hielp bijstar; Vij hafvom vid Vår Faderliga Käyserliga Arfveliga Throns anträdande, saval af uprichtig åstundan med Våra grannar uti frijd och vänskap att lefva, och Våre understare, igienom en så väl in- som utom vårt rijke befästande roligheet, uti et mer och mer floriserande och beständigt välstand att sättia, såsom och i synnerhet. af Vår emot det angräntzande Svanska Rijket och des undersåtare altijd hafde valvilligheet, detta fortdurande kriget, och darigenom undersåtharena å bägge sijdor tillfogade Ruin och oskyldiga blods utgiutande med en ey ringa ömheet behiertadt, och for denskuld å Vår sijdo ey forsummat, alla mögeliga medel och vägar att forhindra denna krigsagan och Gudi misshageliga fiendskapen att förkorta och igienom frijdens återställande den förra granskappeliga vänskapen och allmanna säkerheeten uppå en beständig och säker grund att befästa kunna; Vij hafvom Vår uprichtiga Intention och välmeenta benägenheet for detta hals samma värket, igienom allehanda upptänckte benägne bemötelser på det aldratydeligaste för ögonom att ställa uti intet mahl fela latit, Krigs-Operationerne under de lyckeligaste progresserne af Våre vapen uppå en långom tijd suspenderat. och i fyra manaders tijd uppå de ifrån Svänska sidan kommande Frids propositioner fåfängt vantadt, och emedlertijd de Svänska undersatare vijd alla lägenheter allahanda vanliga bemötelser vederfara latit, och alt det, som til fridens återställande tiena kunnadt på möjligaste sätt å Vår sijdo uprichtigt användt, i det hopp, att igenom dylijka Våra fridälskande beteelser, den svänska Cronan äfvenledes, till lijkmätigt sinnelag och tanka bevaga, och salunda igienom samteliq Cooperation och uprichtigt upsaat et vijdare utbredande af det förderfveliga onda, oskyldiga landers och undersatares forodelser samt alle andre krigs skadelige folgachtigheter, uti tijd forebygdt, och att en Gudi behagelig frijd till önskeligit stånd bringas kunde.

Vij äro uti denna Vår valvillige benagenhet så mycket mera bestarckt vorden, aldenstund Oss ey obekandt är, att detta orätrådiga kriget, är icke efter almen astundan och ennallig Consens af sampteliga Sveriges Rijkes Stander och undersatare påbegynt vordet, utan et ey ringa antaal af de samma, heelt annat sentiment hafft, hvilcka de skadeliga och fahrliga folgachtigheter af detta [illegible] påbegynta krig uti billigt ofvervagande tagit, och sådane pers ners [illegible] foret [illegible], hvilcka den evigt

helligt slutna frijden, egen villigt brutit, och fäderneslandets almanna valfard, for deras privata afseende och egennyttiga passioners skull på oförsvarligit sätt, att upoffra, ingen forsyn och skamhafft, alltid detesteradt; och såsom naturligit ar, att under detta antaal, Inbyggarna uti Furstendömmet Finnland sig afvenval befinna, hvilcka hafvå sa myckel storre orsack at onska et skyndsamt krigs-slut, emedan de samma jempte deras lander och godz vijd detta kriget, en stor Calamitat och Ruin aldraförst oskyldigt utsta och lijda måste.

Vij tage sadan deras liden skada af Christeligit medlijdande stoormodigt och sa myeket mera till hiertadt, såsom Vij i folje af avanrorde Var frijdalskande benagenheet, icke det ringaste afseende och Intention hafva Var macht att uthvidga och nya Conqueter att gióra, ey heller åstunde aldrig af Sverige det ringaste, uthan allenast et godt vänskaps underhallande; altså hafve Vij och, vijd detta emot Vår vilia, föhande fortduurande, af det förderfveliga kriget och bloods utgjutande; och Vår välmeente frijds benägenheet, des onskade måhl annu intet ernå kunnadt, uthan Våre Krigs-Trouppar varit tvungne in uti Finnländske grantzerne at nyo at inryckia; for godt och nodigt befunnit, åfvanrörde Vår benägne Intention, som och, det Våra Troupper ingalunda i det afseende, något att eröfra eller occupera, dijt marcheradt; Vij vele Ständerne och Inbyggiarena uti Furstendömmet Finnland, igienom denna Vår Declaration och Manifest bekandt giora, som och hvarjom och enom af dem, härmedelst, deras egit sampot deras Fädernes Lands bästa och nytta välmeent for ögonen ställa låta, försäkrandes där hoos på det krafftigaste, att såframpt de sig vijd detta krijget stilla och rooligt förhålla, af krijgs-operationerne och det därtill behörige företagande ingen deel taga, ey heller sig till någon fiendskap emot Oss och Våra Trouppar bruuka tåla, sampt uti als inga måhl den Svänska Armeen med hielp understödja, uthan deras Intention, med Oss uti granskappelig vänskap och frijd att lefva, igienom värkeliga Prof bevijsa; ifolje häraf skal åfvanbemeldte Ständer och Inbyggiare uti Furstendömmet Finland å Vår sijdo icke den ringaste skade tilfogas, uthan hvar och en vijd et fullkomligit nytiande och besitiande af deras godz och Egendom rooligt och uthan det aldraringaste förtryck förblifva, och där utinnan Vår Protection och beskydd på alt sätt och vijs åtniuta hårhoos Vij och af uprichtig meening, och såsom Vij uthom des icke åstunda en foot bred fremmande Land Oss att tillägna giärna tilláta, och uppå alt sätt och vijs befordra velom, att meerbemeldte Furstendömme Finnland. så frampt det samma sinnadt vore, sig utur Sveriges välde och Jurisdiction att befrija och löös giöra, på det frambdeles, det samma, äfven som nu igienom några Persohners egennyttigheet skiedt, fahran af et fördärfveligit krijg och de aldrastörsta daraf flytande Calamitater, undvijka künde; såsom et frijt och af ingen dera deblen dependerande Land under deras egen. emellan sig etablerande Regerings-Form på en sådan foot, och med alla sådane ratter, Privilegier, och Immuniteter forblifva vilja, som till deras egen nytta och evigvarande befastning på det aldrabasta och efter deras egen åstundan tiena, och de sielfva zig så dant önska kunna. hvarhos wij, dem och så till beskydd och understödjelse uti sådan deras nya Inrattning vijd alle lägenheter och fordrande äro tillfallne med Våre Trouppar. enär. och huru mycket de

sielf astunda, at bijstå, som och uti all deras öfriga begiaran hvarutinnan de sig helst, vijd denna Intentions battre och tillförlateligare befordran emot Oss att yttra for nodigt befinna, med all bereuvillighet och nadig välvilligheet dem att hielpa och assistera, benägne vara velom;

På detta satt och igienom detta medel, kan Finnland, enär de sig på ofvanrörde vijs uti en egen forfattning och Regerings-Form befinna, till Barriere och skiljesmahl emedan de Ryska och Svanska grantzerna tiena, och afven derigienom, dem Svänskom, alle hartils för det nara granskapet skuld med Ryska Rijket, hafde oroo och befruchtande betagit varda, folgachteligen och Cronan sielf, effter billigheten, och såframpt den samma, till frambdeles Conservation af en fast vänskak med Ryssland en rat alvarlig inclination hafver, denna Proposition ey ogilla kan;

For det ofriga tillbiuda Vij Oss ochså å Vår sijdo altijd Standerne uti Furstendömmet Finland öfver en oförryckter Conservation och Folgiörelse på åfvanskrefne dem uthaf Oss nadigst gifne tillsäyelse, igienom den allersolennesta försäkring och varkstäligit Prof, effter deras egen åstundom, att bekräffta; men såframpt emot alt godt förmodande denna Vår goda benagenheet och valvilliga Intention, af Furstendommet Finnland icke antages, uthan Inbyggiarena darstädes af otijdig egensinngheet under detta påstaende kriget sig emot Oss och Vara Troupper till fiendtligit foretagande bruka läta, och den Svänska Armeen med någon hielp tillhanda ga, so finnom Vij Oss då emoth Vår vilja och egen Inclination nodgade, detta Landet igienom Eld och Svärd att förbarja lata. Hvilket alt, Wij hvarjom och enom, till behorig Efterrättelse igienom detta Vårt Manifest befallt, kungiora och dublicera lata.

Gifvit Moscau den 18 Martii 1742.

L. S.

ELISABETH.»

Въ государственномъ архивѣ Швеціи сохраняется форма присяги на нѣмецкомъ и шведскомъ языкахъ, по которой присягали финляндцы въ 1742 г.

Шведская гласила: «Jag underteeknad lofvar och svär vid den uti en helig Trefaldighet högtheprisade Guden och dess heliga Evangelium, att, eftersåsom i förmågo af H.s Kejserl. M:t den Aldradurchlauchtigaste Stormägtigaste Stora Frun och Kejsarinnans min verkeliga och rättmätiga Souveraine Elisabeth Petrownas, utfardade och d. f November af innevarande 1742 Åhret publicerade Manifest H.s Kejs. M:ts Systersson Hans Kejserl. Höghet Storfursten och Herren Peter Feodorowitz till Efterföljare på den Ryska Kijserl. Thronen färordnad blifven, jag en sådan Hennes Kejs. M:ts forordning for sann och rättmätig erkänner, och att jag vill och skall densamma till alla delar efterkomma såsom ock den ofvannämnde, förordnade Efterfoljeren, H.s Kejs. M:ts Systerson Storfursten och Herren Peter Feodorowitz for en rättmätig successor hålla och vörda och vid alla tillfällen mot allom dem, som sig understå torde haremot att handla, om så pafordras, med mitt eget lifs uppofrande intet underlåta att skydda och försvara Hvilket allt, som redan anfordt är, jag efter mitt Christeliga samvete, och såsom jag for Guds stränga

dom mig tilltror att defor kunna sta i ansvar, än vidare bedyrar; så sant Gud och hans heliga Ord genom Iesum Christum mig hjelpa skall till lif och själ». Amen.

(Tengberg, h. II, s. 160—161).

Инструкція Ландсгевдингамъ 1734 г.

Ландсгевдинги (коихъ должности, въ случаяхъ законныхъ препятствій въ исправленіи ими самими, завѣдываются во всѣхъ отношеніяхъ Земскими или Губернскимъ Секретаремъ и Камериромъ совокупно) имѣютъ сверхъ полицейской и хозяйственной частей въ губерніяхъ разбирать и рѣшать слѣдующія дѣла:

1-е. О долговыхъ претензіяхъ, основанныхъ на ясныхъ и неоспоримыхъ обязательствахъ, въ случаѣ сомнѣнія или спора, дѣло отсылается въ подлежащее Судебное мѣсто.

2-е. Тяжебныя объ угодныхъ между казенными гейматами.

3-е. Дѣла, возникающія при землемѣрныхъ ревизіяхъ.

4-е. О неправильностяхъ въ счетахъ землемѣровъ о слѣдующей имъ за межеваніе платѣ.

5-е. Споры при выборахъ Членовъ въ Межевые Суда.

6-е. Споры, возникающіе при межеваніи казенныхъ угодій.

7-е. Тяжбы о Лоцманскихъ Гейматахъ, по колику сіи тяжбы состоятъ въ связи съ Лоцманскимъ вѣдомствомъ.

8-е. Споры объ исправленіи повинности содержанія Ботомановъ (матросовъ бывшаго флота).

9-е. Дѣла о владѣніи Казенными Гейматами, также о преимуществахъ и льготѣ, предоставленныхъ поселянамъ, исправляющимъ возку почты.

10-е. Споры о владѣніи казенными Шкерами, берегами и островами, не принадлежащими къ Гейматамъ и не состоящими на откупу.

11-е. Дѣла о межахъ между казенными рощами и общими разныхъ приходовъ угодьями.

12-е. Споры о владѣніи казенными Рустгальтами.

13-е. Споры о Бостеляхъ бывшаго Земскаго войска.

14-е. Споры о раздѣленіи казенныхъ Гейматовъ на части.

15-е. Просьбы о сбавкѣ оброка, положеннаго на Гейматы.

16-е. Просьбы о пріобрѣтеніи Шкатоваго права на казенные Гейматы.

17-е. Споры о новыхъ разработкахъ земли на Гейматахъ, кои проданы заводамъ съ правомъ Шкатовымъ.

18-е. Просьбы о льготѣ отъ платежа оброка съ воздѣланной, бывшей до того неудобною къ распашкѣ земли.

19-е. Просьбы о позволеніи на воздѣланіе болотъ въ общихъ угодьяхъ, принадлежащихъ цѣлымъ губерніямъ или уѣздамъ.

20-е. Просьбы о возстановленіи опустѣвшихъ Гейматовъ.

21-е. Жалобы о погрѣшностяхъ при составленіи новыхъ поземельныхъ книгъ.

22-е. Споры о возвышеніи оброковъ съ Милиціонныхъ Гейматовъ.

23-е. Споры о платимыхъ съ Фрельзо-Шкатовыхъ Гейматовъ оброкахъ.

24-е. Жалобы на рѣшенія магистратовъ по дѣламъ Полицейскимъ и Хозяйственнымъ, также при случаѣ выбора депутатовъ на Сеймѣ.

25-е. Жалобы по произведеннымъ на Милиціонныхъ бостеляхъ домовымъ осмотрамъ, равно споры о срокѣ съѣзда съ оныхъ бостелей.

26-е. Жалобы по осмотрамъ, учиненнымъ на отданныхъ въ откупъ казенныхъ усадьбахъ.

27-е. Споры между Священниками и прихожанами о платежѣ десятинъ и прочихъ податей духовенству.

28-е. Споры о распредѣленіи на Гейматы содержанія дорогъ и мостовъ.

29-е. Жалобы на проступки Гастгеберовъ (содержателей станціонныхъ гостиницъ), почтарей и проѣзжающихъ, также о незаконномъ возвышеніи прогоновъ.

30-е. Спорныя дѣла о распредѣленіи повинности содержанія на станціяхъ лошадей, для проѣзжающихъ.

31-е. Преступленія противъ постановленій по Медицинской Части, когда преступившійся уличенъ явственнымъ образомъ.

32-е. Проступки по должности служителей по лѣсной части.

33-е. Споры о призрѣніи убогихъ и увѣчныхъ и о мѣстѣ содержанія.

34-е. Дѣла о бродягахъ и о ссылкѣ ихъ въ крѣпостную работу.

35-е. Жалобы на чиновниковъ и служителей Земской Полиціи.

Рѣшенія, Ландсгевдингомъ полагаемыя, переносятся на разсмотрѣніе высшаго мѣста посредствомъ жалобъ, подаваемыхъ по роду дѣлъ въ Гофгерихты или въ Хозяйственный Департаментъ Сената.

Выпись изъ Инструкціи, данной Ландсгевдингамъ, 4 ноября 1734 г.

1) Обязанности Ландсгевдинга вообще къ Его Королевскому Величеству; равно что имъ въ отвращеніе неограниченной власти ороля наблюдать слѣдуетъ; до вступленія въ отправленіе должности долженъ учинить присягу.

2) Бдительнымъ окомъ имѣть смотрѣніе, дабы никакіе Лазутчики и развѣдыватели непріятельскихъ Державъ и злонамѣренные люди не вкрадывались, и если гдѣ оказываются, то, предавая ихъ суду, доносить Его Величеству о послѣдовавшемъ.

3) О передачѣ имъ земель, городовъ, замковъ и домовъ при кончинѣ Короля законному наслѣднику Престола.

4) Обязанъ споспѣшествовать пользѣ жителей, а главнѣйше пещись о поддержаніи Богопочитанія и Богослуженія, дабы ничего противнаго церковному уставу не чинилось.

Также долженъ пещись:

О церквахъ

Кирхшпиляхъ, Школахъ,

Гошпиталяхъ; въ отношеніи домовъ и опредѣленныхъ на содержаніе ихъ денегъ.

О всемъ, что принадлежитъ до наружности церквей и Службы Божіей

5) Наблюдать за порядкомъ въ присутственныхъ мѣстахъ; за исправленіемъ Герадсгевдингами и Бергмейстерами ихъ должности какъ слѣдуетъ; за обнародованіемъ постановлений и объявленіемъ тѣхъ, кои ежегодно должны быть опубликуемы.

Смотрѣть за Коронными Фохтами, дабы взыскивали пенныя и штрафныя деньги, въ коихъ отчетъ имѣетъ быть прочтенъ земству при лѣтнемъ засѣданіи Герадскаго Суда. Смотрѣть ему также за Лагманами и Бургомистрами, дабы исправно отправляли свои должности.

6) Исполненіемъ правосудіемъ вообще, взысканіями и Экзекуціями распоряжаетъ Ландсгевдингъ и смотритъ за тѣмъ, чтобы никакія преступленія не были утаиваемы или скрываемы.

7) Объ отношеніи, въ коемъ Ландсгевдингъ находится къ войску. Смотрѣть за тѣмъ, чтобы военные въ крѣпостяхъ не обижали жителей губерніи; о непріятельскихъ нападеніяхъ Ландсгевдингу всегда узнавать, въ сосѣдствѣ; ему поддерживать строенія и проч.: въ Шанцахъ и Крѣпостяхъ.

8) Обязанности Ландсгевдинга относительно войскъ, содержимыхъ Земствомъ.

9) Ему сообщать военной Коллегіи свѣдѣнія и оказывать пособія по оружейнымъ заводамъ.

10) Имѣть смотрѣніе за варкою селитры.

11) Обязанности Ландсгевдинга относительно матрозовъ, содержимыхъ земствомъ.

12) Поддерживать Правительство, права и величія, какъ Государства, такъ и Его Королевскаго Величества.

13) Ландсгевдингу защищать всѣхъ жителей Губерніи въ предоставленныхъ имъ правахъ; въ особенности смотрѣть, чтобы безопасность домашняя была соблюдаема; разбой, кража, насильство и несправедливость отвращены.

14) Ландсгевдингу поддерживать постановленія и смотрѣть за тѣмъ, чтобы чужестранцами не чинимы были притѣсненія подданнымъ Его Величества.

15) Смотрѣть Ландсгевдингу за хорошимъ порядкомъ въ уѣздахъ и городахъ. и въ особенности за общею безопасностію, за исправною обработкою земель, за сбереженіемъ лѣсовъ и за своевременною починкою, какъ зимнихъ, такъ и лѣтнихъ дорогъ и мостовъ; за уравниваніемъ дорогъ, за освидѣтельствованіемъ дорогъ и мостовъ, а паипаче, чтобы общія большія дороги чрезъ озера сучьями были означаемы.

16) Смотрѣть за правильнымъ обращеніемъ монеты; дабы Государственная не была вывозима, а чужеземная ввозима; за употребленіемъ вѣрнаго вѣса и мѣры.

17) Узнавать о состояніи, доходахъ, промыслахъ и ремеслахъ каждаго города; поощрять торговлю, ремеслы и полезныя Мануфактурныя за-

веденія; подавать о томъ записи Его Величеству и надлежащимъ Коллегіямъ. Стараться о соблюденіи хорошаго порядка и исправной Полиціи въ городахъ.

18) 1-е, соображаться Ландсгевдингу съ $1^{3}/_{8}$ резолюціи на жалобы городовъ 1723 года при случающихся вакансіяхъ Бургомистра и прочихъ городскихъ Чиновниковъ. 2-е, дабы городу принадлежащія деньги употребляемы были Магистратомъ какъ слѣдуетъ; смотрѣть за управленіемъ по постановленію новыхъ публичныхъ заведеній; 3-е, дабы городу пожалованные пашни, сѣнокосы и выгонныя мѣста не были отчуждаемы и употреблялись какъ слѣдуетъ. 4-е, чтобъ, кромѣ портныхъ и сапожниковъ, ремесленники не водворялись въ уѣздахъ; 5-е, дабы записывающіеся въ граждане занимались приличнымъ промысломъ, торгомъ, мануфактурною работою или ремесломъ, дабы никто изъ жителей, кромѣ имѣющихъ право держать питейные домы и трактиры, не занимались продажею пива и горячаго вина; равно, дабы Бургомистры и Магистраты назначали людей въ Фурмана для отправленія проѣзжающихъ на лодкахъ, лошадяхъ и телѣгахъ: 6-е, смотрѣть за назначеніемъ въ уѣздахъ хорошихъ гастгиберовъ.

19) Смотрѣть Ландсгевдингу, дабы никакіе бродяги или тунеядцы не были терпимы. Старые и дряхлые люди, не имѣющіе дѣтей или пріятелей, кои согласились бы кормить ихъ, отправлять въ ближайшіе Гошпитали или же въ приходскія больницы и богадѣльни или Мануфактурныя заведенія; а съ нищими поступать по Уставу о бѣдныхъ; чтобы женщины и мужчины, кои могутъ содержаться работою рукъ своихъ, вступили въ услуженіе; калѣкъ и къ работѣ неспособныхъ мальчиковъ 12 лѣтъ и болѣе старыхъ, отдавать ремесленникамъ въ ученіе.

20) Смотрѣть за тѣмъ, чтобъ всякій житель города занимался дозволеннымъ промысломъ, а съ дѣтьми, кои или сироты или имѣютъ родителей, не могущихъ ихъ кормить, поступать какъ въ уѣздахъ.

21) Отнюдь не позволять нищенствованіе ни въ уѣздахъ, ни въ городахъ.

22) Имѣть смотрѣніе за Смирительными и воспитательными домами, равно Гошпиталями.

23) Имѣть тщательное наблюденіе за казенными оброками и прочими всѣхъ родовъ казенными доходами, равно за сохраненіемъ и приумноженіемъ оныхъ. А сверхъ того имѣть смотрѣніе, дабы оброки своевременно были взыскаемы и ничего не выключалось изъ поземельныхъ книгъ, отъ чего казна могла бы имѣть пользу и доходъ; также имѣть попеченіе за исправнымъ собираніемъ, записываніемъ въ приходъ и отдаваніемъ въ томъ отчета; заботиваясь о лучшемъ воздѣлываніи, удобриваніи и разработываніи земель; о чемъ Ландсгевдингу ежегодно доносить Камеръ-Коллегіи. Ландсгевдингъ отвѣтствуетъ Его Королевскому Величеству и Государственнымъ чинамъ, буде отъ нерадѣнія и вины его упущено что нибудь въ ущербъ Его Величества и Казны, почему Коронные Служители обязаны повиноваться Ландсгевдингу и отдавать ему отчетъ по ввѣреннымъ имъ частямъ.

24) Ландсгевдингу [illegible] смотрѣть за тѣмъ, чтобъ Земскій Камериръ, Фохты и [illegible] обязанности; предавая ви-

новныхъ суду и отвѣтствію. Ландсгевдингъ также можетъ удалять подпавшихъ отвѣтствію Чиновниковъ отъ должности.

25) Ландсгевдингу смотрѣть за Земскимъ Камериромъ, дабы вытребовалъ отъ Фохтовъ ежемѣсячные счеты и перечневыя вѣдомости и отправлялъ мѣсячные отчеты въ Государственную Контору. Ландсгевдингъ обязанъ заставлять Земскаго Камерира, дабы онъ при засѣданіяхъ Герадскаго Суда во всей подробности изслѣдовалъ на мѣстѣ о недоимкахъ, показываемыхъ Фохтами. Ландсгевдингу смотрѣть за тѣмъ, чтобъ крестьяне, когда по неимуществу своему не могли уплачивать оброковъ, вносили оные мало по малу. Равно чтобъ начеты не существовали. Нерадивый поборщикъ самъ отвѣтствуетъ за недоимки. Земскій Камериръ долженъ въ срокъ представлять Земскую книгу въ Камеръ Коллегію. Онъ сперва контрасигнируетъ денежныя бумаги, а потомъ Ландсгевдингъ подписываетъ оныя.

26) Ландсгевдингу смотрѣть за Коронными Фохтами, дабы они подавали въ Земскую Контору мѣсячныя вѣдомости о собираніи оброковъ; Ландсгевдингу обще съ Земскимъ Камериромъ сличать мѣсячные счеты; ему равномѣрно не позволять Короннымъ Фохтамъ употреблять кудалибо казенныя деньги подъ опасеніемъ взысканія 40-ка процентовъ, или же оставлять оныя за крестьянами; вообще имѣть смотрѣніе за исправнымъ выполненіемъ Фохтами своихъ обязанностей относительно казенныхъ поборовъ.

27) Ландсгевдингу понуждать мантальныхъ Коммисаровъ къ начатію заблаговременно въ положенный срокъ мантальной переписи и смотрѣть за тѣмъ, чтобъ она исправно была произведена.

28) Смотрѣть за тѣмъ, чтобъ всѣ вообще казенныя деньги поступали въ Земское Казначейство и за исправнымъ отправленіемъ Земскимъ Казначеемъ своей должности.

29) Тотъ кто безъ позволенія, и не имѣя на то приказанія, заберетъ и въ свою пользу употребитъ казенныя деньги, подвержется къ возвращенію взятаго, и къ платежу сверхъ того 40-къ процентовъ.

30) Ландсгевдингу имѣть смотрѣніе, дабы недоимки безъ причинъ не были слагаемы; на сей конецъ объѣзжаетъ онъ Губернію и производитъ разбирательства на мѣстѣ о складахъ (магазинахъ), объ исправномъ содержаніи господскихъ домовъ на сетерейныхъ имѣніяхъ и проч.

31) Складки съ опустѣвшихъ или погорѣвшихъ гейматовъ; обязанности Ландсгевдинга по сей части.

32) О томъ, что по случаю опустошенія Фрельзоваго геймата надобно наблюдать, равно сбавленія оброковъ съ онаго.

33) Ландсгевдингу распоряжаться о произведеніи слѣдствій, о понесенныхъ отъ пожара убыткахъ, кои вознаграждаются міромъ, по добровольнымъ соглашеніямъ.

34) О складкѣ мантальныхъ денегъ и что по сему предмету наблюдать слѣдуетъ.

35) Ландсгевдингу при попеченіи о надлежащей обработкѣ и обстройкѣ гейматовъ распоряжать о произведеніи по крайней мѣрѣ чрезъ

каждые три годы и чаще, буде нужно, экономическаго осмотра геймматамъ, бостелямъ, Королевскимъ строеніямъ, усадьбамъ и Ладугордамъ, равно пожалованнымъ на время имѣніямъ.

36) Если Шкатовый геймать обремененъ слишкомъ многими обывателями, то Ландсгевдингу заставлять тѣхъ кои имѣютъ самую меньшую долю въ имѣніи, брать за оную отъ прочихъ соучастниковъ деньги.

37) Ландсгевдингу уравнивать повинности сопряженныя съ проходомъ войскъ, выставкою подводъ и постоемъ, назначеніемъ особыхъ мѣстъ для смѣны и ночлеговъ. Смотрѣть ему также, чтобъ обывателямъ уплачивали исправно и не причиняли обидъ: равно чтобъ въ сборѣ на постой отдаваемъ былъ отчетъ.

38) Ландсгевдингу имѣть попеченіе объ освидѣтельствованіи въ срединѣ Декабря хлѣбныхъ остатковъ, въ Магазейнахъ имѣющихся.

39) Въ отвращеніе слишкомъ высокой цѣны на оброчные припасы Ландсгевдингу ежегодно составлять таксу справочнымъ цѣнамъ.

40) Тяжбы о земляхъ, между Коронными крестьянами возникающія, Ландсгевдингъ обязанъ разбирать; по таковымъ тяжбамъ между казенными крестьянами и Шкате-или-Фрельзовыми, Ландсгевдингъ опредѣляетъ въ помощь первымъ Стряпчаго для хожденія по таковому спору о землѣ.

41) Ландсгевдингу имѣть попеченіе о снабженіи горныхъ заводовъ нужными потребностями, о сохраненіи приписныхъ къ симъ заводамъ лѣсовъ, о привозѣ жизненныхъ припасовъ, объ устроеніи новыхъ заводовъ и о поощреніи обывателей къ открытію горныхъ породъ; равно оказывать рудоискателямъ содѣйствіе.

42) Имѣть попеченіе о сбереженіи лѣсовъ; смотрѣть за служителями егерскаго Штата и дабы ловля и стрѣляніе птицъ и звѣрей въ запрещенное время не производились; стараться объ истребленіи хищныхъ звѣрей, на какой конецъ травля имѣетъ быть произведена міромъ;

43) Ландсгевдингу оказывать просителямъ всевозможное содѣйствіе, безъ задержанія, съ дачею имъ письменныхъ резолюцій; онъ можетъ назначать особые дни въ недѣлѣ для принятія просителей. Ландсгевдингу, безъ разрѣшенія Его Королевскаго Величества, возбранено отлучиться изъ Губерніи болѣе какъ на 14 дней.

44) Ландсгевдингъ имѣетъ въ помощь Земскаго Секретаря, который обязанъ контрасигнировать исходящія бумаги и дѣлать Ландсгевдингу нужныя напоминанія; онъ долженъ слѣдовать съ Ландсгевдингомъ когда отправляется въ уѣздъ или имѣетъ дѣла въ городахъ. При открытіи вакансіи Земскаго Секретаря Ландсгевдингъ представляетъ трехъ Кандидатовъ. Сверхъ сего Ландсгевдингъ имѣетъ при себѣ Земскаго Камерира, который также контрасигнируетъ по своей части и замѣщается одинаковымъ образомъ какъ Секретарь.

45) Ландсгевдингу имѣть смотрѣніе, дабы всѣ донесенія и бумаги къ Его Королевскому Величеству были ясно и подробно написаны съ пріобщеніемъ, буде нужно, мнѣнія своего къ истребованнымъ отъ него свѣдѣніямъ, или объясненіямъ; о затрудненіяхъ ему давать знать Его Величеству или Коллегіямъ. Если бумагу или дѣло оставляетъ втунѣ то отвѣтствуетъ за то.

46) Ландсгевдингъ отправляютъ свои письма по почтѣ безъ платежа; ему давать знать Канцелярской Коллегіи о неудобствахъ могущихъ обременять почтовое вѣдомство и какимъ образомъ давать ей лучшій и скорѣйшій ходъ распоряжаясь, чтобъ она не была задерживаема.

47) До сдачи должности другому, Ландсгевдингъ долженъ отдать надлежащій отчетъ. Преемникъ обязанъ взыскивать недоимки, накопившіяся при предмѣстникѣ его, равномѣрно долженъ Ландсгевдингъ сдавать гейматы и угодья, назначенные Земскому Штату и на содержаніе Ландсгевдинга.

48) Ландсгевдингу напоминать Дворянству о надлежащемъ представленіи исправныхъ вѣдомостей поставляемыхъ солдатамъ и поземельныхъ книгъ, для усмотрѣнія, какія послѣдовали перемѣны относительно содержанія войска.

49) Ландсгевдингу радѣть о службѣ Его Королевскаго Величества и наблюдать казенный Интересъ, донося о затрудненіяхъ имъ встрѣчаемыхъ; а всѣмъ и каждому ему оказывать доброжелательство.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы всероссійской изъ Правительствующаго Сената Адмиралтейской коллегіи. По Указу Ея Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ приказалъ съ присланныхъ при доношеніяхъ отъ генералъ-лейтенанта и ландсъ-гевдинга фонъ Кампенгаузена минувшаго апрѣля отъ 19 и сего мая отъ 3-го числа реестровъ о набранныхъ въ Финляндіи и отправленныхъ въ Гельсингфорсъ, да съ присланныхъ для онаго-же отъ адмиралтейской коллегіи капитаномъ Муромцовымъ въ Санктъ Петербургъ матрозовъ посланы въ оную коллегію точныя копіи, которыя при семъ и посылаю. И Адмиралтейской коллегіи о томъ вѣдать. Мая 16-го дня 1743 года. Оберъ секретарь Матвѣй Козминъ.

Именной списокъ матрозамъ, которымъ отъ господина и генерала аншефа Лейбъ-гвардіи подполковника и кавалера Кейта подъ командою поручика Запольскаго изъ Абова посланы въ Гельсингфорсъ: 1) Яганъ Михель-сонъ, 2) Яганъ Мать-сонъ, 3) Томасъ Эрихъ-сонъ, 4) Яганъ Генрихъ-сонъ, 5) Яганъ Якобъ-сонъ, 6) Якобъ Матъ-сонъ и п. т. д. всего въ спискѣ 187 фамилій.

Второй списокъ.

Списокъ тѣмъ матрозамъ, которые послѣ 16 числа апрѣля отъ обожной финляндской роты набраны и съ капитаномъ Курдицовымъ отправлены всего 35 фамилій. (Дѣло Архива Морск. Министерства, № 13, отд. 11, «Указы Правительст. Сената», стр. 247—252).

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы всероссійской изъ Правительствующаго Сената Адмиралтейской коллегіи. По Указу Ея Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ по доношенію отъ Генералъ-Лейтенанта фонъ Кампенгаузена, при которомъ по силѣ посланнаго къ нему изъ Сената указу объ имѣющейся въ Оболенской провинціи матросовъ изъ какихъ чиновъ набираются и бочтели имъ съ какихъ чи-

новъ даются и тѣ матросы съ бочтелей съ каждаго чего получаютъ приложена сочиненная вѣдомость.—Приказали съ онаго доношенія и вѣдомости копіи отослать въ Адмиралтейскую коллегію при указѣ, который при семъ посылается и Адмиралтейской коллегіи чинить по сему Ея Императорск. Величества Указу 16 мая 1743 г.

Въ Правительствующій Сенатъ отъ Генералъ-Лейтенанта фонъ Кампенгаузена.

Покорнѣйшее доношеніе Января 29 дня сего 1743 года. Указомъ Ея Импер. Величества, присланнымъ ко мнѣ изъ Правительствующаго Сената вѣдомость въ Оболенской провинціи матросы изъ какихъ чиновъ даются или матросамъ съ бочтелей съ кого чего полагается и по силѣ вышеписаннаго Ея Император. Величества Указа упомянутая требующаяся въ Правительствующій Сенатъ вѣдомость мною учинена и Правительствующему Сенату для вѣдома и усмотрѣнія при семъ всепокорнѣйше прилагается. Мая 3 дня 1743 г.

Вѣдомость.

Во время шведскаго владѣнія съ Оболенской провинціи матросы издревле поставкою и содержаніемъ расположены были на королевскихъ крестьянъ вмѣсто другихъ податей и тѣ крестьяне, которые должны такихъ матросовъ ставить и содержать, именовались матроскіе бочтели, коликое же число притомъ шведскомъ владѣніи одному матросу въ военное отъ казны, а въ мирное время отъ тѣхъ опредѣленныхъ имъ бочтелей или крестьянъ по силѣ королевскаго Указу мая 23 дня 1690 года, какъ денежнаго, такъ и хлѣбнаго жалованья производилось о томъ явствующій ниже, а именно—въ военное изъ казны:

На каждый мѣсяцъ:

1 пудъ сухарей, 30 фунтовъ соленаго мяса, 10 фунтовъ ветчины, 5 фунтовъ коровьяго масла, 5 фунтовъ соли, $3^1/_2$ фунта гороху, $4^1/_2$ фун. крупъ, 24 канны пива, 1 фунтъ табаку, $1^1/_2$ кружки вина, 5 фунтовъ соленой салакушки или 4 фунта сельдей, 8 талеровъ коппермитъ (коппармюнтъ) или $85^1/_3$ копейки, во время же войны при наборѣ матросовъ, кромѣ вышеупомянутаго королевскаго указу отъ вышеписанныхъ опредѣленныхъ ихъ содержать крестьянъ давано:

Денегъ 8 талеровъ сильберминцъ или 2 руб. 56 коп. и производились оные весною половина, а другая въ осени, а не въ одно время. 2 пары чулковъ, 1 пара башмаковъ, 2 рубахи, 1 парусинное платье да на три года 1 епанча изъ сѣраго сукна, 1 шапка, 1 одѣяло съ матроскою постелью. Сіи вещи матросы въ 1742 году отъ бочтелей получили, которыя они до 1745 г. дать не должны.

Въ мирное время матросы нижеписаннымъ образомъ отъ опредѣленныхъ крестьянъ содержаны были:

1) Изъ вышеписанныхъ положенныхъ ему денегъ 8-ми талеровъ всегда получалъ половину въ мартѣ, другую въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

2) Дворъ съ пашенною землею, на которой бы только что двѣ бочки хлѣба родиться могли и тѣ опредѣленные къ содержанію его крестьяне

должны первый разъ ту пашенную землю вспахать и своимъ хлѣбомъ посѣять по надлежащему, а лѣсъ и отопленіе для городьбы пахотнаго поля долженъ тотъ матросъ приготовить изъ показаннаго ему опредѣленныхъ крестьянъ лѣсу.

3) Сѣнныхъ покосовъ на два воза.

4) Ежели же и съ тѣхъ опредѣленныхъ крестьянъ прилучатся такіе, которые матросу двора и пахатной земли съ сѣнными покосами дать не могутъ, такіе должны ежегодно матрозу платить:

За квартару $1^1/_3$ талеровъ сильбермницъ или $42^2/_3$ коп. 2 бочки хлѣба, 1 лѣтній возъ сѣна, 1 возъ соломы, буде же сѣна и соломы не случится, въ такомъ случаѣ положено платить деньгами.

За одинъ возъ сѣна талеръ сильбермницъ или 32 коп. За солому 16 эръ сильбермницъ или 16 коп. Абовъ, въ земской конторѣ, апрѣля 16 дня 1743 года.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I. Политическое положеніе передъ войной 1741—1742 г.г.

1. В. Строевъ.—Бироновщина и Кабинетъ Министровъ, ч. I, стр. 18. См. также Сборн. Импер. Историч. Общ. т. 66, стр. 19.

2. В. Строевъ. Бироновщина и Кабинетъ Министровъ.

3. Сенатскій арх., книга № 45, 1736 г., стр. 511. Сенатскій арх. 1740 г., кн. № 61, стр. 114.

4. Н. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россія; М. 1902 г. ч. IV, стр. 225.

5. С. Соловьевъ.

6. Н. Н. Бантышъ-Каменскій, ч. IV, стр. 227—228.

7. Разсказываютъ, что король, разсерженный однажды на гр. Горна и его партію, назвалъ ихъ «колпаками». Отсюда ведетъ свое начало историческое наименованіе враждовавшихъ политическихъ партій.

По другой версіи, якобы графиня де-ла-Гарди, упрекая одного господина, принадлежавшаго къ числу умѣренныхъ, сказала ему сгоряча: «вы настоящіе колпаки!» Стоявшій-же тутъ молодой офицеръ, подтвердивъ слова графини, прибавилъ: «а мы шляпы» (Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи, соч. И. Пекарскаго. СПБ. 1862 г., стр. VIII).

8. Проф. Захарій Топеліусъ – Война 1741—1743 г.г. на шведскомъ языкѣ. Finska Kriget åren 1741—1743. Helsingfors, 1850.—Онъ пользовался только печатнымъ матеріаломъ, но описаніе составлено весьма старательно.

9. А. Прѣсняковъ. Рус. Біографич. Словарь, т. II, 783. Во время риксдага 1739 г. французскій дипломатъ Сенъ-Северинъ израсходовалъ 200.000 талеровъ и благодаря этой суммы пріобрѣлъ большинство голосовъ.

10. Lagus, 1741 o. 1742 årens krig, s. 4.

11. Niklas Tengberg, h. I, s. 1. Sverges Krig med Ryssland 1741—1743. Напечатано въ г. Лундѣ въ 1857 и 1860 г. Это изслѣдованіе составлено по шведскимъ архивнымъ источникамъ, почему мы часто пользовались его указаніями.

12. Мальмстремъ. Carl Gustaf Malmström. Sveriges politiska historia. II, 400.—Очень обстоятельная исторія. Tengberg, h. I, s. 51, 54, 57, 64—65.

13. Баровъ Карлъ Іоганъ Шернстедтъ (Stiernstedt) —сынъ ландсгевдинга въ Або и Бьерneборгской губерніи—Іогана Stiernstedt родился въ Выборгѣ 1686 г. Сперва служилъ въ гражданской службѣ, а во время великой сѣверной войны перешелъ на военную службу. Участвовалъ въ сраженіяхъ при Нарвѣ (1704), въ Польшѣ и др. Послѣ Полтавы, у переправы черезъ Днѣпръ, былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Соликамскъ, гдѣ пробылъ 13 лѣтъ подъ строгимъ присмотромъ. По возвращеніи въ 1722 г. получилъ чинъ маіора; вышелъ въ отставку подполковникомъ въ 1740 г.

14. N. Tengberg, h. I, s. 70, 72. Сборн. Имп. Рус. Историч. Общ. т. 80, стр. 491—493.

15. Сборн. Имп. Рус. Историч. Общ. т. 80, стр. 502.

Флотъ Франціи побывалъ въ гавани Стокгольма, когда Адмиралъ д'Антень откланивался у короля, Фридрихъ I, снявъ свою шпагу и подаривъ ее адмиралу, сказалъ: Я вамъ даю тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ и удостовѣреніемъ, что во всѣхъ случаяхъ вы ее обнажать будете за насъ, такъ какъ я и подданные моя обнажать станемъ мечь за Францію. — См. Олафъ Далинъ. Исторія Шведскаго Государства ч. III, т. 2, кн. I, 1807 г., стр. 1016.

16. Описаніе войны между Россіею и Швеціею, въ Финляндіи въ 1741, 1742 и 1743 годахъ. (Наталія) Шпилевская. СПБ., 1859 г., стр. 43—44. М. Шюбергсонъ. Исторія Финляндіи, на шведскомъ языкѣ. Сборн. Имп. Р. Ист. Общ.; т. 91, стр. 25. (Письмо лорда Гаррингтона къ Эд. Финчу). Tengberg. h. I. s. 71, 124—125.

17. Рус. Арх. годъ четвертый, 1866, стр. 661—663. Сборн. Рус. Историч. Общ., т. 86, стр. 324. Tengberg, h. I, s. 131, 119—120, 122.126.—Мальмстремъ, II, 383.

18. Malmström, II, 275. А. Прѣсняковъ. Рус. Біографич. Словарь, II, 791.

19. Рус. Арх. 1866 г., стр. 666, Сборн. Имп. Рус. Историч. Общ., т. 20, стр. 125.

20. Сборн. Имп. Рус. Историч. Общ., т. 20, стр. 126 и 127.

21. Тамъ-же, стр. 129.

22. Тамъ-же, стр. 130.

23. Тамъ-же, стр. 134 и 135.

24. Tengberg, h. I, s. 44—45.

25. Сборн. Имп. Рус. Истор. Общ., т. 20, стр. 135—137.

26. Рус. Вѣст. 1841, № 9, стр. 648.

27. Рус. Арх., 1866, II, 678—680.

У Олафа Далина въ его исторіи Шведскаго государства (ч. III, т. 2, кн. I, стр. 1017) значится: «но дворъ Россійскій совершенно въ томъ оправдался объявленіемъ своимъ, во всей Европѣ распространеннымъ.

28. Чтеніе въ Импер. Общ. Исторія и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ 1862, Янв.—Март., кн. I. стр. 125—126. Изъ показанія на Бестужева и допроса его въ Тайной Канцеляріи. Бестужевъ при Аннѣ Іоанновнѣ былъ правою рукою Бирона и онъ долженъ былъ знать подлинное дѣло.

Изъ Сбор. Имп. Рус. Историч. Общ., т. 80, стр. 512 и др.: К. Рондо писалъ лорду Гаррингтону 10 Іюля 1739 года, что русскій дворъ рѣшительно отвергаетъ обвиненіе въ убійствѣ Синклера. Рондо прибавляетъ: «Дѣло это, вѣроятно, вызоветъ большой шумъ и должно признать за большое счастье, что оно случилось по закрытіи шведскаго риксдага».

Рондо, въ слѣдующемъ письмѣ, сообщалъ: «многіе склонны думать, что баронъ убитъ по приказанію вѣнскаго двора, который надѣялся такимъ путемъ разъяснить себѣ поведеніе французскаго посла въ Константинополѣ». Подозрѣніе въ убійствѣ падало даже на французовъ.

Изъ Рус. Арх. 1866. V, стр. 674:

Въ Вѣнскихъ публичныхъ вѣдомостяхъ говорилось, что два русскихъ офицера убили Синклера.

Сношеніе русскаго двора съ вѣнскимъ не было и потому подозрѣвали офицеровъ въ дѣйствіяхъ, вопреки «Всероссійскаго Величества» или съ превышеніемъ повелѣнія.

Изъ увѣдомленій отъ Бреславскаго Верховнаго Управленія было только извѣстно, что г. русскій резидентъ въ Варшавѣ обращался къ тамошнему имперскому резиденту съ ходатайствомъ о предписаніи тому Верховному Управленію арестовать и задержать Синклера, что и было исполнено. Основаніемъ ареста выставлялось то, что у Синклера бумаги опасныя для обоихъ союзныхъ дворовъ. Но въ Вѣнѣ-де не знали о времени выѣзда Синклера.

О М. Синклерѣ см. еще С. Н. Шубинскій. Историч. очерки и разсказы. СПБ. 1869 г., стр. 87—101.

29. Tengberg, h. I, 130—131.

30. Tengberg ссылается на письмо Гюлленборга Нолькену отъ 27 октября 1740 г. въ Совѣтѣ провѣренная копія среди acta hist. Frihetst. II.

31. Tengberg, h. I, s. 132,

32. П. В. Безобразова «О сношеніяхъ Россіи съ Франціей». М. 1892 г. стр. 145 и слѣд. Обширная переписка Шетарди напечатана въ «Сборникахъ Имп. Рус. Историч. Общ.».

33. Сборн. Имп. Рус. Историч. Общ. т. 86, стр. 387 и послѣд. см. № 80. Копія съ письма маркиза де-ла-Шетарди графу Сенъ-Северину отъ 15 Іюня 1740 г. Приложена къ письму г. де-ла-Шетарди отъ 18 Іюня 1740 г.

34. Tengberg, h. I, 128. 132—133, h. II 1—2.

35. Сборн. Имп. Рус. Историч. Общ. т. 80, стр. 461.

36. Сбор. Имп. Рус. Историч. Общ. т. 92, стр. 107; т. 86, стр. 318.

37. Шпилевская, стр. 13. Fredrik Cygnaeus Stycken ur en Teckning af Finska Kriget åren 1741 och 1742. H—fors, 1843. стр. 33.

II. Начало военныхъ дѣйствій.

38. Переводъ манифеста сдѣланъ нами съ печатнаго экземпляра, внѣшній видъ котораго изображенъ на 43 стр. сей книги.

39. N. Tengberg. Bidrag till hist. om Sveriges krig med Ryssland åren 1741—1743. Lund, 1857, стр. 188.

40. Berättelse om Finska Kriget, som fördes åren 1741 1742 och 1743, jämte de, Nastföregående och Nästpåföljande Handelser i Sverige; författad af Herr Grefve Iohan Ludvic Hård Stockholm, 1789, стр. 18,

41. F. Cygneaus, 30 Topelius. s. 19—20.

42. Сб. Имп. Рус. Истор. Общ., т. 96, стр. 309, 314, 315, 317, 377, 391 и 405.

43. Полн. Собр. Закон. Рос. Имп., т. XI, № 8433.

44. F. Cygneaus, стр. 15—17.

45. Malmström, III, 8, N. Tengberg. h. I, s. 193, 195—196.

46. Malmström, III, 10. Tengberg. h. II, s. 8—9.

47. Tiburtius. Historia om Finska Kriget åren 1741 och 1742. Stockholm 1817, стр. 9—11. N. Tengberg. h. II, s. 29—30.

48. Lindeqvist, K. O. Pikku vihan aika Suomessa, 1889 г.

49. Сборн. Имп. Рос. Ист. Общ., т. 91, стр. 153.

50. N. Tengberg, h. II, 29—30.

51. Förh. o. Upps., 3, 1888, стр. 90. Журналъ Финл. кампаніи 1741—1742. Кейта. Рукопись.

52 Förh. o. Upps, 3, 1888 г., стр. 21—22. 92.

53. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 96, стр. 39; Сен. арх. 1739 г., кн. № 54. Письмо Шетарди. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 91, стр. 61—77; Сенат. арх. 1739, кн. № 53. Записки Манштейна о Россіи 1727—1744. Изд. «Рус. Старины». СПБ. 1875, стр. 192.

54. Госуд. Архивъ, XX, № 149—1741 г.

55. Сборн. Имп. Рус. Историч. Общ., т. 91, стр. 91, 133 и 147, 183—184. Іюль 1741 г.

56. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 91, стр. 44. Письмо Эд. Финча лорду Гаррингтону, т. 91, стр. 81, 91, 133, 455.

57. Матеріалъ для Исторіи рус. флота, ч. IX, СПБ., 1882, стр. 25, 34—35. Арх. Морск. Мин., кн. № 6 Высочайшихъ повелѣній, листъ 181.

58. Матеріалы для Исторіи рус. флота, ч. IX, стр. 44—45.

59. Журналъ Кейта. Рукопись, л. 4-а.

60. Гр. Хордъ, стр. 19. N. Tengberg, II, 15—16. Экстрактъ о воен. дѣйствіяхъ. Гос. Арх. 1741 г., XX, № 149. Посланные изъ шведскаго лагеря унтеръ-офицеръ и барабанщикъ съ письмами ночью приблизились около деревни Капанов къ русскимъ аванпостамъ, очевидно, не ожидая встрѣтить здѣсь русскихъ войскъ, произошла тревога и началась даже стрѣльба. Подъ барабанщикомъ была убита лошадь. Посланные поскакали обратно къ своему отряду. Гр. Левенгаупть поднялъ шумъ и жаловался Кейту.

61. Сборн. Имп. Р. Ист. Общ., т. 96, стр. 402 (изъ письма Шетарди).

62. Tiburtius, 19.
Topelius, s. 28.
Tengberg, II, 24.

63. Malmström, III, 14, 17, 22. Манштейнъ, 223 стр. Сборн. Имп. Р. Ист. Общ., т 96, стр. 571. Зотовъ. Военная Исторія Рос. Государства, Спб. 1839 г., т. II, стр. 161. «Барабанщикъ убитъ». «Тогда раздраженные русскіе пошли на приступъ»...

64. Госуд. Архивъ 1741, XX, № 149.

65. Журналъ Кейта. Рукопись, л. 14 а.

66. Lindeqvist.—«Pikku vihan aika Suomessa».

67. Сборн. Имп. Р. Ист. Общ. т. 96, стр. 402—493, 464. О потеряхъ съ той и другой стороны показанія разнорѣчивы. Шведы лишились 2,300 ч., а русскіе—около 1,800 чел., говоритъ М. Шюбергсонъ. Привезли русскіе тринадцать знаменъ и 4 штандарта, отнятыхъ у шведовъ (Сборн. Имп. Р. Ист. Общ., т. 96, стр. 390).

68. Malmström, III, 21.

69. Tengberg, II, s. 18.

70. Гр. Хердъ, стр. 19.

71. Tengberg, II, s. 16.

72. Malmström, III, 22.

73. Кейтъ. Журналъ его. Рукопись. Въ экстрактѣ этой войны. Госуд. архивъ; 1741, XX, № 149. Тоже говорится въ сочиненіи ген.-маіора Завалишина: Война между Россіей и Швеціей съ 1740 по 1743 г. Военно-ученый арх. Гл. Штаба отд. II, № 193, лл. 16а—17.

74. Сборн. Имп. Р. Ист. Общ., т. 96, стр. 578; а также Госуд. арх. 1741 г., XX, № 149. Кейтъ. Журналъ. Рукопись.

75. Ученые Записки Имп. Академ. Наукъ по I и III отд.: Академикъ Куникъ предполагалъ, что первое оффиціальное объявленіе о побѣдѣ при Вильманстрандѣ не было переведено на русскій яз. Это ошибочно. См. каталогъ манифестовъ и указовъ Н. Н. Лихачева; Спб. 1895 г., стр. 243.

76. Сборн. Имп. Р. Ист. Общ., т. 96, стр. 382.

77. Ода сдѣлалась большой библіографической рѣдкостью, вслѣдствіе того, что по

низверженіи Іоанна, всѣ посвященныя ему книги, стихи, рѣчи и проповѣди, сожигались по повелѣнію Императрицы Елизаветы, истреблявшей всѣ памятники правленія Бирова и Анны Леопольдовны. См. Сынъ Отеч. 1838, апр. и Рус. Вѣстн. 1841, № 9, стр. 685.

78. Сборн. Им. Рус. Ист. Общ., 96, стр. 238 и 328.

79. Тамъ же, стр. 568. Въ Россіи считалось тогда 14 милл. жит.

80. Сборн. Им. Р. Ист. Общ., т. 96, стр. 422 и 486.

81. Госуд. арх. 1741 г., XX, № 149. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 96, стр. 338, 486 и 583. Манштейнъ; стр. 227 и 257. Lindeqvist. Pikku vihan aika Suomessa.

III. Ноябрскій переворотъ и безплодные переговоры.

82. F. Cygnaeus, стр. 22. Malmström, II. 181—182 grefve Hård, s. 17. Tengberg, h. I, s. 33 и 194.

83. Malmstöm, III, ссылается на Журналъ Нолькена за 10 февр. 1742 г. Upps. Norrings saml. Размышленія Нолькена о положеніи относительно Россіи, данныя генералу Дюрингу 18 августа 1743 г.; Norrings saml. Вѣстн. Евр. 1887, I, 73.

84. Сборн. Имп. Р. Ист. Общ., т. 91, стр. 349.

85. Въ Госуд. арх. (1741 г., VII, № 781) имѣется своеобразное разслѣдованіе поступка солдата Василія Бураго, говорившаго, что война начата шведами за Цесаревну Елизавету Петровну.

86. К. Валишевскій. Романъ Императрицы, стр. 35. Н. Н. Фирсовъ. Вступленіе на престолъ Имвер. Елизаветы Петровны Казань, 1888 г.

Нолькенъ пользовался услугами своей соотечественницы лифляндки Менгденъ (Сбор. Им. Р. Ист. Общ., 96, стр. 162) Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общ., т. 92, стр. 232—233.

87. N. Tengberg, h. I, s. 153

88. Сборн. Имп. Росс. Истор. Общ., т. 92, стр. 227—228.

89. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., Tiburtius, 6; Tengberg, I, 153—154.

90. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., 86, стр. 371, 387 т. 92, стр. 54.

91. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 92 стр. 345.

92. Проф. Н. Костомаровъ.

93. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 92 и 96, ст. 294 и 383. Истор. Вѣст. 1896 ноябрь.

94. К. Валишевскій.

95. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 96, стр. 682.

96. Мих. Семевскій. «Рус. Слово», 1859. С.-Петербургскія Вѣдом. 1741 г., № 95.

97. Слово архіеп. Новгородскаго Амвросія напечатано отдѣльной брошюрой въ типографіи Академіи Наукъ въ 1741 г.

Указъ нашему Сенату.

При благополучномъ нашемъ съ помощію всевышняго на всероссійскій нашъ родительскій престолъ вступленія, изданнымъ манифестомъ о не праведномъ принца Іоанна возведеніи довольно изъяснено, а понеже ему принцу Іоанну по тогдашнему его неправильному возведенію обще со всѣми нашими вѣрными подданными и Лифляндское и Эстляндское шляхество и купечество присягу учинить принуждены были, того ради мы оную яко неправильную всесовершенно уничтожаемъ, и отъ той присяги оныхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ Лифляндское и Эстляндское шляхетство и купечество всемилостивѣйше освобождаемъ и оттолѣ во оныхъ губерніяхъ публиковать нашими указами и повелѣваемъ нашему Сенату учинить оттолѣ по сему нашему указу. Въ равной же силѣ учинить съ городомъ Нарвою и Выборгомъ и Кексгольмомъ. Елисаветъ.

Слушанъ генваря 16 дня 1743 года. декабря 12 дня 1742 года въ Москвѣ.

Сенатскій Архивъ. Книга №66, стр. 667

98. С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. V, 170 и 177.

99. Экземпляръ манифеста Шетарди вручилъ Елизаветѣ 1 декабря (нов. ст.?) Сборн. Имп. Р. Ист. Общ., т. 96, стр. 623,

100. Сборн. Имп. Р. Ист. Общ., т. 96. стр. 618—619 и 622.

101. N. Tengberg, h. II, s. 39.

102. N. Tengberg, h. II, стр. 41—48.

103. П. В. Безобразовъ, С. М. Соловьевъ.

104. Tengberg, h. II, s. 74.

105. Tengberg, h. II, s. 77.

106. Арх. Морск. Мин.; Дѣла гр. Головина, кн. № 17, листъ 520.

IV. Оставленіе Фридрихсгама и отступленіе шведовъ.

107. Сборн. Имп. Р. Ист. Общ., т. 96, стр. 440. Госуд. арх. 1741 г., XX, № 149.

См. также: Замѣчанія Ал. Ил. Бибикова., Военно-ученый арх. Гл. Штаба. Отд. II, № 191, л. 34.

108. Воен.-учен.-арх. Гл. Штаба Отд. II, № 189, л. 76а—77. Существуетъ еще указаніе, что Ласси въ кампанію 1742 г. имѣлъ 2016 офицеровъ и 67.152 нижн. чина (нестроевыхъ 6603). Госуд. арх. XX, № 149—1741.

По обнародованнымъ тогда даннымъ, собрано было 70.000 регулярнаго войска и 12.000 иррегулярнаго. Манифестъ-же утверждаетъ, что русская армія состояла изъ 35 или 36 тыс. Эту-же цифру указываетъ ген.-м. Ласси, Кейтъ и Завалишинъ. Военно-Учен. Арх.

Вѣдомость о состоянии войскъ, находившихся подъ командою гр. Ласси, показываетъ, что въ первый походъ у него было 27.600 нижнихъ чиновъ и до 894 офицеровъ; кромѣ того при арміи состояло до 3.000 нестроевыхъ (или «несражающихся»).

Въ ноябрѣ 1742 г. въ Финляндіи находилось по спискамъ 12.895 чел., (лошадей 756). При Выборгской крѣпости подъ карауломъ считалось лишь 18 чел.; отсюда можно заключить, что дисциплина въ войскахъ поддерживалась хорошо. Въ числѣ арестованныхъ имѣлось только 3 финна.

109. Военно-ученый арх. Гл. Штаба. Отд. II, № 193, л. 23а.

110. Сенат. арх. 1742 г., кн. № CXI, стр. 19 и слѣд.

111. M. Schybergson. Ant. om försv. Kriget i Savolax och Karelen, стр. 62—83.

112. Арх. Морск. Мин. Дѣла графа Головина кн. № 15, листъ 999 и слѣд. см. также Schybergson, Kriget i Savolaks och Karelen, стр. 78.

113. M. Schybergson. Ant. om forsv. Krig, стр. 77, 83.

114. Арх. Морск. Мин. Дѣла Адмирала Гр. Головина, кн. 23, листъ 3.

115. Маркизъ де-ла Шетарди въ Россіи. СПБ. 1862, стр. 374. Подробно см. у Манштейна въ его запискахъ и у И. А. Остермана. «Отеч. Записки» 1825, ч. 21. Военно-ученый архивъ Гл. Штаба. Отд. II, № 189. Всепод. донесенія генерала Румянцева ч. II, л. 134а, л. 649 и слѣд.

(Всепод. донесенія А. Румянцева отъ 26 іюля и 3 авг. 1742 изъ Выборга. Военно-ученый арх. Гл. Штаба, Отд. II, № 189, л. 636 637а). Заподозрѣнныхъ содержали, какъ колодниковъ. Еще см.: Іюля 19 дня 1742 г. изъ Выборга всепод. донесеніе.

116. Tiburtius, s. 33—35, 56, 59. Malmström, ч. III, стр. 45, 46—47, примѣч. 51, 53, 56—57, 58, 60 и 62. Fr. Cygnaeus, стр. 22. Hård, 24. Topelius, s. 41.

117. Topelius, Finska Krig, 1741—1743, s. 38.

118. Изъ Tiburtius'a.

119. Tiburtius, s. 72—73.

120. Tengberg, h. II, s. 53, 58—59, 60—61.

121. Tengberg, h. II, 78—79.

122. Журналъ ген. Кейта. Рукопись, л. 27а.

123. Завалишинъ, л. 25. Журналъ генер. Кейта, л. 29. Записки Манштейна о Россіи 1727—1744 г.г., СПБ. 1875 г. стр. 259—260. Арх. Мор. Мин. Дѣла адмиралт. коллегіи, 1741, № 2, л.л. 107—108.

124. Журналъ генер. Кейта, л. 32а. А. И. Бибиковъ. «Примѣчанія о послѣдней шведской войнѣ». Военно-ученый архивъ, отд. II. № 191, л. 34, а.

125. Gr. Hård, s. 22. Экстрактъ. Госуд. арх. 1741 г., XX. № 149, а также у Ал. Ил. Бибикова, л. 69.

126. Tengberg, h. II, s. 88—89. Topelius, s. 62.

127. Журналъ генер. Кейта, л. 34.

128. «Примѣчанія о послѣдней шведской войнѣ» Ал. Ил. Бибикова. Военно-ученый архивъ. Отд. II, № 191, л.л. 36, 36а, 37.

129. Журналъ генер. Кейта, л. 36.

130. Арх. Мор. Мин.; Дѣла адмир. кол, 1741, № 2, л. 109

131. Экстрактъ. Госуд. арх., 1741; XX, № 149. См. тоже у Ал. Ил. Бибикова.

132. Арх. Морс. Мин. Дѣла Адмиралт. Коллегіи, кн. № 21, л. 97 и др.

133. Арх. Морс. Мин. Дѣла Адмиралт. Коллегіи, кн. № 21, листъ 96.

134. Арх. Морс. Мин. Дѣла гр. Головина, кн. № 18, листъ 486.

135. Арх. Морск. Министерства. Дѣла Высочайшія повелѣнія кн. № 7, листъ 910.

136. Жизнеописаніе первыхъ русскихъ адмираловъ или опытъ исторіи россійскаго флота. СПБ. 1834, ч. III, стр. 178 и послѣд.

137. Донесеніе Головина 26 мая 1742 г., л.л. 744 и 744а. Воен. учен. арх. Гл. Штаба. Отд. II, № 189.

138. Донесеніе Головина 13 іюня, л. 760а.

139. Истор. рус. флота. Ѳ. Веселаго. СПБ. 1893 г.

140. Донесеніе Головина 26 іюня, л. 773.— Составъ эскадры Калмыкова: 4 корабля, 3 фрегата, 2 прама, 2 пакетбота, 1 шлюпъ,

т. е. 12 судовъ, съ 404 пушками и 2944 чел. офицеровъ и команды. (Всепод. вѣдомость Головина, л. 748а).

Третья корабельная эскадра изъ 7 кораблей была къ 26 іюня укомплектована почти половиннымъ числомъ людей (1707 чел. вмѣсто нужныхъ по штату 3125 чел.) и частями отправлена для соединенія съ двумя первыми эскадрами.

9 іюня для соединенія съ эскадрою Калмыкова вышла «съ великою трудностью укомплектованная» корабельная эскадра Мишукова въ составѣ 3 линейныхъ кораблей, 3-хъ бомбардирныхъ кораблей и 2 брандеровъ, т. е. въ составѣ 8 судовъ съ 212 пушками и 1691 чел. офицеровъ и нижнихъ чиновъ (не доставало до штатнаго числа 119 чел.). (Донесеніе Головина 13 іюня и вѣдомость, л.л. 760 и 762). Воен.-ученый арх. Гл. Штаба, Отд. II, № 189.

141. Протоколъ Консиліума 25 іюня, л.л. 788, 788а.

142. Ордеръ Головина 13 іюля, л.л. 810, 811. Донесеніе 11 іюля, л. 804а, приложенія, л.л. 805—807. Воен.-уч. арх. Гл. Штаба, Отд. II, № 189.

143. Записки Гидрографическаго Департамента Морск. Министерства, ч. V, стр. 265, СПБ. 1847.—Ал. Соколовъ. А также: Жизнеописаніе первыхъ россійскихъ адмираловъ, ч. III, 194. Матеріалы для исторіи рус. флота, ч. IX.

144. А. Соколовъ. Записки Гидрографич. Департ.

145. Tengberg, h. II, 84—88, 98—102. Tibertius, s. 38. Malmström, III, 73.

146. Киргхофъ, стр. 376 и Военныя дѣйствія въ Финляндскихъ шхерахъ. СПБ. 1877, стр. 36.

147. Копія съ письма генер. Румянцева къ фельдмаршалу гр. Ласси изъ Выборга отъ 10 іюля 1742 г. Военно-ученый арх. Гл. Штаба. Отд. II, № 189, л.л. 620, 620а.

148. Донесеніе Головина, 23 іюля 1742, л. 847.

149. Изъ задержаннаго письма (къ ратману Кекоріусу отъ 28 іюня 1742). Военно-ученый арх. Гл. Штаба, Отд. II, № 189 л. 185а. Ж. М. Н. Пр. 1859, ч. CI, стр. 119. Tibertius, стр. 100.

150. Госуд. арх. 1741, XX, № 149.

151. Военно-уч. арх. № 47357. Записки ген.-м. Завалишина.

152. Tengberg, h. II, s. 99, 102—103.

153. Примѣч. къ «С.-Петерб. Вѣдомостямъ 1742 г.». При киркѣ въ Борго оказался старинный русскій церковный колоколъ, съ надписью 1545 (7053). Колоколъ водою отправили въ Петербургъ. Сѣв. Арх. 1825, № XII, стр. 396.

154. Шпилевская, Н.; стр. 175—176.

155. Tengberg, h. II, 103—104.

V. Гельсингфорская капитуляція.

156. Государственный архивъ, 1741, XX, № 149.

157. Госуд. арх. 1741; XX, № 149.

158. Воен. дѣйствія въ Финляндск. шхерахъ, СПБ., 1877, стр. 37. Описаніе Гельсингфорса имѣется у Манштейна, стр. 272, а также Förh. och. Upps. III, 1888 г., стр. 88.

159. Костромская Старина. Сборникъ, издаваемый Костромскою губернскою ученою архивною Коммиссіею.—Выпускъ четвертый. Кострома. Тип. С. П. Ѳедотова 1897 г.

Историческія записки сержанта, послѣ подпоручика, Черниговскаго пѣхотнаго полка Саввы Порхомова съ 1735 по 1744 г. участника Турецкой и шведской войны.

По сравненіи записей Порхомова съ сказаніями о тѣхъ же войнахъ въ исчисленныхъ печатныхъ изданіяхъ, мы убѣдились въ томъ, что сержантъ Порхомовъ достовѣрнѣйшій свидѣтель хода военныхъ событій въ турецкую и шведскую войны въ періодъ отъ 1735 по 1744 г., писалъ издатель статьи Порхоменко.

160. Военно-ученый архивъ Гл. Штаба. Отд. II, № 189, л. 390.

Изъ письма маркиза Шетарди узнаемъ, что «Гетманъ Краснощекъ, человѣкъ семидесяти пяти лѣтъ, въ которомъ преклонный возрастъ ни мало не ослабилъ жестокости. Гуманныя чувства оскорбляются и возмущаются рѣчью, произнесенною имъ третьяго дня. «Россія, сказалъ онъ,—должна пенять лишь сама на себя, если у нея теперь война со шведами». Такъ какъ его не поняли, то спросили, что онъ подъ этимъ разумѣетъ. «А то,—отвѣчалъ онъ,—что если бы Петръ I послѣдовалъ совѣту, который я ему далъ въ послѣднюю войну съ Швеціей, убивать безъ разбора и женщинъ и дѣтей, и опустошить всю страну, такъ тѣ, кто теперь являются нашими врагами еще не родились бы и не могли бы причинить никакого вреда». Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 96, 1896 г., стр. 375.

161. Tengberg, h. II, 107. Grefve Hård. s. 35. Tiburtius, 136.

162. Авг. 15 дня 1742 г. Донесеніе гр. Ласси. Военно-ученый арх. Гл. Штаба, Отд. II, № 189, л. 396.

163. Военно-ученый архивъ Гл. Штаба Отд. II, № 189, л.л. 853, 860, 863, 913—914

164. Ѳ. Веселаго. Очеркъ Русской Морской Исторіи, ч. I. СПБ. 1875 г., стр. 101. См. Ал. Соколовъ—его статья въ Журн. Гидрографич. Департ. Военно-ученый архивъ Гл. Штаба. Отд. II, № 189, л. 933, 946—946а. Всеподдан. донесенія Головина 4 сент. и другіе.

165. Военно-ученый архивъ Гл. Штаба; Отд. II, № 189, л.л. 381а—385а.

166. Письмо А. Румянцева 15 августа 1742 г. изъ Выборга. Военно-ученый архивъ Гл. Штаба. Отд. II, № 189, л. 466а.

167. Военно-ученый архивъ Гл. Штаба. Отд. II, № 189, л.л. 410а—411а.

168. Tengberg, h. II, s. 110. Grefve Hard, s. 37.

169. Tengberg, h. II, s. 110—111.

170. Анненковъ. Исторія Л.-гв. Коннаго полка, ч. II, стр. 39 СПБ. 1849.

171. Grefve Hard, s. 40. Переговоры вели и капитуляцію подписали полк. Фабіанъ Вреде, подполк. Фридрихъ Спарре и маіоръ Адамъ Горнъ. (Арх. Морск. Мин. Дѣла Адмиралт. коллегіи, 1742, № 21, л. 955). Русскимъ досталось 90 орудій, 300 бомбъ, 650 пудовъ пороха, много снарядовъ, фуража и пр. Дѣла Адмир. коллегіи, 1742, № 23, л. 5.

172. Tiburtius, 131, 139 и 145. Экстрактъ изъ реляціи. Арх. Морск. Мин. Дѣла Адмиралт. Коллеги, кн. № 23 л. 5. Арх. Морск. Мин.; дѣла адмиралт. коллег., 1742, № 23, л. 35. Журн. генер. Кейта, л. 38.

173. Арх. Морск. Мин. Указы, поступавшія въ Адмиралт. Коллег., № 12, листъ 523

174. Арх. Морск. Мин. Дѣла Адмиралт. Коллег., кн. № 13, л. 73. Арх. Морск. Мин. Дѣла Адмиралт. Коллег., кн. № 23, л. 5.

175. Донесеніе Мишукова графу Ласси, л.л. 981—982. Военно-ученый архивъ Гл. Штаба, Отд. II, № 189. Донесеніе Головина 6 сент., л. 952. Матеріалы для исторіи рус. флота, ч. IX, стр. 155 и 171.

176. Реляція Ласси отъ 11 сент. 1742 г.

177. Malmström, III, 165—166.

178. Сенат. арх., 1742, кн. CVI, а также журн. ген. Кейта, л. 38. Ал. Ил. Бибиковъ. л.л. 34, 37а, 38.

179. Grefve Hård, s. 41.

180. Tiburtius, стр. 150—159

Раньше книги пастора Тибурціуса въ Утрехтѣ была издана книга о войнѣ 1741—1742 г. подъ заглавіемъ: Relation exacte et circonstanciée de la geurre entre la Moscovie et la Suede ou Memoire pour servir à l'histoire de ces deux Monarchies, depuis l'Annee, 1740 jusqu'a present. Utrecht 1742 Двѣ части.

181. Tengberg, h. II, 132—133.

182. «Примѣчанія о послѣдней шведской войнѣ». Военно-ученый архивъ. Отд. II, № 191, л. 30.

183. Манштейнъ, стр. 206. См. также Военно-ученый арх. Гл. Штаба. Отд. II, № 193, л. 31.

184. Malmstrom, III, s. 158—159, 160, 205. См. также у Tengberg'a.

185. Topelius, s. 108—110. Fredr. Cygnaeus, 5.

186. Tiburtius, 134—136, 144—145.

VI. Манифестъ 1742 г.

187. Die Nordiche Frage.

188. H. fors Dagblad 1888, № 87.

189. Tiburtius, 28—31.

190. Topelius, s 46

191. Tengberg, h. II, 26, 27.

192. Topelius, s. 33. Шпилевская, 154.

193. Tiburtius, 129.

194. Topelius, s. 67, а также у Tiburtius'a. Журн. Мин. Народн. Просв. 1859, ч. I, стр. 117, Мих. Семевскій.

195. На шведскомъ, финскомъ и нѣмецкомъ языкахъ манифестъ имѣется въ напечатанномъ видѣ въ Государственномъ Архивѣ XV. 69.

196. Дѣло Архива Канцеляріи Военнаго Министерства, кн. 37, стр. 62.

Надо полагать, что подлинникъ былъ на русскомъ языкѣ, а первый переводъ сдѣланъ на нѣмецкій языкъ ибо здѣсь-же говорится «купно съ переводомъ», а далѣе идетъ рѣчь о шведскихъ и финскихъ экземплярахъ. Подлинника намъ не удалось отыскать въ архивахъ Петербурга и Москвы.

Шведскій текстъ приводимъ полностью въ приложеніяхъ.

197. Tengberg, h. II, 67—68.

198. M. Schybergson, Försv. krig. 1741—42. s. 81—82.

199. Арх. Мор. Мин.; Дѣло гр. Головина, кн. № 17, листъ 520.

200. Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 91 стр. 458.

201. Воен. учен. арх. Гл. Штаба Отд. II № 193, л. 22.

202. Примѣчаніе къ С.-Петерб. Вѣдом. за 1742 г., часть 73 по 75, стр. 289.

203. Военно-ученый архивъ Гл. Штаба, Отдѣлъ второй, № 189, ч. II. Всепод. донесенія А. Румянцева, л. 651.

Примѣчаніе къ С.-Петерб. Вѣдом. за 1742 г.—А также Воен. ученый Арх. Гл. Штаба, Отд. II, № 189, л.л. 651 и 651 а. Неплюевъ, Воен.-учен. арх. Гл. Штаба, Отд. II, № 189. Приложеніе къ письму А. Румянцева къ Императрицѣ отъ 10 авг. 1742 г.

204. Tengberg. h. II, § 161. Онъ ссылается на Acta Hist. Frihets. II.

205. Примѣч. къ С.-Петерб. Вѣдом. 1742 г.

206. Дѣло Государств. Архива, раз. XX, № 189, «Донесеніе графа Ласси».

207. Prof. Joh. Rich. Danielson. — Die Nordische Frage in den Jahren 1741—1751.— Mit einer Darstellung Russisch—Schwedisch Finnischer Beziehungen 1740—1743. Helsingfors, 1888.

О присягѣ см. у Lindeqvist'a, въ его приложеніяхъ, № XIII.

VII. Русское господство въ Финляндіи.

208. Государствен. Арх. 1742, № 773, XI. Сѣв. Арх. 1829 г. № 3. стр. 207.

Lebensbeschreibung des General-Feldmarschalls Keith. v. Paczanski—Tenezan. Berlin, 1903.

Varnhagen von Ense Biographische Denkmale VII Teil, 3. Auflage, Leipzig 1873 und die dort im Anhang nachgewiesenen Hilfsquellen.

209. Берхъ. Förh. o. Upps., 3. 1888, стр. 83. См. также у Topelius'a.

210. Я. Гротъ. Журн Мин. Нар. Просв. 1851, іюль; стр. 31—35.

211. Сенат. Арх. кн. CXI, 1742.

212. Сѣвер. Арх. 1825, XII, 401 изъ «Мнемозина».

213. K. O. Lindeqvist. Pikku vihan aika Suomessa. 1889 г. Тавастгусъ. стр. 34.

214. K. O. Lindeqvist—Тамъ же.

215. Арх. Морск. Мин. Указы, поступившіе въ Адмиралт. Коллегію № 13, отд. II 13 апр. 1743, листъ 172.

216. Военно - ученый арх. Гл. Штаба. Отд. II, № 189, л. 679а.

217. Förh. o. Upps., 3, 1888, стр. 85 и 86.

218. Воен.-учен. арх. Гл. Штаба. Отд. II, № 189, л. 682.

219. Военно - ученый архивъ Гл. Штаба. Отд. II, № 189, л. 390.

220. Донесеніе гр. Ласси отъ 14 авг. 1742 г.

221. Труды Як. К. Грота, т. I, стр. 291—292.

222. Lagus, 1741 o. 1742 årens krig, s 84.

223. K. O. Lindeqvist. Pikku vihan aika Suomessa.

224. Тамъ же.

225. Тамъ же.

226. Tiburtius, 38—39.

227. Сѣв. Арх., 1825, XII, 404.

228. П. С. Зак. Р. Имп. 1758, № 10086. Фельдмаршалъ Ласси 9 авг. 1743 г. доносилъ Императрицѣ, что двое убійцъ были повѣшены, вслѣдствіе того, что указъ объ отсѣченіи имъ правой руки запоздалъ.

229. Malmström, ч. 3, стр. 92.

230. Изъ «Мнемозина», Сѣв. Арх., 1825, № XII.

231. Тамъ же.

232. Современникъ 1844, т. XXXIII.

233. Сенатскій. арх., кн. CXI. 1742.

Въ Эстерботніи оставалось 3 гусарскихъ и 2 пѣхотныхъ полка, а также нѣсколько сотенъ казаковъ. Въ Нюландіи—2 гренадерскихъ и 3 пѣхотныхъ полка, и, наконецъ, въ Абоской губ.—2 гренадерскихъ и одинъ драгунскій. Болѣе точно устанавливается число всѣхъ гренадеръ доходило 4.753, а гусаръ—до 1.500 чел.

234. Мнемозинъ; Сѣв. Арх. 1825, XII, 400.

235. K. O. Lindeqvist. Pikku vihan aika Suomessa, стр. 41, 43—44.

236. Воен. - учебный арх. Гл. Штаба. Отд. II, № 189, л. 660а.

237. Сенат. Арх. 1743, дѣло № 93.

238. Арх. Морск. Мин. Указы, поступившіе въ Адмиралт. Коллегіи, № 13, Отд. II, л. 61.

239. K. O. Lindeqvist.

По другимъ источникамъ изъ Эстерботніи корабельныхъ плотниковъ въ работу употреблено 100 чел. и абоскихъ 50 чел. Изъ Вазы выписали 100 чел. Строили всего одновременно 14 галеръ.

240. Арх. Морск. Мин. Указы, поступившіе въ Адмиралт. Коллегія, кн. № 13' отд. II, № 152.

241. Арх. Морск. Мин. Указы, поступившіе въ Адмиралтействъ - Коллегіи, 13, отд. II, листъ 151.

242. 31 Авг. 1743 г. Арх. Морск. Мин. Указы, поступившіе въ Адмиралтействъ Коллегіи 13, отд. II.

243. К. О. Линдеквистъ. Малая война въ Финляндіи, стр. 32. Pikku vihan aika Suomessa.

244. К. О. Lindeqvist.

245. Архивъ Морск. Мин. Дѣла Адмиралтействъ-Коллегіи, кн. № 35, л. 5, и Указы, поступившіе въ Адмиралтействъ Коллегію № 13, отд. II, л. 163.

246. Topelius, s. 32.

247. П. С. Зак. 1742 г., т. XI, № 8667.

248. Арх. Морск. Мин. Дѣла Адмиралт. Коллегіи, кн. № 14, л. 178.

249. Свѣдѣнія о доставленныхъ въ Россію въ 1741 — 1743 г.г. военно-плѣнныхъ. К. О. Линдеквистъ.

Во время нахожденія въ Або полномочныхъ министровъ Румянцева и Любераса имъ сдѣлалось извѣстнымъ, что изъ Кронштадта капитанъ Бакинскаго полка Тандефельтъ посылалъ «всякія непристойныя письма» къ своимъ родственникамъ, находившимся въ Финляндіи, почему «для отдаленія отъ здѣшнихъ границъ» онаго капитана приказано было послать въ Астрахань. См. предисловіе сей книги.

Арх. Морск. Мин. Дѣла Адмиралтействъ-Коллегіи, кн. № 8, листъ 65.

250. К. О. Lindeqvist, стр. 21—22.

251. К. О. Lindeqvist, стр. 26.

252. Арх. Правит. Сената 1743, дѣло № 91.

253. К. О. Lindeqvist, стр. 58.

254. Арх. Сената, 1743 г., дѣло № 91.

255. Д. Ѳ. Масловскій. Матеріалы къ исторіи военнаго искусства въ Россіи, вып. III стр. 27, 101, 110, 122 и 138.

256. Арх. Морск. Мин. 1742, № 36, л. 325.

257. К. О. Lindeqvist, стр. 19—21.

258. Lagus, стр. 75.

Anteckningar rörande 1741 och 1742 årens finska krig... H-for. 1853.

Tengberg. h. II, s. 160—162.

259. Förhandl. o. Upps., кн. 22, стр. 136, 142, 146—147.

VIII. Война и миръ 1743.

260. Tengberg. h. II, s. 116—117.

261. Арх. Морск. Мин. Дѣла гр. Головина, кн. № 17, листъ 426

262. Арх. Морск. Мин., дѣла Высочайшія повелѣнія, кн. № 7, листъ 16; рескриптъ отъ 12 декабря 1742 г.

263. Tengberg. h. II. s. 117—118.

264. Арх. Морск. Мин. Дѣла Гр. Головина, кн. № 18, л. 61.

265. Tengberg, h. II s. 152—153.

266. П. С. Зак. т. XI. № 8694—8848 Мих. Семевскій, Рус. Слово, 1860, I, 29—30.

267. Проф. Д. Масловскій, Матер. къ исторіи военнаго искусства въ Россіи; вып. III, стр. VIII

268. Мих. Семевскій, Рус. Слово, 1860, I, 31.—П. С. Зак. № 8703.

269. Рекрутъ опредѣлено учить по городамъ, но не въ стужу и не въ ненастье, а переходы дѣлать имъ не свыше 30 верстъ въ сутки въ хорошую погоду, а въ дурную 10—15; введены дневки, усилено довольствіе. Партіи рекрутъ обязательно сопровождались медицинскимъ персоналомъ,—на 1,000 рекрутъ одинъ подлекарь и три фельдшера. Командиры полковъ обязывались слѣдить, чтобы старые солдаты не выманивали денегъ у молодыхъ (указъ 1757 г.).

Для раненыхъ, вмѣсто отсылки на житье въ монастыри, въ 1758 году былъ устроенъ въ Казани инвалидный домъ, а затѣмъ, по нѣкоторымъ городамъ, которые изобиловали «мясомъ и рыбою», учреждены богадѣльни, не только для раненыхъ, но и для отставныхъ нижнихъ чиновъ, гдѣ они могли жить съ семействами: по 10 душъ на избу, подъ общимъ надзоромъ «надежныхъ» оберъ-офицеровъ (указъ 1758 г.).

Въ 1760 году для развитія военныхъ богадѣленъ, т. е. дѣла призрѣнія заслуженныхъ воиновъ, была учреждена правительственная лотерея на 550 тыс. рублей; 1-й выигрышъ 25 тыс., а послѣдній 6 руб.

Караульная служба была значительно облегчена и даже при Дворѣ, на нѣкоторыхъ постахъ, часовые могли садиться для отдыха на особливо для того поставленные стулья; чтобы часовые не промачивали ногъ на постахъ и въ подходахъ къ постамъ клались въ ненастную погоду доски. Можно привести много повелѣній Государыни, показывающія ея заботы о сохраненіи здоровья солдатъ и даже «одежды» гг. офицеровъ—«въ караулахъ и строяхъ»—въ непогоду).

Императрица проявляла попеченіе о развитіи въ обществѣ уважительнаго взгляда на войска и военныя экзерциціи. Напримѣръ, было Высочайше повелѣно: «ѣдущимъ не объѣзжать идущую команду», дабы не мѣшать командѣ «маршировать».

Въ строевомъ и боевомъ отношеніяхъ Императрица стремилась возстановить по-

рядки своего Державнаго Отца: «... быть какъ было при блаженной памяти Петрѣ Великомъ» и потому «по силѣ имяннаго Ея Императорского Величества указу...» велѣно: «въ полкахъ экзерциціи и барабанный бой чинить во всемъ по прежнимъ указамъ, какъ было при жизни Государя Императора Петра Великаго во всѣхъ полкахъ равномѣрно, безъ всякой отмѣны, а не по прусски», подъ угрозою отвѣтственности и штрафованія генералитету и полковымъ командирамъ «не отложно».

Рус. Инвалидъ 1909, № 263 ст. А. В. Евдокимова.

270. Malmström, III, 168.

271. Замѣтки Берха. Förh. o. Upps., 3. 1888, стр. 82.

272. Malmström, III, 168—169.

273. Проф. Масловскій. Матеріалы, вып. III, 28.

«Имѣютъ ли оные (Шведы) намѣренье чинить набѣги и посылать свои партіи въ Финляндію—провѣдать было не черезъ кого, ибо мужики казались быть болѣе ихъ нежели нашей стороны, слѣдственно тому и открыться имъ было никакъ невозможно, которое узнать было можно черезъ то, что они своихъ товарищей, которые возвратившагося унтеръ-офицера, бывшаго въ препровожденіи до Оланда шведскаго полковника Вильбранта, черезъ острова перевозили,—бездѣльниками называли за то, что его въ пути не утопили, объявляя, что егда бы-де оные то сдѣлать догадались, тобъ еще Россія не о прибытіи шведскаго войска въ Оландъ извѣстны не были» (Д. Ѳ. Масловскій. Матеріалы къ исторіи военнаго искусства въ Россіи Вып. III стр. 44).

274. Матеріалы къ исторіи военнаго искусства, изданныя проф. Д. Ѳ. Масловскимъ. Вып. III, 55, 79—81.

275. Tiburtius, 28—29.

276. Воен. Сбор. 1909, апр., 13.

277. Ѳ. Веселаго, стр. 103.

278. Воен.-ученый арх. Гл. Штаба, Отд. I, № 28. 1743. Часть I. Бумага эскадры Гр. Головина.

279. Въ кампанію 1743 г. гребной флотъ сыгралъ выдающуюся роль, о чемъ см. Матеріалы къ исторіи военнаго искусства въ Россіи. Вып. III, М. 1892.

280. С. Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. V, стр. 218—220.

281. Tengberg. II, 162—165.

282. Tengberg. II, 167—168, 186—187 Malmström, III, 173—174.

283. Topelius, 254—255. Н. Костомаровъ «Вѣст. Евр. 1887, т. I, стр. 90, Сб. Имп. Р. Ист. Общ., т. 91, стр. 450. Кирхгофъ Вліяніе морской силы въ Балтійскомъ морѣ СПБ. 1908, стр. 380.

284. Анненковъ. Исторія Л.-Гв. Коннаго полка. СПБ. 1849, ч. II, стр. 41.

285. Сѣв. Арх. 1825 г., XII, 405.

286. Мих. Семевскій. «Рус. Слово». 1860, I, 47.

287. П. С. З. № 8856.

IX. Послѣ войны.

288. Арх. Морск. Мин. Дѣла Адмиралтействъ Коллегіи, кн. № 13, л. 712. Журналъ ген. Кейта. Рукопись.

289. Записка Манштейна, стр. 288.

290. Мих. Семевскій Ж. М. Нар. Пр. 1859 г. CI, стр. 125, (Жизнеопис. пер. рус. адмираловъ, соч. Берха, ч. II. Словарь Бантышъ-Каменскаго, 1836 г. ч. II).

291. С. Соловьевъ, т. 5, стр. 230—231. О дѣйствіяхъ флота см. Военно-ученый арх. Гл. Штаба, Отд. I, № 28.

292. Военно-ученый архивъ Гл. Штаба. Отд. I, № 28. 1743.

293. Рус. Вѣст. 1841, т. II.

294. Hjärne. Fins. Tidsk. 1889, I, стр. 36.

295. H. Hjärne. Планъ о превращеніи Финляндіи въ пустыню приписывается гр. Остерману.

296. Замѣчательно, что та-же мысль была усвоена Спренгтпортеномъ и осуществлена въ 1808 г. нашимъ правительствомъ.

297. H. Hjärne Nord. Tidsk. 1889, II, стр. 94—95.

298. Госуд. Арх. 1748—1149; XV. № 190 ноябрь 1749.

299. Гл. Мор. арх. Дѣло гр. Апраксина. № 251. См. также: «Матеріалы для исторіи русскаго флота, ч. I, стр. 382. Наконецъ: Инженерный журналъ 1869 г. № 11.

300. Матер. для исторіи рус. флота, ч. I, стр. 413; а также «Инженерный Журн.» 1869 г., № 11.

301. Журналъ, ч. I, 400.

302. Шведская война 1808—1809 г. Соч. шведскаго генеральнаго штаба. Рус. переводъ, т. II, 169.

303. Krigsvetenskapsakademins tidskrift 1896. sid. 425, Nordensvan. Fin. kr. 1808—9, s. 13.

304. Svenskt biogr. handlexikon, förra delen, s. 256.

305. Инженерн. Журн. 1860, № 11 и Архивъ Военно-Топографич. Депо. Дѣло № 15, 344.

306. Сенатскій Архив. Кн. XC, 1751, стр. 23.

307. При составленіи описанія возникновенія Свеаборга мы пользовались главнымъ образомъ книгой: «Шведская война 1808—1809 гг.», а также Nordensvan, C. O. Finska kriget 1808—1809, стр. 1—4.

308. В. Ключевскій, IV, 451. См. Чтеніе Москов. Историч. Общ. 1862 г., кн. I, а также у С. Соловьева.

309. Сборн. Имп. В. Ист. Общ. 92 стр. 45.

310. В. С. Иконниковъ, стр. 3.

311. Коня, очерки и воспоминанія, стр. 581.

Дневникъ Храповицкаго, изд. Н. Барсукова, стр. 237.

312. Ист. Вѣст. 1884 г., авг., стр. 365. Елизавета Петровна была настолько самолюбива, что не могла удовольствоваться одною тѣнью власти и потому была окружена всѣмъ ея блескомъ.

313. В. С. Иконниковъ, стр. 2.

314. Л. Евдокимовъ, Рус. Инвалидъ 1910 г. По ревизія 1744—1745 гг., говоритъ Манштейнъ въ Россіи было 18 мил. душъ. Доходъ государства достигали 12—13 мил. р. Финляндія не была обложена подушною податью.

ХРОНОЛОГІЯ.

1709 г.

Декабря 18. Рожденіе Императрицы Елизаветы Петровны.

1725—1727 г.

Царствованіе Императрицы Екатерины I.

1727—1730 г.

Царствованіе Петра II.

1730—1740 г.

Царствованіе Анны Іоанновны.

1735 г.

Возобновленіе между Россіей и Швеціей союзнаго трактата 1724 года.

1738 г.

Декабря 10. Заключеніе трактата Швеціи съ Франціей о субсидіяхъ.

1739 г.

Въ Іюнѣ. Убійство маіора шведской службы Малькольма Синклера близъ Христіанштадта въ Силезіи.

Августа 1. Генералъ Кронстедтъ принялъ командованіе надъ финскими войсками.

Въ Октябрѣ. 6000 шведской пѣхоты прибыли въ Финляндію.

Въ ночь съ 9 на 10 Декабря въ Стокгольмѣ чернь выбила камнями окна русскаго посольскаго дома.

1740—1741 г.

Іоаннъ Антоновичъ.

1740 г.

Іюля 21. Кронстедтъ, согласно его просьбѣ, освобожденъ отъ командованія войсками въ Финляндіи и назначенъ президентомъ военной Коллегіи.

Сентября 10. Командованіе надъ войсками расположенными въ Финляндіи, отъ Кронстедта передано Будденброку, впредь до прибытія Левенгаупта.

Декабря 4. Открытіе въ Стокгольмѣ государственнаго риксдага, созваннаго для обсужденія вопроса о войнѣ съ Россіей.

1741 г.

Іюля 13. Часть русскихъ силъ, по сосредоточіи ихъ въ Осиновой рощѣ, двинулась къ Выборгу.

Іюля 21. Вопросъ о войнѣ съ Россіей прошелъ черезъ комиссіи риксдага и чрезъ общее его собраніе.

Іюля 24. Въ Стокгольмѣ подписанъ Манифестъ о войнѣ съ Россіей.

Іюля 25. Русскіе войска подъ начальствомъ Генерала Кейта расположились въ 8 верстахъ отъ Выборга.

Іюля 28. Объявленіе въ Стокгольмѣ «при звукѣ трубъ и литавръ» Манифеста о войнѣ съ Россіей.

Августа 4. Фельдмаршалъ Ласси отдалъ приказъ объ объявленіи Швеціей войны Россіи.

Августа 13. Объявленіе въ Петербургѣ Манифеста о войнѣ со Швеціей.

Августа 14. Отправленіе изъ Стокгольма войскъ въ Финляндію.

Августа 17. Армія Генерала Кейта подошла къ Кананоя,—въ одной милѣ отъ Шведской границы.

Августа 20. Прибытіе къ арміи въ лагерь при Кананоя фельдмаршала гр Ласси.

Августа 21. Фельдмаршалъ графъ Ласси выступилъ изъ лагеря при Кананои къ Вильманстранду и перешелъ границу у Таскулы.

Августа 22. Русскіе и Шведы подошли къ Вильманстранду. Русскіе расположились у деревни Армила.

Августа 23. Сраженіе при Вильманстрандѣ, штурмъ батареи на Кварнбакенѣ, пораженіе шведовъ, паденіе Вильманстранда.

Августа 25. Русскіе двинулись въ обратный походъ къ своимъ границамъ.

Сентября 2. Прибытіе къ шведской арміи главнокомандующаго Левенгаупта.

Сентября 3. Русскіе расположились лагеремъ между Кананоей и Выборгомъ.

Сентября 21. Отрядъ подполковниковъ Божича и Костюрина уничтожилъ у д. Велюкъ шведскій отрядъ капитана Бранта.

Сентября 30. Русская армія перешла въ лагерь къ Керстелѣ.

Октября 13. Отрядъ драгунъ и донскихъ казаковъ подполковника Себрекова вступилъ въ шведскую землю и разорилъ около 300 деревень.

Ноября 25. Вступленіе на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны.

Ноября 27. Заключено перемиріе.

1741—1761 г.

Царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны.

1741 г.

Декабря 6. Генералъ Левенгауптъ приказалъ своимъ войскамъ вернуться въ Фридрихсгамъ на зимнія квартиры.

1742 г.

Февраля 28. Русскіе прервали перемиріе.

Марта 1—6. Незначительные отряды русскихъ переходили границу для разоренія непріятельскихъ деревень.

Марта 8. Отрядъ Генерала Фермора при Кидесскомъ погостѣ имѣлъ дѣло «съ оружейными мужиками и дублирингами».

Марта 18. Манифестъ Императрицы Елизаветы Петровны къ жителямъ Финляндіи съ призваніемъ къ освобожденію отъ владычества Швеціи.

Мая 26. Выступленіе изъ Кронштадта галерной эскадры генерала Левашева.

Въ началѣ Іюня русскіе отряды появились въ окрестностяхъ Фридрихсгама.

Іюня 13. Русская армія подошла къ Секкіярви, гдѣ начиналась шведская территорія.

Іюня 16. Военный совѣтъ, созванный Левенгауптомъ, на которомъ большинствомъ начальниковъ рѣшено оставленіе Фридрихсгама безъ боя.

Іюня 23—24. У главной русской квартиры произошла стычка съ шведскимъ отрядомъ подполковника Аминова.

Іюня 26. Русскіе подошли къ Фридрихсгаму.

Іюня 28. Шведы безъ боя оставили Фридрихсгамъ, предавъ городъ и магазины огню, послѣ чего отступили по дорогѣ къ Гельсингфорсу.

Іюля 1. Русскіе вступили въ Гекфорсъ.

Іюля 14. Капитанъ Бараковъ взялъ въ плѣнъ два шведскихъ судна, шедшихъ изъ Гельсингфорса.

Іюля 24. Выступленіе Графа Ласси въ Перно-Кирки.

Іюля 29—30. Прибытіе генерала Левашева съ галернымъ флотомъ и арміи въ Борго.

Іюля 30. Русская армія заняла Борго.

Августа 7. Сдача крѣпости Нейшлота князю Мещерскому.

Августа 11. Русская армія прибыла къ Гельсингфорсу.

Августа 12. Отрядъ казаковъ бригадира Краснощекова разбитъ въ стычкѣ со Шведами.

Августа 21. Сдача на капитуляцію Тавастгуса.

Августа 24—26. Сдача Шведской арміи на капитуляцію при Гельсингфорсѣ.

Августа 26. Занятіе русскими Тавастгусскаго замка.

Сентября 7. Прибытіе въ Або генерала Кейта.

Ноября 7. Герцогъ Петръ Голштинскій (Готторпскій) объявленъ наслѣдникомъ Россійскаго престола, и финны приведены къ вѣрноподданнической ему присягѣ.

Ноября 24. Фрейденфельдтъ напалъ на русскихъ въ г. Кеми и изрубилъ 50 человѣкъ. Сѣверная часть Эстерботніи отрѣзана отъ русскихъ.

1743 г.

Мая 3. Отплытіе изъ Петербурга галернаго флота для военныхъ дѣйствій противъ Швеціи.

Мая 8. Отплытіе галернаго флота подъ начальствомъ Ласси и корабельнаго флота графа Головина изъ Кронштадта.

Мая 12. Прибытіе Ласси въ Фридрихсгамъ.

Мая 20. Сраженіе при Корпо. Русская галерная эскадра подъ командою генерала Кейта разбила шведскую эскадру. Шведскій флотъ ночью отошелъ.

Мая 28. Занятіе Кейтомъ позиціи у Соттунги.

Іюня 12. Прибытіе въ Соттунги Ласси.

Іюня 13. Приговоръ надъ Будденброкомъ. Будденброкъ присужденъ къ смертной казни.

Іюня 15. На военномъ совѣтѣ русскихъ генераловъ рѣшено итти къ берегамъ Швеціи для высадки.

Іюня 20. Смертный приговоръ надъ Левенгауптомъ.

Іюля 7. Шведскій флотъ въ 21 судно и русскій флотъ изъ 23 судовъ подъ командою адмирала Головина около Гангуда имѣли незначительную перестрѣлку, послѣ чего разошлись безъ всякихъ потерь.

Августа 1. Подписанъ прелиминарный миръ между Россией и Швеціей.

Августа 2. Указъ: «преступниковъ изъ шведовъ за убійства и грабежъ не казнить натуральною смертью».

Августа 7. Подписанъ въ Або миръ между Россіей и Швеціей.

Августа 15. Ратификація мира въ Стокгольмѣ шведскимъ Королемъ.

Августа 19. Ратификація мира Императрицей Елизаветой Петровной въ Петербургѣ.

Сентября 7. Указъ генералу Кейту итти въ Стокгольмъ.

Сентября 20. Отправленіе отряда генерала Кейта въ Швецію.

Октября 12. Эскадра генерала Кейта прибыла къ берегамъ Швеціи.

Ноября 30. Ростовскій и Казанскій полки вступили въ Стокгольмъ.

1744 г.

Января 14. Представленіе Сената объ учрежденіи изъ новозавоеванныхъ въ Финляндіи провинцій Выборгской губерніи.

Іюля 10. Генералу Кейту предписано изъ Швеціи вернуться въ Россію.

1761 г.

25 Декабря. Кончина Императрицы Елизаветы Петровны.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

Августъ II. Король Польскій стр. 4, 69.

Августъ III, Король стр. 22.

Адольфъ-Фридрихъ, наслѣдникъ шведскаго престола 139, 220, 221, 228, 238, 242, 252, 253, 270.

Александръ I, Императоръ Россіи 260.

Альбрехтъ, иностранецъ, служившій въ русской арміи 54.

Амвросій, архіепископъ Новгородскій, 82.

Амело, Министръ иностранныхъ дѣлъ во Франціи 35, 66, 78, 79, 90, 92.

Аминовъ, плѣнный шведскій офицеръ, 66.

Аминель, Іоганъ, пробстъ, 13.

Аминель, финляндскій депутатъ риксдага, 39.

Анкергольцъ, Іоганнъ, финляндскій депутатъ риксдага 37.

Анна Іоанновна, Императрица стр. 1, 2, 3, 25, 27, 33, 34, 35, 75, 76, 78, 82, 84, 186, 253, 277.

Анна Леопольдовна, мать Императора Іоанна Антоновича, стр. 3, 76, 80.

Анна Петровна, Великая Княжна, стр. 2.

Антонъ Ульрихъ, отецъ Императора Іоанна Антоновича. стр. 3.

Апраксинъ, Ѳ. М. гр. 119, 261.

Аргеландеръ, пасторъ, 178.

Асвенъ, Аксель, шведскій генералъ, 263.

Бараковъ, капитанъ флота, 137.

Баржъ, контръ-адмиралъ, 249.

Баркенбомъ, капитанъ, 60.

Бахметевъ, генер.-лейт., 64.

Бекъ, иностранецъ, служившій въ русскомъ войскѣ, 54.

Берхгольцъ, составитель извѣстнаго дневника, сынъ голштинскаго дворянина, 119.

Берхъ, путешественникъ, 187, 196.

Бестужевъ-Рюминъ, Ал. кабинетъ-министръ, а затѣмъ и канцлеръ, 3, 4, 25, 77, 82, 92, 93, 96, 128, 140, 159, 204, 225, 237, 239, 241, 247, 248, 251, 252, 254, 274.

Бестужевъ-Рюминъ, Мих. Петр., представитель Россіи при стокгольмскомъ Дворѣ, 8, 9, 10, 11, 15, 21, 22, 23, 25, 36, 37, 38, 44, 45, 46, 51, 159, 160, 164, 238, 260, 273.

Бетвіеръ, шкиперъ, 137.

Бибиковъ, А. И.—генер., 114, 116, 133, 152.

Биронъ, стр. 1, 2, 3, 35, 55, 75, 76, 273.

Битнеръ, М. Ф., комендантъ Тавастгуса, 144.

Біелке, одинъ изъ представителей шведской оппозиціи, 38.

фонъ-Боркъ, шведскій министръ, 213.

Боцисъ, Ив. Ф., адмиралъ, 261.

Бранденбургъ, подполковникъ, 60.

Брантъ, капитанъ, 66.

фонъ-Браунъ, иностранецъ, служившій въ русскомъ войскѣ, 54.

Бреверлъ, завѣдывающій дипломатической перепиской, 92, 237, 238.

Бредель, вице-адмиралъ, 120.

де-Бриллі, иностранецъ, служившій въ русскихъ войскахъ, 54.

фонъ-Брюль, гр., кабинетъ-министръ Короля Августа III, стр. 22, 23, 24.

Брюсъ, гр., ген.-маіоръ, 147, 184, 201.

Будбергъ, 196.

Будденброкъ, ген.-лейтенантъ, временный главнокомандующій, 27, 32, 33, 34, 35, 36, 44, 50, 51, 57, 61, 62, 63, 66, 115, 127, 142, 144, 149, 150, 151, 154, 155, 220.

Бузовъ, (Buzow), пасторъ 156, 157, 158,

Бунде, Николай, гр, 21, 225.

Буске, (Bousquet) ген.-маіоръ, 103, 115, 131, 140, 142.

Бутурлинъ, А. Б. гвардейскій офицеръ, 75.

Валеніусъ, Іоганъ, проф. епископъ, 183, 184, 191, 195, 218.

Вальтеръ, саксонскій президентъ въ Стокгольмѣ, стр. 22, 23, 24.

Вандаль, французскій историкъ, 27.

Васаборгъ, гр., плѣнный шведскій офицеръ, 66, 211.
Вейчъ, К. англійскій полномочный министръ, 55, 172.
Вендель, бар. иностранецъ въ русской военной службѣ, 54.
Веселовскій, статскій совѣтникъ, 238.
Вехтеръ, Эсаіасъ, купецъ, стр. 13, 14.
Викаръ, Яковъ, пасторъ, 202.
Виллебрандъ, пол., Комендантъ Вильманстранда, 60.
Виттсковъ, бургомистръ, стр. 14.
Вийкманъ Іоганъ Генрихъ, бывшій бургомистръ и судья, 259.
Волынскій, В. 25.
Вольтеръ, французскій писатель, 277.
Врангель, К. Г. баронъ, ген.-маіоръ, 57, 58, 60, 62, 63, 66, 86, 150.
Врангель. Эрикъ, государственный совѣтникъ Швеціи, 87.
Врангель, офицеръ Шведской службы, стр. 106.
Вреде, Фабіанъ, бар., 12, 38, 71, 108, 220.
Вреде, Генрихъ, бар., стр. 12.
ф-Вюртембергъ Марксъ, шведскій полковникъ, 111, 123, 231.
Гамильтонъ, Отто, бар. 225.
Гаррингтонъ, Вильямъ, лордъ, стр. 15, 54,
Гейеръ, шведскій историкъ, 35.
Гейлигеръ, изобрѣтатель «инвенціи» 122,
Гельсинбергъ, Аксель, «работникъ слова», 178.
Гельсингіусъ, Генрихъ, пробстъ изъ Инсальми, 177.
Геникъ, подпол., 261, 262.
Георгъ II, Король Англіи, стр. 15.
Гёпкенъ, членъ шведскаго государственнаго совѣта, 36.
Гестеско, плѣнный шведскій офицеръ, 66,
Гехтъ, совѣтникъ полицій-мейстерской канцеляріи, 169.
Гирнъ, Юганъ, аудиторъ, 176.
Голицынъ, М. кн. 53.
Головинъ, Алек. Гавр. гр., 4, 8, 92, 118, 119.
Головинъ, Н. Ѳ., графъ, адмиралъ, 121, 126, 136, 137, 138, 139, 144, 146, 147, 170, 171, 206, 225, 229, 233, 235, 236, 237, 247, 248, 249.
Головкинъ, гр. 56.
фонъ-Гольштейнъ, иностранецъ въ русской службѣ, 54.
Горнъ, Арвидъ, глава партіи шапокъ, 6, 8, 10, 26, 142.
Градовскій, проф. 276,
фонъ-Гредке, иностранецъ въ русской службѣ, 54.
Грюнштейнъ, бывшій маклеръ, 76.
Густавъ Адольфъ, 201.
Густавъ Ваза, 261.
Густавъ III, Король Швеціи, 267, 269. 271
Гюлленборгъ, гр., Карлъ, глава партіи шляпъ, стр. 6, 10, 15, 18, 19, 20, 23, 26, 35, 36, 45, 79, 88, 90, 110.
Гюлленгофъ (Gyllenhof), 196.
Гюлленшерна, І. А. бар. 17, 35, 36, 37, 160 183.
Давыдовъ, комендантъ Нейшлота, 194.
Даль, Захарій, компнистръ (помощникъ пастора) изъ Якобстада, 177.
Дальстремъ, Эрикъ, шведскій фузелеръ, 117.
Даниловъ, М. В.—авторъ записокъ, 82.
Даниельсонъ, Р. финляндскій историкъ, 160, 161, 257.
Даунъ, австрійскій главнокомандующій, 252.
Дидронъ, ген.-маіоръ, начальникъ шведской кавалеріи, 51, 86, 115, 140, 155, 162.
Фонъ-Дитмаръ, шведскій посланникъ при русскомъ дворѣ, 4.
Долгорукій, Вас., кн., стр. 1. 2, 4, 8, 53, 96, 128, 159, 204, 237.
Дрентельнъ, капитанъ шведской службы, 158, 225, 226.
Дубянскій, духовникъ Императрицы Елизаветы Петровны, 272.
Дюпонтъ, плѣнный шведскій офицеръ, 66.
Дюрингъ, генер., 163.
Дюрингъ, І. К., шведскій посланникъ (I. Cz. Düring), 213.
Екатерина I, стр. 1, 2, 74, 83, 119.
Екатерина II, Императрица, 260, 273.
Елизавета Петровна, Вел. Княж., а затѣмъ Императрица, 26. 28, 72, 73, 74, 75, 76, 77 78, 79, 80, 81, 82, 85, 86, 87, 89, 90, 107, 109, 139, 164, 169, 170, 177, 178, 187, 202, 210, 214, 217, 220, 225, 235, 241, 242, 252, 253, 254, 255, 270, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278.
Завалишинъ, ген.-маіоръ, описавшій войну 1741—1743 годовъ, 95, 96. 112, 115, 133.
Зумъ, т. с., саксонскій агентъ, 17, 18, 23, 24.
Игнатьевъ, Петербургскій оберъ-комендантъ, 98.
Искуль, губернаторъ Або, 60, 187.
Іоаннъ Антоновичъ, Императоръ, стр. 10, 38, 65, 89.
Іоаннъ Васильевичъ, 130.
Кавалевъ, слуга Ал. Бестужева-Рюмина, 25.

Каминовъ, полк., 197.
Фонъ-Кампенгаузенъ, Иванъ Бальтазаръ (Johan Balthasar), ген.-лейт., генералъ-губернаторъ Финляндіи, 190, 191, 192, 193, 195, 201, 203, 204, 205, 206, 208, 214, 215, 217, 233, 248.
Кантемиръ, Антіохъ, кн., русскій посланникъ въ Парижѣ, 15, 77, 78, 92, 144, 171.
Карлъ Августъ Голштинскій, 75.
Карлъ IX, шведскій король, 228.
Карлъ XI, король Швеціи, 111, 228.
Карлъ XII, стр. 4, 6, 7, 14, 18, 48, 69, 70, 74, 111, 150, 152, 185, 191, 228, 253, 264.
Карлъ XIII, король Швеціи, 107, 110.
Картеретъ, лордъ, 172.
Каульбарсъ, полк., 112, 142.
Кейзерлингъ, гр., стр. 1, 22, 23.
Кейтъ, генер., 2, 52, 53, 55, 57, 60, 61, 63, 64, 67, 85, 100, 101, 108, 136, 146 176, 180, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 196, 200, 201, 204, 206, 207, 212, 214, 217, 232, 233, 234, 235, 239, 244, 247, 248, 249, 250, 251, 252.
Кенигсмаркъ, Аврора, любовница Августа II, 69.
Киленбекъ, Іог. Густ., капитанъ, 267.
Киндерманъ, ген.-маіоръ, 54, 64, 67, 193, 194, 197, 201, 204, 214,
Кирхгофъ, писатель, адмиралъ, 249.
Ключевскій, В. О., историкъ, 278.
Коллинъ, кригскомиссаръ, 218.
Конти, принцъ, 107, 272.
Корфъ, Іоганнъ Альбрехтъ, бар., русскій посланникъ 1, 49, 118, 122, 250, 252, 253.
Коскиненъ-Ирье, финляндскій историкъ, 201.
Краснощековъ, бригадиръ, 133, 158.
Крейцъ, Густавъ, гр., 223.
Креия, Шевалье, волонтеръ въ шведской арміи 86, 88, 108, 110.
Кромпейнъ, К., Кюменьгородскій губернаторъ, 179, 193, 194, 205.
Кронстедтъ, К., ген.-лейт., 14, 15, 16, 17, 19, 20, 33, 38.
Cronhawn, шведскій адмиралъ, 124.
Кронъ, сенатскій секретарь, 169.
Куракинъ, кн., 204.
Кутлеръ, капитанъ русской службы, стр. 23.
Кутюрье, купецъ, (Couturtier, Ieon André), стр. 23.
Лагарпъ, наставникъ Импер. Александра I, 260.
Лагеркранцъ, К. О., шведскій офицеръ, 35, 108, 109, 110, 115, 126, 150, 151, 155, 157, 228.
Лагерфлитъ, секретарь шведскаго посольства, 45.
Лагусъ, Вил. Габр., проф., 151.
Ласси, Петръ Петровичъ, русскій главнокомандующій, гр. фельдм., 5, 53, 54, 57, 58 60, 63, 64, 66, 95, 96, 100, 101, 109, 112, 113, 114, 121, 126, 127, 128, 130, 132, 133, 136, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 146, 147, 148, 156, 157, 158, 170, 173, 175, 176, 177, 178, 180, 183, 186, 188, 190, 192, 200, 203, 207, 208, 209, 210, 211, 214, 215, 216, 226, 229, 230, 232, 233, 235, 236, 237, 240, 244, 249, 252.
Левашевъ, ген., 113, 114, 120, 176.
Левенвольдъ, лифляндскій дворянинъ, 2, 80, 82.
Левенгауптъ, К. Э., гр., главнокомандующій шведской арміи, 13, 18, 33, 35, 47, 69, 70, 71, 72, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 103, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 115, 117, 123, 124, 125, 127, 128, 129, 132, 133, 135, 138, 139, 140, 142, 144, 149, 150, 151, 153, 154.
Левенгауптъ, К. Э., гр., 155, 156, 164, 172, 198, 220, 225, 226.
Левендаль, гр., 54, 116, 131, 133, 156.
Левенъ, Аксель, гр., стр. 13, 14.
Левингъ, капитанъ партизанъ, 72, 105, 110, 111.
Левицкій, поручикъ, стр. 23.
Левъ Воронежскій, архіепископъ 273.
Леманъ, полк., 60.
Ленеусъ, герадсгевдингъ и президентъ гофгерихта 196.
Лестокъ, лейбъ-медикъ, 77, 80, 81, 227, 242, 275.
Лешинскій, Станиславъ, 4.
Фонъ-Ливенъ, Гансъ Генрихъ (H. H. Liewen) полк., 54, 102, 161, 264.
Лиліеншерна, Карлъ, лагманъ, членъ риксдага, 13, 38.
Линаръ, посланникъ, 3.
Линдеквистъ, К. О., финскій историкъ, 67, 202, 210.
де-Лиріа, герц., испанскій посланникъ, 2, 74, 75. (также: Дукъ Делиріа).
Литинъ, Матіасъ, 127.
Ломоносовъ, М. В. ученый, 65, 277.
Люберасъ, баронъ, представитель Россіи на Абоскомъ конгрессѣ, 53, 54, 227, 228, 238—240, 243, 244.
Людовикъ XV, король Франціи, 74, 276
Мальмстрёмъ, шведскій историкъ, 62, 201.
Маннершанцъ, начальникъ инженеровъ Швеціи, 272.

Мансуровъ, капит., 231
Манштейнъ, составитель «Записокъ» и участникъ войны 1741—1743 г г., 2, 54. 58, 61, 67, 113, 117, 131, 133, 142. 172.
Марія Терезія, 3.
Матесіусъ, Іоаннъ, финляндскій депутатъ риксдага, 37.
Мельгуновъ, полк., 270.
Менгденъ, фрейлина, 3, 82
Фонъ-Менгденъ, шведскій офицеръ, 110.
Меншиковъ, Д., кн., 1, 2, 119, 262.
Мертенъ, Карлъ, бургомистръ Або, 189.
Мертенъ, Эва, (Merthen), дочь бургомистра г. Або, 188, 190.
Мещерскій, князь, комендантъ Нейшлота. 144, 178, 194.
Минихъ, гр., 1, 2, 3, 4, 53, 75, 76, 82, 86, 101. 273.
Мишуковъ, Захарій Даниловичъ, вице-адмиралъ 118, 119, 120, 121, 122. 125, 126, 136, 137, 138, 139, 144, 146, 147, 229.
Монтекукули, полководецъ 51.
Мункъ, плѣнный шведскій офицеръ, 66.
Нарышкинъ, Александръ, 204.
Неплюевъ, секретарь Абоскаго конгресса, 225, 227.
фонъ-Нолькенъ, Э. М., шведскій посланникъ, 4, 12, 20, 23, 26, 27, 28. 29, 31, 32, 34, 35, 36, 73, 77, 78, 79, 80, 84, 89, 91, 92, 139, 170, 225, 226, 227, 240.
Норденфельтъ, шведскій камериръ, 243.
Обергъ, плѣнный шведскій офицеръ, 66.
Обріенъ, вице-адмиралъ, 56.
Огерсовъ, лейтенантъ, 119.
Океріельмъ, Государственный совѣтникъ, 87.
Орловъ, полковникъ, 147.
Остерманъ, А. гр., 1, 18, 23, 24, 25, 28, 39, 45, 46, 54, 56, 62, 75, 80, 82, 119.
Паккаленіусъ, Томасъ, настоятель церкви въ Воно, 254, 255.
фонъ-Паленъ, В., шведскій полк., 91, 127.
Панинъ, Н. гр., 77, 253, 254, 255, 257, 258, 259, 260.
Пархомовъ, Савва, есаулъ, 152.
Перъ Браге, генералъ-губернаторъ Финляндіи, 261.
Петръ Великій, Императоръ, 1, 3, 4, 29, 30, 38, 39, 53, 55, 74, 78, 82, 83, 118, 133, 158, 160, 185, 188, 190, 203, 210, 216, 229, 238, 240, 261, 262, 273, 275, 277.
Петръ II, Императоръ, стр. 1, 2.
Петръ III, Императоръ Россіи, 147, 181, 197, 275, 278, см. также стр.: 73, 220 и 228.
Пильманъ, (Пилманъ), лоцманъ, 118.
Позднеевъ, полк., 99.
Полевой, Н. А., писатель, 24.
Пфейлъ, маіоръ, 104.
Разумовскій, А. Г., гр., 75, 253, 272, 273
Рамбурв, танцмейстеръ, 272
Раялинъ, (Rayalin), шведскій адмиралъ, 20, 48, 49, 68.
Рейхенбахъ, Комендантъ, 190.
Репнинъ, Юрій, кн. ген.-л., 245.
Риддерстольпе, вице-адмир., 142.
фонъ Розенъ, Густ. Фридр., гр. (Rosen) генералъ-губернаторъ Финляндіи, 252, 253, 254
Рондо, Кл., секретарь англійскаго посольства, 2, 15, 35.
Россъ, Исаакъ, доцентъ Абоскаго университета, 218.
Румянцевъ, Алек. Ив., ген., 101, 102, 136, 138, 139, 176, 178, 179, 180, 183, 194, 195, 197, 206, 209, 215, 226, 227, 228, 229, 239, 240, 241, 244.
Рязановъ, полковникъ, начальникъ Тавастгуской губ., 194, 203.
Салтыковъ, гр. 128.
Себрековъ, подполк., 66.
Седеркрейцъ, представитель Швеціи на Абоскомъ конгрессѣ, 2, 198, 219, 226, 228, 239, 240, 243, 244.
Сенъ-Северинъ, гр., французскій посланникъ въ Стокгольмѣ, 28, 78.
Сергель, шведскій скульпторъ, 271.
Сереніусъ, пасторъ, 219.
Сигнеусъ, Фр., проф., 45, 178, 198, 202.
Симолинъ, Иванъ, секретарь гр. Н. И. Панина, 254. 159.
Симонъ, солдатъ, 273.
Синклеръ, Малькомъ, маіоръ, 7, 21, 22. 23, 24, 25, 35. 36, 38, 150.
Скаринъ, Альготъ, (Algot Scarin), проф. 202, 221.
Соковнинъ, прем.-маіоръ, 137, 146.
Соколовъ, Ал., морск. истор., 125.
Спарре, графъ, государственный совѣтникъ, 10, 11, 15, 20, 26, 108.
Сперингъ, докторъ, 196.
Спренгтпортенъ, М. В., 12, 38.
Спренгтпортенъ, Г. М., 255.
Спренгтпортенъ, Яковъ Магнусъ, 271.
Стакельбергъ, генералъ, начальникъ войскъ въ Финляндіи, 263.
Стертетъ, К. Э., Саволаксъ Карельскій губернаторъ, 144.
Стефанъ, епископъ, 244.
фонъ-Стоффельнъ (von-Stoffeln), русскій генералъ, 54, 184,
Тавастшерна, плѣнный шведскій офицеръ, 66.

Таубе, Гедвига, была обвѣнчена съ королемъ Фридрихомъ I, 39.

Тенгбергъ, Никласъ, историкъ войны 1741—1742 г., 10, 11, 26, 88, 163, 164, 176, 219.

Теслевъ, плѣнный шведскій офицеръ, 66.

Тессинъ, К. Г., графъ, 10, 18, 38, 47, 252.

Тибурціусъ, шведскій пасторъ, историкъ войны 1741—1742 г., 60, 63, 102, 103, 106, 111, 112, 131, 143, 149, 150, 151, 154, 156, 161, 163, 200, 234.

Топеліусъ, Захарій, проф., 47, 155.

Трубецкой, Ив., кн., 96, 128, 204, 237.

Трубецкой, Никита Юр., 278.

Тунбергъ, инженеръ, 268, 271.

Тунцельманъ - Эдлеръ - фонъ - Адлерфлугъ, Г. I., комиссаръ Нюландской губ., 178, 194.

Убеккель, шведскій штабъ-пасторъ, 156.

Ульрика Элеонора, королева Швеціи, 39, 86, 107, 220.

Утфаль, адмиралъ, 249.

Ушаковъ, Андр., генералъ, 128, 204.

Фаленіусъ, епископъ, 195.

Фалькенгренъ, адмиралъ, 49, 122, 123, 233.

Ферзенъ, Аксель, участникъ похода 1742 г., 108.

Ферморъ, генералъ русскій, 54, 64, 67, 97.

Финчъ, Эд., англійскій посланникъ при русскомъ Дворѣ, 39, 51, 53, 54, 55, 67, 73, 75, 95.

Флери, кардиналъ 15, 78, 79.

Фокъ, Маіоръ, 143.

Франгагенъ-фонъ-Энзе, писатель, 188.

Фрёбергъ, полк., 113, 152.

Фреденшерна, шведскій дворянинъ, 255, 256, 257, 258, 260.

Фрейденфельдтъ, полк., 148, 152, 197, 232.

Фридрихъ I, король Швеціи, стр. 8, 11, 20, 39, 42, 242, 252, 254, 267.

Фридрихъ Вильгельмъ I, король Прусскій, 186, 230.

Фридрихъ II, Вел. Прусскій король, 4, 190, 251, 264, 275, 276.

Функъ, секретарь посланника М. Бестужева, 22, 37.

Хордъ, (Hard), графъ, участникъ войны 1741—1742 г., 44, 58, 60, 70, 85, 104, 115, 135, 143, 144, 149, 155, 201.

Христина королева Швеціи, 261.

Хугбергъ, Яковъ, лагманъ въ Эстерботніи, 194.

Хюльфорсъ, путешественникъ, 268.

Черкасовъ, Ив. Ант., бар., 101, 119, 246, 147.

Черкасскій, кн., канцлеръ, 25, 96, 128, 204, 226.

Черницовъ, маіоръ гвардіи, 101.

Чернышевъ, Григ. Петр., комендантъ, 119 128, 204.

Чильманъ, Э., немдеманъ (засѣдатель земскаго суда), 198, 199.

Шварцъ, бывшій музыкантъ, 76.

Шернстедтъ, Карлъ, (Karl Iohan Stiernstedt), Кюменьгородскій губернаторъ, 12, 38, 96, 97, 98, 99, 171, 194, 200.

Шетарди-де-ла, французскій посланникъ, маркизъ, 18, 26, 27, 28, 35, 45, 55, 62, 65, 66, 73, 77, 79, 80, 81, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 91, 92, 93, 100, 105, 108, 109, 110, 170, 273, 274.

Шеферъ, баронъ, 86, 88, 225.

Шёшерна, Аронъ, адмиралъ, 68, 123, 124, 125, 126.

Шиповъ, ген.-маіоръ, 54.

Шомиловъ, ген.-маіоръ, 95.

Шубинъ, А. Я., гвардейскій офицеръ, 75.

Шувалова, Мавра Егор., 274.

Шуваловъ, Петръ Ив., 230, 274, 275.

Шуваловъ, И. И., 75, 253.

Шюбергсовъ, М., финляндскій историкъ, проф., 99, 206.

Шютцъ, Адамъ, см. Фреденшерна, 255.

Щербатовъ, Ив., кн., 75, 118.

Эренмальмъ, Ларсъ Іоганъ, шведскій дворянинъ, 38, 222.

Эренсвердъ, Авг., подполк., строитель крѣпости Свеаборга, 261, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271.

Юрансонъ, Нильсъ, депутатъ изъ Лапптресска, 176.

Юсленіусъ, Даніэль, епископъ, 195.

Юшковъ, капитанъ, 101.

Ягужинскій, русскій сановникъ, 2.

Яковъ III, король Англіи, 185.

Яковъ, солдатъ, 273.

TAVASTHIÆ PARS

NYLANDIA

CARELIA

LADOGA LACUS

SINUS FINNICUS

INGRIA

NOVOGARDIÆ

ВИДЪ СВЕАБОРГСКОЙ КРѢПОСТИ СНЯТЫЙ ВЪ 1767 ГОДУ ЛЕЙТЕНАНТОМЪ СТИБОЛЬТОМЪ.